КУМИРЫ
Истории Великой Любви
Лучшие
истории любви XX века
А. Колчак
А. Павлова
М. Булгаков
М. Врубель
М. Чехов
А. Тимирева
А. Блок
В. Маяковский
А. Ахматова
О. Чехова
В. Холодная

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – результат долгого, трудоемкого, но захватывающего исследования самых ярких, известных и красивых любовей XX века. Чрезвычайно сложно было выбрать «победителей», так что данное издание наиболее субъективная книга из серии-бестселлера «Кумиры. Истории Великой Любви». Никого из них не ждали серые будни, быт, мещанские мелкие ссоры и приевшийся брак. Но всего остального было чересчур: страсть, ревность, измены, самоубийства, признания… XX век начался и закончился очень трагично, как и его самые лучшие истории любви.

-
- Елена Владимировна Прокофьева
- Михаил Врубель и Надежда Забела: «…бесценность моя, мой кумир!»
-
-
-
- Александр Блок и Любовь Менделеева: «Святое место в душе»
-
-
-
- Анна Павлова и Виктор Дандре: «Она была самой Душою Танца…»
-
-
-
- Александр Колчак и Анна Тимирёва: «Я вас больше чем люблю»
-
-
-
- Вера Левченко и Владимир Холодный: «Сказка любви дорогой»
-
-
-
-
-
-

- Анна Ахматова и Николай Гумилев: «Любил ее, но не сумел понять»
- Владимир Маяковский и Лиля Брик: «Лиля, люби меня…»
- Михаил Чехов и Ольга Книппер: «Что за странное чувство!»
- Михаил Булгаков и Елена Шиловская: «Я буду любить тебя всю мою жизнь…»

Елена Владимировна Прокофьева
Лучшие истории любви XX века

«Что такое любовь?

Ветерок ли, шелестящий в кустах шиповника,

или вихрь, ломающий мачты кораблей?..

Это золотое свечение крови…»

Кнут Гамсун

Михаил Врубель и Надежда Забела: «…бесценность моя, мой кумир!»

…

Михаил Врубель и Надежда Забела

♦ *Врубель Михаил Александрович (5 (17) марта 1856, Омск, – 1 (14) апреля 1910, Петербург) – великий русский живописец. Забела (по мужу – Врубель) Надежда Ивановна (20 марта (1 апреля) 1868, Ковно (нынешний Каунас), – 21 июня (4 июля) 1913, Петербург) – выдающаяся русская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано).*

♦ *Он – эмоциональный, порывистый, нервный, психически нестабильный, очень ранимый, зависимый, но способен на глубокую верную любовь.*

♦ *Она – спокойная, постоянная, нежная, трудолюбивая, идеальная жена и надежная подруга.*

♦ *Женаты. Обвенчаны.*

♦ *Нежно и преданно любили друг друга. Несмотря на увлеченность каждого искусством, семья для обоих была приоритетом.*

♦ *Один сын, Савва Врубель (1901–1903).*

♦ *Измены: ни одной.*

♦ *Были вместе с 28 июля 1896 года по 14 апреля 1910 года.*

♦ *Их разлучила смерть Михаила Александровича.*

...

Михаил Врубель и Надежда Забела, гениальный художник и знаменитая певица, были вдохновением друг для друга. Если бы не Надежда, Михаил бы не создал своих величайших полотен. Если бы не Михаил, Надежду сейчас никто бы и не вспомнил…

Михаил Врубель влюбился в Надежду Забелу, впервые услышав ее голос. Он находился за кулисами, работал над декорациями, она – репетировала на сцене. Слушая музыку, Врубель видел ее в цвете. Голос Забелы звучал сиреневым, аметистовым, лиловым – его любимыми оттенками.

Художник страстно хотел увидеть певицу, едва дождался окончания репетиции. А увидев – понял, что погиб. Другой женщины в его жизни больше быть не могло.

Михаил и Надежда. 1896 год

Его друг и покровитель Савва Иванович Мамонтов писал: «Врубель благоговел перед женщинами, и всегда одна из них гостила в его сердце. Во всех изображенных им в известный период жизни женских фигурах сквозят черты той, которой он увлекался в тот момент». Когда художник встретил главную женщину в своей жизни, свою судьбу, свою великую любовь Надежду Забелу, разнообразие женских образов исчезло с его полотен: верный своей привычке писать ту, в которую в данный момент влюблен, со дня знакомства и до самой смерти Михаил писал только ее. Ее одну.

Михаил Александрович Врубель родился в Омске 17 марта 1856 года. Отец его, боевой офицер Александр Михайлович Врубель, из русских немцев, прошел Крымскую войну, а в мирное время стал военным юристом. Мать – Анна Григорьевна, урожденная Басаргина. Она одного за другим родила четверых детей: Анну, Михаила, Екатерину и Александра.

Михаил был любимцем всей семьи, милым и тихим мальчиком. Даже в младенчестве он отличался от других детей тем, что практически не просыпался ночью: мать даже

тревожилась за его здоровье, но доктора уверили ее, что с ребенком все в порядке. «Миша спит всю ночь преспокойно», – писала Анна Григорьевна своей сестре в Астрахань. Сестра художника, Анна Александровна, в своих мемуарах приводила цитату из письма матери и комментировала: «Слова эти подчеркивают основную черту брата в раннем детстве – удивительное спокойствие, кротость».

Частые роды истощили организм Анны Григорьевны. Она умерла в январе 1859 года. Михаил мать практически не помнил: сохранилось только одно, очень смутное воспоминание, как они с сестрой сидели возле кровати больной матери, а она вырезала для них «человечков, лошадей и различные фантастические фигуры». Фантастические фигуры запомнились будущему художнику больше, чем лицо женщины, подарившей ему жизнь…

Через год после смерти жены Александр Михайлович Врубель с осиротевшими детьми переехал в Харьков.

Когда Михаилу исполнилось семь, отец женился снова: на талантливой пианистке Елизавете Христиановне Вессель. Мачеха стала для мальчика добрым другом, вполне заменив умершую мать, которую он и не помнил. Миша очень любил слушать, как Елизавета Христиановна играет на фортепьяно: музыку он видел в цвете и наслаждался воображаемой радугой. Вообще, детство у Михаила Врубеля было вполне счастливое. И хотя самым близким человеком в семье для него была старшая сестра Анна, нежные отношения с которой сохранялись на протяжении всей жизни, Михаил любил остальных сестер и братьев, а отца и мачеху называл «папаша» и «мамаша», регулярно и заботливо им писал из всех своих путешествий… и из всех своих психиатрических лечебниц.

Мать Михаила, Л. Г. Врубель 1850-е годы

Елизавета Христиановна родила мужу еще троих детей. В 1870 году выросшая семья переехала в Одессу, где Михаил поступил в гимназию. Учился он отлично, отличался прилежанием и послушанием, и единственное, что гимназическое начальство вменяло ему в вину, – это щегольство: ему нравилось нарядно одеваться. Вообще он выглядел более опрятным, чем другие мальчики, картинно-хорошеньким, но сверстники ему это прощали: во-первых, считали, что Михаил такой, потому что он немец, а все немцы – аккуратисты, а во-вторых – его мягкий нрав и незлобивость в сочетании с умением придумывать самые интересные игры располагали к нему даже драчунов. И еще – Михаил был странный. Сестра вспоминала, что он «иногда впадал в такое напряженное состояние, что как бы переставал замечать окружающее». И отец не раз ему сетовал: «Опять ты впал в свое оцепенение». Но учебе это не мешало, и гимназию Михаил Врубель окончил с золотой медалью. Рисовать он начал еще в

детстве. Правда, почти всегда бросал рисунки неоконченными. Его тянуло к карандашу и бумаге, но так, как он задумывал, нарисовать не получалось, а то, что получалось, – ему не нравилось. Михаил любил посещать художественные выставки, но о том, чтобы профессионально учиться живописи, он даже не мечтал: знал, что отец не позволит. Отца же Михаил слушался беспрекословно.

Петербургская академия художеств. Фото кон. XIX века

В восемнадцать лет Михаил Врубель приехал в Петербург, поступил на юридический факультет Петербургского университета. Александр Михайлович хотел, чтобы сын пошел по его стопам, и Михаил пытался… Но ничего не получилось. Учился он плохо. Совершенно не мог сосредоточиться на предметах, ему неинтересных и чуждых. Потом покорно отбыл воинскую повинность. А в 1880 году все-таки поступил в Академию художеств, где проявил усидчивость и работоспособность, так поражавшую всех во время его учебы в гимназии. «Я до того был занят работою, что чуть не вошел в Академии в пословицу. Если не работал, то думал о работе», – писал он сестре Анне.

К сожалению, это не совсем соответствовало истине. Как и любой молодой мужчина, Михаил страстно желал любви, а поскольку воспитан был на романтической литературе, мечтал встретить ту самую, единственную и неповторимую. Пассии сменяли одна другую, причем в основном это были женщины доступные, из числа натурщиц или богемных дам, искательниц приключений.

Ему придется дорого заплатить за свою любвеобильность. Причем

именно тогда, когда Врубель все-таки встретил ту, которая была ему суждена и с которой он мог стать счастливым…

Надежда Ивановна Забела родилась в городке Ковно, нынешнем Каунасе, 20 марта 1868 года. Отец ее, Иван Петрович Забела, принадлежал к старинному украинскому роду, чем весьма гордился. Он был культурным человеком, интересовался искусством и постарался дать прекрасное образование своим дочерям Екатерине и Надежде. В десять лет Надю отдали в Киевский институт благородных девиц, который она окончила в 1883 году с большой серебряной медалью.

В 1885 году Надежда Забела поступила в Петербургскую консерваторию, в класс весьма требовательной и суровой Натальи Ирецкой, которая утверждала, что «для искусства нужна голова», и бралась учить только тех кандидаток, у которых помимо голоса при собеседовании обнаруживала ум и стремление к духовному росту. В консерватории она проучилась шесть лет. Незадолго до выпуска, в 1891 году Забела пела партию Леоноры в консерваторской постановке оперы Бетховена «Фиделио» и уже тогда привлекла к себе внимание критиков. «Биржевые ведомости» писали: «Конечно, молодой артистке придется еще много поработать и усовершенствовать себя, так как в пении и игре ее еще есть недочеты, особенно в умении держаться на сцене… Но и теперь уже молодая артистка выказывает горячность исполнения и чувство…»

После окончания консерватории, по приглашению Антона Рубинштейна Надежда Забела отправилась в гастрольное турне по Германии. Потом поехала в Италию, совершенствовать голос у знаменитой в то время Марии Маркезе. Вернувшись в Россию, Надежда Забела пела в Киеве, в оперном театре И.Я. Сетова, где самой популярной ее ролью стала Оксана из оперы П.И. Чайковского «Черевички». Потом уехала в Тифлис, где исполнила практически все центральные партии из популярных опер. Успех у молодой певицы был такой значительный, что ее пригласили в Панаевский театр в Петербурге.

Академию Михаил Врубель так и не закончил, согласившись в 1884 году руководить реставрацией древней Кирилловской церкви в Киеве. Там случилась его первая серьезная любовь: у Врубеля приключился роман со зрелой дамой, Эмилией Львовной Праховой, супругой организатора реставрационных работ профессора А.В. Прахова. Михаил был одержим страстью к этой женщине, тогда как для нее связь с молодым художником стала еще одной необременительной интрижкой в череде многих.

Михаил уехал в Венецию, изучать мозаики в соборе Святого Марка: это было необходимо для его работы. Но всей душой он

рвался обратно, в Киев, к любимой. А когда приехал – обнаружил, что Эмилия Львовна его не только не ждала, но уже нашла ему замену.

Потрясенный, Михаил пытался искать утешение в боли. Художник Константин Коровин вспоминал: «Что это у вас на груди белые большие полосы, как шрамы?» – «Да, это шрамы. Я резал себя ножом»… «Поймете ли вы, – сказал Врубель, – …я любил женщину, она меня не любила… Я страдал, но когда резал себя, страдания уменьшались».

В 1890 году Михаил познакомился с Саввой Ивановичем Мамонтовым, миллионером и меценатом. Мамонтов стал для художника покровителем и другом. Врубель много рисовал Мамонтова и членов его семьи: не только портреты, но также их – в образах персонажей из любимой им поэмы Лермонтова «Демон».

В 1895 году Надежда Забела репетировала роль Гретель в опере-сказке Гумпердинка «Гензель и Гретель». Пару ей составила знаменитая певица меццо-сопрано Татьяна Любатович. Оперу решил поставить на сцене Панаевского театра Савва Морозов, за свой счет и со своими декорациями. Декорации рисовал Коровин, потом он внезапно заболел, и Мамонтов попросил Михаила Врубеля их закончить…

Надежда Ивановна Забела-Врубель. 1896 год

О встрече с будущим мужем Надежда Ивановна вспоминала: «…на одной из репетиций, еще первоначальных, утренних, я во время перерыва (помню, стояла за кулисой) была поражена и даже несколько шокирована тем, что какой-то господин подбежал ко мне и, целуя мою руку, воскликнул: «Прелестный голос!» Стоявшая здесь Т. С. Любатович поспешила мне представить: “Наш художник Михаил Александрович Врубель, – и в сторону мне сказала: – Человек очень экспансивный, но вполне порядочный”».

Михаил Врубель тут же загорелся идеей – написать портрет Надежды Забелы и Татьяны Любатович в ролях Гензеля и Гретель.

Для вдохновения он всегда присутствовал в театре во время репетиций. Он говорил восторженно: «Все певицы поют, как птицы, а Надя – как человек!»

Ухаживал Врубель робко и неловко. Сокрушался, что так мало может предложить Надежде: он был старше ее и совсем не богат. Но это имело бы значение, если бы Михаил влюбился в обычную женщину. К счастью, объектом его страсти стала актриса, личность творческая, способная по заслугам оценить его талант и в искренних, пылких его чувствах черпать вдохновение.

В одном из писем периода сватовства Врубель цитировал из «Демона» Лермонтова: «Я дам тебе все, все земное – люби меня!»

После премьеры оперы «Гензель и Гретель» Надежда уже относилась к Михаилу как к близкому человеку и решилась представить его своей сестре Екатерине и ее мужу, известному художнику Николаю Ге. Екатерина Ивановна Ге позже вспоминала, как во время этой встречи «заметила, что Надя как-то особенно моложава и интересна, и сообразила, что это от атмосферы влюбленности, которою ее окружал именно этот Врубель».

Михаил Врубель посватался к Надежде Забела. И получил согласие. Официально они стали женихом и невестой, смогли вместе появляться на публике. Сестре Анне он писал, что если бы Надежда ему отказала, «он лишил бы себя жизни». В свою очередь Анна писала брату Александру: «Радуюсь тому, что Миша избирает своей спутницей жизни артистку – артистическая среда – его сфера…»

Михаил Врубель. Автопортрет. 1882 год

28 июля 1896 года в Швейцарии состоялась свадьба Забелы и Врубеля. Вскоре после венчания Надежда писала сестре: «В Михаиле Александровиче я каждый день нахожу новые достоинства; во-первых, он необыкновенно кроткий и добрый, просто трогательный, кроме того, мне всегда с ним весело и удивительно легко. Я безусловно верю в его компетентность относительно пения, он будет мне очень полезен, и кажется, что и

мне удастся иметь на него влияние».

Можно сказать, что еще со времени постановки оперы «Гензель и Гретель» Врубель и Забела стали соавторами, сотворцами.

Михаил помогал Надежде глубже видеть роли и придавал яркость образам ее героинь, создавая удивительные декорации и фантастические по красоте и сложности костюмы. Михаил и в обычной жизни «одевал» свою жену, то есть давал ей советы по части туалетов и даже делал наброски платьев и шляпок, с которыми Надежда шла к портным. Она признавала, что вкус у мужа более изысканный, чем у нее, и хотя иногда наряды, сшитые по его эскизам, оказывались неудобными в повседневной носке – благодаря им Надежда Забела-Врубель всегда выделялась в любом обществе.

Надежда стала музой для Михаила, практически единственной его моделью. И особенно нравилось ему писать ее портреты в тех сценических костюмах или нарядных платьях, которые он сам для нее придумал. «Царевна-Лебедь», «Морская царевна» – эти знаменитые картины Врубеля не просто сказочные образы, а портреты его жены в ролях из опер Римского-Корсакова. Белокурые и, кажется, внешне не слишком похожие на Забелу-Врубель «Принцесса Греза» и «Маргарита» – это на самом деле тоже она. Если приглядеться, можно узнать ее черты и особенно – глаза.

Вскоре после свадьбы Надежда согласилась на предложение Саввы Морозова и перешла в Московскую частную оперу, где начался самый плодотворный период ее творчества. Слава ее возрастала. Композитор-русофил Николай Петрович Римский-Корсаков был восхищен ее голосом и манерой исполнения. Для него она также стала источником вдохновения, как и для Врубеля, и в своих операх он сочинял главные женские партии специально для Надежды Забела-Врубель: царевна Волхова в «Садко», Снегурочка, Панночка в «Майской ночи», Царевна-Лебедь в «Сказке о царе Салтане», Марфа в «Царской невесте». А Врубель писал композитору: «Благодаря Вашему доброму влиянию решил посвятить себя русскому сказочному роду… Не повторять в мильонный раз музы, а сделать что-то русское, например: Лель, весна-красна…» И действительно: в его полотнах появляется русский сказочный колорит. Но только влияние скорее было не со стороны композитора и его опер, а со стороны любимой женщины, эти оперы исполнявшей. Надежда Забела-Врубель вспоминала: «Мне пришлось петь «Морскую царевну» около 90 раз, и мой муж всегда неизменно присутствовал на спектаклях».

…С картин Михаила Врубеля на нас смотрит красавица с нежным, восточного рисунка лицом и огромными, завораживающими глазами.

Но была ли Надежда Забела такой на самом деле? Или это Михаил Врубель так видел ее сквозь призму своей любви?
Была ли она вообще хороша собой? Даже современники спорили об этом.

Надежда Забела-Врубель. 1890-е годы

Одни считали Надежду Забелу восхитительной красавицей, другие утверждали, что внешне она скорее некрасива, но пленяет внутренним огнем и талантом.

«Возможно ли было, раз увидев это существо, не обольститься им на всю жизнь?! Эти широко расставленные сказочные глаза, пленительно женственная, зазывно-недоуменная улыбка, тонкое и гибкое тело и прекрасные длинные руки», – так говорил о Надежде Забеле музыковед и композитор Михаил Фабианович Гнесин.
Между тем сестра певицы Екатерина Ивановна Ге писала: «В

наружности сестры не было ничего классического и правильного, и я слышала отзыв, что Врубель выдумал красоту сестры и осуществил в портретах, хотя, по-моему, он часто преувеличивал именно ее недостатки, так как они особенно нравились ему».

Михаил Врубель. Демон и Тамара. 1891 год

Их супружество было очень счастливым, пока летом 1901 года на свет не появился ребенок… Их долгожданный сын, которого они назвали в честь Саввы Мамонтова – Саввочкой.

Когда Михаил Александрович впервые увидел лицо младенца, он едва не лишился чувств от ужаса и еще несколько дней не осмеливался подойти к колыбели.

Мальчик родился с расщепленным нёбом: в народе этот физический недостаток называют «заячьей губой».

Хотя сразу после рождения на верхнюю губу был наложен шов, личико Саввочки было ассиметричным. К тому же врачи выражали осторожное сомнение в том, что мальчик когда-нибудь сможет научиться внятно говорить.

В большинстве биографий Михаила Александровича Врубеля пишут, что рассудок художника не выдержал переживаний из-за болезни Саввочки. На самом деле причина психического расстройства, которым страдал Врубель, была «некрасивой», поэтому ее принято замалчивать. В начале 1902 года психиатр и невропатолог Владимир Михайлович Бехтерев обнаружил у Михаила Александровича сухотку спинного мозга и предсказал, что следующим этапом будет безумие, а затем – слепота. Все это были стадии развития приобретенного художником еще в молодости и не до конца вылеченного сифилиса. Жестокая плата за пылкость натуры. За то, что в ожидании встречи с судьбой он сходился с доступными женщинами.

Михаил Врубель. Царевна-лебедь. 1900 год

Предсказания Бехтерева сбылись – одно за другим.

…Надежда Ивановна приняла рождение больного ребенка с мужественным смирением. У Михаила Александровича отношение к сыну было более сложным: ужас сменился жалостью, а жалость перешла в болезненное обожание, причем все эти перемены произошли едва ли за неделю… Когда Саввочке

исполнилось пятнадцать дней от рождения, Врубель уже утверждал, будто явно наблюдает у мальчика зачатки творческих способностей, писал сестре, что Саввочка «необыкновенно пристально смотрит и все рассматривает». Но в глубине души Врубель страдал, глядя на сына: в его трагедии Михаил Александрович винил себя, свою «дурную болезнь». И не безосновательно: внутриутробное заражение дает подобные уродства и проблемы со здоровьем.

Когда мальчику исполнилось полгода, отец написал его портрет. Взгляд у Саввочки не по-детски серьезный и скорбный, словно он сознает безнадежность своего будущего.

Михаил Врубель. Автопортрет. 1895 год

Врубель все глубже загонял себя в депрессию. Ему казалось, что вокруг него сгущается мрак, а предметы теряют свои краски и четкие очертания. Он испытывал мучительные приступы тоски, острый страх смерти сменялся желанием как можно скорее умереть, лишь бы перестать терзаться. А самое страшное – он совершенно перестал спать. В конце концов Михаил Александрович согласился провести несколько месяцев в

психиатрической лечебнице.

Нет, не надо думать, что несчастного художника заперли в «желтом доме», били и запугивали, как безумных героев Гоголя или Достоевского: к тому моменту, когда Михаилу Александровичу понадобился постоянный надзор докторов, психиатрическая наука в России как раз переживала взлет, на деньги благотворителей обустраивались роскошные лечебницы, больше напоминавшие курорт, где пациенты отдыхали от внешнего мира. «…Великолепный парк с 200-летними липами, пропасть сиреневых кустов, то-то летом весело. Еда и сервировка здесь обильная и вкусная», – пишет Михаил Александрович из лечебницы жене. Лечили там теплыми ваннами и молоком, трионалом и хлоралгидратом, приятным общением и… искусством! Для больных давали концерты и российские, и заезжие знаменитости. В других письмах Врубеля – жене, сестре, родителям – то восторги перед голосами «неаполитанцев», то воспоминания о приятнейшем вечернем чае или великолепном обеде с гостями.

Михаил Врубель. Потрет Надежды Забелы. 1904 год

«Скорбных главою» знаменитостей к тому же стимулировали к занятиям творчеством. Целый ряд полотен Врубель создал во время лечения: точно известно, что в клинике Ф.А. Усольцева он написал картину «Азраил» и начал работу над «Видением пророка Иезекииля». Доктор Усольцев, лично наблюдавший Михаила Александровича, записал свои размышления о творчестве

пациента: «Часто приходится слышать, что творчество Врубеля – больное творчество. Я долго и внимательно изучал Врубеля, и я считаю, что его творчество не только вполне нормально, но так могуче и прочно, что даже ужасная болезнь не могла его разрушить. Творчество было в основе, в самой сущности его психической личности… С ним не было так, как с другими, что самые тонкие, так сказать, последние по возникновению представления – эстетические – погибают первыми: они у него погибли последними, так как были первыми».

Михаил Врубель. Потрет Надежды Забелы. 1904 год

Надежда Ивановна тоже пела для пациентов доктора Усольцева. Она часто посещала Михаила Александровича,

встречи с ней благотворно влияли на больного, и он с благодарностью писал жене: «Видишь ли, дорогая моя Надюшечка, доктора свидания с тобой считают одним из важных стимулов моего быстрого и радикального поправления: они очень остались довольны тем впечатлением, какое произвело на меня свидание с тобою. Они находят, что я с каждым днем заметно выздоравливаю». Он не сознавал тогда, как трудно она живет, разрываясь между больным мужем и больным сыном. Надежда Ивановна скрывала от Михаила Александровича свою тоску, свою усталость. Перед ним она всегда старалась казаться бодрой, счастливой, полной творческих сил. Но другу своему, Николаю Петровичу Римскому-Корсакову, она писала в декабре 1902 года: «Вообще неимоверно тяжело жить на свете, и я часто думаю, что у меня скоро не хватит энергии петь и бороться за существование».

Лечение помогло. Михаил Александрович вернулся к нормальной жизни и к творчеству. Но, увы, ненадолго. Весной 1903 года по приглашению мецената фон Мекка чета Врубель с сыном отправились в его поместье в Киевскую губернию. В дороге мальчик заболел крупозным воспалением легких. Его привезли в Киев, созвали консилиум лучших докторов, но болезнь эта считалась почти стопроцентно смертельной. 3 марта Саввочка умер. И рассудок Врубеля не выдержал утраты.

Михаил Врубель. Портрет сына. 1902 год

Дальше болезнь развивалась стремительно. Надежда Ивановна металась, меняла врачей и лечебницы, но никто уже не

мог помочь ее мужу. Душевное равновесие возвращалось к нему, только когда он рисовал, когда слушал пение Надежды Ивановны или когда сестра Анна, с которой у него всю жизнь сохранялись самые нежные отношения, читала ему вслух. Но бессонные ночи были ужасны, и все чаще приступы безумия настигали художника и в дневное время. Порой он не мог удержать в руках карандаш или сосредоточиться на том, что ему читают. Начало ухудшаться зрение. К 1906 году Михаил Александрович окончательно ослеп. Для художника это ощущалось самой ужасной катастрофой. Как выход ему предлагали лепить скульптуры: на ощупь. Но он отвечал: «Приятно лепить, только когда видишь, что делаешь».

…Любить жену Врубель не переставал даже в худшие свои периоды, даже полностью погрузившись в пучину безумия. В последних письмах к ней, написанных незадолго до того, как Михаил Александрович ослеп, он снова и снова признавался в любви и осыпал ее ласковыми прозвищами и на всех языках, которые знал: «Wonderful (удивительная – *англ.*)! Голубушка, бесценность моя, idol (кумир – *итал.*), mia farfalla (моя бабочка – *итал.*), allodola (соловей – *итал.*)…»

Предсмертные страдания великого художника растянулись на четыре года, которые он провел преимущественно кочуя из одной лечебницы в другую. Доктора рассказывали, что слепой Врубель мог одним росчерком карандаша нарисовать контур скачущей лошади, но стоило карандашу оторваться от бумаги – линия терялась… Едва за ним ослабевал присмотр, как художник принимался изнурять себя многочасовыми ночными стояниями, пока не падал от слабости. Он твердил, будто за такие муки Бог обещал подарить ему новые глаза: из изумруда. Врубель утверждал, будто помнит, как в Средние века был архитектором, строил готические соборы. «Воспоминания» становились все более подробными и затмевали собой память о реальных событиях жизни Михаила Александровича.

…

«Из длинной вереницы прошедших передо мною людей, душевный спектр которых разложила болезнь, его спектр был самый богатый и самый яркий, и этот спектр показал до неоспоримости ясно, что это был художник-творец, всем своим существом, до самых глубоких тайников психической личности».

Михаил Врубель. Портрет Надежды Забелы в туалете ампир.

1908 год

Надежда Ивановна все это время жила в Петербурге, пела в Мариинском театре. Многие осуждали ее за то, что она не оставит сцену и не посвятит всю себя Врубелю. Но для нее уйти из театра означало – умереть. И так уже горе из-за умершего малыша и сопереживание больному мужу лишили ее творческого огня, отнимали физические и духовные силы. М.Ф. Гнесин писал о ее выступлении: «Когда я однажды попал в театр на «Садко» с ее участием, я не мог не огорчиться какой-то ее незаметностью в спектакле. Внешний облик ее да и пение были для меня обаятельны по-прежнему, и все же это была по сравнению с прежним как бы нежная и несколько тусклая акварель, лишь только напоминающая картину, написанную масляными красками…»

Художник в кабинете. 1899 год

Перед крупными праздниками Надежда Ивановна всегда старалась забирать мужа домой. Новый 1910 год они встретили вместе. Казалось, Михаилу Александровичу стало лучше, внешне он даже смирился со своей слепотой. Но на самом деле жизнь сделалась для него совершенно невыносима. В конце января Надежда Ивановна застала мужа стоящим перед раскрытой форточкой: Врубель хотел простудиться и умереть. Она умоляла, он пообещал больше не предпринимать никаких попыток самоубийства… Но в конце февраля слег с воспалением легких. Его вылечили, однако здоровье было окончательно подорвано.

Началось стремительное угасание. 1 апреля 1910 года Михаил Александрович Врубель скончался. Похоронили его на престижном в то время Новодевичьем кладбище в Петербурге.

Надежда Ивановна ненадолго пережила мужа. Тосковала она по нему страшно, винила себя за то, что не уберегла. Пыталась утешаться музыкой, и Римский-Корсаков специально для нее написал партию Февронии в опере «Сказание о невидимом граде Китеже». Современники вспоминали, что на репетициях Забела-Врубель исполняла Февронию восхитительно, но выйти с этой партией в спектакле ей не удалось: Мариинский театр в 1911 году расторгнул контракт с Надеждой Ивановной. Покинув большую сцену, Забела-Врубель ездила по России с концертами, пела преимущественно романсы Римского-Корсакова: «Заклинание», «Я в гроте ждал», «Свеж и душист», «В царство розы и вина». Критики отзывались о них восторженно.

Михаил Врубель. Надежда Забела на фоне берез. 1904 год

Свой последний концерт она давала в Петербурге, 20 июня 1913 года. А в ночь после концерта Надежда Ивановна скончалась от сердечного приступа. Ей было всего 45 лет. Хотя записи голосов тогда уже были распространенным явлением, Надежда Ивановна сделала только две, обе – в 1909 году, а до наших дней сохранилась одна: «колыбельная» царевны Волховы из оперы «Садко». Но пожалуй, полотна Михаила Александровича Врубеля дают более яркое представление о красоте и волшебстве голоса Надежды Ивановны Забелы, чем эта потрескивающая, несовершенная запись.

Александр Блок и Любовь Менделеева: «Святое место в душе»

...

Александр Блок и Любовь Менделеева

♦ *Блок Александр Александрович (16(28) ноября 1880, Петербург, – 7 августа 1921, Петроград) – великий русский поэт.*

♦ *Менделеева Любовь Дмитриевна (29 декабря 1881, Санкт-Петербург, Российская империя – 1939, Ленинград, СССР) – актриса, историк балета, мемуаристка.*

♦ *Он – живущий в мире своего воображения, ранимый, трепетный, раб красоты, болезненно воспринимавший любое несовершенство.*

♦ *Она – обычная женщина, уравновешенная и чистая, мечтавшая о простом семейном счастье, но постепенно перенявшая от мужа декадентские настроения.*

♦ *Женаты. Обвенчаны.*

♦ *У них был странный брак, строившийся не на истинных взаимоотношениях двоих, а на идее Александра Блока о том, каковы должны быть эти взаимоотношения.*

♦ *Общих детей не было.*

♦ *Измены: регулярны. Первой изменила она.*

♦ *Были вместе: с 17 августа 1902 года по 7 августа 1921 года.*

♦ *Их разлучила смерть Александра.*

...

Он – великий поэт. Она – Прекрасная Дама. Вместе они – самая знаменитая пара Серебряного века. Самая странная. И наверное – самая несчастливая. Между Александром Блоком и Любовью Менделеевой никогда не было настоящего понимания. Они отравляли друг другу жизнь. Их даже нельзя было назвать супругами в полном смысле слова… Но существовать порознь они так и не смогли. И оставались вместе до конца – как поклялись перед Богом в час своего венчания.

У ректора Петербургского университета, профессора ботаники Андрея Николаевича Бекетова было четыре дочери-погодки: Екатерина, Софья, Александра и Мария. Сестры очень дружили между собой, всю жизнь вели особую тетрадку, называемую «Касьян», куда раз в четыре года, 29 февраля (Касьянов день), записывали важнейшие события жизни и свои гадания о будущем: считалось, что гадания «на Касьяна» всегда сбываются. Все сестры обладали некоторым литературным талантом, писали стихи и прозу. Мария Бекетова оставила обширные мемуары. Но самой восторженной и экзальтированной была Александра: она могла разрыдаться от восхищения, увидев прекрасный куст сирени в цвету. 7 января 1879 года эта трепетная барышня вышла замуж за подающего надежды юриста Александра Львовича Блока и уехала с мужем в Варшаву, куда Блок получил назначение. Осенью 1880 года супруги вернулись в

Петербург, и родители при встрече буквально не узнали дочь: она словно на десять лет постарела, выглядела измученной, нервической, постоянно срывалась на плач. Александра рассказала, что муж истерзал ее ревностью, что он груб с ней, кричит на нее и даже бьет! Даже теперь, когда она ждет ребенка. Бекетовы были разгневаны и оскорблены. Они оставили дочь у себя, а Блоку отказали от дома. Тщетно писал он Александре, умолял простить, назвал «мадонной» и «мученицей». Александра не отвечала, радуясь избавлению и наслаждаясь покоем. В конце концов Блок смирился и дал ей развод. Александр Львович женился вторично – и вторая жена, родившая ему дочку, тоже не вынесла грубости Блока и рассталась с ним.

Любовь и Александр. Венчальная фотография. 1903 год

А сестры Бекетовы в 1884 году на Касьянов день записали в заветной тетрадке: «В 1880 году приехала Аля из Варшавы с мужем, решилась с ним разойтись и остаться у нас. 16 ноября 1880 года родился у нее в ректорской квартире сын Саша. Саша ангелочек прелестный. Все вообще его любят…» Хорошенький Саша Блок действительно рос в обстановке всеобщей любви и неги, а мать обожала его просто-таки экстатически. Особая близость между матерью и сыном, влияние Александры Андреевны на Сашу оставались неизменными всю их последующую жизнь.

Александр Блок. 1900-е годы

В 1889 году Александра Андреевна Бекетова вторично вышла замуж: за поручика лейб-гвардии Гренадерского полка Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух. Второй муж нежно заботился об Александре Андреевне, но к пасынку был довольно холоден. К тому же Александре Андреевне оказалось трудно вести дом, изображать гостеприимную хозяйку для многочисленных друзей

Франца Феликсовича. Все чаще случались у нее приступы меланхолии, и все больше она сосредотачивалась на Саше. В этот период она увлеклась сочинениями Владимира Соловьева о земной и небесной любви, о Вечной Женственности – и разделила свое увлечение с сыном. Кстати, Соловьев был дальним родственником Александры Андреевны: мужем ее двоюродной сестры. Философия Соловьева пустила глубокие корни в душе юного Александра Блока. Летом 1897 года на немецком курорте Бад Наугейм, куда он ездил вместе с матерью, тщетно пытавшейся «подлечить нервы», Александр познакомился с Ксенией Михайловной Садовской. Ему было шестнадцать, ей – тридцать семь. Он – начинающий поэт, она – жена статского советника и мать троих детей. И все же между ними начался бурный платонический роман, Блок забрасывал свою избранницу письмами, в которых обращался к ней как к своей Прекрасной Даме: «Мое Божество» или «Ты» с большой буквы. Ксения Михайловна долго пыталась противостоять страстному напору влюбленного мальчика, но наконец сдалась – уже после возвращения в Петербург. Они стали любовниками, и… Блок мгновенно охладел к ней. Он вдруг понял, что Садовская вовсе не Прекрасная Дама и не Божество, а просто женщина из плоти и крови. Александр безжалостно порвал со своей первой любовью. Ей эта история стоила дороже, чем ему: свою жизнь Садовская закончила в сумасшедшем доме. Александр же нашел новую любовь, которая стала главной в его жизни.

Она была дочерью их соседа, Дмитрия Ивановича Менделеева, величайшего русского химика, который после отставки из университета большую часть времени проводил в своей усадьбе Боблово с супругой Анной Ивановной и детьми: Любой, Ваней, Марусей и Васей. Менделеев часто приезжал в гости в Шахматово к своему старинному приятелю Бекетову – деду Саши. Встречались они и в Петербурге. Супруга Менделеева к Саше благоволила: Анна Ивановна была женщина образованная, и ей оказалось интересно беседовать с талантливым мальчиком.

Любовь Меделеева и Ирина Зоммер в гимназии.

Именно она пригласила Сашу Блока в Боблово в июне 1898 года. И там он встретил Любу. Шестнадцатилетнюю, розоволицую, золотоволосую Любу. Очень стеснительную – и оттого казавшуюся строгой. Не склонную к болтовне – и потому казавшуюся загадочной. На Любе в тот день была розовая блузка – с тех пор Александр полюбил розовый цвет и потом, уже став ее супругом, настаивал, чтобы Люба чаще одевалась в розовое… А в тот день он был ослеплен и оглушен. Блок понял – вот истинная Прекрасная Дама, для служения которой он рожден! Чем его так уж очаровала Люба Менделеева – не понимала ни она сама, ни окружающие. Она никогда не была красива, многим ее черты казались слишком простыми и грубыми, а крепенькая фигурка – «крестьянской». Да и сейчас, глядя на ее фотографии, трудно понять – почему именно она стала Прекрасной Дамой?

Люба в роли Офелии

Однако Блок писал, что увидел в ней «обаяние скатывающейся звезды, цветка, сбежавшего с ограды, которую он перерос, ракеты, «расправляющей», «располагающей» искры в ночном небе, как «располагаются» складки платья, – и с таким же не то вздохом, не то трепетом и предчувствием дрожи».

Любе поначалу Александр не понравился, она сочла его позером и фатом. Он мерил все воображением, он во всем видел мистику, а Люба была барышней разумной, на мир смотрела весьма реалистично, в чудеса и предчувствия не верила. «Пожалуйста, без мистики», – стало ее обычной поговоркой при общении с Александром Блоком.

Однако общий интерес у них нашелся: театр. Тогда модны были

любительские спектакли. В Боблово решили поставить шекспировского «Гамлета», где Александр играл главную роль – безумного Принца датского, а Люба – его возлюбленную Офелию. Для Блока в этом читалось знамение, что им все же суждено любить друг друга. Для Любы это была первая попытка выступления на сцене, к которой она отнеслась очень серьезно: втайне старшая дочь Менделеева мечтала стать актрисой.

Любовь (в гамаке) в усадьбе Боблово

Сохранилось воспоминание современницы, видевшей Блока и Менделееву в этом спектакле: «У обоих удивительные лица. Никогда, ни в каком девичьем лице я не видела такого выражения невинности, какое было у нее. Это полудетское, чуть скуластое, некрасивое по чертам лицо было прекрасно. А его лицо – это лицо человека, увидевшего небесное видение». После спектакля Люба и Саша гуляли по ночному лесу. Саша бравировал своим умением ориентироваться – и действительно, они не заблудились, хотя очень старались… Они оба потом вспоминали эту прогулку как начало своего романа.

Александр – гимназист. С двоюродными братьями Андреем и Феролем Кублицкими-Пиоттух и родственниками отчима А. и Н. Лозинскими. 1894 год

Они еще не раз гуляли на закате и под звездами. И Саше казалось, что Прекрасная Дама отдала ему свое сердце. Но в Петербурге встречи и прогулки постепенно прекратились. Люба под давлением родителей оставила мечты о сцене и поступила на Высшие женские курсы. У нее появилось свое общество – серьезные молодые люди и барышни, в которое Александр Блок совершенно не вписывался. Люба начала избегать его, и в конце концов отношения прекратились. Но пока Люба увлеченно училась, влюбленный Александр впадал в гипнотические трансы. Однажды он увидел ее, идущую от Андреевской площади к зданию курсов, и последовал за ней незримым призраком. Именно об этой мистической прогулке повествует его загадочное стихотворение «Пять изгибов сокровенных». Александр сходил с ума от тоски по Любе, хотел даже покончить с собой… Но

передумал – и вместо этого снова начал ездить к Менделеевым. Постепенно у них с Любой наладились отношения и даже возобновились совместные прогулки по Петербургу. Но понимания между молодыми людьми так и не возникло, они не раз ссорились, а однажды Люба решилась порвать с Блоком, написала письмо и отдала ему при встрече.

«Я не могу больше оставаться с Вами в тех же дружеских отношениях. До сих пор я была в них совершенно искренна, даю Вам слово. Теперь, чтобы их поддерживать, я должна была бы начать притворяться. Мне вдруг совершенно неожиданно и безо всякого повода ни с Вашей, ни с моей стороны стало ново – до чего мы чужды друг другу, до чего Вы меня не понимаете, – увещевала строгая курсистка влюбленного в нее поэта. – Ведь Вы смотрите на меня как на какую-то отвлеченную идею; Вы навоображали обо мне всяких хороших вещей, и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека, с живой душой, и не заметили, проглядели… Вы, кажется, даже любили – свою фантазию, свой философский идеал, а я все ждала, когда же Вы увидите меня, когда поймете, что мне нужно, чем я готова отвечать от всей души… Но Вы продолжали фантазировать и философствовать…»

Но даже эти откровения не оттолкнули Александра. Он был уверен, что Люба Менделеева «суждена ему» и что он дождется своего Знака… И как ни странно, дождался.

В ночь с 7 на 8 ноября 1902 года курсистки устраивали благотворительный бал в зале Дворянского собрания. Люба с подругами сидела на втором этаже – из зала их было не видно. Но пришел Блок – и сразу направился на второй этаж. Он словно чувствовал, куда идти, где находится Люба. «Дальше я уже не сопротивлялась судьбе: по лицу Блока я видела, что сегодня все решится, и затуманило меня какое-то странное чувство – что меня уже больше не спрашивают ни о чем, пойдет все само, вне моей воли, помимо моей воли», – вспоминала потом Менделеева.
В ту ночь Блок просил ее руки. И она согласилась стать его женой.

Кажется, только после этого Знака, после принятия решения Люба по-настоящему влюбилась в Александра. Теперь она признается Блоку в любви в каждом письме – а они писали друг другу каждый день! – и он с радостью отвечает ей тем же. «Все перечитываю твое письмо, твои стихи, я вся окружена ими, они мне поют про твою любовь, про тебя, – пишет Люба. – Читать я могу теперь только то, что говорит мне о тебе, что интересует тебя, поэтому я и люблю теперь и «Мир искусства», и «Новый

путь», и всех «их», люблю за то, что ты любишь их и они любят тебя».

Андрей Николаевич Бекетов

Любовь Дмитриевна.1902 год

«Что будет в 1903 году? – отвечает Александр. – Я молюсь о счастье. Ты сияешь мне».

Помолвку некоторое время держали в тайне. Только перед Рождеством Александр рассказал обо всем матери, а 2 января просил руки Любы у Менделеевых. Дмитрий Иванович с радостью дал согласие на свадьбу: он был рад, что его дочь выходит замуж

за внука Бекетова. К декадентству своего будущего зятя он относился снисходительно. Читал его стихи и благодушно говорил: «Сразу виден талант, но непонятно, что он хочет сказать».

Гораздо хуже известие о женитьбе сына восприняла Александра Андреевна. Она яростно ревновала сына к невесте – и не смогла соблюсти приличий, принять Любу подобающе. Несмотря на это, 25 мая 1902 года Александр Блок и Любовь Менделеева обручились в университетской церкви, а 17 августа обвенчались в церкви Архангела Михаила в Шахматово, откуда тем же вечером уехали в Петербург.

Так начался их странный брак… Странный – потому что Блок был убежден: Прекрасную Даму, Таинственную Деву, Вечную Жену нельзя унизить плотской любовью, ей надо поклоняться издали как святыне. И он поклонялся. А Люба была не слишком осведомлена об интимной стороне супружеской жизни, но чувствовала: что-то между ними происходит не так. Только посоветовавшись с матерью, Люба разобралась в ситуации – и обнаружила, что ее молодой муж решительно не желает плотского осуществления брака. Александр объяснял Любе, что им для счастья физической любви не надо, что их отношения выше всего земного, что телесная близость помешает духовному родству. Люба была в растерянности, в отчаянии. Дочь ученого, бывшая курсистка, она подошла к вопросу серьезно, начала читать книги по медицине и судорожно пыталась понять, в чем причина равнодушия мужа к физической стороне любви. Он болен какой-то венерической болезнью? Он импотент?.. Ответа – по крайней мере понятного и простого – не было.

Только осенью 1904 года Любе удалось «соблазнить» своего законного мужа, но близость их не принесла радости ни ему, ни ей, впоследствии носила эпизодический характер и к 1906 году прекратилась вовсе.

Любе вообще нелегко было жить с Блоком. И дело не только в том, что он отказывал ей в физической близости. Пытаясь вести себя как хорошая, «правильная» жена, Люба теперь во всем подчинялась Александру и тщетно пыталась разделить его увлечения и мировоззрение. Она стала живым воплощением чеховской Душечки – и сама сознавала это. «Как взапуски, как на пари, я стала бежать от всего своего и стремилась тщательно ассимилироваться с тоном семьи Блока, который он очень любил. Даже почтовую бумагу переменила, даже почерк», – с горечью вспоминала она годы спустя.

Александр к тому времени уже обрел известность как талантливый и необычный поэт. Помог Блоку в этом троюродный

брат Сергей Соловьев, восхищавшийся его стихами и распространявший их среди читающей молодежи. Огромное впечатление стихи Блока произвели на друга Соловьева – Бориса Бугаева, молодого писателя, который впоследствии прославился под псевдонимом Андрей Белый. Он тоже был одержим мистицизмом. Блок и Белый подружились – эта дружба продлится много лет. Они влияли друг на друга, все глубже погружаясь в мир видений, фантазий, тайных знаков.

Константин Сомов. Портрет Александра Блока

Весной 1904 года Сергей Соловьев и Андрей Белый приехали погостить в Шахматово. Они вели философские беседы с Александром – и дружно поклонялись Любе как Прекрасной Даме

и воплощению Вечной Женственности. Каждый ее жест, каждое желание, каждая перемена платья или прически трактовалась ими во вселенском масштабе. Любу сначала занимала эта игра, потом начала тяготить.

Но поклонение Прекрасной Даме со стороны Андрея Белого переродилось в страстную любовь к женщине. К жене его лучшего друга – Любови Дмитриевне Блок. Он перестал на нее молиться и искать тайный смысл ее жестов: вместо этого он начал добиваться ее расположения.

Летом 1905 года Сергей Соловьев поссорился с Александрой Андреевной и со скандалом покинул Шахматово. Блок, конечно, взял сторону матери. Белый – сторону Соловьева и тоже уехал. Перед отъездом он передал Любе письмо с признанием в любви. Люба, все еще пытавшаяся стать идеальной женой, показала письмо свекрови и мужу. Блок бросился писать Белому, чтобы окончательно выяснить отношения… С чего, собственно, началось их примирение и новый период теснейшей дружбы.

Снова поссорились они после премьеры пьесы Блока «Балаганчик», где в образе глупой Коломбины поэт вывел поднадоевшую ему к тому времени Любовь Дмитриевну – а Белого оскорбило такое надругательство над образом Прекрасной Дамы.

Любовь Дмитриевна в то время уже чувствовала себя ненужной мужу, чуждой его жизни и брошенной «на произвол каждого, кто стал бы за ней ухаживать». Ей казалось, и небеспричинно, что Блок хотел, чтобы она перестала быть такой идеальной, такой скучно-добродетельной, такой домашней. Хотел, чтобы она изменила ему и тем самым косвенно сняла с него вину за несложившиеся супружеские отношения.

Когда Белый снова написал ей и предложил уйти к нему от Блока – она согласилась. Начались страстные встречи. «Не успевали мы оставаться одни, как никакой уже преграды не стояло между нами и мы беспомощно и жадно не могли оторваться от долгих и неутоляющих поцелуев, – признавалась спустя годы Любовь Дмитриевна. – Ничего не предрешая в сумбуре, я даже раз поехала к нему. Играя с огнем, уже позволяла вынуть тяжелые черепаховые гребни и шпильки, и волосы уже упали золотым плащом (смешно тебе, читательница, это начало всех «падений» моего времени?)… Но тут какое-то неловкое и неверное движение (он был в таких делах явно немногим опытнее меня) – отрезвило, и уже волосы собраны, и уже я бегу по лестнице, начиная понимать, что не так должна найти я выход из созданной мною путаницы…»

Любовь Дмитриевна так и не стала любовницей Андрея

Белого. Ей помешала близкая дружба Белого с Блоком. Она опасалась, что они снова помирятся и опять станут во всем друг с другом откровенны. И если она совершит грехопадение – это также станет предметом обсуждения двух друзей-поэтов, источником экзальтации и основой для философских размышлений. Нет, такой измены Любовь Дмитриевна не желала. Ей хотелось, чтобы хоть что-то в ее жизни наконец было просто, как у всех! Любовь Дмитриевна порвала с Белым – а ведь для него чувство к ней осталось самым значительным и серьезным во всей его жизни.

Отдалась она другому другу Блока: Георгию Чулкову. Белый смертельно его за это возненавидел. Да и Любовь Дмитриевна в этом романе не находила особой радости. Хотя наконец-то по-настоящему познала физическую сторону любви и поняла, что она страстная женщина.

Но прежде роман на стороне случился у Александра Блока. Он увлекся актрисой Натальей Волоховой, исполнявшей в «Балаганчике» роль Коломбины. Роль, списанную с его жены! Ей Блок посвятил циклы «Снежная маска» и «Фаина». Увлечение было серьезное, поэт подумывал о разводе с Менделеевой и новом браке – с Волоховой. Любовь Дмитриевна сначала остро переживала измену мужа, потом смирилась и даже попыталась найти некое извращенное удовольствие, принеся свое счастье в жертву его счастью. Она даже пришла к Наталье Волоховой и сказала, что отдает ей Александра, только просила заботиться о нем, разъяснила, какой он тонкий, нервный, экзальтированный, какие у него сложные и близкие отношения с матерью и как нужно беречь его чувства. Кончилась эта жертвенная эскапада комически: Волохова побоялась брать на себя такую обузу, как муж-поэт и свекровь-истеричка, и порвала с Блоком.

Андрей Белый и Сергей Соловьев. 1904 год

Роман же Любови Дмитриевны с Чулковым завершился в январе 1907 года, когда умер ее отец. Она была убита горем, в одиночестве поселилась в Шахматово, и Блок писал ей нежные, утешительные письма, и она не менее нежно отвечала ему… Казалось, любовь вернулась. Однако полноценных супружеских отношений Блок по-прежнему не желал.

Любовь Дмитриевна решила, что нужно строить собственную жизнь и как-то – пусть даже с кровью, с болью – отрываться от мужа. Она решила осуществить мечту своей юности: играть в театре. Блок был против: он считал, что актерского таланта у нее

нет. Но молодой Всеволод Мейерхольд принял Любовь Дмитриевну в свою труппу. Возможно, только потому, что она была женой величайшего из живших в то время поэтов… Любовь Дмитриевна сознавала, что актриса она не блестящая, но подошла к делу серьезно – как и ко всему в своей жизни. Все время училась у более опытных актеров, старалась совершенствовать свою игру. Театр действительно стал для нее радостью, отдушиной. Она уехала на гастроли. И в Могилеве сошлась с другим начинающим актером, Константином Давидовским, выступавшим под псевдонимом Дагоберт.

«Он не был красив, паж Дагоберт. Но прекрасное, гибкое и сильное, удлиненное тело, движенья молодого хищного зверя. И прелестная улыбка, открывающая белоснежный ряд зубов, – вспоминала Любовь Дмитриевна. – В нем и во мне бурлила молодая кровь, оказавшаяся так созвучной на заветных путях. В тот день, после репетиции и обеда, немногие оставшиеся до спектакля часы, мы сидели в моем маленьком гостиничном номере, на утлом диванчике. Когда пробил час упасть одеждам, в порыве веры в созвучность чувств моего буйного пажа с моими, я как-то настолько убедительно просила дать мне возможность показать себя так, как я этого хочу, что он повиновался, отошел к окну, отвернувшись к нему. Было уже темно, на потолке горела электрическая лампочка – убогая, банальная. В несколько движений я сбросила с себя все и распустила блистательный плащ золотых волос, всегда легких, волнистых, холеных… И начался пожар, такое полное согласие всех ощущений, экстаз почти до обморока, экстаз, может быть и до потери сознания – мы ничего не знали и не помнили и лишь с трудом возвращались к миру реальности».

К реальности все же пришлось вернуться, когда Любовь Дмитриевна поняла, что забеременела от «пажа Дагоберта». Это был страшный удар для нее. В детстве Люба однажды услышала, как страшно и долго кричит, мучаясь в родах, ее мать… С тех пор она испытывала отвращение и страх перед всем, что связано с деторождением. Незадолго до свадьбы Люба призналась в своем страхе Александру – и он пообещал ей, что детей у них не будет, что дети ему не нужны.

И вот – она беременна. Да еще и не от мужа, а от чужого и практически незнакомого ей человека! Конечно, Давидовский не собирался заботиться о ней и о ребенке. Однако навязать чужое дитя своему законному мужу Любовь Дмитриевна считала гнусным. Любовь Дмитриевна запаниковала. Она не знала, что ей теперь делать, у кого искать прибежища. Она не знала, как сообщить мужу о случившемся. Но Блок по тону ее писем уже

чувствовал: что-то изменилось, что-то не так… Тревожился. Любовь Дмитриевна тем временем хотела прервать беременность, но все никак не могла решиться. Наконец стало слишком поздно. Положение ее сделалось заметно, и Любови Дмитриевне пришлось покинуть труппу. Она вернулась в Боблово, затаилась там, как раненый зверь. Страх перед родами обострился. Любовь Дмитриевна думала, что непременно умрет. Блок к ней приехал, увидел ее положение – и проявил удивительное благородство. Он сказал, что примет этого ребенка как своего.

Худшие опасения Любови Дмитриевны сбылись: роды продлились четверо суток, врачи испробовали все средства, и под конец ей уже хотелось умереть, лишь бы не мучиться. Но она выжила и родила слабенького мальчика, который был крещен Дмитрием в честь Менделеева. Ее сын прожил всего восемь дней. Все считали, что Блок переживает смерть этого ребенка сильнее, чем Любовь Дмитриевна. Он написал стихотворение «На смерть младенца», многих уязвившее своим богоборческим настроем. Но Любовь Дмитриевна окаменела и чуть ли не помешалась от горя. Ей казалось, что жизнь потеряла всякий смысл.

В поисках исцеления от тоски супруги поехали в Италию, затем в путешествие по Европе. Но неизбежно возвращение – и снова жизнь вместе, уже постылая, и яростные ссоры Любови Дмитриевны с Александрой Андреевной. Блок заявлял, что съедет от матери и жены на другую квартиру. Но он не съехал, зато снова сбежала жена.

Любовь Дмитриевна стала одним из инициаторов создания «Товарищества актеров, художников, писателей и музыкантов», вместе с новой театральной труппой поселилась в Териоках, в Финляндии, сошлась со студентом-юристом, который был на девять лет ее моложе. Это был первый ее так называемый «дрейф». Впоследствии, затосковав, она не раз «уходила в дрейфы» – то есть переезжала к очередному любовнику. Но когда страсть утихала, Любовь Дмитриевна возвращалась к мужу.

Александр Александрович мучительно тосковал, когда Любовь Дмитриевна уезжала на гастроли или «уходила в дрейфы». Писал ей нежные письма. И она тоже тосковала о нем в разлуке. Но вместе жить они не могли – как не могли и окончательно расстаться. Впрочем, верность ей он также не хранил: ходил к проституткам, проводил ночи с поклонницами его таланта, жаждущими особой близости к кумиру. А потом и вовсе смог «соединить земное и небесное» в любви к оперной певице Любови Александровне Андреевой-Дельмас.

Блок увидел Андрееву-Дельмас в роли Кармен и влюбился. Он посвятил певице цикл стихов «Кармен». Очаровал и соблазнил

ее. Они стали любовниками, и можно утверждать, что только с ней поэт познал простое человеческое счастье, только ее он любил и душой, и телом, не испытывая при этом никакой дисгармонии.

Однако главной женщиной для Блока, его неизбывным наваждением все равно оставалась Любовь Дмитриевна. Он говорил, что Люба для него – «святое место в душе». Что в жизни его были только две женщины: Люба – и все остальные. «Остальных» к концу жизни Блок насчитал более трехсот…

Александр Блок принял революцию со всеми ее ужасами, в которых видел какую-то странную красоту – и которые считал временными трудностями, пеной, всплывшей на бурных волнах. Но волны отхлынут, и мир увидит новое, прекрасное государство, основанное на принципах свободы, равенства и братства! Да, Блок искренне верил в это. Он воспевал революцию и осуждал эмигрантов, в том числе своих бывших друзей. Поэтессе Надежде Павлович он как-то сказал: «Я могу пройти незаметно по любому лесу, слиться с камнем, с травой. Я мог бы бежать. Но я никогда не бросил бы России. Только здесь и жить и умереть». Любовь Дмитриевна во время войны была сестрой милосердия на фронте, а когда приехала в Петроград и обнаружила, в какой разрухе, в каком неустроенном, голодном быте вынужден существовать Александр Блок, – бросила все и решительно взялась за устройство его дел. Она постаралась обеспечить мужу комфортное существование, сама рубила дрова и топила печку, добывала продукты, она организовывала его поэтические вечера в кабаре «Бродячая собака» и сама там выступала… Но Блок уже был серьезно болен. Мучился от лихорадки, слабости, бессонницы, от болей во всем теле. Врачи не могли поставить точного диагноза. Ему предлагали выехать для лечения за границу – он отказывался.

Лев Бакст. Портрет Андрея Белого. 1896 год

Во многом благодаря активности Любови Дмитриевны на тяжелое положение Блока обратили внимание такие влиятельные деятели культуры, как Луначарский и Горький. Легенда о том, что Блок якобы умер от голода – не более чем легенда, придуманная русскими эмигрантами – теми самыми, которых Александр Александрович так презирал за бегство из страны. На самом деле в последние месяцы Блоки получали неплохой паек. Без мяса, правда, но мяса тогда не было ни у кого. Надежда Павлович вспоминала: «Врачи считали, что психически он болен

безнадежно, а физическое выздоровление не исключено. Продуктами во время болезни он был относительно обеспечен. Разговоры о смерти от голода – вздор…» Последние месяцы жизни Блока были для Любови Дмитриевны очень трудными. У Александра Александровича случались приступы ярости, во время которых он все ломал и крушил, даже любимые вещи. Ярость уходила – и на смену являлись приступы такой боли, что крики его были слышны в квартире соседей. Лекарства, которые Любовь Дмитриевна для него доставала, Блок однажды швырнул в печку. Он вел себя так, будто не хочет выздоравливать, не хочет жить. Любовь Дмитриевна ухаживала за ним самоотверженно и кротко. Стерегла его покой, как Цербер. Не пускала к нему знакомых, после визита которых Блоку, по ее наблюдениям, становилось хуже. Но позволяла его последней возлюбленной, Любови Андреевой-Дельмас, посещать Александра Александровича: ведь присутствие «Кармен» его успокаивало и повышало ему настроение.

Любовь Дельмас в роли Кармен

Когда наконец Блок согласился поехать на лечение в санаторий в Финляндию, выяснилось, что правительство не желает его выпускать. Любовь Дмитриевна снова принялась хлопотать. Горький и Луначарский несколько месяцев вели дебаты в Кремле, добиваясь возможности выезда для Блока. Наконец 7 августа 1921 года пришел загранпаспорт – и в этот же день Александр Александрович Блок скончался. Перед смертью он позвал мать и жену, попросил, чтобы они стали по обе стороны от него, взял их за руки… Потом вдруг резко вытянулся,

запрокинул голову – и умер. Мать и жена, всю жизнь ненавидевшие друг друга, постоянно ссорившиеся – едва ли не до рукоприкладства! – теперь обнялись и вместе рыдали над его телом. Потом Любовь Дмитриевна опомнилась, оповестила знакомых о кончине поэта, организовала чтение псалтыри над покойным.

«7 августа 1921 года пришел загранпаспорт, – и в этот же день Александр Александрович Блок скончался. Мать и жена, всю жизнь ненавидевшие друг друга, постоянно ссорившиеся – едва ли не до рукоприкладства! – теперь обнялись и вместе рыдали над его телом».

Хоронил Блока, кажется, весь Петербург. «Несли на Смоленское кладбище в открытом гробу через невские мосты. По дороге прохожие спрашивали: «Кого хоронят?» – «Александра Блока». Многие вставали в ряды и шли вместе с нами. В соборе на кладбище заупокойную обедню пел хор бывшего Мариинского театра. Потом прощались, потом положили его под старым кленом и поставили белый высокий крест», – рассказывала Надежда Павлович. Александра Андреевна и Любовь Дмитриевна уже не разлучались. Они нуждались друг в друге, чтобы бесконечно говорить о покойном Сашеньке. Жили трудно: их уплотнили, квартиру превратили в коммунальную, потом Блока перестали издавать, не было денег… Подруга Любови Дмитриевны, Агриппина Ваганова, устроила ее работать в Хореографическое училище при бывшем Мариинском театре. Любовь Дмитриевна преподавала историю балета и стала признанным специалистом в этой области. Она написала книгу «Классический танец. История и современность». И еще одну: книгу мемуаров «И быль и небылицы о Блоке и о себе». Любовь Дмитриевна сознавала, что была плохой женой великому поэту, – и решила стать ему достойной вдовой. После смерти Блока у нее не было ни одного любовника. Она заботливо опекала его мать. Преждевременно состарилась. И все вокруг давно забыли, что эта преподавательница истории балета когда-то была Прекрасной Дамой.

Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок умерла 27 сентября 1939 года. В тот день она перебирала старые письма, собиралась сдать их в архив. К ней из архива должна была приехать девушка. Когда девушка пришла, Любовь Дмитриевна проводила ее в свою комнату – и вдруг рухнула как подкошенная. По свидетельству «архивной девушки», последним словом, которое Любовь Дмитриевна произнесла, умирая, было имя Блока: «Саша…»

Анна Павлова и Виктор Дандре: «Она была самой Душою Танца…»

…

Анна Павлова и Виктор Дандре

♦ *Павлова Анна (Матвеевна) Павловна (31(12) февраля 1881, Санкт-Петербург, Российская империя – 23 января 1931, Гаага, Нидерланды) – русская артистка балета, одна из величайших балерин XX века.*

♦ *Дандре Виктор Эмильевич (1870–1944) – барон, потомок старинного аристократического рода, инженер по профессии, в последние годы – импресарио Анны Павловой.*

♦ *Она – одержимая творчеством, цельная, упрямая, строгая натура, однолюбка.*

♦ *Он – легкомысленен, временами малодушен, но способен на глубокое чувство и настоящую преданность любимой.*

♦ *Гражданский брак, основанный на страстной взаимной любви – и общей любви к балету*

♦ *Детей не было.*

♦ *Измены: ни одной.*

♦ *Были вместе с 1898 по 1931 год.*

♦ *Их разлучила смерть Анны.*

♦ *Согласно завещанию Виктора, похоронены рядом.*

...

Они никогда не были мужем и женой, но более идеального союза, более подходящих друг другу, более слиянных людей трудно найти среди знаменитых пар. Наверное, причина их взаимопроникновения – в общей страстной любви к балету. Некоторые знакомые удивлялись, как же это Виктор Дандре, потомок старинного знатного рода, находится в полном подчинении у своей жены – незаконнорожденной дочери горничной!

Величайшая русская балерина Анна Павлова родилась 31 января 1881 года в Санкт-Петербурге. До сих пор различные энциклопедические издания не могут прийти к общему мнению в отношении ее отчества: одни пишут – Павловна, другие – Матвеевна. На самом деле ее звали Анна Лазаревна Павлова, но балерина не любила, когда ее называли по отчеству, и первая начала мистифицировать окружающих, превратив свою фамилию «Павлова» в отчество «Павловна». У нее действительно не было никаких причин уважать своего отца и часто поминать его имя, поскольку богатейший банкир Лазарь Поляков поступил в высшей степени непорядочно по отношению к своей любовнице Любови Федоровне Павловой – и к своей тогда еще не родившейся дочери…

Мать Анны Павловой служила горничной в доме Поляковых, хозяин обольстил ее, а когда она забеременела – выгнал из дома «за разврат», причем не дал ей ни копейки. Уже после рождения

дочери Любовь Федоровна пришла с младенцем на руках к своему погубителю, надеясь, что он, будучи отцом нескольких законных детей, сжалится хотя бы над невинной малюткой. У Лазаря Полякова оказалось каменное сердце, и он отказался даже принять свою бывшую горничную. А Любовь Федоровна была слишком горда, и хотя она записала-таки дочь «Лазаревной», но больше никогда не обращалась к Полякову и с самых ранних лет внушала дочери презрение к ее недостойному отцу.

…Умирающий лебедь

Анна появилась на свет преждевременно и была настолько слабенькой, что ее поспешили окрестить в первый же день: боялись, что дитя умрет некрещеным. Несмотря на ужасное положение, в котором она оказалась – почти нищая, с незаконнорожденным ребенком, Любовь Федоровна проявила удивительное мужество. Она не отдала малютку в приют, хотя девять из десяти женщин в то время поступили бы именно так. Она выучилась шить на благотворительных курсах, которые были организованы для того, чтобы приучить «падших женщин» к работе и вернуть их к достойной жизни в обществе. Вообще-то эти курсы предназначались для раскаявшихся проституток… Но Любовь Федоровна пошла и на это унижение, поскольку ей нужно было получить работу, которая позволит ей прокормить дочь – и вместе с тем не расставаться с ней. Ведь в горничные с ребенком ее бы никто не взял.

… Прима-балерина Анна Павлова

Вопреки всем тяготам жизни, детство Анны Павловой было счастливым. Мать сделала для нее все возможное – и даже многое сверх своих возможностей… Не удивительно, что Анна всю жизнь обожала мать и старалась по мере возможностей никогда с ней не расставаться.

«Мы были очень, очень бедны, – вспоминала Анна. – Но мама всегда ухитрялась по большим праздникам доставить мне какое-нибудь удовольствие. Раз, когда мне было восемь лет, она объявила, что мы поедем в Мариинский театр. «Вот ты и увидишь волшебниц». Показывали «Спящую красавицу». С первых же нот оркестра я притихла и вся затрепетала, впервые почувствовала

над собой дыхание красоты. Во втором акте толпа мальчишек и девчонок танцевала чудесный вальс. «Хотела бы ты так танцевать?» – с улыбкой спросила меня мама. «Нет, я хочу танцевать так, как та красивая дама, что изображает спящую красавицу. Когда-нибудь и я буду так танцевать, и в этом же самом театре». Партию Авроры в тот день исполняла итальянская балерина Бриаца, алый костюм принцессы очень шел к ее смуглой коже и черным волосам, но маленькая Анна Павлова тоже была смугла и черноволоса и тоже очень любила красный цвет!

С того первого посещения театра Анна сделалась просто одержима балетом. Она беспрерывно танцевала – и дома, в маленькой комнатке на верхнем этаже, где они с мамой жили, и во время прогулок в парке, под опадающими листьями, и в снегу… Она могла затанцевать просто на улице, под музыку шарманщика! В конце концов, Любовь Федоровна решилась отвести Анну в Императорскую балетную школу. Ведь талантливых девочек из всех слоев общества принимали туда бесплатно, и во время учебы они жили на полном пансионе, обеспечиваемые даже одеждой! Директор посмотрел Анну, восхитился ее необыкновенной гибкостью и грацией… Но отказался ее принять: девочка была еще слишком мала. «Приведите ее, когда ей исполнится десять лет», – сказал он Любови Федоровне. Анна Павлова вспоминала позже: «В течение двух лет ожидания я изнервничалась, стала грустной и задумчивой, мучимая неотвязной мыслью о том, как бы мне скорее стать балериной».

В 1891 году Анну Павлову приняли – правда, не в Императорскую балетную школу, а на балетное отделение Петербургского театрального училища. Шесть лет учебы казались тяжелыми не только физически, но и морально. В училище царила строгая, почти монастырская дисциплина. Видеться с матерью Анна могла только в приемные дни. А главное – ее недолюбливали соученицы. Ведь Анна была одержима учебой и только учебой, и ее постоянно ставили всем в пример. В отместку девочки постоянно критиковали не слишком-то привлекательную по представлениям тех времен внешность Анны. В подростковом возрасте Анна Павлова была очень худой, смуглой и носатой… А в конце XIX и начале XX века в балетное училище отбирали не только за грацию, но и за внешнюю красоту, и все балерины отличались хотя и изящными, но весьма округлыми формами. Да и балет тех времен совершенно не был похож на современный. По сцене передвигались неторопливо, подолгу застывали в красивых позах. Прима-балерина Истомина, которой так восхищался А.С. Пушкин – «и вдруг прыжок, вдруг летит, летит, как пух от уст

Эола…» – современному зрителю показалась бы тяжеловесной и неповоротливой. Однако именно Истомина и подобные ей долгое время считались эталоном среди балетоманов.

Но никакие обиды и переживания не помешали Анне Павловой в 1897 году окончить училище первой ученицей! И ее тут же пригласили в Мариинский театр. Это было высшим комплиментом таланту шестнадцатилетней танцовщицы, ибо в Императорский Мариинский театр брали только лучших из лучших. А через два года ей впервые доверили главную партию – в балете «Дочь фараона» на музыку Цезаря Пуни. С тех пор репертуар Анны Павловой (в афишах она значилась как «Павлова 2-я», видимо, была и «Павлова 1-я», но о ней ничего не известно) постоянно пополнялся.

Анна Павлова всегда очень серьезно относилась к созданию образа очередной сценической героини. Каждому из рождаемых на сцене женских образов она придавала нечто своеобразное – то, что уже не повторялось в других ролях. Ее Жизель, ее Никия, ее Пахита, ее Китри были выразительны настолько, что критики придумали выражение «психологический танец». Сама Павлова говорила: «Красота не терпит дилетантства. Служить ей – значит посвятить себя ей целиком, без остатка».

Едва выпорхнув на сцену, Анна Павлова познакомилась с человеком, который стал ее единственной любовью и единственным мужчиной на всю жизнь. Его звали Виктор Дандре, он был весьма состоятельным человеком, коллежским советником, чиновником Сената, по происхождению – потомком старинного русско-французского рода, носил титул барона, по образованию был горным инженером. Но все это было не так важно, как то главное, что соединило этих двоих: Виктор был страстным поклонником балета.

Анна в театральном костюме. 1910 год

Существует версия, что познакомил их генерал Безобразов, одержимый балетоман и весьма влиятельная фигура в театральном мире: он сидел в своей ложе, и по едва заметному знаку его руки с зажатой белой перчаткой галерка начинала аплодировать балерине – или яростно ее освистывать. Безобразов сразу разглядел в Анне выдающийся талант. И хотя сам счел ее дурнушкой, все же обратил на нее внимание Виктора Дандре, заявив, что эта малютка подает большие надежды.

…Великая балерина перед выходом на сцену

Легкий, ироничный и вместе с тем очень спокойный Дандре собрал, казалось, все самые лучшие качества как от русских, так и от французских своих предков – ибо, по воспоминаниям знакомых, он «сочетал русскую душевность с французской галантностью». Очаровать Анну ему ничего не стоило. К тому же он был богат, окружил ее роскошью и превратил ее жизнь в сказку! Виктор снял для Анны огромную квартиру на Итальянской улице и оборудовал в самой большой из комнат танцкласс, где она могла заниматься.

Анна всегда была такой благоразумной… А тут – бросилась в любовь как в омут – с головой. Она впервые в жизни не

прислушалась к матери осуждавшей ее связь с Дандре, опасавшейся, что Анна забеременеет и погубит свою едва начавшуюся карьеру. Но Любовь Федоровна зря тревожилась: Виктор никогда не допустил бы подобной неприятности, ведь он любил не столько Анну как женщину, сколько Павлову – балерину!

О том, чтобы пожениться, речи не шло. Дандре не готов был ввести в свою семью Анну – она же была балериной, то есть артисткой, а артистов в ту пору презирали; гвардейский офицер, женившись на артистке, должен был оставить службу, поскольку считался опозоренным… Виктор гвардейским офицером не был, но позора женитьбы на балерине, да еще и незаконнорожденной, он не хотел.

Анна понимала его, но все равно страдала.

О Павловой много спорили в начале ее творческой карьеры – и критики, и зрители. У нее была особенная, только ей присущая манера танца, которая не вписывалась в общепринятые каноны академической школы. И вначале очень многие принимали за «несовершенство, неотточенность танца» то, что на самом деле являлось особенностью нового стиля, создаваемого Анной Павловой: ведь именно с нее начался тот привычный нашему глазу балет, который нынче называют «классическим». Но споры о Павловой были только в первые полтора-два года ее пребывания на первых ролях, а потом пришло время, когда все критики в один голос возносили ей похвалы: «Гибкая, грациозная, музыкальная, с полной жизни и огня мимикой, она превосходит всех своей удивительной воздушностью. Когда Павлова играет и танцует, в театре особое настроение. Как быстро и пышно расцвел этот яркий, разносторонний талант, в котором каждый раз находишь новые красоты». А после премьеры балета «Шопениана» газеты буквально взорвались хвалебными отзывами: «Она точно слетела с гравюр 40-х годов XIX века, эпохи романтического танца великих Марии Тальони, Карлотты Гризи…» В начале XX века слово «балерина» обозначало не всякую балетную танцовщицу, но являлось официальным титулом. Анна Павлова получила этот титул в 1902 году. Но вскоре после этого ушла из Мариинского театра, уплатив огромную неустойку за нарушение контракта. Ей казалось, что в Мариинке ей не дают достаточно свободы для творческого выражения. С 1903 года Анна Павлова начала ездить с гастролями по России, а с 1908 года – за рубежом. И всюду ее сопровождала мать, во всем поддерживавшая и одобрявшая Анну. Многие знакомые считали даже, что Анна зависима от Любови Федоровны настолько, что вовсе не имеет собственного мнения и что все ее решения подиктованы волей матери.

… Анна Павлова в летнем платье и туфлях «танго» на завязках. 1920 год

С Сергеем Павловичем Дягилевым ее познакомил Виктор Дандре. Может, он даже пожалел об этом, когда Дягилев сманил Анну в Париж и сделал звездой «Русских сезонов». Худенькую, легкую, подвижную Павлову французы называли не иначе как «Сильфидой» – после ее великолепного парижского дебюта в

«Шопениане». Другим «знаковым» образом – и, пожалуй, самым ярким – стал для Павловой «Умирающий лебедь» Сен-Санса. Она придумала прикалывать к корсажу белоснежного костюма лебедя большую брошь из ярко-красной шпинели, символизирующую смертельную рану на груди лебедя. Брошь сверкала, взлетали и опадали гибкие, необыкновенно выразительные руки балерины, трепетал белый пух юбочки… Те, кто видел «Умирающего лебедя» в исполнении Павловой, не мог забыть его уже никогда.

Выдающийся танцовщик труппы Дягилева Сергей Лифарь написал в своих воспоминаниях: «Когда появилась на сцене Анна Павлова, мне показалось, что я еще никогда в жизни не видел ничего подобного той не человеческой, а божественной красоте и легкости, совершенно невесомой воздушности и грации, «порхливости», какие явила Анна Павлова. С первой минуты я был потрясен и покорен простотой, легкостью ее пластики: никаких фуэте, никаких виртуозных фокусов – только красота и только воздушное скольжение – такое легкое, как будто ей не нужно было делать никаких усилий, как будто она была божественно, моцартовски одарена и ничего не прибавила к этому самому легкому и самому прекрасному дару. Я увидел в Анне Павловой не танцовщицу, а ее гения, склонился перед этим божественным гением и первые минуты не мог рассуждать, не мог, не смел видеть никаких недостатков, никаких недочетов – я увидел откровение неба и не был на земле…»

А когда сам композитор Камиль Сен-Санс увидел Павлову, танцующую его «Лебедя», он специально добился встречи с ней, чтобы поднести ей букет белоснежных роз, среди которых ярко сияла одна красная – как бы в напоминание о костюме «умирающего лебедя» – и сказал: «Мадам, благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку!»

Но и в труппе Дягилева Анна задержалась недолго, потому что по-прежнему не чувствовала себя свободной. Она решила, что ей самой следует заняться балетными постановками. Павлова создала некий новый жанр – «пластической мелодекламации» – сочетание музыки, танца и стихов. Ее первые выступления в этом жанре, равно как и выступления ее учеников, имели большой успех в России, куда Павлова вернулась в 1910 году.

Анна и Виктор жили вместе совершенно открыто, хотя многие поклонники таланта балерины осуждали Павлову за эту любовную связь и даже намекали, что Дандре не достоин ее чувств. Но Анна ничего не желала слышать: Виктор казался ей пределом совершенства. Ради него она готова была на все.

Юная Павлова среди других учениц балетной школы

В 1911 году Виктор Дандре был арестован и отдан под суд за растрату денег, выданных ему правительством на постройку Охтинского моста, – Анна осталась единственным человеком, свято верившим в его невиновность. Она заплатила огромную сумму, чтобы Дандре освободили из тюрьмы под подписку о невыезде, а затем организовала ему бегство из России.

До самой революции Виктор Дандре жил за границей по поддельным паспортам, которые для него добывала его знаменитая любовница Анна Павлова.

Они так и не поженились, и Анна говорила в интервью: «Теперь я хочу ответить на вопрос, который мне часто предлагают: почему я не выхожу замуж. Ответ очень простой. Истинная артистка подобно монахине, не вправе вести жизнь, желанную для большинства женщин. Она не может обременять себя заботами о семье и о хозяйстве и не должна требовать от жизни тихого семейного счастья, которое дается большинству. Я вижу, что жизнь моя представляет собой единое целое. Преследовать безостановочно одну и ту же цель – в этом тайна успеха. А что такое успех? Мне кажется, он не в аплодисментах толпы, а скорее в том удовлетворении, которое получаешь от приближения к совершенству. Когда-то я думала, что успех – это

счастье. Я ошибалась. Счастье – мотылек, который чарует на миг и улетает».

Свою роль сыграла и неприязнь, питаемая Любовью Федоровной к избраннику дочери. Правда, в конце концов даже она смирилась с этой связью, поскольку Дандре был достаточно умен, чтобы не пытаться оспаривать ту власть, которую имела над Анной ее мать: он предпочитал властвовать над другой частью жизни Анны. И в любом случае – Виктор Дандре умел делать Анну счастливой. Поэтому Любовь Федорова не решалась бороться с ним в полную силу, хотя она, наверное, могла бы использовать свое влияние на дочь… Но она смирила свои чувства и пощадила Анну.

К тому же вскоре оказалось, что Дандре обладает уникальным талантом импресарио. Именно по его совету Анна Павлова создала свою собственную балетную труппу, именно он заключал все контракты – по большей части весьма выгодные – и заботился о рекламе, и общался с журналистами… Именно Дандре договорился с английским фотографом Лафайетом о том, чтобы тот сделал фотопортреты Анны. Эти фотографии увидел весь мир, и особенно знаменитой стала та, на которой Анна изображена с лебедем на коленях.

В 1913 году Анна Павлова была удостоена звания «Заслуженной артистки Императорских театров» и награждена золотой медалью. Мариинский театр снова и снова безуспешно пытался вернуть Павлову на свою сцену. Но она уже успела вкусить творческой свободы и не хотела обратно «в кабалу». В последний раз в России Анна Павлова была в 1914 году. Ей исполнилось тридцать три года, и это был пятнадцатый, юбилейный сезон ее сценической жизни. Она танцевала в петербургском Народном доме и в Зеркальном театре московского сада «Эрмитаж», петербуржцы и москвичи принимали ее восторженно, но – уже не как русскую балерину, а как гастролирующую международную звезду. Номера для маленькой труппы Павловой ставил Михаил Фокин, и какое-то время окружающие подозревали, что у Павловой с Фокиным роман – тем более что Дандре в те годы все еще держался в тени. И Фокин не спешил развеять это заблуждение, потому что долгие годы был безответно влюблен в Павлову… И мечтал хотя бы на устах сплетников прослыть ее любовником, ибо Анна Павлова хранила суровую верность Виктору Дандре.

Неподражаемая Павлова

Начиная с 1914 года, труппа Павловой объездила буквально весь мир: все страны Европы, США, Латинской Америки, Дальний Восток, Среднюю Азию… График был очень напряженным, и многие – в том числе Любовь Федоровна – осуждали Дандре за то, что он выжимает из балерины «последние соки». Но на самом деле Дандре относился к Анне очень бережно. Он всегда и во всем следовал ее желаниям. А ее единственным желанием было

работать… За 22 года гастролей Анна Павлова, по подсчетам исследователей ее творчества, дала приблизительно 9000 спектаклей, проехала на поезде более 500 000 километров!

В газетах ее называли «Терпсихора пакетботов» – из-за ее бесконечных путешествий.

Во время триумфального турне Анны Павловой по Австралии и Новой Зеландии шеф-повар отеля Эспланаде в городе Перте подал балерине десерт, который он назвал ее именем – Pavlova. «Воздушный, как Павлова!» – так пояснил Альберт Сакс причину, по которой это весьма питательное блюдо – из белоснежных взбитых сливок, легчайших меренг, нежнейшего крема, свежих ягод и кисловатых фруктов с ноткой мятной прохлады – получило имя балерины.

Журналисты всего мира с восторгом писали о ней: «Павлова не артистка, а явление».

А сама она говорила в интервью вполне прозаично: «Я должна работать круглый год. У меня на руках труппа, распустить ее – значит уплатить всем неустойку. Это разрушит все, что я наработала за эти годы каторги. Если я не имею времени жить, то уж умирать я должна на ходу, на ногах».

Все, кто работал с Анной Павловой, ее боготворили.

Лаврентий Новиков, ее партнер по сцене, вспоминал:

«Обаяние ее личности было настолько велико, что в каком бы танце она ни появлялась, она производила на публику неизгладимое впечатление. Этим до известной степени и объяснялся тот факт, что ее репертуар состоял из спектаклей, в которых не было ничего новаторского. Павлова не задавалась целью создать нечто сенсационное – она сама была сенсацией, хотя вряд ли это сознавала. К чему бы она ни стремилась, она все оживляла своим обаянием и искренностью!»

Федор Лопухов, один из ее учеников, писал в годовщину ее смерти:

«Павлова – великая художница, потому что ее героини обладают каждая своей темой, говорят по-своему о жизни – тоскуют о ней или безгранично радуются, так, как это думает сама Павлова. Когда сейчас говорят «Павлова», вспоминают «Умирающего лебедя» Михаила Фокина, которого тот поставил лишь для нее, с ее удивительной манерой выразительно передать русскую грусть – мечту. В конце концов, их – лебедя и Павлову – отождествляют. Напрасно! Павлова воспевала радость больше, чем горе; тема счастья, а не страдания была ее главной темой. Павлова проявила себя как великая лирическая актриса прежде всего. Если искать сравнения в мире драгоценных камней, то ее следует признать истинным бриллиантом голубой воды!»

Балерина Наталья Владимировна Труханова сокрушалась: «Как мне всегда было жаль, что я не могла зарисовать ее Танца! Это было что-то неповторимое. Она просто жила в нем, иначе не скажешь. Она была самой Душою Танца. Только вот вряд ли Душа выразима словами!..»

Впрочем, и те, кто не знал ее лично, тоже боготворили Анну – достаточно было лишь раз увидеть ее танец…

Павлова и Вацлав Нижинский балете «Павильон Армиды».

В октябре 1932 года поэтесса Марина Цветаева поспорила с литературоведом Марком Слонимом о значении поэзии и танца для культуры вообще… Цветаеву до глубины души оскорбила сама возможность подобного сопоставления, и она возмущенно

писала своей подруге Анне Тесковой: «Он танец ставит на одну высоту со *словом* ! <…> На что я ему ответила, что можно любить балет больше Священного Писания, но оправдать этого (уровнять их) – нельзя. Всякий поэт хочет (удачно или неудачно) сказать свою душу, а из танцоров – один на миллион. Танцор хочет сказать свое тело: силу, легкость, грацию. *Это* через него и хочет сказаться. Апогей тела, и в лучшем случае первобытный закон земного тяготения: но – силой ног (таких-то мускулов) лечу, не силой духа». Спустя несколько недель при новой встрече Цветаева пожелала продолжить спор – с новыми, тщательно продуманными аргументами. Но Слоним ответил ей, что в прошлый раз, сравнивая танец с поэзией, он вспоминал умершую полтора года назад Анну Павлову. И Цветаева вынуждена была согласиться: действительно – танец Павловой сопоставим с поэзией, потому что «Павлова сумела поднять живой танец на высоту, куда обычно воспаряет только дух».

Виктор Дандре сопровождал Анну всюду. Он стал практически ее тенью. Незаметной тенью. Даже на фотографиях в газетах не появлялся. Он полностью растворился в своей любви к ней. Но Анна тоже без него не могла существовать. Даже заснуть не могла, если Виктор еще не лежал рядом. Поэтому ему приходилось рано ложиться – вместе с ней.

Только он мог успокоить Анну, когда с ней делались истерики от усталости. Когда у нее начинались судороги в ногах и она кричала от боли, Виктор справлялся ловчее любого врача. Он умел делать расслабляющий массаж. Умел заранее почувствовать, что у Анны скоро будет мигрень и ей надо отдохнуть. Умел защитить ее от журналистов, когда она чувствовала себя слишком усталой для интервью… И отступить в привычную для него тень, когда Анне хотелось блистать.

Ходили слухи, будто они тайно обвенчались в Париже еще в 1911 году. И будто бы Анна сказала Виктору: «Если ты когда-нибудь осмелишься сказать, что мы повенчаны, – между нами все кончено. Я под поезд брошусь. Понимаешь: я теперь Павлова!» Теперь мне плевать на какую-то мадам Дандре! Пусть все думают, что ты просто так «при мне»…»

Это цитируют многие авторы, пишущие о Павловой, и это нельзя обойти вниманием… Но уж очень не похожи это плебейское высказывание на слова строгой, серьезной, одержимой работой Анны Павловой, которая всегда старалась выглядеть аристократкой и говорить как аристократка.

Поместье «Айви-хаус» в Хемпстеде, на окраине Лондона, было поистине роскошным: огромный дом с оранжереей, где цвели тропические растения и жили экзотические птицы, великолепный

сад и еще более великолепный пруд, где плавали ручные лебеди, и целая поляна тюльпанов перед открытой террасой… Луковицы элитных тюльпанов выписали из Голландии, и стоили они целое состояние. Но хозяйка дома могла себе все это позволить: она получала баснословные гонорары за свои выступления, была фантастически работоспособна и потому – фантастически богата.

Госпожа Павлова не только зарабатывала – тратила она тоже много. На прихоти вроде тюльпанов и экзотических птиц или, например, на елку – живую елку, которую ей непременно доставляли каждое Рождество туда, где она в данный момент находилась, иной раз куда-нибудь в тропики. И на необходимые вещи – такие как фантастической красоты сценические костюмы, разработанные Бакстом и Анисфельдом, или на декорации кисти Коровина, или на самые дорогие тапочки-пуанты, которые у нее на ногах просто горели: итальянский мастер Нинолини изготовлял для Павловой в год 2000 пуантов!

Анна была помешана на роскоши: она платала баснословные суммы за меха, туфли, шляпы, и наряды госпожи Павловой сразу же становились легендой и появлялись на страницах модных изданий. Европу охватила настоящая «павловомания»! Анна любила драпировать свою худую, угловатую фигуру в длинные шали с кистями – и эти шали a la Pavlova наводнили модные магазины. Она обожала тюльпаны – и голландцы вывели новый сорт Pavlova. Розы ей тоже нравились – и появилась пепельно-розовая роза Pavlova, своими махровыми лепестками напоминающая пушистую балетную пачку. В парфюмерных магазинах нарасхват шли духи Pavlova и мыло Pavlova. А кондитерские продавали шоколадные конфеты Pavlova с ее портретом и подписью на коробке.

Кстати, шоколад балерина могла себе позволить. И позволяла. Она с детства была очень худой, тратила много энергии на репетициях, а уж на спектаклях выматывалась так, что, бывало, теряла два килограмма за одно выступление… Поэтому она ела шоколад. И десерты тоже ела. Еще о ее пищевых пристрастиях известно, что она всюду возила с собой русского повара. Павлова обожала гречневую кашу, осетрину и черный хлеб. Правда, утомляясь и нервничая, она совершенно теряла аппетит и от этого худела еще сильнее. Знакомые замечали, что с возрастом и без того тоненькая Анна становится «все менее телесной».

Анна Павлова в грим-уборной. 1920-е годы

Да, тюльпаны стоили целое состояние… Но полюбоваться их цветением Анна так и не успела – ей пришлось уехать в очередное гастрольное турне. Так что ее лебедями и тюльпанами любовались сиротки из приюта, который устроила Павлова на свои деньги и в своем доме. Вернее у нее было несколько приютов, а в «Айви-хаус» жили те девочки и мальчики, которых Анна нашла достаточно способными для обучения танцу. В отличие от большинства дам-благотворительниц, Анна не просто жертвовала какие-то деньги «на сирот», но реально контролировала, как живется детям в учрежденных ею приютах, хорошо ли их одевают, кормят и учат, и с этой целью устраивала инспекции столь неожиданные для служащих приюта, что те просто не осмеливались пренебрегать своими обязанностями или воровать. А те дети, которым довелось стать воспитанниками Павловой и жить в «Айви-хаус», сохранили самые теплые воспоминания о ее необыкновенной чуткости и доброте.

Анна Павлова очень любила и жалела детей. Наверное, она могла бы стать прекрасной матерью. Но для этого ей пришлось бы пожертвовать балетом… А балет для нее был дороже всего!
Даже дороже жизни.

17 января 1931 года Анна Павлова прибыла на гастроли в Нидерланды, где ее давно ждали и даже вывели в честь «русского лебедя» особый сорт белоснежных тюльпанов. Голландский импресарио Эрнст Краусс встречал балерину на вокзале с букетом этих цветов, но Павлова уже тогда чувствовала себя плохо и, отказавшись выступить перед журналистами, немедленно отправилась в отель. Вскоре у нее повысилась температура и обнаружилась сильнейшая боль в груди. Несколько дней назад поезд, на котором ехала труппа Павловой, столкнулся с грузовым составом, и хотя серьезной катастрофы не случилось, с верхней полки упал кофр и ударил Анну по ребрам. Тогда этому не придали значения, и балерина была уверена, что отделалась лишь синяком. Так же легкомысленно она отнеслась и к простуде, полученной во время следующей поездки. А в Гааге созванные на консилиум доктора обнаружили у знаменитой балерины плеврит.

Ее можно было бы спасти, если бы она согласилась на операцию – удалить ребро и отсосать жидкость. Но тогда она не смогла бы больше танцевать… И Анна Павлова решительно отказалась от операции.

Уже умирая, в жару, в бреду, Анна продолжала твердить о предстоящих спектаклях, о том, чтобы машину за ней прислали пораньше, чтоб она могла дополнительно отрепетировать перед спектаклем, потому что «неважно себя чувствует». Дандре в

отчаянии вызвал из Парижа доктора Залевского, которому Анна доверяла. Залевский попытался с помощью дренажной трубки откачать жидкость из легких и плевры, не вынимая ребра. По-видимому, это не удалось, и в ночь с 22 на 23 января 1931 года Анна Павлова скончалась. Ее последними словами, обращенными к мужу, были: «Принесите мне костюм лебедя…»

А своей личной горничной Маргерит Летьенн балерина прошептала напоследок, указав рукой на роскошное платье, купленное в Париже специально для торжеств, намечавшихся в Гааге, да так ни разу и не надетое: «Лучше бы я потратила эти деньги на моих детей».

После смерти Анны отношения между Любовью Федоровной и Виктором Дандре совершенно разрушились. Еще в 1908 году Анна написала завещание, в котором своей единственной наследницей назначила мать. Дандре пытался оспорить завещание, довел дело до суда, но проиграл, поскольку не смог предоставить никаких документов, свидетельствующих, что Анна Павлова была его законной женой. Так что Любовь Федоровна доживала свои дни в «Айви-хаус», в окружении тюльпанов и лебедей. Правда, сироток там уже не было, их отправили в один из основанных Анной приютов. Но до самой своей смерти Любовь Федоровна следила за тем, чтобы в приютах все шло так же, как и при Анне.

Виктор Дандре пережил жену на 13 лет. Жил тихо и незаметно, писал воспоминания о своей великой жене. Умер в бедности, потому что не мог доказать, что был мужем Павловой, и не имел никаких прав на ее состояние. Интересно, что за всю совместную жизнь супруги фотографировались лишь дважды. Впрочем, Анна предпочитала позировать в балетных костюмах, в обнимку с партнером по танцу – или с любимым лебедем. Анна Павлова никогда не переставала думать о России. Она переводила значительные денежные средства для голодающих Поволжья, отправляла посылки ученикам Петербургской балетной школы, давала благотворительные спектакли в пользу русских беспризорников. Она все время говорила о возвращении на родину… И наверное, вернулась бы, если бы не Виктор Дандре и Любовь Федоровна, выступавшие категорически против. Ослушаться двоих самых главных для нее людей Павлова не могла и не стала ничего предпринимать для возвращения. Но мечтать продолжала, хотя говорила об этом все реже. Как-то в Индии, увидев обряд сожжения тела умершего, Анна пожелала, чтобы ее тоже кремировали, и добавила: «Так позже будет легче возвратить мой прах в дорогую Россию».

Анна в роли Одетты. 1914 год

Виктор Дандре исполнил желание Анны – правда, испросив прежде разрешения у Православной церкви, ибо православные признают только похороны в освященной земле. Священник

Розанов, посетивший Павлову незадолго до ее кончины, в порядке исключения дал согласие на «огненное погребение».

Вопреки протестам русской эмиграции, желавшей, чтобы прах Павловой был захоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, Дандре купил ниши 5791 и 3797 в крематории «Гоулдерс Грин» в Англии: для урны с прахом Анны и для себя – на будущее. Виктор никогда не сомневался в том, что в конце концов желание Анны быть похороненной в России осуществится, а извлечь урну из ниши проще, чем из земли… Единственное, на чем Виктор Дандре всегда настаивал, – так это на том, чтобы даже после смерти не разлучаться с Анной. Он даже оговорил в завещании особый пункт, согласно которому в случае перенесения урны с прахом Анны Павловой Виктора Дандре непременно должны были бы перезахоронить вместе с ней: «Я поручаю моим поверенным купить ниши 5791 и 3797 в крематории «Гоулдерс Грин» в качестве места для урн, содержащих мой прах и прах моей любимой жены Анны, известной как Анна Павлова. Я даю полномочия моим поверенным дать согласие на перенос праха моей жены и, если они сочтут возможным, также и моего праха в Россию, если когда-нибудь русское правительство или правительство любой крупной российской провинции будет добиваться переноса и даст моим поверенным удовлетворительные заверения в том, что прах Анны Павловой получит должные честь и уважение».

Александр Колчак и Анна Тимирёва: «Я вас больше чем люблю»

...

Александр Колчак и Анна Тимирёва

♦ *Колчак Александр Васильевич (4 (16) ноября 1874 года, Петербург, – 7 февраля 1920 года, Иркутск) – адмирал, путешественник, ученый-океанограф, один из руководителей российской контрреволюции, Верховный Правитель России.*

♦ *Тимирёва (урожденная Сафонова, во втором браке Книппер) Анна Васильевна (1893–1975) – жена контр-адмирала Сергея Тимирёва, возлюбленная адмирала Колчака.*

♦ *Он – жестокий, бескомпромиссный, принципиальный, страстный, упрямый.*

♦ *Она – эмоциональная, порывистая, готовая на самопожертвование, на полное растворение в любимом человеке.*

♦ *Любовники: хотя Анна Тимирёва считала себя гражданской женой Александра Колчака, он на тот момент состоял в законном браке с Софьей Омировой, а сама она – с Сергеем Тимирёвым.*

♦ *Страстно любили друг друга, готовы были ради этой любви пожертвовать благополучием близких, собственной безопасностью и даже жизнью.*

♦ *Общих детей не было.*

♦ *Ни одной измены.*

♦ *Были вместе с 1915 года по 7 февраля 1920 года.*

♦ *Их разлучила смерть Александра Васильевича.*

…

Трудно найти более многогранный, неоднозначный образ в истории русской революции, чем адмирал Александр Васильевич Колчак: храбрый полководец, известный путешественник, ученый-океанограф, ставший Верховным Правителем России и возглавивший самый жестокий военный режим за всю историю Гражданской войны. Такой сложной и страшной натурой был этот человек, что «химерой в адмиральском мундире» называла его даже Анна Тимирёва: женщина, любившая его больше жизни и посвятившая ему всю свою жизнь без остатка…

Фамилия Колчак имеет турецкое происхождение. А любовь к морю и тяга к военной карьере у Колчаков просто-таки в крови. Первый Колчак, о котором упоминается в истории, – выдающийся турецкий военачальник, командующий флотом, Илиас-паша Колчак, попавший в плен в Ставучанском сражении и вместе со старшим сыном Махмет-беем привезенный в Петербург в качестве

почетного заложника. Императрица Анна Иоанновна к туркам отнеслась милостиво, обласкала всячески и отпустила. Но на родину Илиас-паша не вернулся. По дороге, проезжая Польшу, он захворал и умер. Сын же его вернулся в Россию и здесь остался. Есть сведения, что Махмет-бей получил от родных из Турции письмо, в котором сообщалось, что они с отцом заочно приговорены к смертной казни за проигранное сражение. Выбирая между колом, на который его бы неизбежно посадили, и чужбиной, Мехмет выбрал чужбину, где принял православие и женился на русской. При императрице Елизавете Петровне его отпрыски уже были жалованы дворянством.

Александр Васильевич Колчак

Отец и оба дяди будущего адмирала служили во флоте. Отец, Василий Иванович, даже воевал в Крымскую – морским артиллеристом, участвовал в обороне Севастополя, о чем потом написал мемуары. Был награжден Георгиевским крестом. После войны Василий Иванович Колчак дослужился до генерал-майора флота, вышел в отставку, окончил Горный институт и стал известным специалистом в области металлургии и крупнокалиберной артиллерии. Он работал приемщиком Морского ведомства на сталелитейном Обуховском заводе. На территории завода и жил с женой, совсем еще юной Ольгой Ильиничной Посоховой, которой было всего восемнадцать лет, когда 4 ноября 1873 года она родила своего первенца Александра. Следом появились еще две девочки – Екатерина и Любовь. Но сын был только один, и на него возлагались надежды всей семьи.

Анна Тимирёва

В том, что Саша Колчак должен стать военным и связать судьбу с морем, как и все его предки, никто даже не сомневался. К счастью для себя, Саша морем просто бредил. Правда, интересовали его моря северные, а больше всего – полюса, Северный и Южный. Он мечтал побывать на обоих. Его почему-то очень привлекал лед, еще гимназистом Саша зимой все время ставил эксперименты, что-то замораживая: свойства льда изучал.

Василь Колчак, отец Александра

В 1888 году, в четырнадцать лет, Александр Колчак поступил в Морской кадетский корпус, где вскоре стал одним из самых заметных учеников. На него обращали внимание и преподаватели, и товарищи. Его однокашник вспоминал: «Колчак, молодой человек невысокого роста с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз… серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчишкам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться; чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак».

Александр из года в год был лучшим в своем классе – и по предметам, и по дисциплине. Увлекался он военной историей, артиллерийским и минным делом. При выпуске в 1894 году был удостоен первой премии. Но отказался от нее в пользу Дмитрия Филиппова, которого считал лучше себя – и которого начальство не жаловало за скверное поведение. Колчак добился своего: лучшим в выпуске был признан мичман Филиппов – который,

кстати, всего через несколько лет вышел в отставку и устроился инженером на Балтийском заводе. Но все же именно Александру Колчаку была вручена премия адмирала П. И. Рикарда – традиционная награда лучшим выпускникам.

Вскоре Александр Колчак получил назначение на броненосный крейсер «Рюрик» и отправился в заграничное плавание. Помимо исполнения служебных обязанностей морского офицера все время путешествия он занимался научными исследованиями, написал несколько работ по гидрологии Берингова и Охотского морей и, вернувшись в Кронштадт, опубликовал их.

Примерно в то же время Колчак познакомился с Софьей Федоровной Омировой. Потомственные дворяне Подольской губернии, Омировы были благородны, но не богаты, к тому же многодетны: Софья была одиннадцатым ребенком из двенадцати! Однако же происхождение позволило ей получить место в Смольном институте, училась она отлично, знала семь языков, была серьезна, умна, интересовалась науками – в том числе историей и географией, столь любезными сердцу Александра. Софья была моложе Александра всего на три года. Она стала ему другом прежде, чем возлюбленной. Колчак и Омирова обручились, однако свадьба была отложена на неопределенное время.

Научные работы Александра Колчака привлекли внимание полярного исследователя Эдуарда Васильевича Толля. Осенью 1899 года Колчак получил от Толля предложение принять участие в Первой русской полярной экспедиции. Воплощалась его мечта! Конечно, он согласился. А Софья обещала ждать.

Дальше было двухлетнее плавание на корабле «Заря», зимовки и санные путешествия… Эдуард Толль в своих дневниках записывал различные наблюдения обо всех спутниках. Например: «Наш гидрограф Колчак не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии. Эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудность соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого». И далее, уже во время длительного санного путешествия: «Колчак пребывает в трудовом экстазе. Гидролог бодрее и сохранил достаточно энергии, чтобы дойти сюда, в то время как я готов был сделать привал в любом месте».

Они занимались изучением новых северных островов, исследованием Таймыра и составлением географических карт. Одному из островов, открытых в Таймырском заливе Карского моря, по предложению Эдуарда Толля было присвоено имя Колчака. А мыс на острове Беннета уже по просьбе Александра

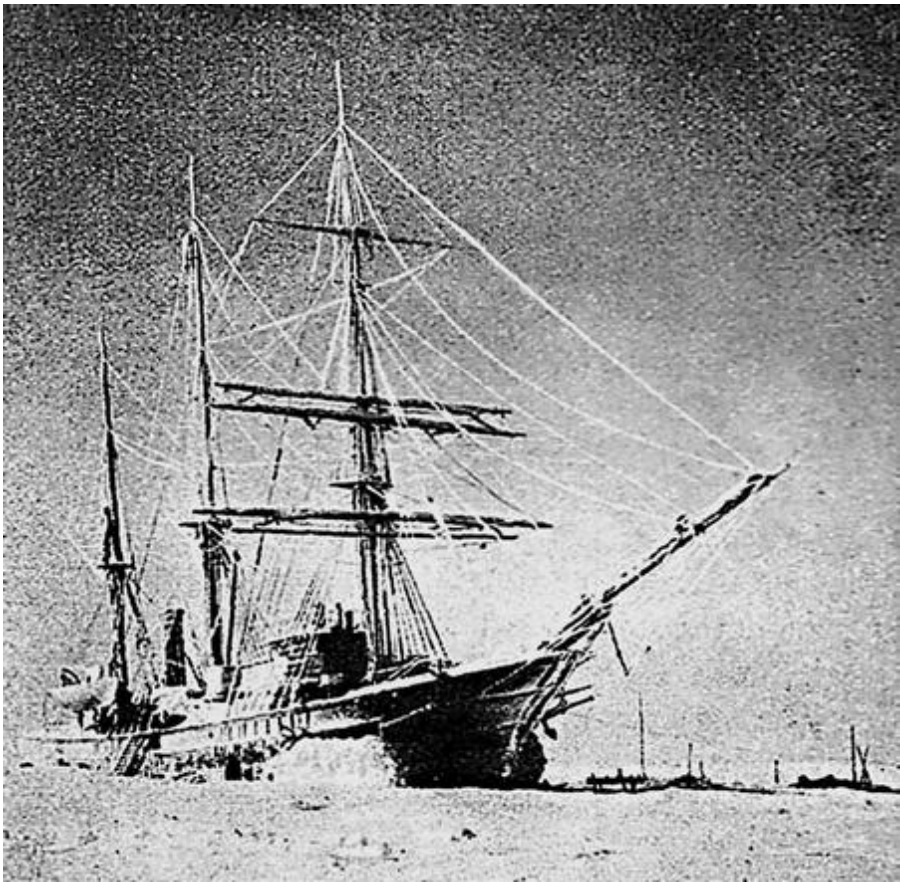
был назван именем его невесты: мыс Софьи.

Но Толль искал мифическую Землю Санникова, которую с начала XIX века наносили на картах к северу от Новосибирских островов, но которой из-за туманов никто никогда не видел. Весной 1902 года Толль в сопровождении всего четырех спутников ушел к острову Беннета, надеясь разглядеть Землю Санникова с высоты ледяных куполов. И не вернулся.

Спасательную экспедицию организовал Александр Колчак, добравшись до острова Беннета на простом весельном вельботе, а дальше – на собачьих упряжках и на лыжах. Кормились охотой и рыбной ловлей. В проводники взяли нескольких поморов – только холостых, потому что путь зимой через льды был более чем рискованным. Невесте Александр написал, что свадьбу опять придется отложить: «Не сердись, Сонечка. Вот вернусь…»

Он и вправду надеялся вернуться. Хотя все вокруг считали Колчака и его товарищей самоубийцами, обрекающими себя на страшную гибель среди льдов. Действительно, был случай, когда Александр провалился в разлом между льдами и его чудом спасли. Он жестоко простудился, у него воспалились суставы, но Колчак настоял на том, чтобы продолжить путь. Ревматические боли потом мучили его всю жизнь.

Поисковая экспедиция была предпринята не зря: Колчак и его спутники нашли следы экспедиции Толля. Правда, ни самого путешественника, ни его спутников не обнаружили: все пятеро исчезли бесследно.



Шхуна «Заря» во время зимовки. 1903 год

После всех этих приключений во льдах Александра Васильевича Колчака начали называть «Колчак-Полярный». Колчаков в России вообще было довольно много, род могучий и многодетный. Но Колчак-Полярный был только один.

Сразу по возвращении из полярной экспедиции Колчак узнал, что началась Русско-японская война. Долг боевого офицера позвал его в действующую армию… Однако отец его, Василий Иванович Колчак, уже не чаявший дождаться внуков, решительно потребовал, чтобы перед отправкой к местам сражений Александр женился на своей терпеливой невесте.

Ехать для венчания в Петербург у Александра не было времени: он вызвал Василия Ивановича и Софью в Иркутск. Свадьба была стремительная, как и все в жизни Колчака. 2 марта 1903 года прочел блестящий доклад по гидрологии в Иркутском географическом обществе, а уже на следующий день встречал на вокзале отца и невесту. Приготовления к свадьбе заняли всего двое суток. 5 марта 1903 года в регистрационной книге Михайло-Архангельской церкви появляется запись: «Сего дня венчались

лейтенант флота Александр Васильевич Колчак, православный, первым браком, 29 лет, дочь действительного статского советника, потомственная дворянка Подольской губернии София Федоровна Омирова, православная, первым браком, 27 лет…»

После свадьбы Александр Колчак провел с Софьей всего три ночи – и покинул ее, отправившись защищать Порт-Артур… Где конечно же проявил себя героем: иначе он просто не умел, потому что привык все делать «на отлично». За участие в Русско-японской войне Александр Колчак был награжден двумя орденами и золотым георгиевским кортиком с надписью «За храбрость».

…Если женился Колчак, уже будучи больным ревматизмом, то после Порт-Артура супруга получила его контуженным, тяжело раненным, перенесшим воспаление легких, потерявшим из-за болезни половину зубов, предельно ослабленным, но по-прежнему активным и заинтересованным всем на свете, а прежде всего – наукой. Политика в ту пору его еще совсем не привлекала.

Семейство поселилось в Петербурге. В 1905 году Софья Федоровна Колчак родила дочку, но роды были такие тяжелые, что и сама мать оказалась при смерти, и слабенькая малютка прожила всего несколько дней: едва успели окрестить Татьяной. От этого потрясения Софья Федоровна оправлялась долго. Только в 1910-м она забеременела снова. На этот раз все прошло благополучно, родился здоровый сын Ростислав. А через два года – еще одна девочка, Маргарита.

По итогам полярных экспедиций Александр Васильевич Колчак написал книгу «Лед Карского и Сибирского морей»: по сути, это была первая научная монография по гидрологии Северного Ледовитого океана! Да и по сей день ученые признают ее одной из лучших книг о полярных водах и льдах.

В 1906 году в Петербурге был создан Морской генеральный штаб. Александр Васильевич стал одним из его организаторов и работал начальником тактического отдела: участвовал в разработке судостроительных программ. Параллельно Колчак занимался реорганизацией Военно-морского флота, преподавал в Морской академии и был экспертом Государственной думы по военно-морским вопросам. Его энергии хватало на все.

И на любовницу, которая была на двадцать два года моложе, его энергии тоже хватило…

Они познакомились на перроне – прямо как Каренина и Вронский! – и ее тоже звали Анной, и у нее тоже были муж и сын… Правда, муж – не скучный чиновник, а блестящий морской офицер Сергей Николаевич Тимирёв: герой Порт-Артура, выпускник Морского корпуса в Петербурге, окончивший курс на год позже Александра Колчака. Замужем Анна была три года,

всего несколько месяцев назад родила сына Володю. Семья считалась очень счастливой.

Сергей Николаевич как раз получил назначение в штаб командующего Балтфлотом. Анна провожала его на вокзале. Тимирёв указал ей на мрачного худощавого офицера, проходившего мимо них по перрону, и с нескрываемым уважением сказал: «Ты знаешь, кто это? Это Колчак-Полярный…» Муж рассказал Анне об экспедициях и подвигах Колчака. И можно сказать, сам толкнул впечатлительную юную женщину в объятия соперника!

Анна действительно была очень впечатлительна: тонко чувствующая, талантливая, она музицировала, пела, рисовала, писала стихи и много мечтала *«о* доблести, о подвигах, о славе». Муж-герой вызывал у нее скорее восхищение, чем любовь. Но Колчак дал ей больше поводов для восторгов. Анна Тимирёва начала читать все, что писали о «Колчаке-Полярном», – и решила, что влюбилась с первого взгляда еще там, на вокзале.

Анна родилась в 1893 году в Кисловодске, в семье известного музыканта Василия Ильича Сафонова, сына казачьего генерала И. И. Сафонова. В 1906 году семья переехала в Петербург. В 1911-м Анна Васильевна окончила гимназию княгини Оболенской, потом занималась рисунком и живописью в частной студии С. М. Зейденберга. Свободно владела французским и немецким – что, впрочем, никого не удивляло в барышне из дворянской семьи: жена Колчака получила куда лучшее образование, чем Анна.

Зато Тимирёва была истинно поэтической натурой. К тому же ей не было и двадцати двух лет, а Александру Васильевичу исполнилось сорок, когда их представили друг другу на костюмированном балу. Анна, считавшая себя влюбленной в Колчака, не просто кокетничала – она вся в нем растворялась, она сияла ему навстречу, она не скрывала своего безграничного восторга. Александр Васильевич был удивлен, тронут и очарован. Под конец бала она подарила ему (и еще нескольким знакомым, чтобы это не выглядело совсем уж навязчиво) свое фото в русском костюме.

После бала они встречались несколько раз. Любовь прелестной юной женщины казалась Колчаку неожиданным подарком судьбы, и он просто не мог заставить себя отказаться от этого подарка. Он и сам вскоре влюбился. И если с Софьей Федоровной его изначально связывали дружба, доверие, родство душ, то Анна Тимирёва подарила ему опьяняющую страсть и романтику, которой Александр Васильевич, всю свою жизнь отдавший служению науке и Родине, еще не успел познать. И познавал теперь – под ее руководством.

Анна Тимирёва призналась Колчаку в любви первая. «Я просто сказала, что люблю его», – вспоминала она позже. Он, шокированный, сказал в ответ то, чего менее влюбленная женщина могла бы и не простить: «Я не говорил вам, что люблю вас». Но Анна спокойно объяснила: «Нет, это я говорю: я всегда хочу вас видеть, всегда о вас думаю, для меня такая радость видеть вас». На что получила наконец желанное признание – больше чем признание! – потому что Александр Васильевич, поперхнувшись от смущения, прошептал: «Я вас больше чем люблю».

«– Я люблю вас.

– Я не говорил вам, что люблю вас.

– Нет, это я говорю: я всегда хочу вас видеть, всегда о вас думаю, для меня такая радость видеть вас.

– Я вас больше чем люблю».

Анна, нервничая во время признания, теребила в руках перчатки и обронила одну. Александр Васильевич, подобрав ее перчатку, не отдал: оставил себе как драгоценный сувенир.

Следующие три года Анна Тимирёва была любовницей Александра Васильевича Колчака. Встречались они урывками: то несколько раз в неделю, то с промежутками в несколько месяцев… То тайно, то – потеряв рассудок от страсти – на глазах у свидетелей… которые не преминули донести обо всем Софье Федоровне Колчак.

Софья Федоровна оказалась слишком благородна, чтобы бороться за мужа или устраивать ему скандалы по поводу этой оскорбительной для нее связи. Более того, она не закрывала глаза на правду и сразу поняла, как сильно Колчак влюблен. И сказала своей подруге: «Вот увидишь, он разведется со мной и женится на Анне Васильевне».

Анна в русском костюме

Для Софьи Федоровны это было очень трудное время. В 1914 году, вскоре после начала Первой мировой, во время бегства из дачного местечка Либава, умерла ее двухлетняя дочка Маргарита: видимо, простудилась, а медицинскую помощь в этой суматохе получить оказалось невозможно, своими же силами выходить малышку мать и няня не смогли.

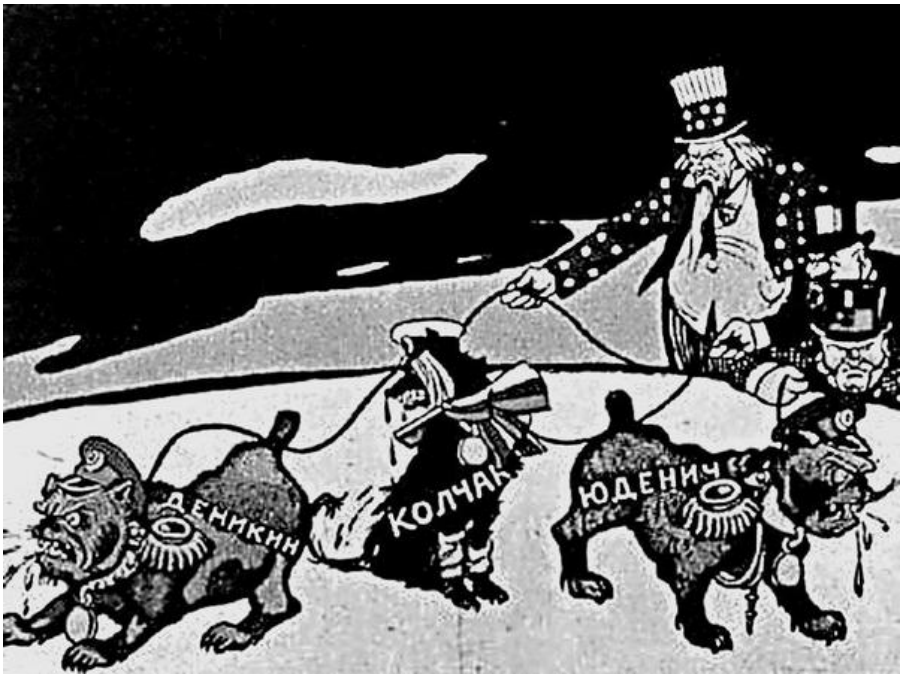
Оплакивать дочку Софье Федоровне пришлось в одиночестве: Александр Васильевич был слишком увлечен войной – где он вновь проявлял находчивость и героизм! – и новой любовью. Благодаря минным заграждением и успешным действиям морской пехоты корабли противника не могли даже приблизиться к российским берегам. За умелую организацию боевых действий против германских судов в 1916 году Колчак был произведен в адмиралы и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В своей каюте он возил фотографию Анны Тимирёвой – ту самую, с костюмированного бала. Под мундиром у сердца он носил ее перчатку. А Софья Федоровна в Петербурге воспитывала единственного оставшегося у нее ребенка – и уже даже не знала,

жена она адмиралу или уже его прошлое.

…Страдал ли Александр Васильевич из-за своей измены верной, надежной, терпеливой Софье Федоровне, разделившей с ним все трудности его карьеры? Наверняка страдал. Он все же придерживался некоторых старомодных принципов, а измена своей жене и сожительство с чужой женой эти принципы нарушали. Но счастье, которое дарила ему Анна Тимирёва, было слишком велико.

Спустя всего несколько лет, во время последнего свидания с Анной в иркутской тюрьме, накануне собственной гибели Колчак скажет: «Я думаю, за что я плачу такую страшную цену? Борьбу я знал, но не знал счастья победы. Я плачу за вас – я ничего не сделал, чтобы заслужить такое счастье…»

Незадолго до Февральской революции Александр Васильевич Колчак был назначен командующим Черноморским флотом и одновременно произведен в вице-адмиралы. Вместе с женой и сыном он переехал в Севастополь. И примерно тогда же контр-адмирал Сергей Николаевич Тимирёв был отправлен в отставку и откомандирован на Дальний Восток вместе с женой Анной Васильевной. Колчак и Тимирёва больше не могли встречаться. У Софьи Федоровны появилась надежда на восстановление семейной жизни. Правда, она не знала о потоке нежных и страстных писем, который тек из Севастополя на Дальний Восток – и обратно. Отречение царя Колчак встретил не менее восторженно, чем большинство военных и интеллигенции. Вице-адмирал даже распорядился устроить молебен и торжественный парад и привел флот к присяге Временному правительству. «Я приветствовал революцию как возможность закончить победоносно эту войну, которую считал самым главным делом, стоящим превыше всего – и образа правления, и политических соображений», – скажет он много позже, во время допроса в ЧК Иркутска.



Советский пропагандистский плакат. 1918 год

В мае 1917 года Александр Васильевич в последний раз обнял жену и сына. Колчак отбывал в Петроград, желая на месте разобраться в происходящем. Софья Федоровна с Ростиславом собирались сесть на английский корабль, чтобы отбыть в Европу. Для нее главным было уберечь ребенка – и она оказалась достаточно дальновидной, чтобы увидеть, что в России разгорается очень большой политический пожар, который вряд ли быстро и легко погасят.

Вернувшись из Петрограда, Александр Васильевич столкнулся с тем, что новое классовое сознание не признает воинской дисциплины. В начале июня 1917 года на собрании делегатов флота было принято решение «отстранить от должности адмирала Колчака, его начштаба и помощника командира Севастопольского порта, отобрать оружие у офицеров и взять под контроль военные склады». Колчак оружие не отдал, а георгиевский кортик выбросил в море. Позже офицеры его выловили и вернули Александру Васильевичу с выгравированной на рукояти надписью: «Рыцарю чести адмиралу Колчаку от Союза офицеров армии и флота».

Колчак сдал командование флотом контр-адмиралу Лукину и отбыл сначала в Петроград, а затем в США для помощи союзникам в подготовке военных операций. Известие о мире между Германией и Советской Россией потрясло и уязвило его. Английское правительство предложило ему начать борьбу с

большевиками с Дальнего Востока, где красные еще не обосновались. Колчак согласился. Основные свои силы он сформировал в Харбине и осенью 1918 года выступил в сторону Омска.

Поклонники Белого движения боготворят Колчака, едва ли не предлагая канонизировать. А между тем многие историки – особенно те, кто родом из Сибири, из Иркутска, где была ставка «Верховного Правителя России», считают, что именно Колчак своим неразумным управлением и немотивированными жестокостями привел к поражению белых и к тому, что красных Сибирь приняла вполне благосклонно.

Новый виток его карьеры, перечеркивающий славное прошлое морского офицера и ученого, начался 18 ноября 1918 года, когда Александр Васильевич Колчак совершил в Омске антидемократический переворот и установил военную диктатуру.

Знаменитый матрос Железняк остался в истории благодаря тому, что, заявив «Караул устал», разогнал Учредительное Собрание.

«Рыцарь чести» Колчак Иркутское Учредительное Собрание расстрелял. Тем, кого не расстреляли, было приказано покинуть подвластную Колчаку территорию в 24 часа.

Колчак сформировал новое правительство, которое и признало его Верховным Правителем России. Под контролем Колчака оказались Сибирь, Урал и Дальний Восток. 30 апреля 1919 года его власть признало Временное правительство Северной области, 10 июня – вождь «Белого дела» на Северо-Западе России Юденич, а 12 июня – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России Деникин. 26 мая с правительством Колчака установили дипломатические отношения страны Антанты.

Александр Васильевич Колчак был сторонником идеи «единой, неделимой России». Он лишил автономии Башкирию и очень гордился тем, как резко отказал финскому генералу Маннергейму, когда тот предложил освободить Петроград от красных в обмен на независимость Финляндии. Правда, помощь от Антанты Колчак принимал. Сейчас частенько говорят, что революцию большевики организовали на средства германских «спонсоров», – забывая, что Белое движение тоже весьма обильно спонсировалось странами Антанты, надеявшимися после победы над большевиками на экономический и политический контроль над Россией.

Не будучи сторонником монархии, демократию Колчак ненавидел страстно. В письме Анне Тимирёвой он высказывается однозначно: «Что такое демократия? Это развращенная народная

масса, желающая власти. Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа: каждый практический политический деятель, если он не шарлатан, знает, что решение двух людей всегда хуже одного, наконец, уже 20–30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей».

Не признавались им также идеи интернационализма то есть равенства разных национальностей, и военный режим он искренне считал единственной разумной формой правления: «Будем называть вещи своими именами, как это ни тяжело для нашего Отечества: ведь в основе гуманности, пасифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость… «Товарищ» – это синоним труса прежде всего».

Александр Васильевич трусом себя не признавал и трусов рядом с собой не терпел, поэтому установил в Сибири, пожалуй, самый суровый военный режим за всю историю Гражданской войны. В отличие, скажем, от генерала Краснова или от того же Корнилова, который задолго до начала красного террора провозглашал «Больше террора – и мы победим!» – Колчак вряд ли был жестоким человеком по натуре. Он не упивался творящимся вокруг него беспределом. Он лично не руководил карательными экспедициями. Но и не останавливал своих атаманов… В частности, генерала Розанова, который залил кровью Енисейскую губернию. И не пытался никак повлиять на режимы атамана Семенова в Забайкалье и атамана Калмыкова в Приморье, где вообще не было никаких законов, кроме атаманской воли. Колчаковский интендант, генерал Алексей Будберг в «Воспоминаниях белогвардейца» вспоминает, что Колчаку не раз рекомендовали ограничить деятельность атаманов, подрывающих доверие к Белой армии, но он ничего не предпринял. Не прислушивался он и к мольбам жертв.

Сибирские крестьяне не знали крепостного права. По среднерусским меркам они были весьма зажиточны. И свободолюбивы. С Колчаком к ним пришли русские офицеры из числа дворян, привычно относившихся к крестьянам как к «крепостному быдлу», к тому же смертельно обиженные за разграбленные дома и сожженные поместья. Обиду свою они вымещали на местных крестьянах. Грабили так, как красным и не снилось. Если крестьяне пытались сопротивляться – деревни сжигали. Мужчин расстреливали или запарывали насмерть. Когда весть о расправах покатилась по Сибири и мужики начали убегать в лес при приближении колчаковских отрядов – за их отсутствие пороли жен и матерей. А первым делом, входя в деревню, колчаковцы арестовывали и казнили сельского учителя… Причем чаще учительницу, потому что в Сибири по большей части

учительствовали женщины. Ведь эти интеллигенты, ушедшие в народ, символизировали для обиженных офицеров всю интеллигенцию, виновную, по их мнению, и в революционных событиях, и во всех последующих бедах.

Генерал Сахаров, служивший в армии Колчака, вспоминал: «Когда остатки нашей армии шли на восток, приходилось видеть села, сожженные дотла в наказание за непоимку большевиков. Огромные, растянувшиеся на несколько верст села представляли собой сплошные развалины. Крестьянское население разбредалось и было обречено на нищету, голод и смерть».

22 декабря 1918 года в Омске восстали солдаты бывшей народной армии. В ответ Колчак и его атаманы Красильников и Анненков устроили настоящую мясорубку. Эсер Дмитрий Раков, который провел при колчаковском режиме полгода в тюрьме, бежал, смог выжить и добраться до Парижа, писал в своих мемуарах, что «убитых было множество, не меньше 1500 человек. Целые возы трупов провозились по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие… К смертной казни приговаривали пачками по 30–50 человек, расстреливали по 5–10 задень. Разбойничий колчаковский режим вызвал восстания в Тобольской и Томской губерниях, в Акмолинской и Семипалатинской областях, не говоря уже про Амурский и Приамурский районы. И крестьянское население, само по себе далекое от большевизма, теперь с энтузиазмом будет встречать красные войска. Про рабочих и говорить нечего. Рабочий не смел пошевелиться под страхом расстрела за малейшие пустяки».

Адмирал Колчак вручает боевые награды. 1919 год

Генерал Будберг с горечью свидетельствовал: «Штабы переполнены законными и незаконными женами, о которых начальники заботятся больше, чем о подведомственных им частях. При эвакуации Уфы раненых бросили на красные муки, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры. Грабеж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения».

Александр Васильевич не мог протестовать против нахождения рядом с его офицерами их законных и незаконных жен, потому что к нему самому в Сибирь приехала Анна Тимирёва.

В 1918 году супруги Тимирёвы расстались. Неизвестно, имел ли место развод, но Сергей Николаевич уехал в Шанхай, в эмиграцию, тогда как Анна Васильевна – в Омск, к Колчаку. Их сын Володя остался в Москве у родственников. Сергей Николаевич планировал со временем забрать Володю к себе, но пока было опасно везти ребенка через охваченную войной Россию. Анна Васильевна о ребенке не думала: у нее была только одна цель – соединиться наконец с любимым.

Анна так хотела пожить с Александром Васильевичем как жена! Не встречаться урывками, а просто жить вместе! Последние месяцы их любви были самыми счастливыми. Ощущение обреченности придавало каждому мгновению, проведенному друг с другом, оттенок какой-то пронзительной нежности.

…Однажды – еще давно, еще в Петрограде! – Анна назвала Александра Васильевича «химерой в адмиральском мундире».

Она намекала на его загадочность и многогранность, а еще – на то, что для нее он долгое время был несбыточной мечтой. В поэзии Серебряного века «химерой» и впрямь именовали мечту. Правда, Колчак для Анны Тимирёвой стал мечтой сбывшейся.

А вот для России Колчак был истинной химерой. Ведь в греческой мифологии химера – это мерзкое чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона, изрыгающее огонь и лаву, сжигающее все на своем пути. Влюбленная женщина даже не сознавала, насколько точное сравнение она подобрала. И насколько сложного человека она полюбила.

Запаха крови и тлена, витавшего в воздухе, Анна Тимирёва не замечала. Она вообще ничего не замечала, кроме близости своего обожаемого Александра Васильевича. И разумеется, все его действия она считала справедливыми и единственно правильными. Да и как могло быть иначе? Она же безумно любила свою «химеру в адмиральском мундире». Она готова была и умереть, и убивать за него. И все, кто выражал недовольство политикой Колчака, для Анны Тимирёвой были заведомо неправы и подлежали осуждению.

Убежавшие в лес крестьяне сформировали партизанские отряды. Оружие было у всех – по большей части охотничье, но было. И навыки охотничьи имелись. И умение выжить в лесу. К осени 1919-го партизанская армия насчитывала 140 тысяч человек. Руководили ими не большевики, а анархисты и эсеры. Но пришел момент, когда эти партизанские отряды соединились между собой и начали вытеснять колчаковцев со своей территории – и при этом, даже не имея цели сомкнуться с Красной Армией, все же шли ей навстречу. А когда стычка произошла – красных поначалу приняли в Сибири как избавителей. Когда же в 1921 году Сибирь восстала уже против большевиков, основной лозунг был: «Ни Ленина, ни Колчака!»

И все же арестовали и передали Колчака красным не сибиряки, а служившие у него чехи. Они хотели вернуться домой, и красные поставили им такое условие для возвращения.

Нельзя не признать, что Александр Васильевич до конца был безупречно честен. Когда в Казани войска Колчака захватили 500 тонн золота из царской казны, он приказал оберегать его – как казну России. Когда его арестовали – передал полномочия и право распоряжаться казной Деникину… А ведь за это золото он мог выкупить себя и Тимирёву, мог бежать! Но оказался не способен присвоить чужое. Золото в результате оказалось в руках большевиков и было отправлено в Москву, к Ленину. Большевики в те суровые времена тоже были честны: до Москвы доехали все 500 тонн.

Александр Васильевич в 1919 году

Анна Тимирёва потребовала, чтобы ее арестовали вместе с любимым. «Самоарестовалась», – как написали в отчете, посланном в Кремль. В тюрьме они переписывались, им позволялись свидания.

В последней записке, которую получила Анна от Александра Васильевича, он писал: «Меня убьют, но если бы этого не случилось, только бы нам не расстаться…»

Но самая последняя записка Колчака, написанная в ночь перед казнью, до Анны так и не дошла – она стала документом в деле о казни бывшего Верховного Правителя России: «Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне… Не беспокойся обо мне. Я чувствую себя лучше,

мои простуды проходят. Думаю, что перевод в другую камеру невозможен. Я думаю только о тебе и твоей участи… О себе не беспокоюсь – все известно заранее. За каждым моим шагом следят, и мне очень трудно писать… Пиши мне. Твои записки – единственная радость, какую я могу иметь. Я молюсь за тебя и преклоняюсь перед твоим самопожертвованием. Милая, обожаемая моя, не беспокойся за меня и сохрани себя… До свидания, целую твои руки».

Анна последний раз видела Колчака в глазок своей камеры – когда его уводили на казнь.

7 февраля 1920 года Александра Васильевича Колчака расстреляли по приговору Реввоенсовета. Когда за ним пришли и объявили, куда ведут, он удивленно спросил: «Вот так? Без суда?» – словно забыв, что его атаманы не часто утруждали себя судами над теми, кого они убивали.

Зима стояла холодная даже по сибирским меркам. Земля окаменела, копать ее было невозможно, так что пробили полынью во льду на речке Ушаковке, впадающей в Ангару, и туда спускали трупы. Того, что вода будет заражена разлагающимися трупами, сибиряки не боялись, они знали, что весной лед сходит поздно, – зато подледная живность просыпается еще в марте и объедает утопленников до костей.

Существует множество легенд о смерти адмирала. Якобы расстреляли его у самой полыньи, поставив на колени и приставив к затылку сразу семь револьверов. Якобы, когда вели к месту расстрела, он пел «Гори, гори, моя звезда…» – а потом последний раз закурил и бросил расстрельной команде золотой портсигар со словами: «Пользуйтесь, ребята!»

Но на самом деле расстреливали его, предварительно раздев до белья, в тюремном дворе. И Анна Тимирёва слышала эти выстрелы из своей камеры. Потом трупы Колчака и казненного одновременно с ним председателя его правительства Пепеляева погрузили на телегу (грузовик не заводился) и отвезли к берегу Ушаковки. А дальше – полынья… Ухмылкой судьбы кажется то, что мертвое тело адмирала спустили под лед, свойствами которого Александр Васильевич так интересовался в юности.

Анна Тимирёва послала запрос: «Прошу Чрезвычайную следственную комиссию мне сообщить, где и в силу какого приговора был расстрелян адмирал Колчак и будет ли мне как самому ему близкому человеку выдано его тело для предания земле по обрядам Православной церкви». Резолюция на письме гласила: «Ответить, что тело Колчака погребено и никому не будет выдано».

После расстрела Колчака его возлюбленную из тюрьмы

выпустили. Но уже в июне 1920 года арестовали снова и отправили «сроком на два года без права применения к ней амнистии в Омский концентрационный лагерь принудительных работ». После освобождения она вышла замуж – в третий раз. За инженера-путейца Всеволода Константиновича Книппера. Не по любви. И вообще об этом ее браке известно мало. Но видимо, одной жить было невыносимо. Фамилию оставила двойную: Тимирёва-Книппер. Отыскала сына Владимира. Некоторое время жили спокойно…

Колчак – Верховный правитель России. 1919 год

В 1925 году – новый арест: «За контрреволюционную деятельность, выразившуюся в проявлении среди своего окружения злобных и враждебных выпадов против Советской власти, ОО УГБ НКВД арестована бывшая куртизанка – жена

Колчака, Книппер-Тимирёва Анна Васильева. Обвиняется в том, что, будучи враждебно настроенной к Советской власти, в прошлом являлась женой Колчака, находилась весь период активной борьбы Колчака против Советской власти при последнем… до его расстрела… На данный период Книппер, не разделяя политики Соввласти по отдельным вопросам, проявляла свою враждебность и озлобленность по отношению к существующему строю, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 УК. Виновной Книппер себя признала». Приговор – лагерь и ссылка на пять лет. Правда, освободили раньше срока… Но снова арестовали в 1935 году.

Утешением для Анны Васильевны стала сравнительно благополучная судьба сына, который свободно жил в Москве, учился в Архитектурно-конструкторском институте, одновременно занимался акварелью, у него даже выставка прошла с большим успехом. Но в 1938 году Владимир Сергеевич Тимирёв был арестован за переписку с находившимся за границей отцом, что приравнивалось к шпионской деятельности. То, что Сергей Николаевич Тимирёв скончался в Шанхае еще в 1932 году, не имело значения. Владимира расстреляли.

Анну Васильевну почему-то оставили в живых. Выпускали и снова арестовывали. С 1949 года – в ссылке. В 1942 году в Москве скончался ее третий муж Всеволод Константинович Книппер. Анна Васильевна узнала об этом спустя несколько лет. Тогда думала – просто перестал ей писать, устал ждать.

Амнистировали ее в 1954 году, но до реабилитации в 1960-м Анна Тимирёва была лишена права проживания в 15 крупных городах СССР. В промежутках между арестами работала библиотекарем, архивариусом, маляром, бутафором в театре, чертежницей… И все эти годы она преданно, страстно любила Александра Васильевича Колчака, отмечала все важные для них двоих даты и писала ему – мертвому – письма и стихи.

Полвека не могу принять —
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь,
Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Верховный Правитель адмирал Колчак, офицеры его окружения и представители союзников. 1919 год

Анна Васильевна Тимирёва-Книппер умерла в 1975 году пережив своего любимого на 55 лет.

Потомки замученных колчаковцами сибиряков – а погибших за время режима было не менее 200 тысяч! – яростно протестовали против идеи поставить Колчаку памятник, будь то в Омске, откуда он правил, или в Иркутске, где его казнили. Если уж признавать заслуги адмирала – то как путешественника и ученого. А значит – памятнику место на острове посреди Карского моря, который когда-то был назван в честь Колчака, потом был островом Расторгуева и которому опять возвращено имя сурового адмирала… Однако в 2004 году ко дню рождения Александра Васильевича в Иркутске памятник все же открыли, объясняя это тем, что адмирал был фигурой слишком неоднозначной и нельзя сводить всю его деятельность к зверствам в период военной диктатуры.

Вера Левченко и Владимир Холодный: «Сказка любви дорогой»

...

Вера Левченко и Владимир Холодный

♦ *Левченко (по мужу – Холодная) Вера Васильевна (5 августа 1893, Полтава, Российская империя – 16 февраля 1919, Одесса) – величайшая актриса русского немого кино, «королева экрана».*

♦ *Холодный Владимир Григорьевич (точный год рождения неизвестен, приблизительно 1885–1888, Москва, – апрель (?) 1919 года, Москва) – юрист, в Первую мировую войну – офицер-доброволец.*

♦ *Она – великодушная, нежная, трудолюбивая, обладавшая одновременно огромным чувством долга, развитым воображением и изысканным вкусом, окружающим казалась воплощением человеческого идеала.*

♦ *Он – добрый, любящий, верный, рассудительный, скромный, способный страстно и самоотверженно любить, оказался в тени знаменитой жены, но держался с достоинством.*

♦ *Женаты. Обвенчаны.*

♦ *Преданно любили друг друга с первого дня знакомства и – навсегда. Семья для обоих всегда была приоритетна.*

♦ *Общие дети: Евгения (родилась в 1912 году), Нонна (удочерена в 1913 году)*

♦ *Ни одной измены.*

♦ *Были вместе с 1910 по 1919 год.*

♦ *Их разлучила смерть Веры Васильевны, но Владимир Григорьевич ненадолго пережил жену.*

...

Иногда кажется, что некоторые браки свершаются на небесах, причем задолго до встречи будущих супругов. А некоторые пары просто обречены на любовь друг к другу – на любовь с первого взгляда! И еще встречались в истории – не в литературе, не в пьесах Шекспира, а в реальной истории – влюбленные, которые друг без друга жить не могли. Умирал один – и другой словно спешил вслед за ним в мир иной, где они снова будут вместе. Именно такая история произошла в начале XX века в России, а героями ее стали самая знаменитая киноактриса, которую называли «королевой экрана», и ее супруг – скромный юрист. Ее звали Вера Левченко, но в историю она вошла под фамилией мужа Владимира Холодного.

16 февраля 1919 года в Одессе, в доме Попудова на Пушкинской улице умирала женщина.

Сестра Веры Софья вспоминает, что, глядя на эти кадры, даже близких пробирал холодок ужаса: была ли Вера Холодная реальной женщиной или она существовала только на экране?

Она была молода – двадцать шесть лет.

Она была очень красива – темнокудрая, с большими лучистыми глазами и совершенно ангельским личиком.

Она была счастлива в браке. Правда, сейчас муж ее был далеко – так далеко! – и не знал даже, что она умирает… Но мать и сестры сидели у ее постели, а в соседней комнате тихо плакала дочка.

Вера и Владимир Холодные

Она была всеми любима. Действительно – всеми. Под окнами дома уже несколько дней и ночей стояла темная, скорбная, недвижная толпа. Согревались у костров. Тихо переговаривались. Очень тихо – чтобы не тревожить больную.

Она знала, конечно, об их присутствии там, за окнами. Ей сказали об этом мать и сестра. И она была бесконечно благодарна всем этим незнакомым людям за их любовь – настоящую любовь, которая одинаково сильно проявляется «и в горе, и в радости, и в

болезни, и в скорби»… Она была благодарна им за их любовь и очень сожалела о том, что покидает их навсегда и никогда уже не сможет по-настоящему их отблагодарить и порадовать.

Она сознавала, что умирает, потому что болела уже восемь дней, и ей становилось все хуже и хуже. Боль в груди, удушье и жар, страшный жар, буквально сжигавший ее изнутри… Она то впадала в забытье и бредила, то вдруг приходила в себя, звала мать, сестру, дочерей – чтобы благословить, попрощаться. Вспоминала мужа, и глаза ее, сухо блестевшие от жара, наполнялись слезами:

– Володя, верно, там, в Москве, и не чувствует, что я умираю!

– Ну что ты, деточка, что ты! Не говори так, ты будешь жить! – глухим от усталости и слез голосом отвечала ей мать.

Но она упорно просила позвать священника. Хотела исповедоваться, причаститься перед смертью. Всю жизнь она была доброй христианкой – честной, целомудренной, смиренной, любящей – не исходя из религиозных принципов, она просто так жила, для нее это было естественно, это исходило из самой природы ее существа – доброта, честность, искренняя детская вера. Потому и умереть она теперь хотела по-христиански – с Божьим благословением, смиренно принимая свою участь. Умереть по-христиански – раз уж Господь так рассудил, что нельзя ей пожить подольше…

Смеркалось, синие тени ползли по снегу, становилось холоднее, но толпа не редела, а напротив – разрасталась, заполняя соборную площадь. Усилена была и выставленная возле дома охрана. В восемь часов вечера из подъезда вышел какой-то человек и что-то очень тихо сказал начальнику охраны. Никто не расслышал, но все увидели, как охранники снимают форменные фуражки.

– Умерла! – пронеслось по толпе.

Мгновение все молчали, а потом разом зашумели, заговорили, заплакали…

Вера Холодная с дочкой Женей

Умерла!

Вера Холодная умерла!

Такая красавица! Такая актриса! Такая звезда закатилась! Как же теперь они – без нее? Как теперь без нее – кино? Быть может, теперь и вовсе никакого кино не будет?!

…Будет. Но уже не такое. Такого кино не будет уже никогда, как не будет уже никогда в России такой актрисы. Такой звезды. Во всяком случае, сегодня, спустя восемьдесят лет после ее смерти, мы можем сказать: такой больше не было. Были другие. Возможно, более великие и более актрисы, но никого из них не любили так поистине всенародно, так возвышенно, так поэтично, как любили Веру Холодную.

Она была первая русская звезда, и она же – единственная настоящая звезда отечественного кино.

Она пробыла на экране всего три года. Снялась больше чем в пятидесяти фильмах – из них дошли до нас всего пять, и даже не все названия ее фильмов сохранились, так что полную фильмографию Веры Холодной составить не представляется возможным. Говорят – от пятидесяти до восьмидесяти фильмов. За три года работы…

Жития ее было 26 лет, 6 месяцев и 7 дней.

Есть такая сказка – о Спящей Красавице. О том, как двенадцать фей собрались возле колыбели новорожденной Принцессы с дарами: одна принесла красоту, другая одарила добротой, третья – чистосердечием, четвертая предсказала, что Принцесса будет счастлива в дружбе, пятая посулила неземную любовь, остальные наградили всевозможными талантами… Король и Королева радовались, пока в полночь не появилась

тринадцатая фея – злая старуха, разгневанная тем, что ее пригласить позабыли. Она тоже принесла Принцессе свой дар – раннюю смерть. В расцвете молодости и красоты, щедро одаренная другими феями и всеми любимая, Принцесса должна была уколоться о веретено и умереть.

Конечно, в сказке на выручку Принцессе пришла ее добрая крестная, обещавшая, что Принцесса не умрет, а только заснет на сто лет – пока не разбудит ее поцелуй влюбленного Принца. Но так бывает только в сказках. В реальной жизни Принцесса была бы обречена, и никакой принц не смог бы ее спасти хотя бы потому, что такое сказочное создание в реальности существовать просто не может. Не бывает так, чтобы и красива, и добра, и чиста, и талантлива, и удачлива, и всеми любима… А если и рождаются такие, то не чаще чем раз в сто лет! И помнят о них потом столетиями.

Вера Холодная была именно таким сказочным созданием. Словно Принцесса, крестница двенадцати фей – она была одарена всеми возможными талантами и добродетелями, и любовью, и дружбой, и счастьем. Скромная жена московского юриста едва ли не в одночасье стала знаменитой киноактрисой, кумиром публики… Чем не сказка, воплотившаяся в реальность?

Но и без проклятия злой колдуньи явно не обошлось, ведь умерла она совсем молодой, в расцвете красоты, на вершине славы…

Она была первой русской Звездой.

Ее называли королевой экрана.

Она родилась 5 августа 1893 года в Полтаве, испокон веков славившейся своими красавицами.

Отец – Василий Андреевич Левченко – окончил словесное отделение Московского университета и приехал в Полтаву учительствовать.

Мать – Екатерина Сергеевна Слепцова – выпускница Александро-Мариинского института благородных девиц.

Они обожали друг друга. Жили скромно, почти бедно, но очень счастливо. Василий Андреевич, помимо преподавания в школе, давал частные уроки. Екатерина Сергеевна готовила обеды для студентов-столовников.

Ни отец, ни мать красивы не были, но девочка с самого младенчества была как картинка! Грустноглазый, темнокудрый ангел. Все, знавшие маленькую Верочку Левченко, поражались ее красоте и внешнему несходству с родителями. Ну а родители – родители радовались, гордились, не зная еще, как богато одарила их первенца судьба…

Вере было два года, когда скончался ее дедушка, и овдовевшая

бабушка попросила дочь и зятя перебраться обратно в Москву – поближе к ней. Они послушались – вернулись, поселились где-то в районе Кисловских переулков; точное местонахождение дома семьи Левченко не установлено.

В фильме «Жизнь за жизнь»

В Москве при поддержке родственников благосостояние семьи наладилось, появилось время для досуга, в дом стали наезжать гости, и по моде тех времен для развлечения хозяева устраивали литературные вечера, ставили вместе с гостями маленькие спектакли и «живые картины»: несколько участников прятались за ширмой и без слов разыгрывали сцену из какого-нибудь литературного произведения, а зрители должны были угадывать… Еще Василий Андреевич – как и многие малороссы – очень хорошо пел, а Вера, тогда еще совсем крошечная, подпевала ему… Вообще-то Верочка была на редкость тихим и послушным ребенком, но когда приезжали гости, удержать ее в детской было просто невозможно! Она любила не только петь, больше всего она обожала «живые картины». Очень рано научилась читать и читала много, запоем, но не столько из любви к литературе, сколько из желания найти как можно больше тем и сюжетов для «живых картин». Когда не было гостей, разыгрывала «живые картины» между куклами, сама шила для них костюмы из лоскутков и заставляла родителей угадывать, какую именно сцену ее куклы представляют. В общем, Вера Левченко была не только очень красивым, но и достаточно необычным ребенком. Когда Вере исполнилось два с половиной года, 28 декабря 1895 года в

Париже состоялся показ первого фильма братьев Люмьер – «Прибытие поезда». Фильм – документальный и весьма короткометражный – имел огромный, просто оглушительный успех, так же, как и следующий фильм – «Кормление малыша».

Она пробыла на экране всего три года. Снялась больше чем в пятидесяти фильмах – из них дошли до нас всего пять, и даже не все названия ее фильмов сохранились, так что полную фильмографию Веры Холодной составить не представляется возможным. Говорят – от пятидесяти до восьмидесяти фильмов. За три года работы…

Начался век кино! В российских газетах писали об иностранной диковинке, но никто предположить не мог, что это – эпохальное открытие, и уж подавно в семье Левченко новости не уделили должного внимания. Разве могли подумать мать с отцом, что в этот день на бульваре Капуцинов решилась судьба их прелестного первенца, кудрявой сероглазой Верочки?

В 1896 году родилась вторая дочь Левченко – Надежда. Разница в три года в общем-то невелика, но несмотря на то что Верочка питала трепетную нежность ко всем без исключения своим родственникам, особенно близки сестры не были. По крайней мере, в детстве и в подростковом возрасте они не были подругами. Надя была здоровой, веселой, шумной девочкой – такой же, как и большинство ее сверстниц, а серьезная Верочка среди сверстников друзей не имела и всегда тянулась к взрослым.

Когда Вере исполнилось десять, ее отдали учиться в частную гимназию Перепелкиной – довольно известное в Москве учебное заведение, где особенное внимание уделялось эстетическому воспитанию девочек. Вместе с гимназическим классом Вера впервые попала в Большой театр, на балетный спектакль… Красота музыкального действа так поразила ее, что с этого момента она только и грезила балетом.

Уроков классического танца в гимназии ей было мало, и Верочка буквально вымолила у родителей разрешение держать конкурс в балетное училище Большого театра.

Родители согласились, втайне думая, что Верочку не возьмут: она была хоть и грациозной, но довольно-таки полненькой девочкой. Правда, в те времена балерины еще не были такими худыми и жилистыми, как нынешние, да и балет начала века еще не был таким спортивным и энергичным… Но Верочка Левченко была полновата даже по канонам того времени. Она очень любила покушать. Екатерина Сергеевна, смеясь, называла дочь «полтавской галушкой» – не предполагая даже, что со временем так будут называть киноактрису Веру Холодную ее соперницы и злобствующие критики.

Несмотря на полноту и огромный конкурс, Верочка в училище поступила. Сыграла роль ее необыкновенная красота: тогда в балеринах ценилась не только пластика, но и хорошенькое личико. Занималась Вера очень усердно, но через год родители вынуждены были забрать ее из училища – этого требовала бабушка, мыслившая по-старинному и считавшая позорным, что девушка из почтенной семьи «кривляется на сцене». По мнению Екатерины Владимировны Слепцовой, подобные «кривляния» были уделом «падших». Она ведь еще помнила те времена, когда актеров в порядочные дома не приглашали и даже хоронили за церковной оградой как преступников или самоубийц! Екатерина Владимировна материально поддерживала семью дочери и считала себя вправе распоряжаться судьбою внучек. Василий Андреевич и Екатерина Сергеевна не посмели ее ослушаться. Попыталась вступиться за Веру подруга Екатерины Сергеевны, актриса Малого театра Елена Константиновна Лешковская, в то время находившаяся в зените славы и пользовавшаяся всеобщим уважением… Но властная старуха не пожелала даже слушать – для нее Лешковская была как раз «падшей», и ее возмущало уже то, что дочь и зять принимают актрису в своем доме и позволяют общаться с ней своим маленьким дочерям.

Бедной Верочке пришлось смириться и вернуться в гимназию Перепелкиной.

А потом ей и вовсе пришлось позабыть о праздных мечтаниях: в 1905 году, когда Екатерина Сергеевна была беременна третьей дочерью – Соней, Василий Андреевич Левченко простудился и умер от крупозного воспаления легких.

В фильме «Позабудь про камин, в нем погасли огни!»

Екатерина Сергеевна была сильной женщиной. Трагедия не сломила ее. Она как-то сразу поседела и постарела в тот страшный год, и незнакомцы, видя ее с маленькой Соней на руках, считали, что она – бабушка этого прелестного младенца; скорбь сжигала ее душу, но Екатерина Сергеевна не позволила скорби омрачить детство своих дочерей. Почти не изменился привычный уклад дома Левченко – продолжались уроки музыки, которые она сама давала своим дочерям, так же, разве что чуть реже, приезжали к ним гости, так же возили девочек в театр…

Театр…

Наверное, Екатерине Сергеевне следовало бы держать свою излишне впечатлительную старшую дочь подальше от театра. Наверное, ей следовало пореже приглашать в дом артистов. Верочка была просто без ума от всего, что происходило на сцене, за сценой и вокруг сцены… Жадно слушала рассказы артистов. Радовалась, когда ее приглашали на артистические вечера, иногда устраивавшиеся в Художественном театре, а поход с матерью и сестрой на спектакль был для нее и вовсе праздником души.

В сентябре 1908 года из Петербурга в Москву приехала Вера Комиссаржевская. Верочка Левченко увидела ее в главной роли в популярной тогда трагедии «Франческа да Римини» итальянского поэта Габриэле Д'Аннунцио. Эта роль – одна из самых знаменитых ролей Комиссаржевской. Достаточно сказать, что и саму-то трагедию перевели на русский язык Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов специально для нее – для Великой Актрисы… Все критики восхищались ее игрой в этом спектакле. Толпы

народа валили в театр, отстаивали огромные очереди за билетами, студенты толпились на галерке, и барьер едва не рушился под их напором!

Родные Верочки Левченко позже вспоминали, что после просмотра «Франчески да Римини» девочка буквально заболела. Несколько ночей подряд не спала. Грезила наяву. Невпопад отвечала. В школе была невнимательна и получила на нескольких занятиях низший балл – это она-то, такая аккуратная и внимательная, круглая отличница, служившая примером для соучениц! Учителя были уверены, что Вера Левченко попросту нездорова, и позже дали ей возможность эти «неуды» исправить… Но тогда, в первую неделю после спектакля, ей было все безразлично, даже двойки ее не огорчили.

Вера на коллекционной открытке

Она несколько раз перечитала «Франческу да Римини». Выучила несколько монологов. Читала их вполголоса перед зеркалом. Сердилась на сестру Надю за то, что та подслушивала и глупо хихикала. Сердилась на себя за то, что не получалось прочесть эти монологи так же правдоподобно и страстно, как их читала Комиссаржевская. Сердилась и плакала… Позже вроде успокоилась – стала ровна и внимательна, снова сосредоточилась

на учебе. Родные решили тогда, что Верочка просто слишком впечатлительна и эмоциональна – возможно, из-за того, что так рано потеряла обожаемого отца… Советовали матери быть с ней осторожнее.

Тогда ни они, ни даже сама Вера еще не поняли, что в ней пробудилась Актриса.

Первыми ее талант, наверное, разглядели в гимназии – недаром Вере Левченко отдавали все заглавные роли в гимназических постановках. Лучше всего в памяти соучениц сохранились две сыгранные Верой роли: Люба Закрутина в трехактной комедии В. Крылова «Сорванец» и Лариса Огудалова в знаменитой драме А. Н. Островского «Бесприданница». И если ее Любе Закрутиной гимназистки просто дружно аплодировали, то на «Бесприданнице» даже самые старшие, даже учительницы и классные дамы не смогли сдержать слез: Верочка Левченко была буквально создана для трагических ролей!

Годы шли, мечта о сцене отдалялась, пока не сделалась и вовсе зыбкой, нереальной, хотя Верочка все еще играла в любительских спектаклях и обожала кататься на коньках: возможно, танцуя на льду, Верочка воображала себе сцену Большого театра, недосягаемую для нее… В те времена еще катались под музыку в призрачном свете газовых фонарей, создававшем ощущение нереальности происходящего – словно видение, запечатленное на старой кинопленке. Те, кто любовался Верочкой тогда, на катке, будут потом брать штурмом кинотеатры, чтобы снова увидеть ее в призрачном свете кинопрожектора. Время шло, Верочка заканчивала гимназию, близился выпускной бал…

О, выпускные балы тех времен – не чета нашим, современным! Во времена наших прабабушек выпускной бал для каждой девушки становился одним из самых значительных событий и помнился потом всю жизнь. Первый выход в свет! Пусть не в Большой Свет, но все-таки – танцевать в огромном, ярко освещенном зале! Не в гимнастическом, где проходили уроки танцев, а в настоящем, бальном, и не под дребезжащие звуки старенького рояля, а под настоящий оркестр! Танцевать не друг с другом, как на уроках танцев, а с мужчинами – молодыми, старыми, студентами, офицерами, сановниками, родственниками одноклассниц и посторонними… С мужчинами, всеми правдами и неправдами старавшимися попасть на выпускной гимназический бал именно потому, что для всех присутствующих девушек этот бал – первый! Впервые надеть настоящее «взрослое» бальное платье – длинное, открытое, со шлейфом – и обязательно белое, все выпускницы должны быть в белом… Белое бальное платье –

после скромных коричневых и серых форменных платьев, длиной едва ли не доходивших до щиколотки. Глубокое декольте – после черных пелеринок, без которых нельзя было выйти на улицу. Кружево и особенно модная в десятые годы аппликация – после накрахмаленных передничков, которые в гимназии снимали за провинность даже с великовозрастных девиц. Им это казалось чудом, сказочным преображением, и первое бальное платье тоже запоминалось на всю жизнь – как и сам первый бал – и порой сохранялось в каком-нибудь сундуке как драгоценная реликвия… Даже в бедных семьях девочек, учащихся за казенный счет, уже за год до выпуска начинали откладывать деньги для того, чтобы сшить выпускное платье – и чтобы не хуже, чем у других, богатых! И чтобы к платью обязательно длинные, выше локтя, бальные перчатки! И тонкие, как паутинка, чулки! И легкие-легкие атласные бальные туфельки! Ведь первый бал – это так важно! Особенно важно, если из-за благосостояния семьи первый бал мог стать и последним в жизни девушки…

Но если она была хороша собой – на первом балу ее могли заметить. Ведь мужчины слетаются на выпускные гимназические балы, как осы на мед… А что может быть лучше для юной особы, чем сразу же после выпуска – как можно скорее – выйти замуж. Тогда родителям уже не придется тревожиться за нее, а ей не придется тревожиться о пропитании, искать переводов или наниматься гувернанткой в богатую семью – а как еще женщина может прокормиться? Или замуж, или в гувернантки, или романы переводить… Но лучше всего все-таки замуж – надежный путь к комфорту, проверенный веками.

Но чтобы выйти замуж, надо прежде всего произвести впечатление! И вот родители разоряются на белое бальное платье, на туфельки, чулки и перчатки, на букетик каких-нибудь нежных и ароматных цветов, которые следует приколоть к поясу или на плечо, и еще – на парикмахера, разумеется, потому что на выпускной бал можно сделать первую в жизни «взрослую» прическу – высокую, в локонах и лентах – и никакая злобная классная дама не заставит размачивать эти локоны и заплетать их в надоевшую косу…

…Родители думали о хорошей партии для своих подросших девочек и заботились о наряде, а сами девочки трепетали в предвкушении: ведь каждой хорошо начитанной барышне известно, что именно на первом балу можно встретить Принца Своей Мечты. И в сказках, услышанных в детстве, и в романах, прочитанных в юности, Героиня знакомилась с Героем именно на своем первом балу. Позже им обоим нередко приходилось переживать долгие годы разлуки и козни врагов, во всякой сказке,

в каждом романе разные. И все же встреча и первая вспышка яркого, ослепительного, всепоглощающего чувства (о котором в те времена каждая барышня мечтала так же пылко, как современные барышни мечтают о собственном «Мерседесе», о платье от Живанши и об украшениях от Картье) неизменно случалась на первом балу. В этом была особая магия и какая-то тайна… Ведь если ты Золушка и этот бал – твой первый и последний, то тогда вполне естественно, что и возможность встретить Принца Мечты тоже первая и последняя! А если ты и сама – Принцесса? Если впереди у тебя целая череда великолепных балов и роскошных приемов, на которых будут присутствовать принцы во множестве и разнообразии? Все равно именно первый бал имеет особое значение! Принца – просто принца – можно встретить и на каком-нибудь другом балу, позже… А вот Принца Своей Мечты – только на первом! Все барышни знают это! Во всяком случае, те из них, кто читает романы и верит в сказки.

Открытки с изображениями Холодной были невероятно популярны

…О чем мечтала накануне своего первого бала Верочка Левченко? Если о Принце, то мечта ее сбылась, и ей, как сказочной героине, удалось не только встретить его, но и узнать Прекрасного Принца под скрывавшим его скромным образом молодого юриста Владимира Григорьевича Холодного. На первом своем балу Верочка, разумеется, блистала – несмотря на то что мать ее по бедности сшила ей платье сама, совсем простое, из

дешевой «неноской» ткани. Впрочем, это платье и не предназначалось для того, чтобы его носить… Оно шилось для одного-единственного вечера. Все равно в будущем Верочку Левченко вряд ли могло ожидать что-то более роскошное, чем танцевальный вечер у друзей на пять-шесть пар, в маленькой гостиной, под звуки рояля, ибо танцевать под граммофон в те времена еще считалось дурным тоном… Да, будущее не сулило ей никаких чудес. Но все-таки она была самой красивой в выпуске гимназии Перепелкиной 1910 года. Верочка так рано расцвела!.. Сказалась ли южная кровь отца или злое предначертание начало сбываться уже тогда, даруя обреченному цветку ранний расцвет? Уже тогда ее прекрасные налитые плечи и округлые точеные руки удивительно контрастировали с по-детски нежным, всегда печальным личиком – словно земное и небесное идеально слилось в этой девушке… Не заметить ее было нельзя. И ее заметил – правда, не богатый и знатный, о котором, возможно, могла мечтать ее мать, терпевшая бедность как во время своего короткого, но счастливого брака, так и в годы долгого, скорбного вдовства.

Вера и Владимир в прифронтовом госпитале. 1916 год

На первый же танец ослепительную Верочку Левченко пригласил – осмелился пригласить! – совсем молодой человек, никому не известный и очень скромный. С ним она и протанцевала весь вечер. Верочка танцевала божественно – она ведь едва не стала балериной! – а Владимир Холодный был неловок… Да и не очень-то хорош собой – большой, плечистый, круглолицый, добродушный, по воспоминаниям друзей, он был

похож не то на медведя, не то на сенбернара. Рядом с ним Верочка казалась особенно изящной и особенно красивой. Она изо всех сил помогала ему танцевать – буквально вела его через зал, задавая направление и темп, а он ничего не замечал, неуклюже поворачивался, толкал других танцоров и говорил, говорил, говорил – без умолку говорил весь вечер, а Верочка молча смотрела на него своими громадными, лучистыми глазами. Слушала. Он был романтичен, сентиментален, восторжен. Он умел увлекать. Вот она и увлеклась.

В фильме «Лунная красавица»

При дружном неодобрении обоих семейств – Левченко и Холодных – Вера и Владимир поженились… до неприличия быстро. Особенно переживали мать и бабушка Веры – девочке едва исполнилось семнадцать лет! Вопреки нашим современным представлениям, в конце позапрошлого и начале прошлого столетия в достойном русском обществе столь ранние браки вовсе не приветствовались. Хорошим тоном считалось проверять чувства временем: случалось, от знакомства до помолвки юноша и девушка были знакомы лет пять, а с момента помолвки до свадьбы проходило два-три года… Возможно, это и неплохо и даже очень правильно – но только не в тех случаях, когда чувство так сильно, что каждый миг промедления кажется вечностью, а испытание временем подобно смерти!

Чувство, в одночасье вспыхнувшее между Верой и Владимиром, было истинно глубоким и чистым – исключительная любовь, которая встречается так редко… До самой смерти эти двое обожали, боготворили друг друга, оставались безупречно верны и в жизни, и в смерти – Владимир Холодный так и не смог пережить потерю жены и быстро ушел вслед за ней. Но до этого еще далеко. Хотя – не так уж далеко, если подумать… И все-таки – далеко. Хорошо, что люди не могут предвидеть своего будущего – только предчувствовать могут и редко верят предчувствиям – супружеская жизнь Веры и Владимира Холодных не была омрачена предвидением неизбежной трагедии. Тогда, в 1910 году, они еще были уверены, что будут жить долго и счастливо. Действительно, жили они очень счастливо, хотя очень недолго… Почти как родители Веры – только им на счастье был отпущен еще меньший срок.

Не могут предвидеть, но предчувствовать могут.

«…Свадьба проходила скромно, Вера была молчалива, грустна, вообще она всегда отличалась скромностью, не любила павлиньих цветов, нарядов и украшений. Присутствовали на свадьбе простые люди <…> В моих наблюдениях я пришла к выводу, что Вера Холодная была простой, умной, любящей свой народ женщиной, равнодушной к нарядам и блеску золота».

Это единственное воспоминание о свадьбе Веры и Владимира. Мария Николаевна Левина, артистка Большого театра, приглашенная на свадьбу в числе немногих близких друзей, написала эти слова тогда, когда Вера Холодная уже стала легендой.

А свадебных фотографий не сохранилось вовсе.

Но сохранились – для нас, а для них появятся позже кадры из фильма «Жизнь за жизнь»: там Вера Холодная – Ната Хромова –

предстает в свадебном наряде. Темные кудри шелковисто поблескивают под дымкой фаты, гирляндочки из мелких белых цветов в волосах и на платье, печально опущенные ресницы, и скорбь, затаившаяся в уголках губ… Такой, наверное, она была и в день своей настоящей свадьбы. Такой запомнила ее Мария Левина.

В фильме «Молчи, грусть, молчи!»

Но если героиня Холодной Ната Хромова выходила замуж за старого, богатого, нелюбимого – и нам, зрителям, вполне понятна ее печаль, – то сама Верочка Левченко выходила за самого любимого, дорогого, единственного… Так отчего же она была молчалива и грустна? Быть может, все-таки – предчувствие?!

Оба они – и Вера, и Владимир – родились в счастливых и любящих семьях. Известный факт, что дети из счастливых семей бывают счастливы в браке так же, как и их родители. Возможно, супружеская любовь – это тоже искусство, которому следует обучать с младенчества…

Дед Владимира Холодного, малороссийский купец Макар Холодный, прожил 125 лет, при этом женат был только единожды и во вдовстве прожил большую часть жизни.

Оба сына его – Григорий и Иван, отец и дядя Владимира, – были счастливы в браке и имели один девять, другой – восемь детей.

Григорий Макарович Холодный хоть и вышел из купеческой среды, но образование получил университетское и всю жизнь

преподавал историю сначала в тамбовской, позже – в воронежской мужских гимназиях. Женился он на девушке из русской интеллигентной семьи: Александра Алексеевна Бородина, мать Владимира и свекровь Веры, увлекалась поэзией, музицировала, тонко понимала прекрасное – возможно, именно поэтому она так полюбила свою очаровательную невестку? В каждом из девяти своих детей Александра Алексеевна сумела развить некое особое, только ему присущее дарование.

Так, один из братьев Владимира, Алексей Холодный – тоже юрист по образованию, служил в Министерстве финансов, но при этом был известен на весь Петербург как утонченный музыкальный критик.

Другой брат – Николай – избрал для себя ботанику и сделался впоследствии ученым с мировым именем.

Григорий занимался астрономией.

Сестра Александра окончила Харьковскую консерваторию, была достаточно известной певицей.

Сестра Ольга занялась медициной.

Сам Владимир Григорьевич помимо юриспруденции был заядлым автомобилистом. Для тех времен – увлечение весьма оригинальное: несмотря на то что автомобиль как средство транспорта был уже достаточно распространен (только в Москве в 1913 году насчитывалось 1283 автомобиля), автоспорт не имел еще сегодняшней популярности. А Владимир Холодный увлекался именно автоспортом – гонками – и даже издавал первую в России спортивную газету «Ауто». Он сумел заинтересовать этим опасным спортом Веру, и сколько раз они попадали в аварии! Автомобиль Владимира Холодного то врезался во что-нибудь, то переворачивался… Каждый раз молодые супруги спасались чудом, словно кто-то свыше хранил их для жизни – и для другой смерти…

После свадьбы Вера и Владимир вместе с матерью, бабушкой и сестрами Веры переехали на улицу Ново-Басманную, в дом № 28, а через два года супружеской жизни девятнадцатилетняя Вера Холодная стала матерью.

Ее дочка Женечка родилась в 1912 году. Роды были тяжелые, поправлялась Вера целых полгода, и семейный доктор категорически запретил ей второго ребенка – по крайней мере в ближайшее время, пока организм не окрепнет. Но ни Вера, ни Владимир просто представить себе не могли, как же их дочь будет жить без братьев, без сестер… Им казалось, что Женечке будет одиноко и скучно.

Рисковать здоровьем Веры они, конечно, не могли, но когда Женечке исполнился год, они удочерили еще одну девочку –

Нонну.

Став матерью, Вера уже не решалась так же бесшабашно, как прежде, разделять с мужем его рискованные забавы. Да и сам Владимир стал осторожнее – реже участвовал в автогонках, больше времени уделял журналу.

Зато Вера все чаще бывала в артистическом клубе «Алатр» (изначально – кружок поклонников великого оперного певца Леонида Собинова), иногда выступала там, танцевала или пела, читала стихи.

Вера в балетной школе

Посещала и знаменитый дом Перцова в Соймоновском проезде – великолепный дом, построенный в стиле русского модерна, не сохранился – но в начале века его называли «русским

Монмартром»: там собиралась не только театральная, но и вообще творческая молодежь, московская богема: начинающие поэты и писатели читали там свои произведения, художники устраивали маленькие выставки. Настоящими хозяйками этого дома были хорошенькие и хорошо образованные барышни и дамы. Они разливали чай, подавали тарелочки с пирожными и вообще украшали литературные вечера своим присутствием, как и подобает представительницам прекрасного пола.

А еще в жизни Веры появилось новое увлечение, определившее всю ее дальнейшую прижизненную и даже посмертную судьбу.

Увлечение это – кинематограф.

Вот что писал о Вере Холодной режиссер Иван Николаевич Перестиани: «На облике сравнительно юной Веры Холодной лежал отпечаток той грусти, что свойственна нашей северной природе в дне ранней осени. И возможно, что именно эта пассивная нежность фигурки, глаз и движений роднила ее со зрителем».

Кинематограф! Для нас, современных, кино – неотъемлемая часть повседневности, без кино действительно не мыслится уже человеческое существование: фильмы снимались в воюющей Югославии, снимаются в бедно и тяжело живущей России. А каким сказочным чудом казалось кино в те времена! Его называли «сюжетной светописью»: бледные лунные тени скользили по экрану как призраки… Вначале кино было диковинкой, чем-то экзотическим, очередным научным открытием. Снимались просто сценки, и зрители шли смотреть не сюжет, а то, как на экране посредством света, пропущенного через пленку, рождаются движущиеся образы. Это чем-то напоминало театр теней и вместе с тем живые картины… Позже появились сюжетные фильмы, комедии положений, мелодрамы. Как серьезное искусство кино не рассматривалось. Серьезным искусством был театр, и в те времена никто даже и предположить не мог, что диковинное изобретение братьев Люмьер (в переводе с французского «люмьер» – «свет» – чем не мистика?) может стать серьезным искусством в ряду других серьезных искусств, и всего за сто лет существования затмить, отодвинуть на задний план театральное искусство, существующее несколько тысячелетий!

Вера на коллекционной открытке

Кино в начале века считалось пустым развлечением, но популярно это пустое развлечение было просто невероятно! В кино ходили все. Появилась целая сеть кинотеатров – от роскошных с глубокими мягкими креслами и бархатными портьерами до скромных окраинных кинотеатров «в три скамейки», воспетых Мандельштамом. Перед началом фильма, как в современной опере, в фойе продавалось «либретто»: краткое

содержание фильма, чтобы зритель, прочтя, понял хоть что-то из происходящего на экране. Именно по этим чудом уцелевшим либретто мы можем судить теперь о большинстве (98 %) кинолент той эпохи. Во время сеанса в зале играл тапер. Работа «кинематографического» тапера оплачивалась очень хорошо, но считалась сложной, ведь мало было просто играть – нужно было подбирать музыку и темп исполнения согласно демонстрируемой сцене, сочинять переходы от одной мелодии к другой. Интересный факт: тапером в кино подрабатывала в молодости будущая звезда сталинской эпохи – Любовь Орлова; ее судьба оказалась связанной с кинематографом еще тогда, когда сама она даже не мечтала стать артисткой! В маленьких кинотеатрах либретто не продавались – сюжет фильма пояснял вслух в промежутках между мелодиями тапер или киномеханик. Но даже эта видимая простота, даже эта непохожесть на другие зрелищные искусства – даже она завораживала!

«…Загляните в зрительную залу. Вас поразит состав публики. Здесь все – студенты и жандармы, писатели и проститутки, интеллигенты в очках, с бородкой, рабочие, приказчики, торговцы, дамы света, модистки, чиновники – словом, все, – писал А. Серафимович. – Как могучий завоеватель, надвигается кинематограф. Повторяю – этому ни радоваться, ни печалиться. Это стихийно. Грядущее царство кинематографа неизбежно».

Анастасия Цветаева – в «Воспоминаниях» – в той части, которая относится к 1909 году: «Иногда – и все чаще – мы шли в синематограф. От картин тех лет в памяти – светлый туман. Каждый наш поход туда погружал нас в романтику, обогащал еще одной печалью, трагедией еще чьей-то судьбы. Проходило несколько дней, и Марина снова входит ко мне. Постоит у раскрытой форточки, лицо – в клубы морозного пара. Помолчит. Отойдет. Знаю, она вспоминает маму. Как передаваемый пароль: «Тоска, а?.. Хочешь, пойдем в синематограф?» И мы шли».

Спрос порождает предложение. Первые фильмы, разумеется, приходят из-за рубежа, но вскоре появляются и русские кинофабрики. Первый отечественный фильм – «Понизовая вольница» Василия Гончарова (1908 год) – про Стеньку Разина и безымянную персидскую княжну, злодейски им утопленную: экранизация, если так можно выразиться, популярной песни «Из-за острова на стрежень…». Позже одна за другой будут выходить на экран мелодрамы, снятые «по мотивам» популярных романсов, и во многих из них сыграет Вера Холодная. Фильм «Понизовая вольница» сохранился. Коротенький совсем, буквально несколько сценок, снимавшихся общим планом. Сейчас смотреть его смешно и умилительно. Все суетятся, мечутся, пляшет пышнотелая

княжна, а что, в сущности, происходит – не очень-то и понятно, но тогда фильм имел огромный, яркий успех.
Затем появились экранизации русской классики – так называемая «Русская золотая серия», в которую вошли «Гроза», «Бесприданница», «Обрыв», «Преступление и наказание», «Каширская старина»… Фильмы эти были, по нашим современным понятиям, короткометражные, очень простые, в них сохранялась только основная сюжетная линия, да и смотреть их, не прочитав прежде книгу, было практически невозможно. Это были экранизации в самом примитивном представлении, попросту кинокартинки к классическим произведениям. Но успех!..

«Такие выразительные печальные глаза, проникновенные глаза, что, раз увидев их, запоминаешь на всю жизнь»

В первых русских кинофильмах снимались известные драматические актеры Е. Рощина-Инсарова, Л. Юренева, Л.

Вивьен, В. Пашенная, П. Орленев, Р. Адельгейм, великолепный Максимов… Даже великий певец Федор Шаляпин – и тот появился на экране, как ни странным казалось его появление в какой бы то ни было роли без сопровождения великолепным басом. Драматические артисты тоже страдали из-за невозможности воспользоваться таким важным выразительным средством, как голос. Стоит прямо сказать: большинство из них на экране выглядело не очень хорошо. Блистательные, неотразимые на сцене – в лунных тенях «сюжетной светописи» они казались неловкими и неубедительными. Впрочем, они и относились-то к кино как к средству хорошо заработать, немного смешному и даже чуть постыдному. Для них театр и только театр оставался высоким искусством, заслуживающим того, чтобы отдавать ему всего себя, все душевные и физические силы… А кино – низменное развлечение толпы!

Иван Николаевич Перестиани, выдающийся деятель отечественного кино, сумевший послужить новому искусству и в качестве актера, и в качестве режиссера, и в качестве сценариста, вспоминал: «Репертуар того времени зиждился главным образом на сюжетах с любовной интригой и сильным уклоном в сторону «великосветских» героев и героинь. Графы, князья, бароны – вот излюбленные персонажи картин тех дней. Причем русскую жизнь, даже взятую в этих рамках, беспардонно искажали, заставляя всю эту титулованную знать совершать поступки никак ей не свойственные, в духе французских бульварных романов. Загадочные женщины, коварные мужчины, обольщения, бурные страсти и неизбежная дуэль были содержанием этих картин. Ориентация на такие постановки шла от провинциальных прокатчиков, к голосу которых чутко прислушивались фабриканты, чувствуя за ними зрителя. Я помню целый ряд писем, свидетельствовавший о тяге провинциальных посетителей кино к таким картинам, потому что «им желательно видеть, как живут люди», в какой обстановке и т. д. Нельзя, однако, сказать, чтобы постановкой этого сценарного товара занимались сценаристы. Нет, мастерилось это обычно самой фабрикой по простейшему рецепту. Брали авантюрный роман любого иностранца. Пьер становился Владимиром, Генриетта – Ларисой – и сценарий готов. Была еще тяга к детективным сюжетам».

В 1910 году на экран вышли фильмы с Астой Нильсен, которая по праву считается в мире первой серьезной кинематографической актрисой.

Будущая первая русская звезда – Вера Холодная – боготворила Асту Нильсен, по многу раз ходила на все ее фильмы…

Аста Нильсен выделялась среди прочих актрис того периода прежде всего особой манерой игры. Она не заламывала руки, не закатывала глаза, не запрокидывала назад голову, не искривляла рот в судороге отчаяния… Вообще, можно сказать, что по кинематографическим канонам начала века Аста Нильсен почти не играла. Она оставалась на экране предельно естественной. Она вела себя «как в жизни» – и именно эта естественность производила такое оглушающее впечатление на ее зрителей.

Должно быть, и Вера Холодная, сидя в темном кинозале, невольно спрашивала себя: как же счастлива должна быть эта женщина, «представляющая» на экране! У других людей – одна жизнь, одна смерть, одна любовь… У Асты Нильсен и жизней, и смертей было много. Не говоря уж о любви…

Возможно, именно желание прожить за одну свою жизнь десятки чужих экранных жизней привело Веру Холодную летом 1914 года на кинофабрику «В. Г. Талдыкин и К». Впрочем, существует и такое мнение, что Вера Холодная пришла в кино с желанием хоть немного заработать – дескать, семья переживала не лучшие времена, а за появление на экране красивым женщинам хорошо платили. Не похоже, что деньги имели для нее первостепенное значение. Еще можно допустить, что имело место тщеславное, но такое естественное желание запечатлеть и обессмертить свою красоту. Вера Холодная не могла не понимать, как она красива! Ей часто говорили об этом, потому что ее красота с первого же мгновения поражала всех, кто когда-либо с ней встречался в жизни, всех без исключения – и мужчин, и женщин. Да, даже женщин; в отличие от других красавиц, Вере Холодной редко завидовали, но зато влюблялись в нее – в ее светящуюся, магическую красоту – безоглядно, на всю жизнь… Она была даже больше чем красива – в ней было нечто, что позже многие вспоминавшие о ней пытались выразить в словах, но по-настоящему так и не сумели… В ее облике была какая-то магия.

В фильме «Дети века»

«У Веры Холодной был свой неповторимый шарм и такие выразительные, печальные, проникновенные глаза, что, раз их увидев, запоминаешь на всю жизнь. Ее глаза тревожили и волновали людей», – писала Г. С. Кравченко.

«На облике сравнительно юной Веры Холодной лежал отпечаток той грусти, что свойственна нашей северной природе в дни ранней осени. И возможно, что именно эта пассивная нежность фигурки, глаз и движений роднила ее со зрителем», – писал Иван Перестиани.

На фотографиях Вера Холодная получалась очень хорошо. Она была бесспорно фотогенична: завистники говорили, что на фотографиях она красивее и интереснее, чем в жизни или даже в кино… Но и на пленке она получилась великолепно. Проба была удачной, но дальше пробы дело не пошло. Предложений сниматься не было – ведь началась Первая мировая война… Кинофабрики спешно «перестраивались», чтобы вместо салонных драм и экранизаций классики выпускать патриотически-агитационные фильмы, в которых, как казалось поначалу, нуждалась публика.

«Юной дебютанткой В.В. Холодной при таких условиях никто не заинтересовался, и кинематография едва не потеряла возможность возвести на престол будущую свою «королеву», – напишет «Кино-газета» спустя четыре года, в 1918-м, в № 22,

целиком посвященном Вере Холодной.

Но это будет позже, а сейчас загремели пушки и музы испуганно умолкли, растерялись, не зная, как теперь нужно творить…

А Вера Холодная проводила мужа на фронт. Тогда патриотизм был искренним и всеобщим, и Владимир Холодный шел на фронт с искренним желанием сражаться за Бога, Царя и Отечество, за красавицу-жену и двух своих прелестных малюток. Вслед за Владимиром Григорьевичем отбыли на фронт его брат и сестра – в качестве военного врача и сестры милосердия.

Неизвестно, стала бы Вера Холодная предпринимать новые попытки проникнуть в лунную заэкранную реальность, а проще говоря – стала бы она снова пробовать свои силы в кино, если бы не случилось войны и любимый Володя оставался с ней. Но с его уходом на фронт в жизни молодой женщины образовалась ничем не заполняемая пустота. Постоянная тревога за мужа, забота о детях и сестрах – вот все, что ей оставалось. Возможно, для другой, обыкновенной женщины этого было бы достаточно, но Вера привыкла к жизни, богатой радостями духовными, теперь же литературные кружки закрывались, вся жизнь общества была подчинена войне, одной войне… А Вере хотелось чего-то особенного – для себя.

«Нам нужны не красавицы, а актрисы!»

Обычная женщина, заскучав, стала бы искать новых романтических связей, остроты ощущений, а Вера Холодная отправилась в мастерскую «Тимана и Рейнгарда», где, собственно, и снималась «Русская золотая серия». Как раз в это время режиссер В. Гардин работал над постановкой «Анны Карениной». Вера обратилась к нему, мечтая снова попробовать свои силы на экране. Гардин снял ее в двух эпизодах, но в значительной роли отказал, не обнаружив у красивой дебютантки ни искры

драматического таланта!

Потом «Анна Каренина» прошла по экранам без особого успеха, помнили этот фильм только потому, что именно там впервые сыграла Вера Холодная. Позже и Гардин трепетно вспоминал о том, как сама королева экрана приходила к нему в киноателье – и как он ей отказал…

«В дни съемок «Анны Карениной» произошло еще одно памятное событие.

Сижу я однажды в режиссерском кабинете перед большим зеркальным окном, откуда виден мост возле Александровского вокзала и все движение по Тверской-Ямской улице.

Мой помощник – администратор, достающий со дна морского птичье молоко, Дмитрий Матвеевич Ворожевский, знаменитый «накладчик», объясняющий решительно все – опоздание актера, отсутствие нужного на съемке кота или попугая – единственной фразой: «Бреется… сию минуту будет», – поправил на своем «легкомысленном» носу пенсне и обратил мое внимание на красивую брюнетку, переходящую улицу и направляющуюся, по-видимому, к нам.

Брюнеток и блондинок приходило колоссальное количество – все мечтали о «королевском троне».

Но это явилась ко мне Вера Холодная!

Стройная, гибкая, бывшая танцовщица, она сидела передо мной, опустив красивые ресницы на обвораживающие глаза, и говорила о том, что хочет попробовать свои силы на экране.

– Вы играли где-нибудь на сцене?

– Нет, я только танцевала.

Ну что я, режиссер драмы, мог предложить танцовщице? Но отпускать ее тоже не хотелось. Красивая, а может быть, и даровитая. Надо испытать ее.

– Ну хорошо. Прошу вас снять мерку для бального платья. Вы будете среди гостей, и я сумею подойти к вам поближе с аппаратом. Съемка через три дня.

Через три дня Вера Холодная опять у меня в кабинете.

– Владимир Ростиславович, благодарю вас. Я получила три рубля за сегодняшний вечер, но меня это совсем не устраивает. Я хочу роль. Дайте мне возможность посмотреть на себя не только в зеркало.

Когда Вера Холодная сердилась, она хорошела замечательно. Я стал думать: «Ну где я ей достану роль?»

– Хорошо. Есть сцена. После свидания с сыном Сережей Анна вернулась в свой номер в гостинице. Входит кормилица-итальянка с девочкой на руках и подносит ее Карениной. Будет крупный план, и вы себя увидите. Согласны? Тогда давайте

репетировать.

Вера Холодная тогда умела лишь поворачивать свою красивую голову и вскидывать глаза налево и направо – вверх.

Правда, выходило это у нее замечательно.

А этого было мало, так мало, что мысленно я поставил диагноз из трех слов: «Ничего не выйдет». Однако решил, умолчав о своем решении, выслушать мнение Тимана. Когда мы вместе проглядывали куски, он с первого же кадра с Холодной спросил:

– Что это за красавица? Откуда вы ее достали?

Я объяснил все подробности и желание Веры Холодной сниматься.

– Может быть, принять ее в состав нашей труппы? У нее исключительная внешность.

– А что ей делать? Нам нужны не красавицы, а актрисы! – резко ответил Тиман.

Этой фразой судьба ее была решена. Я дал ей письмо к Евгению Францевичу Бауэру (Анчарову), режиссеру-художнику конкурирующей с нами фирмы «Ханжонков и К».

И у Е.Ф. Бауэра «вышло все». Он нашел, что делать на экране Вере Холодной, опрокинув и мой диагноз, и консервативную фразу Тимана. Через год появилась первая русская «королева экрана» – Вера Холодная».

Сожалел ли Гардин? Да, наверное. Но все-таки это было неизбежно: классический режиссер должен был ее отвергнуть, потому что к настоящей звезде нужен совершенно особый подход.

Сколько молодых женщин за всю историю кино грезили экраном – и расставались с мечтой после первых же неудачных проб!

Что было бы, если бы Вера Холодная послушалась Гардина и Тимана, поверила в отсутствие у себя актерского таланта и не делала новых попыток «войти» в кино?

…Что было бы?

Ее бы просто не было! Не было бы никакой Веры Холодной! То есть Вера Холодная, прелестная жена московского юриста и мать двух девочек, разумеется, продолжала бы существовать где-то, наверное, родила бы еще нескольких детей, как им когда-то мечталось, и, возможно, прожила бы куда более долгую жизнь… Но не было бы Веры Холодной – королевы экрана! И возможно, в российском немом кино так и не зажглось бы ни одной настоящей звезды…

Свадьба в фильме «Жизнь за жизнь»

Судьба благоволила к «крестнице фей» и все-таки послала ей удачу: встречу с режиссером и художником фирмы «Ханжонков и К» Евгением Францевичем Бауэром.

Гардин утверждал, что это он послал будущую актрису к Бауэру с запиской, в которой рекомендовал обратить на нее внимание… Возможно, он таким образом просто оправдывался перед потомками, не в силах простить самому себе, что проглядел будущую королеву экрана. В конце концов, жизнь каждой настоящей звезды сопровождается неким мифотворчеством со стороны почти всех, с кем эта звезда заводит хотя бы краткое знакомство. Все хотят быть причастными к звездной судьбе… Позже еще и «поэт-пьеро» Александр Вертинский, безнадежно влюбленный в Веру Холодную, будет приписывать себе славу первооткрывателя первой русской звезды.

Сама же Вера Холодная вспоминала: «Бывая в «Алатре», я встретилась там с Н. Туркиным, который тогда служил у Ханжонкова, он пригласил меня к Ханжонкову, где мне поручили роль в «Песне торжествующей любви». Я не решалась сразу браться за такую серьезную роль, я боялась за игру и за лицо, так как мне говорили, что экран часто искажает черты, но меня убедили сначала попробовать, и я согласилась».

Еще одна открытка с изображением Веры

Снимать фильм должен был не Туркин, а Бауэр – ведущий кинорежиссер киноателье А.А. Ханжонкова. «Песнь торжествующей любви» по повести И. С. Тургенева могла бы стать всего лишь очередной экранизацией классики, набором красивых

картинок, и прошел бы этот фильм в ряду других, ничем не выделяясь. Но для Бауэра эта вещь имела особое значение, он давно мечтал ее поставить, он был буквально влюблен в «Песнь торжествующей любви». Правда, у Тургенева действие происходит в Италии XVI века, героев зовут Валерия, Фабий и Муций. А Бауэр перенес действие в современность и предположительно в Россию, хотя на месте действия акцент не ставился, и изменил имена главных героев: Фабий и Муций превратились в Евгения и Георгия, Валерия – в Елену. Зато полностью, во всех подробностях сохранена была сюжетная канва и, главное, настроение, особенный дух этой повести, непохожей на другие произведения Тургенева. Бауэр, как и всегда, долго и тщательно работал над декорациями и более строго, нежели обычно, подошел к выбору актеров, стараясь найти людей идеально похожих на героев повести. Он и прежде бывал придирчив – критики говорили, что, будучи профессиональным художником-декоратором, а не режиссером, Бауэр стремится создать красивую и гармоничную картинку буквально из каждого кадра, что внешние атрибуты для него важнее содержания, что красота и грация актера важнее игры. Возможно, в этом и было что-то от истины. Многие актеры, работавшие у Бауэра, жаловались на то, что режиссер не позволяет им свободно двигаться в кадре, боясь, что движение может как-то нарушить идеальную гармонию света и тени, которой он добивался, старательно расставляя осветительные приборы – так, чтобы ясно видны были сияние атласных драпировок, золотой узор шитья на подушках, бархатистый ворс ковра, матовый блеск фарфора, влажность цветочных лепестков… Вместо обычных декораций Евгений Францевич Бауэр создавал идеальной красоты картину и только потом вводил в нее актера. Актер мог подойти, а мог и не подойти к этой картине, и тогда уже никакого значения не имели его известность или талант. Театральных актеров это просто убивало! Говорили, что Бауэр вещи любит больше, чем людей.

Возможно – ведь, будучи художником, Бауэр особенно ценил красоту. Именно красоту в абсолютном понимании этого слова, а не абстрактно-идиллическое «прекрасное». Красивые же, по-настоящему красивые люди встречаются редко. Реже, чем красивые вещи.

Иван Николаевич Перестиани, много работавший с Е.Ф. Бауэром, даже спустя тридцать лет после смерти режиссера вспоминал о нем с трепетным восхищением, граничащим с каким-то даже преклонением: «Его особенностью было увлечение декоративностью кадра. В этом отношении он не имел соперников. Пространства, колонны, меха, тюль, парча, кружева,

цветы – вот элементы композиции Бауэра. Артистки раздвигали тюлевые драпри, появлялись в цветах, кружевах и мехах, скользили между колоннадами, сидели на сверкающих парчой диванах и обольщали коварных и простодушных мужчин. В моем сознании принципы творчества Евгения Францевича Бауэра формулировались кратко: «Прежде всего красота, потом правда». И я эту формулировку помню».

Приступив к постановке «Песни торжествующей любви», Бауэр особенно внимательно подошел к подбору актеров. Евгения и Георгия сыграли уже маститые О. Рунич и В. Полонский. Очень долго режиссер не мог подобрать актрису на роль главной героини. Иногда ему казалось, что он вовсе не сумеет найти в своем реальном мире женщину, соответствующую идеальному Тургеневскому образу, и он был совершенно потрясен, когда Туркин привел к нему Веру Холодную. С первого взгляда он понял, что это – Валерия, его Валерия, какой ее видел Тургенев: «Всякому, кому только ни встречалась Валерия, она внушала чувство невольного удивления и столь же невольного, нежного уважения: так скромна была ее осанка, так мало, казалось, сознавала она сама силу своих прелестей. Иные, правда, находили ее несколько бледной; взгляд ее глаз, почти всегда опущенных, выражал некоторую застенчивость и даже боязливость; ее губы улыбались редко – и то слегка; голос ее едва ли кто слышал. Но ходила молва, что он был у нее прекрасен и что, запершись у себя в комнате ранним утром, когда все в городе еще дремало, она любила напевать старинные песни под звуки лютни, на которой сама играла. Несмотря на бледность лица, Валерия цвела здоровьем; и даже старые люди, глядя на нее, не могли не подумать: «О, как счастлив будет тот юноша, для кого распустится, наконец, этот еще свернутый в лепестках своих, еще нетронутый и девственный цветок!»

В роли цыганки Маши

У Веры Холодной были та же бледность лица при цветущем здоровье и приятно-округлых формах, те же застенчиво потупленные глаза, та же легкая, боязливая улыбка… Бауэр взял ее на роль практически без проб – только убедился в ее фотогеничности.

Зря боялась Вера, что экран искажает черты – кинокамера, казалось, влюбилась в нее с первого взгляда. В крохотном эпизоде в «Анне Карениной» она была хороша, но в бауэровском фильме

засияла совершенной, ослепительной, хрустально-чистой и грозной в своей силе красотой…

Это была ее первая большая роль.

Бауэр был так восхищен ее красотой и естественностью – именно естественностью, чем была знаменита и любимая ею Аста Нильсен! – что сразу же по окончании первого фильма начал снимать Веру Холодную во втором. Это был фильм «Пламя неба» – типичная для тех времен салонная мелодрама. Пожилой и богатый вдовец, профессор астрономии Ронов женится на красивой курсистке Тане. Вскоре после их свадьбы из-за границы приезжает сын Ронова – Леонид. Молодой Ронов с первого взгляда влюбляется в прекрасную юную мачеху, Таня платит ему взаимностью, но какое-то время им удается скрывать свои чувства, пока как-то раз на прогулке их не застает гроза. Таня и Леонид прячутся в сторожке лесника. Сильный удар грома пугает Таню, она ищет защиты в объятиях Леонида… Их лица сближаются, и через миг влюбленные сливаются в поцелуе – в первом и последнем поцелуе, потому что следующая же молния ударяет в сторожку и убивает обоих молодых людей: «пламя неба» карает за грешную любовь… Хотя «Песнь торжествующей любви» была снята прежде «Пламени неба», на экранах московских кинотеатров «Пламя неба» появилось раньше – 4 августа, а «Песнь торжествующей любви» – только 22 августа. Именно «Пламя неба», несмотря на слабость сюжета и незначительность роли, принесло Вере Холодной первый успех у зрителей и первые хвалебные отзывы критиков.

После нескольких удачных фильмов Вера Холодная становится популярной актрисой. Звездой. В журналах печатают ее фотографии – первые фотографии, для которых она позирует в новых роскошных нарядах. То была эпоха платьев с узкими, стеснявшими движение юбками и пышными лифами. Но вместе с тем любые излишества, особенно в отделке – кружева, оборочки, вышивка, цветочки, бантики, презирались как проявление дурного вкуса. Наряд дамы высшего света должен быть элегантен и строг. В моде холодные, приглушенные цвета. Матовому блеску жемчуга отдается предпочтение перед слепящим сверканием бриллиантов, изумрудов, рубинов… Женская фигура драпировалась в пышные складки тканей, которые должны были скрывать ее от горла до щиколоток и вместе с тем самым откровенным образом подчеркивать линии тела. При этом наряд ни в коем случае не должен быть скучным, в нем непременно должна присутствовать некая изюминка, оригинальность, какая-нибудь роза на бедре, в складках ткани, или звездообразный цветок на плече, или асимметричная линия выреза, или

присобранный с одной стороны край подола… Было от чего пойти кругом бедным женским головкам! Теперь, чтобы выглядеть роскошно, мало было только денег, позволяющих приобрести самый нежный лионский шелк, узорчатый венецианский бархат и тончайшие брабантские кружева, и даже фамильные драгоценности уже не могли спасти положение. Теперь дама обязана была обладать вкусом. А если не сама дама, то хотя бы ее портниха.

Вера на коллекционной открытке

И вот на этом фоне скромная жена московского юриста становится законодательницей мод, а открытки с ее фотографиями в разных позах и разных нарядах тиражируются тысячами, выпускаются целыми сериями!

Оказалось, что эта интеллигентная женщина, всю молодость прожившая едва ли не на грани бедности и уж точно никогда не позволявшая себе никаких модных излишеств, обладает весьма утонченным и оригинальным вкусом. Она сама придумывает модели платьев, подбирает ткани и отделку и настаивает на том, чтобы модистка накалывала ткань прямо по фигуре, не пользуясь никакими выкройками. Сама украшает шляпки…

Ах, эти шляпки Веры Холодной! Была отдельная серия открыток – Вера Холодная в шляпках! А еще серия открыток с Верой Холодной в мехах, с Верой Холодной в цыганских нарядах, с Верой Холодной в гриме XVIII века (белая пудра на волосах и мушки на щеках), с Верой Холодной под вуалью… И серия озорных открыток, где Вера Холодная позировала в мужском цилиндре! И даже серия открыток, для которых Вера Холодная снималась с обнаженными плечами и спиной! Но все-таки особенно знамениты были ее шляпки. Редко-редко покупала она

какую-нибудь иностранную – французскую или английскую – вещицу, да и то часть деталей меняла по своему усмотрению.
Ее фантазия проявлялась даже в таком деликатном вопросе, как выбор духов. Вера комбинировала два аромата – «Роз Жанмино» и «Кеши» Аткинсона – она их смешивала прямо на коже: две капли одних и каплю других, и получался новый, неповторимый аромат, только ее аромат… Нежно-сладкий, чуть горьковатый…

Евгений Францевич Бауэр уже понял, что нашел сокровище. Он готовился к съемкам сразу двух новых фильмов: успех надо закрепить, а любовь публики к новой актрисе подогреть!

А ведь у Веры еще и долг перед семьей: теперь без отца девочки требовали особого внимания. Сестра Соня – совсем еще ребенок, а у Нади трудный возраст. И письма с фронта от Володи приходят все реже…

Русская армия сражается сразу на четырех фронтах: Северном, Западном, Юго-Западном и Кавказском, и дела обстоят все хуже и хуже. У союзников – Англии и Франции – своя война на западе Европы; возможно, они отвлекают на себя какие-то силы противника, но помощь от них невелика, а на Россию с Юга давит Турция, и уже в Польше и Прибалтике армии ведут оборонительные бои и несут огромные, неоправданные потери… В августе 1915 года положение стало катастрофическим: заговорили об отступлении за Днепр и даже о сдаче Киева. И как раз в этот момент пришло извещение о том, что поручик Владимир Григорьевич Холодный, служивший в одной из частей 5-й армии, тяжело ранен в бою под Варшавой, находится в критическом состоянии, практически при смерти, и родственникам следует готовиться к худшему.

Вера бросает работу, прерывает съемки, покидает семью и, невзирая ни на какие опасности, которыми пугали ее и родные, и новые друзья по съемочной группе, едет на фронт – в госпиталь, к мужу. Она ухаживает за Володей как за младенцем, буквально ни на миг не отходит от его постели, – даже профессиональных сестер милосердия, всякого повидавших на этой войне, поражает упорство и самоотверженная любовь этой красивой юной женщины. Вера просто не желала верить в то, что Володя безнадежен и что все ее усилия скорее всего ни к чему не приведут, в чем ее пытаются уверить врачи… И ей удалось невозможное – она вырвала любимого человека из когтей смерти!

Владимир Холодный поднялся буквально со смертного одра. Конечно, воевать он не мог (по крайней мере, был отправлен в отпуск «по ранению») и последствия ранения сказывались всю оставшуюся жизнь. Но он был спасен! Он выжил!

Сохранились фотографии: Вера Холодная в зоне военных

действий. Такая чистенькая, хорошенькая, изящная, в клетчатой юбке, белой блузке и белой шляпке – точь-в-точь как Мария Николаевна Торопова в «Детях века»! – стоит актриса возле пулеметной установки, окруженная загорелыми солдатами в мятой форме и запыленных сапогах. А вот она сидит за столом рядом с бледным, осунувшимся Владимиром… На столе – букет полевых цветов, вместо вазы поставленный в большую гильзу от орудийного патрона!

В Москву супруги Холодные вернулись вместе.

Владимир был награжден за храбрость Георгиевским крестом и шпагой с золотым эфесом, а Вера была вынуждена срочно выехать с киногруппой в Сочи на натурные съемки. Ей даже не дали отдохнуть. И так уже долго ждали ее возвращения… Во время этой экспедиции она впервые вышла на сцену уже не как любитель, а как известная киноартистка. Вся группа принимала участие в благотворительных концертах в пользу раненых воинов. А когда возвратились в Москву, весь отснятый материал оказался бракованным… Пришлось снова ехать, но в новую экспедицию Веру Холодную уже не взяли: Бауэр начал беречь свое сокровище. Следующие два ее фильма – «Наказанный Антоша» и «Пробуждение» – снимал уже не Бауэр, и они оказались менее удачны, хотя публика их встречает хорошо, да и критики отзываются достаточно мягко.

Шла осень 1915 года.

Владимир Холодный все еще не оправился от полученного ранения, был очень слаб, страдал от постоянных болей. Но уже то, что он теперь находился дома, в безопасности, было таким счастьем для них! Для Веры, для девочек… А как заботились о нем Екатерина Сергеевна, Надя и Соня!

Вера почти все время отдавала работе. Как смирился с этим Владимир? В те времена мужчины более болезненно относились к вопросам равноправия. Многие выступали против того, чтобы их жены, матери их детей, имели какие-то занятия помимо семейных. А Вера к тому же практически содержала всю семью…

Наверное, ему было нелегко, но он видел, что эта работа – это творчество! – делает его жену по-настоящему счастливой.

Однако в середине октября, даже не оправившись окончательно от ранения, Владимир попросился обратно на фронт.

Что было причиной? Все еще не угасший патриотизм, или он все-таки тяготился постоянной занятостью жены и ее все возрастающей славой?

А время тревожное…

Сообщения с фронта повергают в тоску и отчаяние.

На улицах на каждом шагу попадаются раненые и искалеченные.

Многие общественные здания спешно переоборудуются под госпитали.

Один за другим следуют досрочные призывы.

В кинотеатрах идет хроника военных событий – перед началом мелодрам с участием Веры Холодной зрители смотрят документальные кадры сражений.

Вера на коллекционной открытке

Кому-то может показаться, что о фильмах Веры Холодной известно больше, чем о ее жизни.

Да, так может показаться тем, кто не понимает, что вся жизнь художника – в его творчестве. Творчеством Веры Холодной были ее фильмы. Ее роли. Они же были ее жизнью.

Начиная с лета 1915 года, Вера Холодная жила из фильма в фильм, от роли к роли – тем более что перерывов между съемками практически не бывало, и все ее существование, вся жизнь ее семьи были подчинены одному – работе. Творчеству. Ролям.

Холодная и Рунич в фильме «Последнее танго»

Когда Вера играла Марию Николаевну Торопову в «Детях века» – она была Марией Николаевной, и это проявлялось даже внешне: она стала тише, скромнее, нежнее. Когда она играла Марианну в «Миражах» – она становилась волевой, порывистой Марианной. Играя Нату Хромову в фильме «Жизнь за жизнь», она

вдруг сделалась замкнутой, мрачной, а в глазах иногда вспыхивало какое-то грозное темное пламя.

Это не вымысел – так было на самом деле. И неправы кинокритики, упрекавшие Веру Холодную в том, будто она во всех ролях одинаковая. Нет, она разная, и разной становилась в жизни, потому что жизнь ее была продолжением ролей, а роли – собственно жизнью…

Сестра Соня вспоминала: «Еще в Москве, а потом в Одессе, как только начала налаживаться киностудия Харитонова (на Французском бульваре), наша гостиная была превращена в филиал киностудии, где проходила репетиционная работа. Нам этот хаос надоел. С утра до вечера аккорды фортепиано, возгласы, споры о ролях и исполнении. Модистка и Вера Васильевна готовили новое платье для киносъемок. Когда ни войдешь в гостиную, Вера позирует возле трюмо, отрабатывает внешнюю систему жестов или немые этюды. А когда в гостиной все утихает, нужно ходить на цыпочках, так как Вера с партнером обдумывают роль. Не помню дня, чтобы она днем отдыхала. А кроме этого шла еще подготовительная работа в киностудии и наконец киносъемка!»

Вера Холодная снималась в течение трех с половиной лет – а фильмов с ней (только тех, чьи названия сохранились!) – больше сорока!

Она снималась, а не жила.

Она жила на экране.

Но этим-то она и уникальна как женщина, как актриса, как явление…

Англичанка Вивьен Ли тоже жила своими ролями, и характер ее менялся от фильма к фильму: во время съемок в «Унесенных ветром» она сделалась вздорной, во время съемок в «Леди Гамильтон» – особенно обворожительной и полюбила светскую жизнь, вжившись в роль Майры в фильме «Мост Ватерлоо» – стала вдруг нежной и кроткой, а после бедной безумной Бланш в «Трамвае “Желание”» и вовсе сошла с ума, хотя за эту роль ей дали «Оскара»! Но Вивьен Ли жила в другое время и в другой стране и не ставила таких рекордов киносъемки, как Вера Холодная… Потому в ее жизни и было еще что-то помимо кино. Правда, совсем немного этого «чего-то», потому что настоящий художник всегда живет своим творчеством…

У других актрис этого «чего-то» бывало достаточно много: порою даже больше, чем сыгранных ролей.

Бывали актрисы, которые прославились именно этим «чем-то» в своей личной жизни, а не ролями.

Вера Холодная была настоящей актрисой.

У нее были роли. Много, много ролей, и каждой из них она отдавала всю себя, весь свой огонь… Поэтому на личную жизнь ее и не хватало.

…А впрочем, какая еще личная жизнь нужна порядочной женщине помимо того, что у Веры уже было к началу ее кинокарьеры? Любимый муж, две дочки, мама, сестры… Какая еще личная жизнь? Да, она жила, снималась в кино и стала знаменитой как раз во времена крушения старинных устоев, ломки старой морали.

Уже тогда, а не после революции, как принято считать, проходили акции «Долой стыд» – пока еще не демонстрации на улицах, а просто акции на сто-двести участников в каком-нибудь кафе или бальном зале: барышни в одних только туфлях и ажурных чулках с яркими подвязками, с нарядной шляпкой на голове, танцевали вальс – партнер был одет в лакированные штиблеты, носки (которые тоже крепились подвязками под коленом) и котелок; на этих сборищах важнее всего было вести себя естественно – ведь нагота естественна!

Вера с дочерью

Девическая непорочность, прежде непременно сохраняемая до вступления в брак, теперь становится «позорным пережитком прошлого».

Супружеская верность – «мещанством».

Александра Коллонтай уже разрабатывает и даже претворяет в жизнь, правда, пока еще только в свою собственную жизнь, знаменитую «теорию стакана воды». Согласно этой теории, сексуальное влечение равноценно жажде, и как из одного стакана могут напиться многие, так и одна женщина способна утолить желание многих мужчин – а «сознательная» женщина просто должна, обязана это делать без малейшего смущения и лишних условностей, чтобы муки неутоленной похоти не отвлекали «товарищей» от великого дела мировой революции… Александра Коллонтай впоследствии будет названа великой женщиной – «женщиной-мифом». Ну, она хотя бы шла во главе отряда пьяных матросов на штурм Александро-Невской лавры, за что была отлучена от церкви, и пила в честь этого с теми же матросами (по собственным воспоминаниям), а потом стала первой русской женщиной-послом и прославилась романами с мужчинами, которые были моложе ее на двадцать пять, а то и тридцать лет… Так что сомнений в ее «величии» не остается.

Но «женщиной-мифом» и «великой женщиной» называли также и Лилю Брик, которая прославилась только своими бесчисленными романами, замужествами, игрой в крокет в обнаженном виде, а также созданием своего рода сексуальной коммуны (это называлось «любовно-семейной коммуной» – когда все любят всех и никто ни к кому не ревнует), а еще позже – «семейного пансиона», в котором сосуществовали связанные нежнейшими узами сама Лиля, ее муж Осип и ее любовник (а по другой сплетне, в то время бытовавшей, их общий любовник), советский поэт Владимир Маяковский.

Все это происходило именно в то время, когда Вера Холодная жила, снималась в кино и стала знаменитой. Но она была слишком «мещанкой, одурманенной позорными предрассудками прошлого», чтобы принять эту «новую мораль»; слишком порядочной, чтобы стать «великой женщиной»; слишком простой и чистой, чтобы стать «женщиной-мифом».

Хотя, по сути дела, именно она-то и была настоящим мифом того трагического, сложного времени!

…Впрочем, позже, году к семнадцатому, журналисты и публика услужливо присочинили кое-какие подробности личной жизни королевы экрана. Но эти подробности имели так мало общего с реальностью, что совершенно не прижились – даже в качестве легенд.

А правда – каких только слухов о ней не ходило!

Владимир Григорьевич Холодный был самым скромным и деликатным мужем, о каком только могла мечтать звезда, и сам

же поплатился за эту скромность: публика о нем не ведала и кого только не приписывала в мужья королеве экрана!

Чаще других называли Полонского – высокого, очень стройного, с тонким, капризным и несколько безвольным аристократическим лицом – игравшего из фильма в фильм ее мужей и возлюбленных.

Позже его место занял «коварный соблазнитель» Рунич – широкоплечий, надменный, горбоносый.

Когда неожиданно для всех застрелился сын одесского «чайного короля» Высоцкий – блестящий, светский молодой человек, не имевший никаких внешних причин для самоубийства, газеты писали, что он застрелился из любви к Вере Холодной.

Писали, что Вера Холодная застраховала свои прекрасные серые глаза на полмиллиона рублей.

…А пятьдесят лет спустя в Америке будут писать, что Мэрилин Монро застраховала на несколько миллионов долларов свою великолепную грудь.

Но прижизненные слухи – ничто в сравнении с посмертными легендами…

1916 год. Необычайно и неожиданно – пышный расцвет кинопроизводства в России, начавшийся в 1914 году, теперь достиг своего пика. Война все еще продолжается, а значит, фильмы из-за рубежа в Россию практически не поступают. Нет иностранной конкуренции – но есть своя, внутренняя, а потому не только количество, но и качество российских фильмов неуклонно возрастает. Возрастает и популярность именно этого вида искусства у публики. За один только 1916 год в России выпущено на экран 500 фильмов и продано 150 миллионов билетов в 4000 кинотеатров; это означает, что на каждый театральный билет приходилось десять – двенадцать билетов в кино! Снимать кино становится все более прибыльным делом. Предприниматели всех мастей готовы вкладывать в кинопроизводство все большие средства… Но деньги предпочтительнее ставить все-таки на выигрышный номер, а стопроцентно выигрышных номеров в российском кино начала века было все-таки гораздо меньше, чем в нынешнем Голливуде.

И все равно – бизнес всегда сопряжен с риском… Можно ничего не выиграть и даже потерять все. Но как говорит гусарская пословица, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Дмитрий Иванович Харитонов, владелец большого кинотеатра «Аполло» в Харькове, решился рискнуть по-крупному. Заручившись поддержкой хозяев нескольких южнорусских кинопрокатных контор и пустив в дело все свои собственные средства, Харитонов выстроил огромный кинопавильон на Лесной улице в Москве и

объявил об открытии собственного киноателье.

Поначалу владельцы московских киноателье посмеивались над бойким, но, как им казалось, наивным провинциалом: киноателье не может состоять из владельца и павильона – нужны актеры, режиссеры, операторы, а главное, нужны звезды, те, на кого пойдет публика! А звезды экрана и вообще уважающие себя профессионалы от киноискусства не станут работать с никому не известным кинопромышленником из провинциального южного городка, не имеющим в Москве ни имени, ни репутации, ни связей, благодаря которым ему могли порекомендовать кого-то или его могли порекомендовать кому-то… Московские кинопромышленники считали – нет, были уверены! – что никто к нему не пойдет, никто не доверит карьеру человеку без имени и репутации, и что «Д.И. Харитонов и К» вскоре разорится, выпустив на экран пару-тройку слабеньких лент, тогда как для серьезной конкуренции нужны десятки удачных, принятых публикой фильмов. Возможно, кое-кто уже приглядывался к павильону на Лесной улице и пытался высчитать, сколько будет стоить здание, когда его будут продавать в связи с банкротством «киноателье Харитонова»…

Может быть, они были бы правы, если бы все это происходило еще лет десять, а лучше – лет двадцать назад, в те благословенные времена, когда Российская империя казалась незыблемой твердью, когда имя и репутация еще имели абсолютный вес в общественном мнении. Теперь же все было иначе. Российская империя содрогалась под ледяными ветрами грядущей революции, а деньги вполне заменяли и имя, и репутацию… Деньги сами по себе служили отличной репутацией обладателю и очень быстро делали ему имя в любых кругах общества.

У Дмитрия Ивановича Харитонова деньги были. И немалые. Он предложил всем виднейшим деятелям кино такие баснословные гонорары, что отказаться не решился никто. Таких денег до Харитонова в кино вообще не платили! Немудрено, что в павильоне на Лесной улице уже через несколько месяцев после открытия киноателье «Харитонов и К» собрались все сливки кинематографического общества, вся киноэлита во главе с королевой экрана Верой Холодной. Впрочем, она продержалась дольше прочих…

Первым к Харитонову пришел Петр Чардынин. У Ханжонкова он был вторым режиссером – неизменно вторым после блистательного Бауэра. А он чувствовал в себе могучий потенциал, он хотел быть первым и действительно стал первым у Харитонова, и к тому же сам стал сниматься в кино, чего

Ханжонков никогда бы не допустил – не потому, что Чардынин был плохим актером, он как раз оказался очень хорошим актером, – нет, просто Ханжонков не любил «смешения жанров». Режиссер в его киноателье мог быть только режиссером: указывать актерам, как играть. И ни в коем случае не наоборот. Его режиссеры не снимались, а от актеров не принимались даже ценные советы по части постановки фильма! Каждый должен был оставаться на своем месте. Вслед за Чардыниным ушли актеры – Владимир Максимов, Витольд Полонский и даже Осип Рунич, всей своей кинокарьерой обязанный Ханжонкову и Бауэру. Ушел прекрасный кинооператор А. Рылло, ушел художник А. Уткин…

Со съемочной группой Петра Чардынина

Уйти от Ханжонкова к Харитонову Вера Холодная не могла решиться очень долго. Она тоже была обязана своей карьерой Бауэру и Ханжонкову (Бауэру больше, чем Ханжонкову), и хотя уже сторицей отплатила им за то, что они дали ей возможность появиться на экране, – все равно никак не могла решиться на «предательство». Но на ее плечах лежала материальная ответственность за семью – дочери, сестры, мама, бабушка.

Муж на фронте. Жалованье младшего поручика невелико. Особенно в сравнении с довоенным жалованьем юриста. Ну так ведь не за жалованье воевал Володя, а за свою святую Родину! А значит, и перед ним Вера была обязана. И этот долг был выше и чище, чем долг ее перед режиссером и хозяином ателье.

Да и все ее друзья, все партнеры, к которым она привыкла, уже ушли к Харитонову! Они говорят, Харитонов дает больше свободы для творчества…

И словно в довершение соблазна: ателье Харитонова на Лесной расположено всего в пяти минутах ходьбы от ее дома! А к Ханжонкову на Житную приходится больше часа ехать на извозчике…

В общем, Вера решилась.

Харитонов «купил» Холодную!

Московские кинопромышленники были потрясены, нет, более того – оскорблены! Привлекать знаменитостей гонорарами, перекупать их из других ателье – какой подлый, какой низменный ход! И главное – очень неожиданный. Действительно, разве они могли предполагать ранее, что люди искусства – артисты, режиссеры и операторы – тоже интересуются деньгами?!

Но как бы то ни было, исправить произошедшее было невозможно. Харитонов не только пообещал большие гонорары, он их еще и исправно выплачивал! И свобода творчества действительно была, что для людей искусства весьма немаловажно! Если Бауэр для актеров был царь и бог, то Чардынин – друг и советчик. Бауэр никогда и ни в чем не позволял себя корректировать. Актеры обязаны были молча – именно молча! – исполнять все, что он им повелит, и так, как он им повелит. Приказы режиссера не обсуждались. Не приняты были обсуждения и между самими актерами. Как впоследствии вспоминала Соня: «…На съемках фильма «Жизнь за жизнь» в кадре, где Полонский, падая, «умирал», он принимал картинную позу: элегантно закладывал одну ногу на другую. Вера Холодная обратилась после съемок к режиссеру Бауэру: «Евгений Францевич, мы в этом кадре отправили Полонского на небеса; посмотрите кадр, и вы убедитесь, что это не мертвец; не хватает ему еще сигары во рту, и тогда зритель убедится, что он попал в рай». Бауэр, который терпеть не мог подсказок артистов, не прореагировал, и этот кадр так и не был исправлен».

Зато в киноателье Харитонова актеры и режиссеры все вместе обсуждали каждую сцену перед тем, как ее снять, и потом еще раз – после просмотра… Сама Вера Холодная говорила в интервью 1918 года: «С моим переходом в ателье Д. И. Харитонова простор для творчества еще шире. Наша небольшая «коллегия» (я, Максимов, Рунич и Худолеев) и режиссер во всем работают дружно. Мы, артисты, делаем сцену, режиссеры помогают нам выявить наиболее рельефно для экрана творческие замыслы. Да иначе и нельзя. Необходима полная свобода творчества артиста. Нельзя быть обезьянкой, повторяющей указку режиссера. Нужно и

важно отходить от шаблонов, в каждой роли быть иной и искать новое».

В отличие от Е.Ф. Бауэра, для Петра Чардынина главной была не красота кадра, а игра актера, или, правильнее сказать, сам актер. Чардынин много времени тратил только на то, чтобы найти такие ракурсы, в которых актер – или актриса, что еще важнее, – будут выглядеть особенно хорошо, а те кадры, где хоть кто-то из исполнителей получался неудачно, безжалостно вырезал, даже если после приходилось заново переснимать всю сцену. Особенно заботлив он был к Вере, в которую, как и многие другие, был тайно влюблен. Для нее он создал даже особенный репертуар, состоящий только из подходящих ей ролей. Хотя с другой стороны, у Веры Холодной вообще никогда не было неудач – так какую же роль можно считать для нее неподходящей?..

…Впрочем, Петр Иванович Чардынин не просто обожал Веру Холодную – он перед ней преклонялся. Он считал ее созданием уникальным во всех отношениях. И себя – режиссера, создателя фильма! – он ставил не над ней, а на ступеньку ниже… Тогда подобное отношение режиссера к актрисе воспринималось с недоумением. Да и сейчас не всякий режиссер скажет об актрисе такие слова: «На моих глазах выросло это прекрасное дарование. Расцвел пышный цвет, и я счастлив, что на мою долю выпало лелеять это нежное растение почти с момента его зарождения… Это самая большая гордость моей жизни… Гордость садовника, в саду которого распустился красивейший бутон, гордость ювелира, положившего хотя ничтожную грань на драгоценнейший алмаз… Три года тому назад… нет, даже меньше, не три, а меньше, пришла к нам В.В. Холодная. Скромная, робкая, как всякое истинное дарование, она с трепетом вступила в кино, и мы сразу почувствовали, что в лице ее «Великий немой» приобрел нечто огромное. Каждый ее шаг, каждое новое выступление служило подтверждением этого, и мне особенно отрадно было сознание, что Вера Васильевна явилась блестящим подтверждением тогда еще смутных моих предположений, выросших впоследствии в глубокую уверенность, что театр и кино вещи столь различные, что для кино должен прийти свой артист, как и свой писатель: свой Островский, свой Шекспир, своя Ермолова и своя Сара Бернар, и Вера Васильевна является блестящим подтверждением этому – она не была на сцене, и я с глубоким убеждением говорю, что в этом счастье для кино: В.В. ничего не взяла ходульного и фальшивого от театра, в ней осталась ее простота, грация, проникновенность. У нее нет позы, но в каждом ее движении – музыка, пластика в каждом жесте. Пластика не фальшивая, не шаблонно-театральная, а одухотворенная гармония тела и души.

Нам часто приходится слышать упреки, что репертуар кино убог, бездарен, и в этом огромная доля правды – но ведь мы ждем еще своего Шекспира! Но тем более заслуг для служителей «Великого немого», если им удастся стащить с ходуль фальшь и тривиальность, облагородить пошлость и приблизить к жизни. Посетители кино должны заметить, что редко кто обладает в такой степени этой способностью, как В.В. Самые шаблонные образы в ее передаче являются такими одухотворенными, такими трогательными и нежными, что заставляют забывать всю их фальшь и пошлость. В этом, конечно, и заключается ее успех, за это, конечно, и публика платит ей горячей любовью, благодаря этому она и сделала в такой ничтожный срок поистине головокружительную карьеру, и я почитаю для себя величайшим счастьем, что хоть частичка сияния ее падает на ее старого режиссера, и словами Несчастливцева я скажу: “Ты войдешь на сцену королевой и сойдешь королевой…”»

Работать у Харитонова было приятнее еще и потому, что он не принуждал своих актеров к бесконечным съемкам, не гнался за сроками. Он прекрасно понимал, что с таким звездным составом он в любом случае выиграет.

За полгода работы в киноателье Харитонова Вера Холодная снялась только в трех фильмах: «Столичный яд» по роману С. Фонвизина «Сплетня», «Пытка молчания» по пьесе Анри Бернштейна «Вор» и «Ради счастья» по одноименному роману С. Пшибышевского. Все три фильма – экранизации популярных литературных произведений. Все три фильма в высшей степени удачные, хорошо приняты и публикой, и критиками. Да и потом… Всего три фильма за полгода! Правда, Вера начала сниматься еще и в четвертом, но закончен он будет только в будущем году… А у Ханжонкова за это же время сняли бы минимум шесть, а то и все восемь картин!

Во всяком случае, за первую половину 1916 года Вера Холодная снялась у Ханжонкова как раз в восьми фильмах.

Наступил 1917 год – страшный, поворотный год в русской истории, год двух революций… Для Веры Холодной он начался выходом на экран одного из лучших ее фильмов – «У камина». Это был фильм по мотивам популярного романса. Нынче это может показаться странным, но в те времена подобные фильмы были весьма распространены и популярны. Моду на них ввел режиссер Чеслав Сабинский – Вере Холодной еще не раз предстоит играть именно в фильмах «по романсу», и как ни странно, именно эти фильмы будут особенно удачны и особенно ценимы публикой – куда больше, чем экранизации популярных литературных произведений. Сюжет фильма бесхитростен и

бесконечно печален.

– В тот день она возвратилась очень поздно и сразу бросилась к матери, с которой всегда делилась своими переживаниями. Никогда я не видела сестру такой восторженной, такой окрыленной, – говорит Софья Васильевна. – Константин Сергеевич [Станиславский] предложил ей вступить в труппу Художественного театра и готовить роль Катерины в «Грозе».

Светская красавица Лидия Ланина счастлива в браке. Она обожает своего гордого, благородного супруга, и он платит ей нежнейшей взаимностью и уважением. Безмятежно текут их дни – они молоды, богаты, у них много друзей. Прекрасная Лидия часто поет, аккомпанируя себе на рояле, а муж слушает ее пение, сидя у камина. А потом Лидия садится рядом с ним, и вместе они предаются мечтам… Как-то раз, во время званого вечера, Лидия садится к роялю и поет недавно услышанный ею цыганский романс «У камина». Все присутствующие в восторге, Ланин горд и счастлив, но Лидия чувствует себя неспокойно. Она видит, каким отчаянным, влюбленным взглядом пожирает ее молодой красавец князь Пещерский – давний друг дома. Когда-то Лидия близко дружила с его сестрой Людмилой. Людмила познакомила Лидию с братом, и вскоре князь Пещерский объяснился ей в любви, просил ее руки – но Лидия его отвергла: она уже тогда любила скромного и благородного Ланина. И вот теперь князь Пещерский так пылко смотрит на нее… «Скорее бы кончился вечер! Я хочу, чтобы мы остались только вдвоем, у камина!» – шепчет Лидия мужу.

Вера на коллекционной открытке

Как назло, в разгар вечера приходит распоряжение от начальника: Ланину надлежит срочно отбыть в командировку. Он прощается с женой и уезжает. Постепенно расходятся гости.

Лидия остается наедине с князем Пещерским. Она смущена, а князь, не отрывая от нее горящего взгляда, просит ее спеть еще раз – в последний раз! Лидия поет, и князь, не совладав с собой, падает перед ней на колени, обнимает ее ноги, шепчет слова признания и в конце концов пытается силой овладеть ею. Лидия яростно сопротивляется, кричит… Ей удается вырваться. Она потрясена, тяжело дышит, сжимая пальцами порванное на груди платье… Князь и сам потрясен собственным поступком. Это низко, недостойно. Он оскорбил любимую женщину, он видит страх в ее глазах. И он отвергнут ею – в который раз! Прошептав какие-то извинения, он уходит.

Дома князь Пещерский затворяется в кабинете и вынимает из ящика стола револьвер: жить дальше с этой мукой в сердце невозможно! Глядя на висящий на стене огромный, в полный рост, портрет Лидии Ланиной, Пещерский подносит револьвер к виску, но в запертую дверь стучится Людмила. Князь решает попрощаться с сестрой. Людмила отнимает у него револьвер и, желая спасти его и хоть как-то утешить, говорит, что Лидия Ланина на самом деле давно влюблена в него, Пещерского, но верность жениху, а теперь – мужу для нее превыше всего. Людмила уговаривает брата подождать немного, а сама едет к Лидии и уговаривает ее подарить Пещерскому хотя бы одно-единственное свидание, хотя бы объясниться с ним, – прошлый раз все вышло так ужасно и нелепо, князь чувствует себя таким виноватым, что готов покончить с собой! Одно свидание с Лидией может спасти ему жизнь! Пусть Лидия хотя бы скажет, что прощает его за оскорбительный для нее порыв.

Лидии жалко красавца князя. Она соглашается на «единственное свидание». Втроем они едут за город, затем в ресторан… Затем Людмила оставляет князя и Лидию в роскошных покоях наедине – для того, чтобы дать им возможность объясниться. Пещерский снова говорит Лидии о любви – он снова пылок, но нежен и почтителен… Из зала несутся звуки цыганского романса – того самого, «У камина». Очарованная, в каком-то минутном затмении, Лидия отдается князю, но счастливыми любовниками они не становятся. Очарование минуло – и Лидия снова с гневом и отвращением отталкивает Пещерского. Она в ужасе от происшедшего. Угрызения совести сжигают ее душу.

Возвращается муж. Лгать Лидия не умеет и сразу же признается ему во всем. Благородный и гордый Ланин потрясен, убит… Он немедленно дает Лидии развод. Теперь страдают все трое. Ланин скорбит о прекрасных ушедших днях – сидя у камина, он вспоминает, как пела Лидия, как счастливы они были

вместе. Лидия томится в разлуке с любимым мужем, терзается стыдом за свое падение. Князь Пещерский мучается угрызениями совести, ведь его страсть разрушила счастье двух прекрасных людей!

В конце концов стыд и тоска убивают Лидию, оказавшуюся слишком хрупкой для таких страданий. Ланин и Пещерский, бывшие соперники, встречаются у ее гроба. Забыта вражда, нет никаких взаимных обвинений – каждый винит только себя. Они оба потеряли ее навсегда, и теперь это страшное горе их породнило.

Успех фильма «У камина» превзошел успех всех снятых до тех пор отечественных фильмов – действительно всех, а не только тех, в которых играла Вера Холодная!

«С громадным успехом всюду прошла картина Д. И. Харитонова «У камина». Как на исключительное явление в кинематографии следует указать, что в Одессе картина демонстрировалась непрерывно в продолжение 90 дней, а в Харькове – 100 дней, причем крупнейший в Харькове театр «Ампир» четыре раза возобновлял постановки ее, все время по повышенным ценам, и все время были «шаляпинские» очереди», – писал «Кино-журнал» № 11 за 1917 год.

«Успех картины был исключительный, и хотя входная плата была чрезмерно повышена, кинотеатр за шесть дней демонстрации не смог вместить всех желающих. Уже много лет не приходилось нам видеть ничего подобного. Публика заполнила фойе и вход, выходила несколькими очередями протяжением в пол-улицы и дожидалась получения билетов, несмотря на дождь и ненастье. Здесь сказалось, насколько все любят В. Холодную, В. Максимова и В. Полонского, конечно, в главной мере первую. Игра В. Холодной непревзойденная – она создавала в зрительном зале особую атмосферу. По окончании приходилось видеть влажные глаза и слышать замечания вроде «Неужели подобную художественную фильму нельзя будет сохранить, переснять и она погибнет, изорвавшись по театрам?!» – это уже строки из журнала «Кино-жизнь», № 17–26 за 1917 год.

…Фильм «У камина» не «изорвался по театрам», он просто был запрещен и снят с экрана в 1924 году. Такое решение принял Главрепертком для «регулирования проката». В те времена запрещались, снимались с экрана и уничтожались (смывались) сотни и сотни популярных дореволюционных фильмов. Некоторые из них не смывали, а просто перекраивали – существовал целый творческий коллектив во главе с талантливейшим монтажером Эсфирью Шуб. Они брали иностранные, или – реже – русские дореволюционные фильмы,

переписывали сценарий так, чтобы в нем непременно появилась революционная идеология, и не только заменяли текст надписей, но даже умудрялись так переставить сцены и отдельные кадры, что полностью менялся сюжет фильма и финал! Таким образом молодое советское государство перевоспитывало своих граждан, каленым железом выжигая «мещанство». Не только фильмы уничтожались и переделывались, книги также изымались из библиотек – популярные до революции детективы, мистика, сентиментальные и любовно-авантюрные романы… Взамен обреченного на слом старого предлагалось некое «новое искусство».

Вера на коллекционной открытке

После выдающегося, ни с чем не сравнимого успеха фильма «У камина» Харитонов убедился в собственной удачливости и – как водится у дельцов – начал понемногу «подтягивать вожжи». Нет, он не уменьшил гонорары – он не был настолько глуп. Но кинофабрика понемногу начала набирать обороты, съемки проводились в ускоренном темпе, ужесточился режим. Обсуждать

мизансцены актеры и режиссеры могли теперь только в свободное от работы время, которого, кстати, оставалось все меньше. Опоздания карались денежными штрафами. Как-то в феврале 1917 года Вера Холодная и Владимир Максимов ехали на тройке, опаздывая в киноателье на дневную съемку. Максимов, боясь штрафа и нареканий дирекции, все время подгонял извозчика, извозчик нахлестывал лошадей, и закончилась эта спешка аварией: полозья саней зацепились за трамвайные рельсы, сани перевернулись на полном ходу, и напуганные, разогнавшиеся лошади протащили их еще целый квартал вместе с придавленными к земле артистами. Пострадал больше всех извозчик, расшибшийся о фонарный столб. Максимов и Холодная отделались ушибами – правда, довольно значительными, но королева экрана еще и простудилась из-за набившегося в одежду снега. Но приостановить съемки из-за болезни артистов Харитонов не желал. Уже на следующий день Вера Холодная играла какую-то любовную сцену с температурой, а Максимов – с тщательно загримированными синяками.

Из покровителя искусств и доброго, понимающего друга Харитонов очень быстро переродился в эксплуататора – такого же, как другие кинопроизводители, только его поведение вызывало больше возмущения… Все-таки те были людьми с именем и репутацией, а Харитонов – выскочка! Известный кинооператор Леон Форестье писал о нем: «Харитонов искал лишь громких и заманчивых названий и добивался, чтобы постановка осуществлялась в самый короткий срок. Коммерческий успех любой его картины был обеспечен большой популярностью Холодной, Максимова и Полонского». В общем, взаимоотношения между кинопромышленником и съемочной группой после короткого «ухаживания» вернулись на круги своя, и если в чем-то Вера Холодная и выиграла, сменив ателье Ханжонкова на ателье Харитонова, то только в вопросе гонорара – и в затратах времени на дорогу от дома до «работы».

Евгений Францевич Бауэр, режиссер, «создавший» Веру Холодную, режиссер, ради которого она могла бы вернуться назад к Ханжонкову, 9 июля 1917 года скончался…

Оплакивать Бауэра Вера Холодная могла только «в сердце своем», потому что на внешнее выражение скорби у нее просто не было времени! Уже за 1917 год Вере Холодной пришлось сняться в одиннадцати и начать работу в двенадцатом фильме. Опять по три недели на фильм. После «У камина» были «Истерзанные души», «Почему я безумно люблю», «Как они лгут», «На алтарь красоты», «Тобою казненные», «Блуждающие огни». Вера Холодная сыграла нескольких надменных светских дам, потом

шансонетную певицу, плясунью-украинку в пышном венке с лентами, босоногую дочку лесника… Публика фильмы приняла хорошо, критики – несколько холоднее… Но такого сенсационного успеха, как фильм «У камина», эти картины уже не имели.

И тогда Харитонов решился на дерзкий по тем временам шаг: он задумал снять продолжение полюбившейся киноленты! Это сейчас практически любой блокбастер (не считая только таких дорогих и монументальных, как «Титаник» или «Храброе сердце») обязательно имеет продолжение. Бывают продолжения удачные, бывают похуже. Некоторые продолжения от «первоисточника» отделяют год-два, некоторые – десять – двенадцать лет… Харитонов снял продолжение к фильму «У камина» спустя всего полгода после его выхода на экран: пока еще жива память об эйфории первых просмотров, пока зритель еще помнит имена и судьбы героев, и хотя бы приблизительно – сюжет… Продолжение было сделано в том же стиле – «по мотивам популярного романса». Назывался фильм «Позабудь про камин, в нем погасли огни…».

Вера на коллекционной открытке

Неудачливый любовник князь Юрий Пещерский не в силах забыть свою умершую возлюбленную, не в силах побороть угрызения совести. Каждую неделю он приходит на могилу Лидии Ланиной и подолгу молится, беседует с умершей. В одно из таких посещений на аллее кладбища он встречает женщину, похожую на Лидию – сходство абсолютно, и в первый момент Пещерскому кажется, что Лидия воскресла. Но, познакомившись с таинственной особой, князь Пещерский выясняет, что зовут ее

Мара Зет, что она цирковая актриса. И сходство с Лидией Ланиной у нее только внешнее. Лидия была печальным ангелом, Мара Зет – очаровательный бесенок. Но все равно: находясь рядом с Марой, Пещерский может тешить себя иллюзией, что он – с Лидией… Он начинает посещать цирковые представления и понемногу ухаживать за циркачкой. Маре льстит внимание богатого и благородного поклонника. Сначала ее интерес чисто меркантильный: князь делает ей роскошные подарки, и единственное, чего хочет взамен – молча сидеть возле нее, любуясь на ее лицо. Но постепенно Мара влюбляется в князя. Любовь облагораживает ее – кокетливая, отважная циркачка все больше и больше напоминает чувствительную, нежную Лидию Ланину. Она начинает мечтать о супружеском счастье с князем Пещерским: муж – у камина, жена – у рояля… Тщетно любовник Мары, цирковой артист, твердит ей о том, что знатный князь не может любить бедную циркачку, что наверняка его помыслы не так чисты, как ей мнится, что князь никогда на ней не женится… В конце концов по просьбе князя Пещерского Мара покидает цирк и переезжает в его особняк.

Но не так уж счастлива и безмятежна оказывается ее жизнь с возлюбленным князем. Сколько ни пытается угодить ему Мара, Пещерский становится только более замкнутым, более мрачным. Часто затворяется в своем кабинете, подолгу остается там один. Что он там прячет? Мару мучает любопытство, она надеется лучше понять сердце своего возлюбленного, но Пещерский запрещает ей даже приближаться к двери кабинета, ведь за ней находится его святыня – портрет Лидии Ланиной в полный рост, в белом платье и с жемчужной нитью на шее. Возле этого портрета Пещерский и проводит долгие часы. Ему нравится Мара, ему хорошо с ней, но она – не Лидия! Лидия мертва! А эта чужая, но такая похожая на нее женщина живет в его доме и вот-вот займет в его сердце место умершей… Зарождающаяся любовь к Маре кажется Пещерскому кощунством – оттого он так мрачен и холодно отвечает на ее ласки.

Ситуация разрешается неожиданно и трагически. Мара проникает в кабинет, видит портрет Лидии и… все понимает. Князь никогда не любил ее, Мару! Он любил в ней ее сходство с другой женщиной! Тщетно Пещерский пытается оправдаться. Мара оскорблена до глубины души. Она покидает его дом и возвращается в цирк. Когда Мара ушла, Пещерский неожиданно осознает, что все-таки любил ее. Именно ее, а не тень умершей Лидии! Ему пусто в доме, ему не хватает Мары… В надежде помириться с ней, вернуть ее князь покупает роскошный букет и едет на представление, где как всегда занимает лучшую из лож. И

вот Мара, выполняя сложный акробатический трюк в высоте, под куполом цирка, видит в ложе Пещерского… Счастливая улыбка озаряет ее лицо – и в следующий миг, потеряв равновесие, она оступается и летит вниз с высоты… Падает на арену и разбивается насмерть. Среди рассыпавшихся цветов роскошного букета князь Пещерский рыдает, припав к телу погибшей возлюбленной.

Харитонов не ошибся. Успех фильма «Позабудь про камин, в нем погасли огни…» превзошел даже самые смелые его ожидания. Публика в буквальном смысле ломилась на сеансы! В Харькове, в том самом большом кинотеатре «Ампир», который принадлежал Харитонову и с которого Харитонов начинал свою карьеру кинопроизводителя, публика выбила двери и окна и практически разнесла зрительный зал – просто в очереди, выстроившейся на полквартала, кто-то сказал, что в кинотеатр пускают через запасной вход. Администрация театра заперлась в кабинетах, но разгоряченные кинолюбители готовы были взломать и эти двери, чтобы попросту растерзать тех, кто препятствовал их свиданию с искусством. Для усмирения разъяренной толпы пришлось вызывать конных драгун. А кинотеатр в ближайшие недели закрылся для ремонта.

Вера Холодная была обворожительна, прекрасна, неотразима в цирковом наряде с короткой, до колен, пышной юбочкой и в дерзком трико, открывающем взгляду ее полненькую и ладненькую фигурку – сейчас королеву экрана, конечно, обозвали бы толстухой и посадили на диету, но в те времена женщины еще ценились такими, какими их создала мать-природа (без вмешательств диетолога и тренера по аэробике), и Вера Холодная была весьма «секси»: короткие и облегающие туалеты в начале XX века, несмотря на тотальную сексуальную раскрепощенность, все еще считались смелыми и эротичными. Серия открыток с кадрами из фильма разошлась неслыханными прежде тиражами. Особенно популярен был финальный кадр, в котором князь Пещерский рыдает, обняв погибшую Мару: там пышная юбочка еще чуть-чуть приподнялась, и луч света полностью озарял стройные ножки актрисы…

Ей еще раз придется одеться в похожий – короткий и пышный – наряд: в фильме «Молчи, грусть, молчи…», где она снова будет играть циркачку. Харитонов не однажды эксплуатировал любую случившуюся у него удачу – будь то успешный фильм или откровенный наряд актрисы; собственно, любая удача эксплуатировалась, пока не становилась штампом. Кстати, он планировал снять еще одно продолжение к фильму «У камина», теперь уже к фильму «Позабудь про камин – в нем погасли огни»

– под названием «Камин потух». Об этом было объявлено, сценаристы создали либретто… Но почему-то фильм так и не был снят.

Следующим фильмом с Верой Холодной стала весьма претенциозная экранизация французского классика Эмиля Золя: «Человек-зверь» – история сумасшествия на почве ревности и социальной несправедливости. Честный машинист Рубо узнает, что его юная обожаемая жена Северина до брака с ним была совращена своим воспитателем, богатым бароном. Он начинает мстить и понемногу увлекается кровопролитием… Другой машинист, Жак Лантье, влюбленный в Северину, пытается спасти ее из лап маньяка-мужа. А крестьянская девушка, влюбленная в Жака Лантье, мстит за отвергнутые чувства уже ему и Северине. В результате погибают все четверо. Роман Золя очень сложный, очень кровавый, в нем много психологии и даже – если можно так сказать – психиатрии. Вера Холодная играла Северину. Фильм мог бы стать удачным, но… не стал им. Возможно, из-за того, что публика предпочитала красивые костюмные драмы из жизни высшего света грубым страстям французских железнодорожников.

Затем были две ничем не примечательные мелодрамы – «Любовь графини» и «В золотой клетке».

Уже грянула революция, но репертуар кинотеатров не менялся, и киноателье продолжали снимать кино «из жизни богатых». Красивое кино с высокими страстями, пышными костюмами и роскошными интерьерами. Хотя самих богатых уже прогнали, пышных костюмов никто не носил, роскошные интерьеры национализировали и разграбили (что, в сущности, одно и то же), а высокие страсти сменились кровавыми драмами такой силы, что никакое кино не могло теперь сравниться с жизнью по остроте ощущений… И все равно – киноателье работали, фильмы снимали, люди их смотрели с неослабевающим интересом. Теперь это кажется неким историческим нонсенсом. Возможно, это происходило просто по инерции. Возможно, как и во времена войны, так и в начальный период революции кинематограф играл роль некоего наркотика, отвлекающего от печальной реальности. Наплакавшись в темноте кинотеатра, люди выходили на яркий солнечный свет, но жизнь уже не казалась им такой уж тяжелой и страшной…

Время запретов на «буржуазное искусство» и гонений на «мещанство» пока не наступило. Большевики еще сами не были уверены в прочности своей власти. В их руках были обе столицы, но вся остальная огромная Россия своего выбора пока еще не сделала… Так что национализация кинематографа, находившегося в руках частных предпринимателей, стояла в

списке задач на одном из последних мест.

В конце января 1918 года был создан «Киноподотдел Внешкольного отдела Государственной комиссии по просвещению», но какой-то четкой линии он выработать пока еще не успел. Одновременно с этим в конце января 1918 года киноателье Харитонова приступило к созданию самого знаменитого из фильмов Веры Холодной – «Молчи, грусть, молчи…» – по мотивам популярного (до сих пор популярного) романса:

Тоска, печаль, надежда ушла,
Друга нет, неприветно вокруг.
В ночной тиши я слышу рыданья —
Стон души о разбитой любви.
Молчи, грусть, молчи…
Не тронь старых ран!
Сказку любви дорогой
Не вернуть никогда, никогда…

Фильм задуман был сразу в двух частях – вторая часть называлась «Сказка любви дорогой», по другой строчке того же романса, и вышла на экран спустя две недели после первой. Она, к сожалению, не сохранилась, но даже первая часть смотрится как законченное произведение. Сняли этот фильм к десятилетию творческой деятельности Петра Ивановича Чардынина, готовились к нему дольше обычного, больше репетировали. Четыре месяца работы над одним фильмом – значительный срок для тех времен. В результате получился стопроцентный блокбастер: начиная от сценария, бесспорно удачного, ведь фильм (вернее, уцелевшая первая часть) до сих пор смотрится с интересом, – и заканчивая таким звездным составом, которого до сих пор не было ни в одном фильме. Во-первых – сам именинник Чардынин в качестве режиссера, сценариста и в роли циркового артиста Лорио. А во-вторых, вместе с ним на фильм были заявлены: Вера Холодная в роли его жены, циркачки Полы, Иван Мозжухин в роли гипнотизера-иллюзиониста Олеско Прасвича, Владимир Максимов в роли художника Волынцева, Витольд Полонский в роли богатого барина Телепнева, Осип Рунич – в роли присяжного поверенного Зарницкого, Иван Худолеев в роли коммерсанта Прахова… Фильм активно рекламировали, и публика ждала его с нетерпением. Еще бы – все звезды сразу в невиданно длинной двухсерийной фильме! Правда, «король экрана» Мозжухин, в конце концов, в «Молчи, грусть, молчи…» сниматься не стал – то ли заболел, то ли не согласился с предложенным гонораром… Вместо него на роль гипнотизера Олеско Прасвича взяли Константина Хохлова – и, по всеобщему

утверждению, эту роль Хохлов сыграл даже лучше, чем мог бы сыграть великий Мозжухин. Со своими невероятными, страшными, роковыми глазами, нервный, трепещущий, как натянутая струна, он действительно казался колдуном, ведьмаком – и в то, как он гипнотизировал бедняжку Полу, действительно верилось! Блистательный Мозжухин не мог бы казаться таким зловещим. Можно сказать, Мозжухин был слишком хорош для роли Олеско Прасвича, зато Хохлов подходил для этой роли идеально. Герои фильма «Молчи, грусть, молчи…» супруги Пола и Лорио выступают в цирке. Пола поет, а Лорио, взобравшись на шест и встав на голову на специальной площадочке, аккомпанирует ей на скрипке. Номер пользуется успехом у зрителей. Особенно часто бывают в цирке богатые господа Телепнев, Зарницкий и Прахов. Они бросают Поле цветы и часто говорят между собой о том, как жаль, что такая красавица, такая жемчужина – и в такой грязи… Но Пола счастлива в браке. Немолодой уже Лорио обожает свою юную жену, и она платит ему нежнейшей взаимностью. И все было бы хорошо, если бы не склонность Лорио к спиртному и не гипнотизер-иллюзионист Олеско Прасвич, преследующий Полу своей любовью. Гипнотизер пугает женщину завораживающим взглядом темных глаз. Она старается не оставаться с ним наедине, но он все-таки ухитряется поймать ее в коридоре или проникнуть в гримерную. Не раз Олеско Прасвич уговаривал Полу оставить старого мужа, который ей, прекрасной Поле, предпочитает стакан с вином. Однажды он даже попытался силой овладеть молодой женщиной, но ей удалось вырваться и убежать. Пожаловаться мужу она не смела, а сам он ничего не замечал и легко попался в ловушку хитрого Прасвича: в день бенефиса, перед выступлением, Прасвич принес Лорио бутылку вина. Он наливал старому циркачу стакан за стаканом… Напрасно Пола уговаривала Лорио остановиться, тот только отмахивался от нее, продолжая пить и шутить с Прасвичем. Опьяненный Лорио вышел на манеж и сорвался с шеста посреди номера. Мог погибнуть – на что, вероятно, и рассчитывал Олеско Прасвич, но только покалечился настолько, что не смог более выступать.

Вера на коллекционной открытке

Теперь Пола и Лорио поют во дворах. Им подают наравне с другими нищими, оборванными стариками и голодными детьми. Как-то раз их видит коммерсант Прахов, возвращающийся домой со своим другом Зарницким. Друзья узнают прекрасную циркачку… Они потрясены: какое ужасное падение! Такая женщина – и поет на улице, побирается! Тогда Прахов решает, что

сейчас – подходящий момент для того, чтобы завлечь к себе измученную нищетой красавицу. Он подходит к Лорио, говорит, что всегда восхищался его цирковым номером, выражает сочувствие и приглашает к себе в особняк для выступления на званом вечере. Лорио счастлив: наконец-то удача! – а Пола в отчаянии: ведь ей совершенно нечего надеть! Все платья – старые, залатанные… Бывшие циркачи живут в нищете – в убогой комнатке с кроватью за ситцевой занавеской. Лорио уверяет жену, что она будет прекрасна в любом наряде, но Пола плачет. Она даже готова отказаться от выступления, лишь бы не выставлять себя на посмешище в нищенских тряпках. И тут ее озаряет спасительная идея: у нее есть цирковой костюм, совсем новый и нарядный! Пола вынимает костюм из шкафа: короткая пышная юбка, открытые плечи, узкий корсаж. В нем нельзя ходить по улицам, но для выступления в особняке он вполне годится!

Циркачи приходят в особняк. Прахов радушно приветствует их. Все присутствующие восхищаются красотой Полы, ее пением, и каждый старается поднести стаканчик Лорио – чтобы беспрепятственно поухаживать за его прелестной супругой. Старый циркач расчувствовался, все эти богатые господа кажутся ему добрыми друзьями. Прахов тем временем надевает на шею Поле драгоценное ожерелье и предлагает уйти от мужа – зачем ей прозябать в нищете, когда влюбленный Прахов готов бросить к ее ногам все свое богатство. Пола отказывается, хочет отдать ожерелье, но Прахов просит оставить подарок хотя бы на один день. Наградив Лорио пачкой кредиток, Прахов с сожалением отпускает Полу.

Деньги быстро кончились, и для Полы и Лорио снова потянулись тоскливые дни. Выступления на улице, под дождем и снегом… Нищенская обстановка комнаты… И все это – после той роскоши, которую Пола видела в доме Прахова. Она так и не вернула ожерелье, часто разглядывает его со счастливой улыбкой и вспоминает, как все эти красавцы-богачи за ней ухаживали. Лорио видит ее улыбку и взрывается. Он возмущен. Возмущение переходит в раскаяние – ведь это по его вине они оказались в таком ужасном положении. И Пола – прекрасная, нежная Пола! – вынуждена так страдать, голодать… Пола ласково утешает мужа и решает вернуть Прахову ожерелье. Она идет в дом к Прахову и… остается с ним. Бедный Лорио мечется по улицам, ищет ее, а потом долго рыдает в своей убогой комнатенке, на пустой постели.

Для Полы начинается жизнь, полная роскоши и увеселений. Прахов наряжает и всячески балует ее. Возит на балы, похваляется ею перед друзьями, но Пола – циркачка, а не знатная

дама. Она не умеет подобающе вести себя в свете. Она весела, игрива и непосредственна как ребенок. Уверенная в своей власти над богатым любовником, она даже позволяет себе капризы и кокетничает с друзьями Прахова. Постепенно почтенный коммерсант начинает тяготиться ею. Как-то раз во время карточной игры друзья Прахова – Телепнев и Зарницкий – в очередной раз восхищаются красотой Полы и ловкостью Прахова, заполучившего такое сокровище. В ответ на это Прахов вдруг признается, что устал от Полы. Она ему слишком дорого стоит. Полушутливо-полусерьезно он предлагает Телепневу забрать Полу к себе… Телепнев соглашается. «Полу – из полы в полу!» – смеются друзья. Пола все это слышит. Она возмущена, она вбегает в кабинет, принимается кричать, рыдать и успокаивается только в объятиях подоспевшего Зарницкого. Пола заявляет, что не может дальше оставаться в доме оскорбившего ее Прахова и уезжает с Зарницким. Зарницкий любит Полу, он добр и терпелив с ней, но он игрок. Игра для него такая же болезненная и необоримая страсть, как спиртное – для Лорио. Как-то раз ему так сильно не везет в игре, что он проигрывает Телепневу все свое состояние… Вернувшись, он рассказывает о случившемся Поле и объясняет, что единственный способ не платить по подписанному векселю – это украсть его из сейфа Телепнева. И Пола должна помочь ему в этом. Они вместе пойдут завтра на вечер к Телепневу, и пока Пола будет отвлекать гостей пением, Зарницкий проберется в кабинет и похитит вексель. Сначала Пола робеет и отказывается, но Зарницкий умоляет ее… Если они не сделают этого, то он, Зарницкий, обречен на позор и бедность! И уж наверняка они не смогут более быть вместе. Наконец Пола соглашается. Они приходят на вечер к Телепневу, и когда все глаза обращены к поющей Поле, Зарницкий пробирается в кабинет хозяина и открывает сейф. Срабатывает сигнализация. Телепнев с револьвером в руках вбегает в кабинет и в полутьме стреляет в вора… Потом включает свет – и видит распростертого на полу, возле раскрытого сейфа, своего друга Зарницкого. На звук выстрела сбегаются остальные гости – и Пола. Она падает на колени перед мертвым Зарницким, плачет, зовет его… Охваченный раскаянием Телепнев обнимает Полу и уводит из кабинета. Ей не стоит так убиваться… Она не останется одна… Он, Телепнев, позаботится о ней. Пола понимает, что другого выхода у нее нет, и робко сквозь слезы улыбается Телепневу.

В следующем фильме, называвшемся «Сказка любви дорогой», история получила свое развитие. Пола несчастлива с Телепневым. Да, она живет в роскоши, у нее есть все… Все – кроме душевного тепла! Она была гораздо счастливее с Зарницким! Да что там с

Зарницким – даже с Праховым она была счастливее! Не говоря уж о милом бедном Лорио. Телепнев не понимает ее страданий. Он возит ее на балы и в театры, похваляясь своей «собственностью», и постепенно эти выезды становятся мучением для Полы. Однажды к крыльцу их дома приходит Лорио – совсем опустившийся, нищий, трясущейся рукой он с трудом водит смычком по струнам… Пола в ужасе, она плачет от жалости и хочет дать несчастному хоть немного денег. Но Телепнев запрещает ей даже выйти и с брезгливой миной приказывает слуге прогнать бродягу. Возможно, Пола окончательно зачахла бы рядом с бессердечным Телепневым, если бы не его друг, молодой художник Волынцев, который, влюбившись в Полу, все чаще приходит в дом Телепнева. Волынский – человек чувствительный, нервический, душевный. С ним Пола может говорить обо всем. Художник понимает душу актрисы… Волынский просит у Телепнева разрешения писать портрет Полы, чтобы иметь повод еще чаще и дольше бывать возле нее. Движимый тщеславием, Телепнев соглашается. Волынский пишет Полу в образе Саломеи, и постепенно молодые люди влюбляются друг в друга. Между тем у Полы и Телепнева учащаются ссоры. Пола упрекает Телепнева в бессердечии, тот в ответ называет ее содержанкой, продажной женщиной и в гневе пытается ударить женщину. Его останавливает Волынский, и Телепнев вызывает художника на дуэль. Телепнев ранит Волынского, о чем горделиво сообщает Поле, которая немедленно покидает его дом. Она идет к раненому Волынскому и преданно ухаживает за ним, буквально вырывая его из когтей смерти. Выздоровев, Волынский просит Полу стать его женой, но на пути их любви одно препятствие – Волынский богат, он живет в великолепном доме, но дом и все состояние на самом деле принадлежат его матери, суровой и вздорной особе. Она еще готова терпеть Полу в качестве содержанки Волынского, но не в качестве его жены! Циркачка, бывшая содержанка не может стать ее невесткой! Пола снова несчастна. Как-то после очередной обиды, нанесенной ей жестокой старухой, Пола уходит из дома Волынского и, совершенно потерянная, бродит по улицам. Она встречает Олеско Прасвича – давно позабытого своего поклонника и врага, из-за которого начались все ее несчастья. Тот, пользуясь отчаянным состоянием молодой женщины, гипнотизирует ее и уводит с собой. Начинаются странствия… Прасвич давно покинул цирк и теперь выступает в небольших театриках с фокусами и всякими колдовскими номерами. Полу, все время пребывающую в каком-то полусне, он использует как медиума – для контакта с духами и считывания тайных мыслей людей в зрительном зале. Поле

тяжело жить с нелюбимым, возле него ее удерживает только его магическая сила. Она заболевает, слабеет…

Лорио узнает о том, что Прасвич завладел Полой. Старому циркачу давно уже стало безразлично все в этой жизни – все, кроме женщины, которую он когда-то любил. Но он слишком жалок и немощен, чтобы противостоять могущественному иллюзионисту, и тогда, поборов гордость и ревность, Лорио отправляется к последнему покровителю Полы – к Волынцеву. Художник давно и отчаянно искал Полу. Он был очень несчастен без нее – настолько несчастен, что даже его суровая мать сжалилась над ним и дала согласие на его брак с Полой, если он когда-нибудь ее найдет. Вместе с Лорио Волынскому удается забрать Полу от Олеско Прасвича, однако ее здоровье безнадежно подорвано. Пола умирает, лежа на кушетке в мастерской Волынцева возле своего портрета в образе Саломеи, в объятиях влюбленного художника, с тихой улыбкой слушая, как Лорио играет на скрипке: «Молчи, грусть, молчи…»

Успех этих двух фильмов был предопределен с самого начала. Хотя, наверное, за всю историю русского и советского кино не было фильмов, которые бы так злобно и ядовито критиковали! Особенно после революции… «Молчи, грусть, молчи» и «Сказку любви дорогой» приводили в качестве примера пошлости и мещанства, безыдейности буржуазного искусства. В сюжетных перипетиях находили сходство с другими фильмами Веры Холодной: история с Праховым виделась перепевом темы «Детей века», пресыщение Прахова Полой якобы пришло из «Миражей», игрок Зарницкий, пытающийся выкрасть вексель, якобы списан с князя Бартинского из «Жизни за жизнь», и даже в том, что Волынцев пишет с Полы портрет, видят плагиат с фильмов «Песнь торжествующей любви» и «На алтарь красоты», а уж тема жестокого любовника, гипнотизирующего сопротивляющуюся ему женщину, – это уж наверняка из «Песни торжествующей любви»!

Надо ли говорить, что зритель этих аналогий не заметил, и в бедное мелодраматическими фильмами советское время «Молчи, грусть, молчи» с удовольствием смотрели, даже когда появились телевизоры и фильм демонстрировали во время ретроспективных показов.

Новая советская действительность уже понемногу заявляла о себе. Прежде всего – контролем над кинопроизводством. С середины 1918 года Московский и губернский кинокомитеты начали контролировать частное кинопроизводство. Сначала это был просто контроль за качеством выпускаемых фильмов. Кинокомитеты настойчиво советовали хозяевам ателье снимать

как можно меньше мелодрам «на потребу публике» и как можно больше экранизаций классики, призванных воспитывать вкус. Следуя этому указанию, Харитонов поручил режиссеру Чеславу Сабинскому сделать фильм по пьесе Толстого «Живой труп». Веру Холодную пригласили на роль цыганки Маши.

Это была уже вторая экранизация пьесы. Первая – в 1911 году – с Еленой Павловой в роли Маши. Харитонов, боясь, что «скучный» фильм не будет пользоваться успехом у публики и, следовательно, не принесет ему прибыли, пытался внести какие-то изменения – если не в сюжет, то хотя бы в саму постановку. Он предлагал перенести действие в современность, Федора Протасова снимать во фраке и без бороды, Машу сделать не певицей, а плясуньей. Однако Сабинский и снимавшийся в главной роли Максимов настаивали на классической постановке, грозясь в противном случае вовсе отказаться работать над этим фильмом. И Харитонов сдался, но сама Вера Холодная очень боялась сниматься у Сабинского. Ей была близка бауэровская эстетика чарующей роскоши, она привыкла к своему облику атласно-кружевной королевы экрана с облаком кудрей вокруг ангельского личика… А Сабинский требовал, чтобы она надела скромное платье с блеклой шалью на плечах, собрала волосы в пучок на затылке. Сделано было множество кино– и фотопроб Веры Холодной в роли Маши. Эти пробы сохранились – в отличие от самого фильма. Актрисе они очень не нравились, она даже плакала, боясь, что, разрушив свой привычный облик, потеряет любовь зрителей.

Теперь «Живой труп» Сабинского называют одной из лучших экранизаций классики в русском дореволюционном кино. В кинокарьере Веры Холодной роль Маши заняла особое место. Благодаря ей королева экрана была зачислена критикой в серьезные актрисы. Сам Константин Сергеевич Станиславский пригласил ее к себе в Художественный театр – это было бесспорное признание таланта, это была великая победа Веры Холодной над критиками и недоброжелателями, ведь другие кинематографические актрисы даже мечтать не смели о том, чтобы быть приглашенными в театр! И тем более – получить личное приглашение от великого Станиславского!

Соня вспоминала: «В тот день она возвратилась поздно и сразу бросилась к матери, с которой всегда делилась своими переживаниями. Никогда я не видела сестру такой восторженной, такой окрыленной. (…) Константин Сергеевич предложил ей вступить в труппу Художественного театра и готовить роль Катерины в «Грозе». Как ни поразило Веру это почетнейшее для актрисы предложение, но еще больше была она потрясена

впечатлением, которое произвел на нее Станиславский. Он ведь был ее богом. Константин Сергеевич говорил с Верой по-отечески, расспрашивал о жизни, вникал в обстоятельства ее работы в кино. Вера должна была вскоре дать ему ответ. Но Станиславский предупредил ее, что придется очень долго и много работать. Сколько времени будут готовить «Грозу», сказать заранее невозможно – «пока не получится». Может быть, год, может быть, гораздо больше. В кино Вера к этому времени снималась из картины в картину, у нее часто не бывало даже дня передышки. С ее участием создавалось уже не то десять, не то даже пятнадцать картин в год. Уход в Московский художественный театр означал прекращение работы в кино. Ну, может быть, время от времени, в одной какой-нибудь картине… Но ведь кино стало для Веры чем-то очень большим. Она по-настоящему любила кино, была бесконечно увлечена творчеством. Выбор был мучительным, и в конце концов она приняла решение остаться в кино. Пойти к Станиславскому сказать об этом она не решилась и написала письмо. Несколько дней она писала и переписывала его, плакала над ним. И наконец послала. Знаете, я думаю иногда: может быть, она предчувствовала, что ей осталось так мало жить, что расчет на годы уже не для нее…» (Из воспоминаний сестры С.В. Холодной, записанных А. Каплером.)

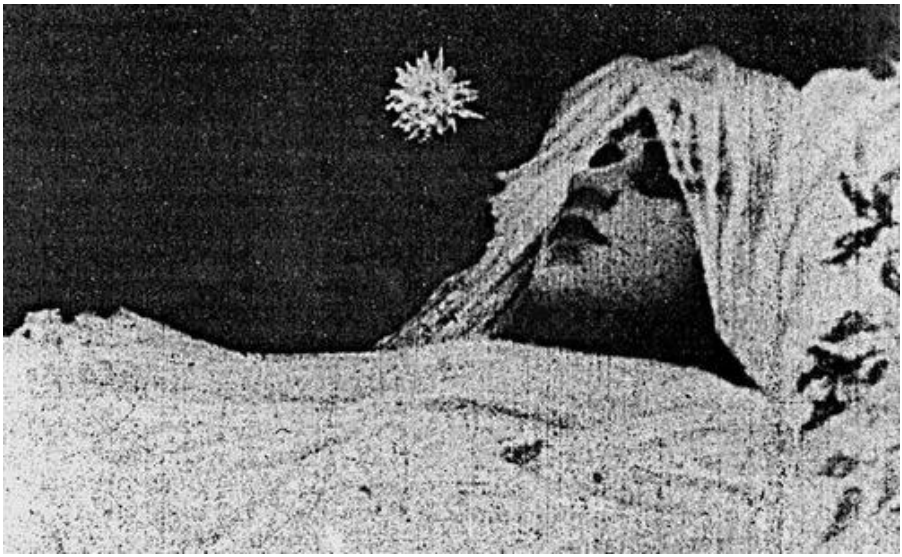
На сцене Вера Холодная все-таки появлялась несколько раз. Не у Станиславского и не в Художественном театре, но все-таки несколько ролей сыграла. В нескольких комических сценках – в частности, играла гимназиста (с ее-то формами!) в «Красивой женщине» А. Аверченко. Играла главную роль в комедии Г. Запольского «Козырь». Играла «Графиню Юлию» в знаменитой трагедии А. Стриндберга. Все выступления Холодной на сцене ставил Чардынин, и ни одно ее не прославило, хотя газеты зазывали публику в театр на спектакль с Верой Холодной не менее рьяно, чем в кино с нею же в главной роли: «Вера Холодная на «настоящей» сцене! Импресарио г. Волгин подписал контракт с «кино-красавицей» В. В. Холодной и везет артистку на 5-й неделе поста в провинциальную поездку (Харьков, Екатеринослав, Феодосия, Мелитополь). Обычно артисты речевой сцены идут в киноателье. Здесь наоборот: артистка кино идет в речевой театр. Это уже не первый опыт г-жи Холодной. Текущий сезон артистка провела в частых гастролях по подмосковной провинции с целью практически ознакомиться с условиями обычной сцены перед своим вступлением в труппу Студии Художественного театра, куда артистка приглашена К. С. Станиславским еще в прошлом сезоне». Публика шла на Веру Холодную в театр, шла, чтобы увидеть королеву экрана живьем, чтобы услышать ее голос… И

расходилась со спектаклей почти разочарованная! Любопытство было удовлетворено, но из зрительного зала не видно ее лица, ее чарующих глаз… В театре она казалась слишком далекой. Дальше, чем за пеленой экрана…

Но все-таки приглашение К.С. Станиславского, хоть и отклоненное актрисой, сыграло важную роль. К середине 1918 года Вера Холодная стала не просто популярной актрисой, а настоящим явлением в русском кино. Ее жизнью начали пристально интересоваться журналисты. В газетах появились не только ее фотографии, но и фотографии ее мужа, вернувшегося с фронта, ее сестер, ее детей…

«Вы знаете, игра для экрана требует много напряжения и очень утомляет. Нелегко было привыкать к искусственному свету. Юпитеры слепят глаза, а если они много горят – воздух становится душным, и долго играть невозможно. Но я люблю это творчество, не зависящее от публики в полном смысле этого слова».

Харитонов, всегда чутко прислушивавшийся к желаниям публики, поспешил снять фильм о самой Вере Холодной. Вернее, поспешил – не совсем подходящее слово. Он поспешил заявить о съемках фильма «Тернистый славы путь», а собственно съемки не начинались довольно долго. Очень мучительно рождался сценарий. В жизни Веры Холодной – в кино ее назвали «Верой Северной» – было так мало занятных событий, от всех перипетий, которые сценарист мог присочинить, Вера с возмущением отказывалась: еще подумают, что все это было на самом деле! Какой ужас! Ведь на самом деле она не такая! Она вовсе не будет сниматься в этом фильме, если они намерены так лгать о ее жизни! В конце концов Харитонов был вынужден согласовывать сценарий с Владимиром Григорьевичем Холодным. Кстати сказать, сам Владимир Григорьевич был этим очень смущен – он согласился бы на любой сценарий, если так надо для искусства, для Верочки… Но сама Верочка просила его об этом. Она очень боялась, что в сценарии обнаружится что-нибудь обидное для доброго, чувствительного Володи!



Вера Холодная в гробу

Для Харитонова и всей съемочной группы подготовка к фильму оказалась действительно тернистым путем… Но в итоге с превеликими мучениями фильм был снят. В нем не было какого-то четкого сюжета – просто некоторые события из жизни Веры Холодной, вехи ее кинематографической карьеры. И тогда пришла слава – к которой, впрочем, все они уже привыкли.

«…Надо отдать справедливость нашему частному предпринимательству: в поисках новых фильмов они ездят в Константинополь, Марсель, Италию, получают американские фильмы. Публика же, однако, предпочитает картины, в которых участвует Вера Холодная. Даже такая блестящая французская картина, как «Десятая симфония», исключительная по фотографии, по кинематографической технике, по световым эффектам, прошла безо всякого успеха. Публика требует только Веру Холодную. И если какой-нибудь театр не дает сборов, стоит только поставить картину с участием Веры Холодной, как перед кассой вырастают очереди. С большим успехом прошла картина «Тернистый славы путь»…» – писал критик из «Киножизни».

Надо сказать, что публика на самом деле ждала от фильма каких-то сенсаций, раскрытия интимных тайн… И как ни парадоксально это звучит, несмотря на успех фильма и полученную от него прибыль, зрители были разочарованы. Веру Холодную обожали, но никто не хотел верить, что она действительно такова, какой предстает в интервью и рассказах знакомых, что она действительно верная жена и любящая мать. От звезды всегда ждут чего-то необыкновенного… Какой-то сладостной, страшной, будоражащей воображение тайны. А здесь все было так просто, так чисто, так обыкновенно! И как не верили газетным статьям –

так не захотели поверить и фильму. Веру Холодную предпочитали видеть иной – роскошной, загадочно-порочной, но вместе с тем доступной. Такой, какой она представала в песенках Вертинского: все знали, какие из песенок посвящены ей, а значит – о ней… Таинственный малаец и лиловый негр, подававший актрисе манто в притонах Сан-Франциско, были, конечно, интереснее Владимира Холодного – скромного юриста и героя войны.

После «Тернистого славы пути» киноателье Харитонова выпустило экранизацию классического романа Гвидо де Вероне «Женщина, которая изобрела любовь». Вера Холодная сыграла главную роль Антонеллы, и по мнению критиков, эта роль ей не удалась… В вину королеве экрана вменялось то, что она была «слишком искренна в изображении любви». Коварства недоставало ее Антонелле. Недостаточно она была рассудочна и распутна, когда лгала мужу, когда после пылкой любви к поручику Джилли опутывала своими сетями старого герцога… Ее Антонелле хотелось верить. Ее Антонеллу невозможно было презирать и ненавидеть. В общем, не удалась роль, и все тут! Даже у королевы экрана бывают неудачи.

А между тем эту свою «неудачную», искреннюю и любящую Антонеллу Вера Холодная создавала в нечеловеческих условиях. В Москве было объявлено военное положение, электроэнергии не хватало на все объекты, снимали в спешке, по ночам… Оператор Леон Форестье вспоминал: «А. Рылло был до того изнурен работой, что засыпал прямо на ходу. Однажды, приехав по какому-то делу на фабрику Харитонова, я зашел в павильон, где режиссер Висковский репетировал с Верой Холодной сцену для картины «Женщина, которая изобрела любовь». Свет был поставлен, измученный Рылло блаженно спал на стуле около аппарата. Понятно, что при такой постановке дел литературные и художественные достоинства картины не могли быть высокими».

Операторы засыпали, режиссер нервничал и срывался, королева экрана целые сутки проводила в гриме, от электрического света у нее воспалялись глаза, от постоянного недосыпания начались ужаснейшие головные боли. Она нередко теряла сознание, приходилось посылать за врачом… Но придя в себя, она вставала и снова играла. Без жалоб, без капризов. Вообще все запомнили, что в те тяжелые месяцы 1918 года она была неизменно ровна, ласкова и дружелюбна, словно все было как обычно…

А ведь за ней – как и за другими известными русскими артистами – уже охотились зарубежные кинопромышленники. Пока кино было немым, знание иностранного языка и хорошее произношение еще не было обязательным условием работы за

границей. Главным в актере оставалось лицо, пластика, талант… И известность!

Вера Холодная была популярна и за границей. Афиши с ее портретами висели не только в Европе и в Америке, но и в мусульманской Турции, и в экзотической, закрытой для иностранцев Японии… Причем на турецких афишах в лице Веры Холодной появлялось что-то восточно-знойное, а на японских ей рисовали чуть раскосые глаза. Королеву экрана приглашали и в Америку – там собирались снимать серию фильмов по произведениям русской классики. Немецкие кинопромышленники предлагали Холодной и Руничу баснословные гонорары за съемки в Берлине, и еще больше – за контракт на десять лет. Кинопромышленник Тиман, когда-то не оценивший Веру Холодную, теперь предлагал ей перейти в его киноателье, чтобы уехать в Европу. Тиман уже понял, что все происходящее теперь в России очень серьезно. Что это – надолго, а может быть, и навсегда… Он понемногу переводил производство за границу, уже начал строить павильон в Берлине, у его киноателье появился адрес в Париже…

Вера на коллекционной открытке

Вера Холодная отказывалась от всех этих заманчивых предложений. Казалось бы – что может быть лучше? Уехать, увезти семью, девочек! Жить где-нибудь в домике под Парижем в покое, довольстве, тепле, пожиная плоды своей мировой славы! Но нет, она не хотела. Возможно, не могла оценить серьезности происходящего, думала, что это все скоро кончится… Возможно, была просто-напросто искренней патриоткой – как и ее муж, как и многие, многие люди тогда… Сейчас такое идейно-

патриотическое объяснение ее поступков кажется фальшивым. В него трудно поверить. Большинство нынешних звезд с радостью променяли бы всю необъятную Родину не то что на домик под Парижем – на квартирку в самом захолустном парижском районе!

Впрочем, теперь ведь и нет таких звезд, какой была Вера Холодная! Кого из наших нынешних знают и чтят – там?! Теперь нет ни звезд таких, ни таких людей…

А тогда – были…

Такие, как Вера Холодная, верившая в Россию до конца!

Такие, как княгиня Мещерская, потерявшая все и оставшаяся вместе с четырнадцатилетней дочерью в России – рядом со своим народом. Княгиня, когда-то владевшая несметными богатствами, поместьями, дворцами, в юности певшая в «Ла Скала», работала поварихой и спала на дощатом полу, подложив под голову сверточек с одеждой! Те, кто читал мемуары Китти Мещерской, помнят эту историю. А на заре перестройки эти мемуары, напечатанные в «Новом мире», прочли, должно быть, все, кто вообще что-то читал! Княгиня Мещерская искренне любила свой народ и искренне считала себя виноватой в «многовековом угнетении».

И не она одна – Великая Княжна Ольга Николаевна за несколько месяцев до расстрела написала из заточения письмо, которое потом влюбленный в нее поэт Сергей Бехтеев переложил в стихи:

Отец вам просит передать,
Не надо плакать и роптать,
Дни скорби посланы для всех
За наш великий общий грех…

Какой грех могла иметь за собой эта девушка? Нам теперь уже этого не понять… Она ведь и не жила почти! Не наслаждалась роскошью, не танцевала на балах! Ничего этого не было… Только детство – а потом сразу война, тревога за «доброго папу» и «милую маму», тревога за слабенького младшего брата, бесконечная тревога, и госпиталя, и уход за ранеными, – причем Великие Княжны и Княгини не просто присутствовали и позировали для фотографий, а действительно выполняли самую тяжелую, самую грязную сестринскую работу!

Повторю: нам, нынешним, этого не понять. Они были другие.

Нам не понять, почему не уехала Вера Холодная. Конечно, за ней не было таких грехов, какие числили за четырьмя дочерьми Николая II, старшей из которых не исполнилось и двадцати трех, а младшей было шестнадцать… Но все-таки и ей пришлось бы трудно при новом режиме. Ей приходилось трудно уже сейчас, во время съемок фильма «Женщина, которая изобрела любовь», а в будущем – останься она жива, останься она в России – неизвестно,

как трагически могла бы сложиться ее судьба…

А в том страшном 1918 году, в том единственном интервью, данном для номера «Киногазеты», целиком посвященного своему творчеству, она говорила:

«Заграничная конкуренция нам не страшна. Наоборот, очевидно, там очень считаются с русской кинематографией. Уж если нам предлагают громадные деньги заграничные фирмы, значит, нас там ценят высоко. Но теперь расстаться с Россией, пусть измученной и истерзанной, больно и преступно, и я этого не сделаю. Мне кажется, так думают и другие артисты, и заграничной кинематографии не удастся получить наших козырей в свои руки».

Теперь эти слова могут показаться или фальшью, или наивным лепетом человека, ничего не понимающего в реальной жизни. Поскольку фальшивить Вера Холодная не умела даже тогда, когда этого требовала роль, придется признать ее слова наивным лепетом… Только вот за такой лепет – произнесенный искренне, от сердца, от души – человека можно уважать. Больше, чем за самые мудрые или самые циничные изречения.

А между тем вскоре Вере Холодной пришлось играть в фильме «Мещанская трагедия» по книге прогрессивного итальянского писателя Лучиано Цукколи. Действие фильма происходило на сыроварне, а героями были «люди труда», как указано в единственном крохотном анонсе этого фильма в «Киногазете». Критических статей об этом фильме нет, так что неизвестно, как справилась королева экрана с работой на сыроварне…

Это был последний фильм, полностью снятый киноателье А.А. Харитонова в Москве.

В Москве еще начали работать над картиной «Княжна Тараканова» – ее активно рекламировали как любовно-авантюрную историческую драму, но заканчивать фильм поехали в Одессу, на натуру. Там же планировалось снять еще несколько фильмов, для которых требовались море, солнце, скалы… В Одессу съемочная группа прибыла 28 июня 1918 года после малоприятного восьмидневного путешествия.

В Одессе Вере Холодной предстояло умереть.

В конце лета 1918 года одесские газеты и журналы писали: «Любопытное явление наблюдается на центральных улицах Одессы. За изящной молодой женщиной бегают подростки, озираются и оглядывают с ног до головы ее и взрослые… То идет королева экрана Вера Холодная!»

Вера Холодная в прифронтовом госпитале у пулемета Владимир Холодный. 1917 год

В Одессу ателье Харитонова приехало, испросив на то разрешение революционного московского правительства, чтобы в живописных местах – у моря, в скалах, в развалинах старого замка – закончить съемки «Княжны Таракановой» и отснять несколько ранее задуманных фильмов. Один из них – «Азра, или Дочь рыбака» по пьесе Габриэле Д'Аннунцио «Дочь Иорио». Как всегда, мелодрама: рыбачка Азра жертвует жизнью ради спасения своего возлюбленного Джилли… В мокром, облепившем тело платье рыбачки, с каплями воды на черных кудрях Вера Холодная была просто неотразима! «Азру» начали снимать сразу же после прибытия, чтобы не терять погожих солнечных дней, пока вода была теплой и герои могли купаться и «тонуть» без особого ущерба для здоровья. Правда, то были не лучшие для Одессы времена – город находился «под пятой германских оккупантов» – и для съемок в городе и его окрестностях Чардынину пришлось выспрашивать разрешение градоначальника, а для выхода в море на арендованной яхте – у соответствующего армейского чина.

После благополучного завершения «Азры» и благополучной гибели героини труппа занялась натурными съемками для «Княжны Таракановой». Фильм этот был одним из самых дорогих для ателье Харитонова и считался одним из самых лучших фильмов Веры Холодной, одной из самых серьезных ее актерских ролей… К сожалению, он не сохранился.

Осенью 1918 года Одесса была оккупирована интернациональной армией Антанты. Французские, английские, греческие части, составлявшие стотысячную армию, французские и английские моряки, бельгийцы, остававшиеся еще с мировой

войны в составе авиации, и польские легионеры, а кроме того – офицеры Добровольческой армии Деникина, и «дружинники», принаряженные в американскую и английскую форму, и одесский проукраинский гарнизон в австрийской и немецкой форме, и «воины» Петлюры в почти балаганных национальных костюмах… Власть в городе менялась с почти комедийной быстротой, что позже было отражено во многих советских фильмах: город разбивался на зоны, переходить из одной в другую было запрещено, требовался особый документ для того, чтобы зайти в магазин на соседнюю улицу и не быть при этом расстрелянным за шпионаж!

Да что там Одесса – вся Россия, от финской границы до Приамурья, сгорала в огне Гражданской войны, раздираемая многочисленными армиями!

На дворе осень 1918 года…

Уже расстреляны в Екатеринбурге Государь Николай II с супругой, пятью детьми и домочадцами, уже сброшены живыми в шахту под Алапаевском оставшиеся члены его семьи, уже рассеяны по всей России тела убитых – белых, красных и случайно попавших под пулю – клюют их черные вороны, залита кровью русская земля…

Впрочем, Россия так велика, что на одном краю ее даже не догадываются о том, что творится на другом краю…

Ателье Харитонова в Одессе спокойно снимает кино: «Цыганку Азу» по пьесе М. Старицкого, «Мисс Кетти» (другое название – «Красная заря», весьма злободневная драма), «В тисках любви»…

Вера Холодная приехала в Одессу с матерью, сестрой Соней и старшей дочкой Женечкой: девочка часто болела, и Вера надеялась, что солнце и морские купания пойдут ей на пользу. Планировалось снимать в Одессе в течение месяца, пока погода солнечная… Позже к ним присоединилась и сестра Надя, которая поступила работать в один из одесских госпиталей. Владимир Холодный, еще не оправившийся после ранения, остался в Москве, а с ним младшая дочь Нонна – по причине малолетства везти ее с собой было сложно – и бабушка Веры, Екатерина Владимировна. Разлука предполагалась не такая уж долгая, и ни к чему им было всюду ездить следом за Верочкой, мешать ей работать… Но планы планами, а время было такое, что задержаться в Одессе съемочной группе пришлось на полгода. «Примадонне» съемочной группы – Вере Холодной – и вовсе вернуться домой было не суждено. Прощаясь с женой на московском вокзале, Владимир Григорьевич Холодный вряд ли мог даже предположить, что прощается с ней навсегда!

Софья Васильевна рассказывала Алексею Каплеру: «Переезд в Одессу? Это была киноэкспедиция фирмы Харитонова. Вера взяла с собой меня и одну из своих дочерей – Женю, а сестра Надя и вторая дочь Веры, Нонна, остались в Москве с Владимиром Григорьевичем. Сообщение с Москвой было нерегулярным – от оказии к оказии. Здесь, в Одессе, я уже начала выступать в балете Оперного театра – мне было тринадцать лет. Вера всегда опекала меня и фактически была мне матерью. Когда Одессу заняли французские войска, Вера начала получать одно за другим приглашения иностранных фирм. Ее звали за границу. Дмитрий Иванович Харитонов предложил ей стать компаньоном его «дела» за границей. Фирмы обещали ей огромные гонорары, но Вера решительно все отклоняла. Уезжали многие актеры, соблазняясь и деньгами, и перспективной работой. В Одессе становилось все труднее снимать картины – не было пленки, химикалиев. Вера опубликовала заявление в печати, в котором во всеуслышание заявила, что ни за что не покинет свою Родину в тяжелое для нее время, и призывала других артистов тоже последовать этому решению. Ответы были разные: кто остался, кто – как Мозжухин – эмигрировал. Наша жизнь в Одессе с момента прибытия была подчинена задаче ограждать Веру от поклонников и поклонниц. Если и в Москве Верина жизнь осложнялась этими людьми, то в Одессе это стало настоящей катастрофой. Жили мы вначале в гостинице, потом в доме Попудовой на Соборной площади, как она тогда называлась. Вера была занята с утра до вечера. Харитонов быстро выстроил ателье на Французском бульваре, и там кипела работа – снимались один за другим новые фильмы».

«Для нас давление режиссера не очень заметно. Мы вместе продумываем сцены, и после репетиции режиссер лишь корректирует нашу игру, так как наблюдать самому за собой невозможно».

Первый раз Вера захворала еще в ноябре 1918 года – простудилась, воспалились миндалины, потом образовался нарыв. Съемки были прерваны на целых три недели. У актрисы пропал голос – впрочем, для немого кино это не имело значения, но из-за сильной боли в горле Вера почти не могла есть и сильно похудела за время болезни. Это сейчас худоба в моде и любая актриса даже радовалась бы такому последствию болезни, но в начале века любили женщин с формами, с нежным округлым овалом лица. Когда Вера пошла на поправку, ей понадобилось усиленное питание, чтобы вернуть былую прелесть. И еще две недели, пока Вера силилась вернуться к прежнему облику, ателье практически простаивало – снимались какие-то промежуточные сцены, в которых королева экрана задействована не была.

Наконец она вернулась к съемкам и концертным выступлениям. Снова – благотворительные спектакли, сборы от которых шли в пользу Одесского отдела Всероссийского союза увечных воинов, в пользу безработных москвичей, находившихся в Одессе, безработных артистов Одесского городского театра, на оказание первой помощи военнопленным, в пользу семей павших воинов… Параллельно в ателье Ханжонкова досняли «Цыганку Азу», «Мисс Кетти» и «В тисках любви», начатые до болезни актрисы. Затем поставили новые фильмы – «Песнь Персии» и «Дама с камелиями». Сниматься в «Песни Персии» Вера привела свою сестру Соню. Вера играла прекрасную пленницу Султана – сохранились фотографии ее в «восточном костюме» и экзотических украшениях, а четырнадцатилетней Соне доверили маленькую роль танцовщицы во дворце…

Что касается «Дамы с камелиями», то сыграть роль Маргариты Готье было давней мечтой Веры Холодной. Еще с гимназических времен, когда и речи не было о кино, Верочка мечтала сыграть страдалицу-куртизанку на сцене – хотя бы в любительской постановке. Вдруг теперь эта мечта воплощалась… Были сшиты роскошные костюмы, Вера волновалась больше обычного и репетировала дольше обычного, и окружающие начали замечать, что она снова словно побледнела и осунулась, но думали – просто так глубоко погрузилась в роль.

Маргарита Готье умирала от чахотки и неправедной жизни, осложненной еще и любовью.

Вера Холодная репетировала ее трагическое и прекрасное умирание, выступала на благотворительных концертах… Уставала.

В Одессе было страшно холодно.

В середине зимы старшая дочка Женечка заболела скарлатиной, и всю семью попросили выехать из гостиницы – скарлатина считалась смертельно опасной и очень заразной болезнью. Екатерина Сергеевна и Соня вместе с больной девочкой вынуждены были перебраться в частную квартиру в доме Попудовой на Соборной площади. Вера, до того жившая вместе с другими актерами отдельно от семьи, в вилле на Французском бульваре, переехала вместе с ними – чтобы ухаживать за дочерью. Женечка поправилась, и Вера с сестрой Соней снова переехали в гостиницу – так было дешевле и удобнее, но только в другую, в гостиницу «Бристоль» на Пушкинской улице, в один из лучших ее номеров – просторный, с мраморной ванной и огромным венецианским окном. Правда, в такую холодную зиму да при нехватке топлива вся эта роскошь казалась безрадостной и неуместной.

В фильме «Песнь Персии»

Температура в номере была минус девять градусов.

Восьмого февраля 1919 года Вера Холодная выступала на концерте в пользу фонда профсоюза театральных художников Одессы. Концерт состоялся в театральном зале литературно-артистического общества – нынче там располагается Одесский театр музыкальной комедии. В феврале 1919 года театр практически не отапливался, и публика не раздевалась – так и сидели в пальто и шубах, но артисты все равно выходили на сцену в костюмах и концертных платьях. В крайнем случае допускалась тонкая шаль на плечах у дамы… Но – не больше. Искусство требует жертв. Больших жертв.

Еще до начала концерта Вера почувствовала себя нехорошо. Ее бил озноб. Она попросила позволить ей выступить первой – хотелось поскорее вернуться домой.

Дома она сразу легла. Всю ночь промаялась в жару. Утром испуганная Соня побежала за врачом. Веру перевезли в квартиру матери…

Диагноз был поставлен сразу – «испанка». Особая форма гриппа, завезенная, как считалось, из Испании. В 1918 году в Европе от «испанки» умерло, по разным данным, от трех до шести миллионов. В Одессе эпидемия «испанки» миновала уже в октябре, да и вообще в сильные холода гриппом болеют редко. Но доктора все-таки решили, что у королевы экрана именно «испанка», осложненная воспалением легких, отчего и протекала она как легочная чума – с сильным жаром, удушьем и болью. Лечить подобные болезни в те времена еще не могли. Не было пенициллина, а без него любое воспаление в организме грозило гибелью, тем более – такое опасное, как воспаление легких. Кололи камфору, натирали камфорным спиртом, делали согревающие компрессы от боли в груди, чередуя их с прохладными обертываниями – от жара. Положительных результатов такое лечение не приносило.

Цыганка Маша

Вера Холодная проболела восемь дней. Ее лечили лучшие врачи Одессы – Усков, Коровицкий, Бурда, Тальпин, Зильберберг… День и ночь дежурили у ее постели мать и сестра, сменяя друг друга. К Вере не пускали никого – даже друзей. Один раз позволили ее навестить Харитонову и Чардынину, но Вера была в забытьи и попросту их не узнала. Последние четыре дня и четыре ночи под окнами их квартиры стояла толпа поклонников актрисы, жгли костры, и врачи начали поговаривать о том, чтобы вывешивать бюллетень… Но около полуночи в воскресенье 16

февраля 1919 года Вера Холодная умерла.

Перед смертью она совершенно пришла в себя и ясно сознавала, что умирает. Говорила о смерти с родными. Просила позвать священника, успела причаститься и собороваться, успела благословить детей.

Потом Соня вспоминала: «Зачем мы только в эту Одессу приехали?! Может быть, Вера жила бы и жила. Там она заразилась этой ужасной «испанкой». В Одессе была настоящая эпидемия, и болезнь протекала очень тяжело, а у Веры как-то особенно тяжело. Профессора Коровицкий и Усков говорили, что «испанка» протекает у нее как легочная чума. Теперь это называется вирусным гриппом. Все было сделано для ее спасения… Как ей хотелось жить! Перед домом нашим постоянно – день и ночь – стояла толпа молодежи. Вера говорила: «Володя там, в Москве, не чувствует, наверное, что я умираю». Все понимала, знала, что это конец. Харитонов и Чардынин плакали, сидя на кухне. Она умерла шестнадцатого февраля 1919 года. Хоронил ее весь город буквально. Двадцать шесть ей было…»

Спешно было произведено вскрытие, в отчете – «постмортуме» – указан тот же диагноз: отек легких. Тело Веры Холодной набальзамировали (для отправки в Москву, как было сказано), то есть обработали сложным раствором на основе глицерина, карболовой кислоты, спирта и камфоры. От этого раствора кожные покровы меняют цвет и как бы сжимаются, но тление долго не касается усопшего. При удачно проведенном бальзамировании родственники в Москве могли бы без опасения вскрыть гроб и провести повторную церемонию прощания.

А пока с Верой Холодной прощалась Одесса.

Ее положили в гроб в том самом платье, в котором она два года назад играла княгиню Лидию Ланину в фильме «У камина» – одном из самых популярных своих фильмов. Парадокс судьбы… Если бы тогда, всего полтора года назад, двадцатичетырехлетней, прекрасной, счастливой, удачливой актрисе сказали, что пройдет совсем немного времени и именно в этом платье она будет лежать в гробу! Нет, наверное, она бы не поверила, сочла бы шуткой дурного тона. Но это случилось, и в двадцать шесть с половиной лет она – в гробу, в этом самом строгом и элегантном, закрытом платье, на волосах – фата, на лбу – церковный венчик, кисейное покрывало скрывает все тело от подбородка до кончиков туфель… Гроб полон цветов, в основном хризантем: белых, желтых, бледно-лиловых. Их легче других цветов найти в феврале. К тому же хризантемы – цветы скорби и смерти – подходили к случаю. Лицо актрисы было покрыто слоем желтоватого театрального грима, чтобы скрыть следы болезни и

того, как потемнела кожа от воздействия бальзамических составов.

В газетах напишут: «Мертвая королева наряжена в один из лучших своих туалетов и тщательно загримирована».

И все равно грим не мог скрыть того, что королева экрана страшно изменилась. Глаза, окруженные темной тенью, ввалились; губы припухли и посинели от удушья, никакая помада не могла скрыть этой жуткой синевы… Сложенные на груди руки просвечивали сквозь кисею, и видно, что кончики пальцев тоже посинели… Тяжело она умирала, очень тяжело. Несколько дней задыхалась.

В толпе провожающих мало кто знал подробности, и при виде этого изменившегося лица, этих распухших посиневших губ кто-то впервые произнес слово «яд».

«Отравили!»

Потом поползут сплетни…

Или уже поползли, с самого момента ее смерти и известия о том, что тело будут бальзамировать?

Похороны напоминали какое-то мрачное торжество или жутковатую кинопремьеру с королевой экрана в главной роли. Тысячи и тысячи людей желали проститься со своим кумиром. Увидеть ее в последний раз, убедиться в непоправимости своего горя… Собор, в котором отпевали Веру Холодную, был полон, люди давили друг на друга, задыхались, падали в обморок от недостатка кислорода и от остроты переживаний. К счастью, смертоубийства удалось избежать и никого не затоптали насмерть, хотя толпы провожающих заполонили не только Соборную площадь, но и близлежащие улицы.

Похороны снимали – последний фильм Веры Холодной! – и уже в марте пленку демонстрировали во всех кинотеатрах. «Похороны Веры Холодной» имели неизменный успех.

Кстати, этот фильм – ее единственный неигровой фильм – сохранился по сей день, в отличие от тридцати девяти (!) игровых лент, которые были безжалостно уничтожены, смыты, ибо не представляли ценности для нового искусства, не могли представлять интереса для советского зрителя… А похороны Веры Холодной – представляли интерес?! Или эта пленка сохранилась случайно, по причине короткого метража?

Популярный журналист и критик Нилус написал для газеты «Вечерний час» трогательный некролог:

«3 февраля 1919 года, в ноль часов вечера умерла в Одессе молодая, прекрасная актриса Вера Холодная – и тотчас же эту печальную новость узнали несколько сот тысяч людей, и все пожалели эту молодую женщину, на которую было так приятно

глядеть на экране кино. Я повторяю: «приятно глядеть» – и настаиваю, что почти вся соль кинематографа не в пьесах, так часто и бездарных, и грубых, и лубочных, а только в актерах, в их глазах, смехе, хорошо сложенных телах, только в том, что на них «приятно смотреть».

Но господа фабриканты фильмов, их писатели, режиссеры до сих пор этого не понимают. Не понимают, что самое драгоценное в кинематографе – человек сам по себе, природа сама по себе, все остальное сравнительно не важно.

Среди бульваров, улиц, в лесу, в поле, у моря мы нередко часами присматриваемся, прислушиваемся к их жизни, не желая никаких комедий и страшных драм с жуликами и сыщиками или без жуликов; мы хотим только одного: наблюдать жизнь; мы так привязаны к ее тайне, мы так любим ее проявления, что готовы без конца следить за тем, как живут муравьи, бабочки, звери, совсем не интересуясь их драмами. Но еще ближе и дороже нам человек, конечно, прекрасный человек, прекрасная женщина: нам бесконечно любопытно наблюдать их на экране, где все необычайно увеличено, рельефно подчеркнуто, где не пропадет движение ни одного мускула, где лицо, фигура приобретают необычайную выразительность, недоступную обычной сцене. Драмы в кино только терпимы, их могло бы вовсе не быть. Центр тяжести этого нового искусства в актере, в живой природе – это давно пора учесть.

Я видел Веру Холодную на экране не раз, но я не помню содержания ни одной пьесы, в которой она участвовала.

Прелесть этой актрисы совершенно не в том, как она справлялась с той или иной ролью, а в том, что у нее было одухотворенное лицо, прекрасные глаза, улыбка.

Теперь мы с особым чувством увидим ее на экране, но фильмы не вечны. Пройдет сезон, другой – и материальный образ этой прекрасной женщины потускнеет, но в нашем сердце воспоминание о ней будет жить долго.

Так иной раз мы встречаем привлекательных незнакомых людей в театрах, на улицах, потом они куда-то исчезают навеки… Но их образ часто на всю жизнь сохраняет наша душа.

В этом есть что-то общее между созданиями самой жизни и произведениями поэтов, художников.

P.S. Вера Холодная уже покоится во мраке, под каменным сводом, а ее тень долго еще будет скользить под музыку по экранам кино, в которых ее станут продавать теперь особенно выгодно. С каким чувством близкие артистки будут проходить мимо этих лавочек? Какая это страшная машина кинематограф в некоторых случаях… Наше время, время машин, должно породить

новые элементы психики, чрезвычайно любопытные».
…Новое время действительно породило много новых и в высшей степени любопытных элементов психики – гораздо больше, чем кинокритик Нилус мог бы предположить даже в самых кошмарных фантазиях!

Что же касается «близких артистки»…

Владимир Григорьевич Холодный пережил жену всего на два месяца.

Отчего он умер?

Кто-то говорил – от тифа, кто-то считал, что от той же «испанки» или от воспаления легких. Время было жестокое, люди совершенно не были склонны к сантиментам и сознательно обманывали себя, пытаясь поставить хоть какой-нибудь научный диагноз, хотя всем было совершенно ясно, что умирает офицер Холодный не от банальной «медицинской» хвори, а от любви и тоски, от невозможности жить без Верочки… «От разбитого сердца» – как сказали бы тогда. Он просто поспешил за ней туда, за грань бытия, а если и приключилась с ним перед смертью какая-нибудь из обычных в то время болезней, то все равно – не болезнь была первопричиной его смерти.

Ходили также слухи и о том, что он был арестован и расстрелян на Лубянке чекистами – во всяком случае, именно такой версии придерживается в своих мемуарах старшая дочь Веры Холодной Евгения.

Соня Левченко вспоминала: «Муж Веры – Владимир Холодный – прожил недолго. После панихиды памяти Веры в Москве, в Художественном театре, он стал заговариваться, иногда не слышал, когда к нему обращались. Вскоре он умер. Перед смертью все говорил о Вере как о живой».

Еще через месяц скончалась мать Веры, Екатерина Сергеевна Левченко – во время эпидемии брюшного тифа.

Бабушка Веры, Екатерина Владимировна, привезла из Москвы в Одессу осиротевшую Нонну.

Двадцатитрехлетняя Надя просила об опекунстве над племянницами и сестрой – четырнадцатилетней Соней. Она была на редкость доброй и ответственной девушкой, по-матерински относилась к Жене и Нонне и через некоторое время удочерила обеих девочек. Позже она вышла замуж за болгарина и в 1923 году уехала вместе с мужем на его родину.

Дочери Веры Холодной учились в русской гимназии Кузьминой – в некогда знаменитой частной гимназии Петербурга, которая после революции переместилась сначала в Стамбул, потом в Болгарию. Получили прекрасное образование. Евгения Холодная вспоминала: «К нам часто приходили незнакомые люди,

высказывая сочувствие как сиротам известной киноактрисы. Часто давали газетные и журнальные вырезки и фотографии с наставлениями: “Храните их, это ваша мама!”»

После окончания гимназии Евгения стала бухгалтером на предприятии своего дяди, мужа Надежды Левченко, потом вышла замуж за русского офицера, работавшего автомехаником в турецкой фирме. Овдовела практически в одно время с теткой, и вдвоем они поселились в Константинополе. В 1960 году Евгения снова вышла замуж – за американца, работающего в Турции, и после смерти тетки уехала на постоянное жительство в США.

«Когда я только начинала играть для экрана, меня запугивали режиссерами. Говорили, что это – деспоты, насилующие волю артистов, не считающиеся с их творческим пониманием ролей. Но мне пришлось убедиться, что все это – пустяки».

Нонна давала уроки фортепьяно и пения детям турецкой интеллигенции. Вышла замуж за учителя и осталась жить в Стамбуле.

После смерти Веры Холодной распалась знаменитая съемочная группа Харитонова. Собственно говоря, столько времени киноателье снимало только кино с Верой Холодной, столько времени режиссеры, сценаристы, художники, операторы работали «под Холодную», что теперь они просто не представляли, как же снимать кино без нее? Ею держалась вся группа, на ней строилось все кинопроизводство… Партнеры – легендарные В. Максимов, В. Полонский, О. Рунич – привыкли работать именно с ней и не представляли себе другой героини. На первый взгляд это может показаться чем-то вроде трогательной верности умершей звезде, но, в сущности, дело обстояло иначе: Вера Холодная была звездой такого масштаба, что никто из партнеров-мужчин и никто из снимавшихся вместе с ней в фильмах женщин просто помыслить не мог о том, чтобы конкурировать с ней! Когда ее не стало, конкуренция появилась и постепенно один за другим все ее бывшие партнеры ушли в другие киноателье, где они смогли быть «королями труппы». Ушел и режиссер Чардынин. Десять месяцев после смерти Веры Холодной киноателье простаивало – пыталось перестроиться. Потом вновь начали снимать кино, но прежнего успеха уже не было, не было и прежних денег. Веру Холодную смотрели и знали не только в России, но и в Европе, в Турции, в Японии… Картины с ней хорошо покупались для проката, а гонорары Харитонов платил небольшие. Конкуренты удивлялись тому, насколько дешево обходилась ему звезда такого масштаба. Они не понимали, что дело было не в каких-то его особых способностях дельца, а в самой Вере: из-за своей скромности и кротости, из-за

врожденной интеллигентности и бескорыстной преданности искусству королева экрана никогда не унижалась до спора из-за гонораров. В конце концов, Харитонов платил ей больше, чем когда-то Ханжонков, и уже за это она была благодарна ему. Смерть Веры Холодной буквально разорила Харитонова, как когда-то ее уход нанес тяжелейший удар по материальному положению кинофирмы Ханжонкова.

Младшая сестра Веры Соня Левченко осталась в Одессе, рядом с могилами сестры и матери, со старенькой бабушкой Екатериной Владимировной, которая не хотела никуда ехать, желая умереть в России и быть похороненной в русской земле. Она ненадолго пережила дочь и старшую из внучек, и Соня осталась совершенно одна… Как она выжила, как не подмял ее чудовищный жернов истории, не раз прокатывавшийся по стране в то время? Наверное, сначала, в годы революции и в первые послереволюционные ее спасало все-таки то, что она была сестрой всенародно любимой артистки. Соня взяла себе фамилию «Холодная» – фамилию мужа сестры, потому что девичья фамилия королевы экрана была не особенно известна. К тому же – к счастью для себя – Соня была талантливой балериной, а новому правительству нужны были артисты как доказательство, что искусство все-таки живо.

Соня стала балериной Одесского оперного театра. Танцевала с 1920 года – с пятнадцати лет, солисткой, а позже и ведущей солисткой в «Лебедином озере», «Жизели», «Коньке-горбунке»; специально для нее поставили балет «Девушка и смерть»… Она воплотила в своей жизни несбывшуюся мечту Веры и оставалась на сцене до страшного 1937 года, когда вынуждена была уйти «по болезни сердца». Вышла замуж, родила сына и дочь. Всю жизнь она сражалась за сестру – за светлую память актрисы Веры Холодной, за доброе имя ее, обильно поливаемое грязью… Отстаивала ее право на особое, значительное место в русском киноискусстве. Стоит прочесть ее воспоминания, написанные в конце пятидесятых… Бедная, бедная женщина! Бедная, слабая, смелая! Как отчаянно пыталась она доказать истинно народное происхождение Веры Холодной и даже некую мифическую близость образов, создаваемых Верой на экране, к идеям социализма и нуждам рабочего класса…

Вера Холодная – королева экрана – равных ей не было и нет до сих пор…

К чему что-то доказывать, какая может быть борьба?

Незабвенную Веру Холодную никто не сможет сбросить с ее пьедестала…

Но нет! – ее пытались забыть. Или вернее будет сказать –

пытались заставить зрителя забыть Веру Холодную, называли ее «синонимом пошлости и мещанства», и вклад ее в русское искусство тоже старались приуменьшить. С возмущением, с осуждением писали о многочисленных подражательницах Холодной, которые бились у ворот киностудий в 20-х годах – так же, как потом, в 30-х и 40-х, появится множество подражательниц другой русской – уже советской – звезды: Любови Орловой. «Под Орлову» половина всех русых и шатенок в СССР перекрасилась в блондинок, но это не осуждалось, потому что Орлова была «своя». Любимая актриса Сталина. И другая белокурая – Марина Ладынина… Девчонки-школьницы, отправляясь на свидания, старались чаще облизывать губы, чтобы они все время были влажными – как у Ладыниной. Это было смешно, но не более. Однако те, кто подражал Вере Холодной, вызывали гнев… Вера Холодная была «чужая», или правильнее сказать – чуждая. Ее действительно сложно было представить в новом советском кино в роли ткачихи или крестьянки, распевающей бодрые песни, звонким голосом кричащей с трибуны приветствия товарищу Сталину, споро работающей за станком или бойко молотящей босыми пятками по пыли: «А ну-ка, девушки! А ну, красавицы! Пускай поет о нас страна!»

Правда, все это будет несколько позже, когда само имя Веры Холодной будет предано забвению.

А пока ее еще помнят.

Пока еще в некоторых захолустных кинотеатрах попадаются «вредные» и «пошлые», «мещанские» фильмы «Жизнь за жизнь», «Миражи», «Дети века», «Последнее танго», «Молчи, грусть, молчи»… А в некоторых центральных кинотеатрах идут фильмы с американской «золушкой» Мэри Пикфорд – она совсем не похожа на Веру Холодную, она некрасива и весела и в финале фильма обязательно выйдет замуж за миллионера! Но критики того времени, все эти «разоблачители» и «развенчатели», отчего-то постоянно ставят их имена рядом – Вера Холодная и Мэри Пикфорд. И даже в фильме 1928 года «Поцелуй Мэри Пикфорд», призванном высмеять киноманов, предпочитающих пошлую зрелищность серьезным, идеологическим советским фильмам, героиня Дуся Галкина, мечтающая стать кинозвездой, обожает Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса, но перед экзаменационной комиссией старательно изображает Веру Холодную.

В исполнении Дуси Галкиной с ее грубыми, простыми чертами и топорной фигурой все эти ужимки и закатывания глаз выглядят действительно смешно. Когда это делала Вера Холодная, смешно не было…

Критик Нея Зоркая писала в статье «Первая русская звезда»:

«Ленинград. 1926 год. Сентябрь. Испытание в Государственном институте… Большинство испытуемых – женщины всех рангов и возрастов. Не думайте только, что это бездельничающие психопатки и скучающие совбарышни. Очень принаряженная женщина с неумело завитыми штопорообразными локонами расскажет вам, что она железнодорожница, приехавшая из Кандалакши, поселка у Белого моря, где оставила двух детей и семью, потому что все знакомые и даже муж говорят, что ей при ее таланте необходимо сниматься в кино. Она тщательно проимитирует Холодную… по-настоящему волнуясь и плача. Перед вами мелькнут 2–3 рабфаковки, которые командированы из уезда в вуз, но чувствуют свое призвание только в кино…»

…Соня боролась за сестру робко, неумело, в меру своих сил и природной отваги. Не на жизнь, а на смерть сражалась с пролетарским писателем Юрием Смоличем, оклеветавшим Веру Холодную в приключенческом романе «Рассвет над морем». В романе Вера Холодная, автором книги поэтически названная «изменчивой обольстительницей» и «обольстительной изменницей», добиваясь визы на выезд из России, последовательно отдается французскому консулу мосье Энно и белогвардейскому генералу Гришину-Алмазову, что и описывается в самых смелых подробностях, какие только возможны были в советской литературе. Правда, при этом еще и спасает героя революции Котовского. А в одной из версий романа присутствует намек на то, что и с Котовским у королевы экрана что-то было… Но разумеется, она пошла на это «что-то» вовсе не из приверженности революционным идеям. В конце романа Вера Холодная загадочно умирает… отравленная ядом кураре, который коварный француз подмешал ей в вино.

Софья Васильевна долго переписывалась с Юрием Смоличем, добиваясь изменений в тексте и публичных извинений. Разумеется, ничего не добилась. Наглость товарища Смолича была беспримерна – он даже пытался упрекнуть Софью Васильевну в том, что она, дескать, в суровом девятнадцатом году была мала и многого о сестре не понимала…

Софья Васильевна просила, чтобы Юрий Смолич ответил ей через «Литературную газету» и написал, что все эти постельные сцены – вымысел, но Смолич отвечать через газету отказался. Написал еще одно личное, довольно любезное письмо: снова о том, как плохо будет покойной Вере Холодной и ее ныне живущим родным, если он признается, что все в романе – включая спасение Котовского – вымысел… Тем более что Смолич продолжал утверждать: это даже не вымысел, а полуправда, основанная на ходивших в Одессе слухах и сплетнях.

Впрочем, против Смолича и Плоткина восстала не только сестра актрисы, но и зрители, почитатели: как выяснилось, фильмы с Верой Холодной были популярны не только среди буржуазно настроенной публики, тоскующей по былым, ушедшим временам, но и в среде революционного подполья Одессы: «…к вам обращается участница подполья в период интервенции (1918–1919 гг.) Ярошевская. Как и другие советские зрители, с чувством возмущения встретила я трактовку образа Веры Холодной как женщины легкого поведения в период интервенции в гор. Одессе. Утверждения некоторых безответственных авторов о том, что она занималась флиртами с высшими представителями враждебного лагеря, не имеют под собой никакой почвы и совершенно безосновательны. Я считаю своим долгом присоединить своей голос в защиту чести и гражданского поведения замечательной актрисы того времени. Будучи в те годы связной Одесского обкома, часто выполнявшей задания товарищей Ласточкина, Соколовской, Котовского и других, я хорошо помню (несмотря на то что тогда мне было лишь 16 лет), что имя Веры Холодной часто встречалось мне в связи с деятельностью подпольщиков, и мне она запомнилась как товарищ, помогавший нашей подпольной организации…

…Была ли Вера Холодная «товарищем, помогавшим подпольной организации»? Сомнительно. Скорее всего, это утверждение – не больше (но и не меньше!) чем вымысел товарища Р. Ярошевской – вымысел, сочиненный с самой святой и благой целью: защитить любимую актрису, кумир юности, от злобных клеветников! Ведь одно дело – оклеветать какую-то там артисточку, буржуазку, пусть даже и называли ее когда-то королевой экрана… И совсем иначе выглядит клевета в адрес «товарища, помогавшего подпольной организации».

Да и позже у Софьи Васильевны находились помощники: те, кто так же боготворил королеву экрана и не мог отдать ее имя мраку забвения: Б. Зюков, Н. Болобан, Д. Аржелас, Л. Кармен, Н. Зоркая, С. Русакова, О. Якубович, Р. Соболев… А верный рыцарь королевы экрана Алексей Яковлевич Каплер и вовсе организовал целую акцию в защиту Веры Холодной. Он первый вспомнил о ней в «Кинопанораме», не раз писал статьи в газетах, собирал открытки с фотографиями Веры Холодной и с кадрами из ее фильмов.

…Но это все будет потом. Много позже.

А сейчас тело актрисы набальзамировали и после отпевания и шествия, запечатленного на кинопленке, поставили в часовне на Первом Христианском кладбище Одессы.

Останки трижды тревожили – вскрывали гроб и

«подправляли» мумию, покрывали составами для лучшей сохранности, снова гримировали… Все надеялись отправить в Москву, чтобы торжественно похоронить там.

В 1931 году кладбище, находившееся в центре города, по гнусному обычаю тех времен, было превращено в парк – «Парк имени Ильича» – парк культуры и отдыха на костях…

Склеп был разрушен.

Софья Васильевна, в то время известная балерина Одесского театра, запросила Городской отдел коммунального хозяйства и Отдел управления кладбищами, чтобы ей разрешили перевезти гроб с телом сестры на Второе Христианское кладбище для захоронения в могилу их матери.

Ей отказали. Сообщили, что останки Веры Холодной, коммуниста Красного и артистки Стасиной перевезут-таки в Москву. Проследить за этим оказалось невозможно, и до Москвы королеву экрана, видимо, так и не довезли.

Могилы ее не существует.

Во всяком случае, местонахождение могилы Веры Холодной никому не известно.

Когда-то, еще в 1919 году, Софья Васильевна посадила возле часовни, в которой стоял гроб Веры, вишневое деревце. Оно принялось, разрослось и окрепло. И много позже Софья Васильевна приходила в Парк Ильича к своей вишне – поминать Веру.

Я не смогла выяснить, жива ли сейчас эта вишня. Фотографий ее не было, да и война прошла с пожарами…

Не осталось могилы у первой русской звезды.

Осталась память о ней. Многочисленные фотографии и открытки, хранимые преданными поклонниками на протяжении всех восьмидесяти лет, минувших со дня ее смерти. Остались пять фильмов и пленка с записью ее похорон. Осталась «Киногазета» № 22 за 1918 год, целиком посвященная ей. Остались ноты печального вальса, написанного «На смерть королевы экрана».

Остались стихи поклонников, большинство из коих последние восемьдесят лет не издавались, и потому известно только одно из них – романс Вертинского… «Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль…»

И еще остались слухи и домыслы, со временем складывавшиеся в настоящие легенды о загадочной смерти Веры Холодной.

Из всех этих легенд писатель Юрий Смолич использовал только одну, самую распространенную – об отравлении. Якобы консул Энно подмешивает в вино распутной актриске и шпионке по совместительству экзотический яд кураре. При этом пролетарский писатель товарищ Смолич даже не дал себе труда

поинтересоваться, как именно действует кураре и какими симптомами сопровождается. Дело в том, что курарин действует непосредственно при попадании в кровь (правда, для этого достаточно крохотной царапины) и вызывает мгновенную смерть от паралича дыхательной мускулатуры. Так что если и был яд, то какой-то другой…

Впрочем, изначальная версия гласит, что Вера Холодная попросту задохнулась от слишком сильного аромата белых лилий, что консул Энно, преподнесший ей роковой букет, вовсе не преследовал никаких преступных целей, что это всего лишь трагическая случайность…

Возможно, на формирование именно этой легенды повлияло то, что заболела Вера Васильевна во время съемок фильма «Дама с камелиями». Как известно, в романе Дюма-сына прекрасная куртизанка Маргарита Готье предпочитала другим цветам камелии, потому что камелии не пахнут, а от сильного аромата роз, фиалок или лилий у бедняжки происходило стеснение в груди и кружилась голова. Хрупкая Маргарита страдала от чахотки, ставшей следствием постоянно сжигавших ее страстей и вообще следствием беспутной жизни. А Вера Холодная была женщиной крепкой, здоровой и даже несколько склонной к полноте, а совсем не астеничной. Но с другой стороны, задохнуться от аромата белых лилий – это так красиво, так романтично – гораздо романтичнее, чем умереть от гриппа, осложненного воспалением легких.

Другая легенда гласит, что Веру Холодную задушил тот самый деникинский генерал Гришин-Алмазов, известный, впрочем, своей решимостью и буйным темпераментом. Почему задушил – из ревности ли или из-за того, что актриса не пожелала уехать вместе с ним за границу, или еще по какой-нибудь причине, – неизвестно.

Кроме того, кто-то в Одессе считал, что Веру Холодную расстреляли революционные матросы на крейсере «Алмаз» – за шпионаж в пользу белых или интервентов, а тело потом сбросили в море. Каким образом родственникам удалось завладеть впоследствии телом казненной шпионки, дабы отпеть его в главном соборе города и похоронить, остается непонятным…

Или поверим четвертой легенде, согласно которой отпевали и хоронили вообще не Веру Холодную, а какую-то другую, слегка похожую на нее женщину! Что ж, болезнь, перенесенные страдания, обработка бальзамическими составами и толстый слой грима действительно изменили прекрасное лицо королевы экрана. Но все-таки не настолько, чтобы вовсе ее не узнать.

«Первый режиссер, у которого я снималась, – незабвенный

Е.Ф. Бауэр, был очень чуток и всегда поощрял творческую инициативу. Также относился и П.И. Чардынин. С моим переходом в ателье Д.И. Харитонова простор для творчества – еще шире».

И еще существует легенда, согласно которой Вера Холодная была расстреляна не революционными матросами, а наоборот – интервентами за свою деятельность в революционном подполье. За эту последнюю, революционную версию смерти актрисы расплачиваться пришлось ее дочерям: после появления в эмигрантских газетах статей, где Веру Холодную разоблачали и даже именовали «красной королевой», почти вся белая эмиграция отвернулась от уже подросших Жени и Нонны. Кажется, они даже планировали в связи с этим вернуться в Россию… Не вернулись. К счастью.

А потом на основе этой же революционной версии Никита Михалков создал удивительно красивый, лирический фильм «Раба любви». Правда, Елена Соловей, несмотря на все старания гримеров, на Веру Холодную не похожа. Не тот типаж. Да и не была Вера никогда такой экзальтированной, капризной, вздорной и претенциозной особой, какую по воле режиссера изображает Соловей. Вера Холодная была гораздо проще, строже, спокойнее и милее. Конечно, героиню михалковского фильма и зовут-то иначе… Но она заявлена как королева экрана, а у русского немого кино была только одна королева – Вера Холодная. И изначально – другим режиссером – фильм снимался именно о Вере Холодной, и именно поэтому в советские времена была популярна как раз революционная версия жизни и смерти первой русской кинозвезды. Слава богу, что великому режиссеру не вздумалось сделать свою героиню шпионкой Антанты и врагом народа. А ведь мог… Была ведь и такая версия!

Впрочем, революционная версия – не последняя.

В августе 1919 года в частной ежедневной газете «Грузия» появилась следующая заметка под аршинным заголовком «Похищение Веры Холодной!»: «В понедельник около семи часов вечера неизвестными была похищена из своей квартиры артистка театра-казино Вера Холодная. Увоз был произведен при помощи обманного приглашения на свадьбу каким-то мусульманином, явившимся к госпоже Холодной на квартиру. Перед отъездом артистка надела драгоценностей на сумму более 100 тысяч рублей и более домой не возвращалась. По заявлению квартирной хозяйки г-жа Холодная была отвезена на Вторую Параллельную улицу, дом 69, в квартиру некоего Андора Бабы-оглы. При обыске на этой квартире были найдены две дамские подвязки, две шпильки, две невидимки, которые по предъявлению матери г-жи

Холодной были последней опознаны. Во время производства дознания было донесено, что артистка увезена в село Моштага, но ее там не оказалось. По этому делу задержано несколько лиц. Сейчас дело еще окончательно не выяснено, но судя по уже имеющимся показаниям, артистка убита и драгоценности переданы неизвестному лицу».

«Необходима полная свобода творчества артиста. Нельзя быть обезьянкой, повторяющей указку режиссера. Нужно и важно отходить от шаблонов, в каждой роли быть иной и искать новое».

Газета «Азербайджан», со своей стороны, сообщает: «31 июля распространились слухи, что Холодная найдена в 35-ти верстах от Баку, близ дороги, с отрезанной головой и несколькими колотыми ранами. По проверке слухи эти оказались справедливыми. По общему мнению лиц, знавших покойную и ее жизнь, кровавая расправа с ней вызвана ревностью».

Разумеется, ревностью! А чем же еще?! Банальное ограбление, убийство с целью завладения драгоценностями – нет, это неинтересно! Читателям в Баку и Тбилиси нужно «что-то погорячее», а потому добавлена пикантная деталь: найденные в квартире похитителей шпильки и дамские подвязки… При каких обстоятельствах красавица могла растерять шпильки и подвязки? Как, вам еще не ясно?!

…Все это, конечно, захватывающе интересно, но не менее интересно другое: откуда бы взяться «лицам, знавшим покойную и ее жизнь» – в Баку?! К тому же все те, кто действительно знал ее жизнь, знали и то, что ревновать Верочку было некому и не к кому, и уж тем более знали то, что Вера уже полгода лежит в склепе на одесском кладбище…

В свое время наиболее тщательно пытался проанализировать происхождение слуха о «криминальной» причине смерти Веры Холодной журналист Н. Брыгин. Он, как это и нынче модно, обвиняет во всем своих коллег журналистов, готовых на все, на какую угодно клевету и мерзость ради сенсации. Уместно привести выдержку из его статьи:

«Представьте себе толпу почитателей синематографа, сбежавшихся к дому № 1 на Соборной площади, где проходят последние часы тяжело больной любимой актрисы. В подъезд не пускают. У подъезда усиленный наряд варты. Оно и понятно: каждый захочет… Но не пускают и самых близких, не пускают ее друзей Рунича, Чардынина, Харитонова. В квартире только мать, профессора К.И. Коровицкий и Л.И. Усков и еще какие-то неведомые никому лица. Тайна. На дворе уже семь вечера, шестнадцатое февраля. Из квартиры на лестницу вышел кто-то и что-то сказал. По толпе немедленно пронеслось: «Отравили!» А у

А.Я. Каплера этот эпизод будет выглядеть так: «Не стесняясь слез, на лестнице плакал знаменитый одесский профессор Усков».

Шестьдесят лет (1919–1979) срок немалый. Из памяти собеседников Алексея Яковлевича выпало одно странное обстоятельство: у профессора Ускова «неизвестными злоумышленниками» тут же была похищена дочь. Газеты подняли шум об одесской мафии (да, так!), похищающей младенцев у приличных людей, но Леонтий Иванович Усков дал интервью, в том числе высказался о причинах смерти В.В. Холодной («тяжелая форма испанки»), и дочь вскорости «счастливо отыскалась», «разрыдавшись на руках благодарных родителей». В прессе последовали намеки на «провидение», на «счастливую удачу», на «рок судьбы». Прессе оставалось довольствоваться только намеками, потому что и полуправду цензура норовила заменить столбцами наборных многоточий или белыми окнами, которыми и без того пестрели одесские газеты.

Но вернемся в толпу молодежи, стоявшую под окнами постоянно, день и ночь. В квартиру по-прежнему никого не пускали. Наряд варты по чьему-то распоряжению был «вновь усилен». Наконец пустили в квартиру (но не в комнаты) двоих ближайших друзей покойной: ее режиссера и владельца кинофабрики. «Харитонов и Чардынин плакали, сидя на кухне», – запишет А. Каплер. В комнатах творилось какое-то действо. Вместо положенного вскрытия было приказано (кем?) экстренно начать бальзамирование. В толпе немедленно пронеслось: «Яд. Следы заметают!» Газеты вторили: «По причине бальзамирования в квартиру В.Х. никто из прощающихся допущен не был». Вынос тела в собор (перейти через дорогу) по чьему-то распоряжению состоялся не днем, как делалось испокон веков, а глубокой ночью. Газеты: «Вчера в 4 часа ночи при огромном стечении публики состоялся вынос тела Веры Холодной из дома Попудовой в Кафедральный собор… Тело ее набальзамировано».

«Зачем?» – спрашивали. «Для отправки в Москву». – «Тогда почему ее хоронят с погребением, на кладбище?» – «Потому что до Москвы далеко!»

Похороны действительно состоялись совсем не требовавшим бальзамирования традиционным порядком, состоялись «в серый, мутный дождливый день». Вот здесь-то всем бросилось в глаза еще одно: лицо актрисы было «тщательно загримировано». Это особо старательно подчеркивали газеты: об остальном, мол, догадывайтесь сами. В толпе недоумевали: «Почему мы хороним мумию, а не нашу Верочку?» «Подменили!» – «Никакой подмены. Это болезнь изменила ее до полной неузнаваемости…»

Согласитесь, было от чего голове пойти кругом, если бы вы

оказались в толпе провожающих. И стоит ли спустя шесть десятилетий так уж сильно укорять Одессу, что в ней-де первой возникло и окрепло твердое убеждение: «Веру Холодную убили». Но если так – кто убил, зачем отравили? Тут-то и пошли гулять невероятнейшие домыслы и вымыслы, версии и легенды…»

Впрочем, до сих пор многие (и даже ученые-киноведы) считают, что не все ясно с причинами смерти Веры Холодной. Почти каждая статья, посвященная ей в книгах о дореволюционном кино, заканчивается словами о «ранней, загадочной смерти артистки».

О преждевременности ее смерти сокрушаются, чаще всего приводя слова некогда отвергнувшего ее В. Гардина: «…если бы Холодная не умерла в молодости, я уверен, она прошла бы все ступени от живой модели до подлинного мастера. В последних ее фильмах чувствовалось пробуждение богато одаренной натуры».

Но о том, что смерть актрисы была загадочна, не позабыл упомянуть, кажется, никто.

Может быть, потому что это – красиво: молодая и знаменитая королева экрана умирает загадочной смертью…

Возможно, – убийство?

Это трогает за душу…

Полудетский овал лица, нежные губы, громадные, печальные, лучистые глаза в длинных изогнутых ресницах… Кинозвезда, красавица с открытки, скромница, верная супруга, трогательная мать, и вдруг – убийство! Эти кудри, эти глаза, эта женственная фигурка, вся состоящая из пленительных округлостей – у кого рука поднялась бы на то, чтобы поднести яд такой женщине?

Тайна! Страшная тайна, притягательная и сладостная, как большинство страшных тайн!

Она столько раз умирала на экране… Говорят, нередко случается, когда какой-то творческий мотив отражается на жизни самого творца, художника, актера. А Вера Холодная была героиней мелодрамы: она или хоронила любимого, или – чаще – умирала сама. Марианна из «Миражей» застрелилась. Курсистку Таню в «Пламени неба» убило молнией. Лидия Ланина из фильма «У камина» умерла от угрызений совести. Циркачка Пола из «Сказки любви дорогой» умерла от любви и тоски. Другая циркачка – Мара Зет из фильма «Позабудь про камин, в нем погасли огни…» – упала с трапеции… Танцовщицу Кло в «Последнем танго» зарезал ревнивый любовник. Ну а Веру Холодную, должно быть, отравили! Или – задушили, или – застрелили, но не могла же она просто умереть от гриппа, от гриппа до сих пор ежегодно умирают люди, мы к этому привыкли, это банально, неинтересно и неэстетично. Грипп – это слабость,

жар, бред, человек мечется, потеет, просит пить, мучается болью в суставах и головной болью… Красавица не должна умирать так.

Впрочем, красавица не должна умирать вообще. Быть может, это и правильно, что нет у нее могилы… Что некуда прийти и представить себе в могиле – ее… Мертвую.

Нет, она не умерла на самом деле, она все еще живет!

Живет в пяти уцелевших фильмах, в «сюжетной светописи», словно сотканной из лунных лучей, из предрассветных теней…

Движения – то порывистые, то робкие, взгляд – то скорбный, то страстный, темный завиток, упавший на лоб, прелестная улыбка…

Она все еще живет, и любит, и страдает…

И умирает.

Чтобы снова воскреснуть для нас – в другом фильме.

Анна Ахматова и Николай Гумилев: «Любил ее, но не сумел понять»

...

Анна Ахматова и Николай Гумилев

♦ *Ахматова (настоящая фамилия – Горенко) Анна Андреевна (11 (23) июня 1889, Одесса, Российская империя – 5 марта 1966, Домодедово, Московская область, РСФСР, СССР) – великая русская поэтесса.*

♦ *Гумилев Николай Степанович (3(15) апреля 1886, Кронштадт – август 1921, под Петроградом) – великий русский поэт.*

♦ *Она – горда, порывиста, чувствительна, очень умна, гениальна.*

♦ *Он – благороден, болезненно самолюбив, эмоционально нестабилен, обидчив, гениален.*

♦ *Были вместе с 1910 по 1918 год.*

♦ *Женаты, обвенчаны.*

♦ *Любили друг друга, но служили поэзии.*

♦ *Измены: многочисленные. Первой изменила она.*

♦ *Расстались: по взаимному согласию, когда ушла любовь и исчезла нужда оставаться рядом.*

…

«Она такой значительный человек, что нельзя относиться к ней только как к женщине», – сказал как-то поэт Николай Гумилев о своей жене, поэтессе Анне Ахматовой. Они являли собой уникальную пару: два поэтических гения, соединившиеся «священным союзом брака» – который, впрочем, ни для него, ни для нее не был особенно священен. Но и другого подобного примера история литературы не знает: чтобы два равновеликих поэта любили друг друга и стали друг другу мужем и женой.

Анну Ахматову называли «Северной Звездой». Колыбелью души своей, истоком своего творчества она всегда считала холодный царственный Санкт-Петербург. Но родилась Аня у Черного моря: 11 (24) июня 1889 года, в пригороде Одессы, в семье морского инженера Андрея Антоновича Горенко.

Анна Ахматова, Николай Гумилев и их сын Лев

Ее мать, Инна Эразмовна, была почти типичной для тех лет женой-домохозяйкой, полностью посвятившей себя детям, которых у нее было шестеро: Андрей, Инна, Анна, Ия, Ирина и Виктор. «Почти» – потому что ничего типичного не было ни в характере Инны Эразмовны, ни в этой семье вообще. Детей воспитывали странно: книг в доме не было, кроме большого тома Некрасова, который все заучили наизусть, и еще мать читала вслух стихи Державина. Однако же иностранным языкам детей обучали с раннего детства, и в результате даже близкие знакомые не были уверены, сколько же точно языков знает Анна Ахматова, но точно известно, что свободно читала она по-английски, по-итальянски, по-французски, по-немецки. Им всем предоставляли полную свободу для развития и самовыражения, что, впрочем, тогда считалось передовым воспитательным методом. Однако же когда младшая из дочерей, Ирина – ее называли «Рика» – заболела туберкулезом, ее срочно услали в семью дяди: чтобы она не страдала в присутствии сестер и братьев. Инна Эразмовна была уверена, что детям вредно видеть страдания близкого человека. Когда Рика умерла, ее смерть долго скрывали в семье. Но Аня каким-то внутренним чутьем догадалась, ощутила и очень переживала – эта скрытая от нее, тайная смерть маленькой сестренки тенью легла на все ее детство. А еще всем в семье внушалось, что Аня – именно Аня! – непременно станет поэтом. Она не сочинила еще ни одной рифмы – а вся семья уже была уверена в ее поэтическом будущем! Бытовала легенда, будто

среди предков матери Анны, урожденной Строговой, была Анна Бунина, первая русская поэтесса, умершая, правда, незамужней и бездетной. Но якобы как-то по какой-то линии она имела отношение к семейству Строговых. Для Ани Горенко это имело большое значение: что она по крови родня самой первой русской женщине, сочинявшей и записывавшей стихи. Да еще и по имени ей тезка.

В имении Гумилевых Слепневе. В центре – Анна. 1912 год

…Анна Андреевна впоследствии, отрицая всеми обсуждаемую особенность себя в детстве и воспитания, которое дали ей родители, писала: «Мое детство так же уникально и великолепно, как детство всех детей в мире». Когда Ане не было еще и года, семья переехала в Павловск, затем в Царское Село, где она поступила в гимназию, однако на лето всегда возвращались к морю. Только у моря Аня чувствовала себя по-настоящему свободной и счастливой. К лету ее стригли очень коротко, под мальчишку, и она проводила целые дни, плескаясь в воде и наслаждаясь солнцем, которое любила немногим меньше, чем море. Она вспоминала, что в Севастополе ее называли «дикая девочка», потому что «ходила босиком, без шляпы, загорала до того, что сходила кожа». Аня в воде чувствовала себя, как птица в небе, и когда она подросла, поклонники называли ее русалкой: зеленоглазой, безжалостной, с холодной морской водой вместо крови. Даже подруга Валерия Тюльпанова вспоминала, что юная Аня «казалась русалкой, случайно заплывшей в темные неподвижные воды царскосельских прудов». Обиженные обзывали ее ведьмой. Анна смеялась. Ей это льстило, ей нравилось быть и русалкой, и ведьмой, существом иного мира. Вспоминая раннюю юность, первое свое соприкосновение с поэзией, она написала в 1913 году:

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.

А уж свой стихотворный дар Анна точно принесла из потустороннего – во всяком случае, она сама так считала. Когда ей было десять лет, она тяжело заболела: с жаром, бредом, беспамятством, перешедшим в кому… Родители не чаяли, что она выживет. Но девочка пришла в себя, однако полностью оглохла и оставалась глухой некоторое время. Вот в этот период полной глухоты она начала слышать стихи и записывать их. Когда вернулся слух – Анна уже была поэтессой. Во все мистическое Анна верила искренне – например, она спокойно говорила про свою способность «угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли». Но в ней действительно было какое-то волшебство – Анна умела очаровывать и влюблять в себя мужчин и женщин, с самого детства и всю жизнь обязательно находились люди, которые ей служили и помогали, причем с радостью.

Николай Степанович Гумилев родился 3 (15) апреля 1886 в Кронштадте. Отец – судовой врач. Детство прошло у холодных балтийских вод, в Санкт-Петербурге и в Царском Селе. Потом семья переехала в Тифлис. Вернулась снова в Царское… Впрочем, эти вехи внешней, обыденной жизни никакого отношения к мальчику Коле Гумилеву как бы и не имеют, потому что его истинная жизнь проходила не во внешнем мире, а в мире его воображения. Он родился поэтом и существовал где-то в ином измерении. В своем собственном. Где было еще живо рыцарство.

В детстве он был слаб здоровьем, его мучили головные боли, частые простуды, сильный шум мог довести его до нервического припадка. Со сверстниками Коля общего языка не находил: он желал ими командовать, а никто не хотел повиноваться этому странному хилому мальчику. Поэтому получалось, что Коля предпочитал общество домашних животных и книг. Коля Гумилев плохо учился, зато много читал, преимущественно приключенческие романы. Мечтал о путешествиях и о каком-то высшем служении… Чему? Тогда он не знал.

В будущем случится так, что высшее служение свое он посвятит не только Музе, но еще и русской идее, православию и монархизму.

Сколько искренности было в его истовой вере и истовой верности царю? Знал только он… Знакомые же считали, что это больше напоказ. Чтобы шокировать: сначала – интеллигентов-скептиков, в окружении которых он жил и творил, потом – пришедших к власти большевиков… Николай Гумилев останавливался у каждой церкви и размашисто крестился. И громогласно заявлял, что присягал царю и до смерти будет ему служить.

Так и получилось – до смерти… Расстреляли его за участие в монархическом заговоре. Истинно рыцарская смерть: умереть за идею. Он еще в юности мечтал о чем-то подобном.

Гимназию он окончил поздно, в двадцать лет, зато первая книга его стихов «Путь конквистадоров» вышла еще за год до окончания гимназии, в 1905 году.

В канун Рождества 1903 года Валя Тюльпанова познакомила Аню с друзьями своего брата Сергея: с Митей и Колей Гумилевыми. Семнадцатилетний Николай Гумилев не на шутку влюбился в четырнадцатилетнюю Анну Горленко. Ей он тогда совсем не понравился – некрасивый и неинтересный. Правда, он писал стихи… Но ее стихов, которые она ему доверила прочесть, Николай не оценил и даже сказал с насмешкой: «А может, ты лучше будешь танцевать? Ты гибкая…» Возможно, он считал это комплиментом, но Аня окончательно обиделась. И никакие

дальнейшие его подвиги не могли исправить ситуацию – а Николай чего только не делал! На день рождения подарил ей букет из цветов, набранных под окнами императорского дворца. Пытался демонстративно покончить с собой. Аню все это только пугало. Она старалась как можно меньше общаться с экзальтированным юношей.

Анна Ахматова. 1922 год

Да и не до его любви ей было: в 1905 году ее родители расстались, отец поселился в Петербурге с любовницей, мать с

детьми уехала в Евпаторию. Аня сильно отставала в учебе, ей наняли репетитора, и вот он, Владимир Голенищев-Кутузов, пленил ее сердце: между учителем и ученицей вспыхнул страстный роман. Когда об этом узнала мать, она поспешила репетитора уволить, а дочку увезти подальше.

С Гумилевым Анна снова встретилась летом 1906 года в Евпатории. Он уезжал в Париж и вымолил у нее разрешение писать ей письма. Кажется, Николай понял, как ему покорить сердце этой загадочной девушки. В Париже он принял участие в издании маленького литературного альманаха «Сириус» и издал там стихотворение Ани.

Лучшего признания в любви, чем признание ее стихов, для Ани и быть не могло! Правда, отец, узнав о публикации, разгневался – заявил, что дочь позорит его славное имя, занимаясь бумагомарательством. «Не надо мне твоего имени!» – ответила обиженная Анна. И взяла псевдоним: фамилию своей прабабушки, чей род якобы восходил к татарскому хану Ахмату.

Так в русской поэзии прозвучало – а потом загремело, заглушая другие, – имя Анны Ахматовой.

Осенью 1907 года Анна поступила на Высшие женские курсы в Киеве, изучала историю права.

«Николай Гумилев трижды просил руки Анны Ахматовой – дважды в 1908 и весной 1909 года – и трижды получал отказ».

В апреле 1908 года в Киев приехал Гумилев – свататься. Получил отказ. Уехал в Египет, где пытался покончить с собой в саду Эзбекие…

Зинаида Серебрякова. Потрет Анны Ахматовой. 1922 год

Николай вернулся в Россию и снова просил руки Анны летом, когда она навещала отца в Царском Селе. Опять отказ.

Еще один отказ в мае 1909 года, когда Гумилев нашел Анну в Люстдорфе, где она жила с заболевшей матерью.

И только в ноябре 1909 года Анна неожиданно для всех – и прежде всего для уже отчаявшегося Гумилева – приняла его предложение. То ли уступила долгой осаде, то ли наконец оценила преданность влюбленного поэта.

Правда, Валерия Тюльпанова утверждала, что Анна не любила Николая, когда выходила за него. Она все еще мечтала о Владимире Голенищеве-Кутузове, которому посвящены почти все ее юношеские стихи… Но Владимир был недоступен. И Анна вдруг решила, что Гумилев – это ее Судьба: вот так, с большой буквы.

Собственно, так оно и было.

Он, а потом его тень будут преследовать ее до конца жизни.

Анна Ахматова и Николай Гумилев обвенчались 25 апреля 1910 года в Никольской слободке под Киевом. Венчание было скромным: родственники Анны вообще не пришли, считая ее выбор недостойным. После свадьбы супруги уехали в Париж. И там-то Анна наконец забыла Голенищева-Кутузова – но не ради своего законного супруга Николая, а ради малоизвестного художника Амадео Модильяни.

Это был безумный, страстный, но очень короткий роман, похожий на ослепительный фейерверк.

«У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, – вспоминала потом Анна Ахматова. – Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел тени признания. И все божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак».

Рядом с ней был не менее, а быть может, и более божественный Гумилев: если можно сравнивать талант поэта и живописца – пожалуй, Гумилев превосходил Модильяни! Однако Амадео давал Анне то, что она не получала от Николая. Какое-то особенное понимание, духовное взаимопроникновение. Они часто гуляли по Парижу при луне, и Амадео показывал русской поэтессе свои любимые места и ракурсы – ведь он даже на свидании оставался художником! А ей это нравилось. Ей все в нем нравилось.

Модильяни вообще не мог спать ночью.

Анна вспоминала: «Часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами…»

Он останавливался – она выходила – и начиналась очередная ночная прогулка.

Как относился ко всему этому Гумилев – непонятно. Быть может, тогда он готов был терпеть от Анны все что угодно?

Из всех свиданий с Амадео особенно запомнилось Анне одно, несостоявшееся: «Как-то раз мы, вероятно, плохо сговорились, и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его несколько минут. У меня в руках была охапка красных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я от нечего делать стала бросать в мастерскую цветы. Не дождавшись Модильяни, я ушла. Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть – они так красиво лежали…»

Амадео верил в мистические предвидения Анны, постоянно твердил, что она читает его мысли. Поверил и в то, что она может

пройти сквозь запертую дверь.

…Запертая дверь и розы на полу – символ любви Анны и Амадео: невозможной, но все же случившейся любви.

Амадео много рисовал Анну. В том числе контур ее обнаженного тела. Так ответ на вопрос – были ли они любовниками? – существует в задокументированном виде. Все рисунки он подарил ей, она увезла их в Россию, где большинство из них исчезло, видимо, было уничтожено в Ленинграде в блокаду.

«Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было предысторией нашей жизни: его – очень короткой и моей – очень длинной», – запишет Анна Андреевна уже в старости.

Роман Ахматовой с Модильяни окончился вместе с ее медовым месяцем.

Финал Модильяни был трагичен. Сам Амадео умер от туберкулеза 24 января 1920 года. На следующий день после его смерти покончила с собой его возлюбленная Жанна Эбютерн, находившаяся на девятом месяце беременности.

Ольга Николаевна Гильдебрандт-Арбенина рассказывала о браке Ахматовой и Гумилева:

«Единственно, что они условились с Ахматовой, – сказать друг другу о своей первой измене. «Представьте себе, она изменила первая», – сказал он без всякой злости…»

Что он имел в виду? Наверное, роман с Модильяни…

В конце июня 1910 года Ахматова и Гумилев вернулись в Россию и поселились в Царском Селе.

Анна Андреевна Гумилева, мать Николая, вспоминала: «Ахматова была высокая, стройная, тоненькая и очень гибкая, с большими синими, грустными глазами, со смуглым цветом лица. Она держалась в стороне от семьи. Поздно вставала, являлась к завтраку около часа, последняя, и, войдя в столовую, говорила: «Здравствуйте все!» За столом большею частью была отсутствующей, потом исчезала в свою комнату, вечерами либо писала у себя, либо уезжала в Петербург…»

Николай ввел Анну в круг своих друзей поэтов, где она сразу же воцарилась – еще не как поэтесса, но уже как необыкновенно привлекательная женщина. Анна была счастлива, а Николай тяготился супружеством: все складывалось не так, как он себе намечтал. Гумилев снова решил поехать в Африку, этот континент манил его, там он воскресал душой.

В отсутствие мужа Анна перестала посещать светские мероприятия, полностью погрузилась в поэзию. Она рассказывала: «Я носила тогда зеленое малахитовое ожерелье и

чепчик из тонких кружев. Я не каталась верхом и не играла в теннис».

Когда Николай вернулся, жена встретила его с новыми стихами, искренне его восхитившими. Именно тогда он наконец признал Анну как поэта, равного себе. Но для него это было нелегко. Гумилеву нужна была рядом восторженная жена-поклонница, а не равная по силе творческая натура.

Сергей Константинович Маковский писал: «Трещина в их любви обозначилась с первого года брака. Они были слишком «разные». В плане поэтическом, может быть, только дополняли друг друга, но в жизни… С отрочества Гумилев мнил себя «конквистадором». После поездки в Африку пышным цветом расцвели его экзотические восторги, и так хотелось ему увлечь жену мечтой о далеком волшебстве мира, о красоте пустынь под небом Южного полушария с созвездием Креста и о первобытном человеке, божественно-сильном, неистертом так называемой цивилизацией, живущем в согласии с природой и ее тайнами. От Анны Андреевны он требовал поклонения себе и покорности, не допуская мысли, что она существо самостоятельное и равноправное. Любил ее, но не сумел понять. Она была мнительно-горда и умна, умнее его; не смешивала личной жизни с поэтическим бредом. При внешней хрупкости была сильна волей, здравым смыслом и трудолюбием. Коса нашла на камень… Гумилев был еще «одержим» впечатлениями от Сахары и подтропического леса; с ребяческой гордостью показывал он свои «трофеи», вывезенные из «колдовской» страны: слоновые клыки, пятнистые шкуры гепардов и картины-иконы на кустарных тканях, некое подобие большеголовых романских примитивов. Только и говорил он об опасных охотах, о темнокожих колдунах, о крокодилах и бегемотах – там, в Африке, доисторической родине человечества, что висит «исполинской грушей» на дереве Древней Евразии. Анну Андреевну не очень увлекала эта экзотическая бутафория. На жизнь она смотрела проще и глубже. К тому же во время отсутствия мужа она сама выработалась в поэта вдохновенно-законченного, хоть и по-женски ограниченного собой, своею болью. Гумилев должен был признать право ее на звание поэта, но продолжал раздражаться все больше ее равнодушием к его конквистадорству. Никакой блеск собственных его рифм и метафор не помог убедить ее, что нельзя вить семейное гнездо, когда на очереди высокие поэтические задачи. Помощница нужна ему, нужен оруженосец, спутник верный, любовь самоотречения нужна, а не женская, ревнивая, к себе самой обращенная воля. Что делать? Он даже готов покаяться, обуздать свой нрав, только бы чувствовать ее частью

самого себя, воплощенной грезой своей… Но она безучастна, хотя еще любит его, чужда ему в завоеванной им славе…»

Анна Ахматова, Николай Гумилёв, Лев Гумилёв. 3 апреля (по старому стилю) 1915 года

Осенью 1911 года Гумилев с друзьями организовали «Цех поэтов», из которого потом выросло движение акмеизма. «Акмэ» – острие копья, вершина совершенства, цветущая сила – как только не переводится это слово! Акмеисты заявляли, что будут писать самые прекрасные стихи, каких не было прежде. И некоторые из акмеистов действительно потрясли поэтическую Россию, в первую очередь – сам Николай Гумилев и его супруга Анна Ахматова, чей первый сборник «Вечер» вышел весной 1912 года скромным тиражом 300 экземпляров, но был благожелательно принят критикой, еще благожелательнее – публикой. У нее сразу появились подражательницы: этих поэтесс так и называли «подахматовки».

1 октября 1912 года у Анны и Николая родился сын, окрещенный Львом. Анна никакого тяготения к материнству не испытывала, и даже при виде младенца в ней не пробудился

могучий древний инстинкт. Она была слишком значительный поэт, чтобы стать хорошей матерью. Ребенка забрала бабушка, мать Гумилева, Анна Ивановна, у которой Левушка прожил шестнадцать лет, лишь изредка встречаясь со своими знаменитыми и блистательными родителями.

Супружество Ахматовой с Гумилевым все больше напоминало сожительство двух друзей, объединенных общей идеей и общим увлечением, и вместе с тем – не прекращалось их поэтическое соперничество, выматывавшее нервы им обоим.

В начале весны 1913 года Николай Гумилев отправился в свое последнее путешествие по Африке: на этот раз – в качестве начальника экспедиции, организованной Академией наук.

Анна без него не скучала, много писала, вела активную светскую жизнь, принимала поклонение влюбленных мужчин и восторженных женщин.

Ее превозносили как величайшую поэтессу современности. С ней дружили выдающиеся поэты – Александр Блок, Осип Мандельштам, и с каждым из них она обменивалась стихами, и с каждым из них ей приписывали роман… Но если романы и были, то только духовные, воображаемые.

Для Анны дружба и любовь казались чувствами неотделимо-близкими: многие отмечали, что в стихах она чаще пишет «друг», «подруга», чем «возлюбленный», «любимая»: «О нем гадала я в канун Крещенья, Я в январе была его подругой…» или «Прав, что не взял меня с собой, И не назвал своей подругой». «Души высокая свобода, Что дружбою наречена» для нее была святее других человеческих чувств.

«Для Анны дружба и любовь казались чувствами неотделимо-близкими: многие отмечали, что в стихах она чаще пишет «друг», «подруга», чем «возлюбленный», «любимая»: «Души высокая свобода, Что дружбою наречена» для нее была святее других человеческих чувств».

Духовное в дружбе и любви доходило до неких запредельных высот.

А вот телесное – этого она, кажется, вовсе не ценила.

Зато Гумилев, вернувшись из экспедиции, закрутил вполне плотский роман с Ольгой Высотской, и она родила ему сына Ореста.

Законный сын Лев был старше незаконного Ореста всего на год.

И оба они пострадали из-за отца – Анне Ахматовой и Ольге Высотской предстояло встретиться в очереди возле тюрьмы в конце 30-х.

Ольга Высотская была не единственной любовницей Николая

Гумилева.

У него имелся обширный донжуанский список.

В 1908 году, будучи влюбленным в Анну Ахматову и сватаясь к ней, он пережил страстный роман с Лидией Аренс.

Портрет Анны работы Модильяни. 1911 год

В 1909 году, не оставляя надежд жениться на Ахматовой, увлекся поэтессой Елизаветой Дмитриевой, творившей под псевдонимом Черубина де Габриак, предлагал ей руку и сердце, и кончилось все дуэлью с Максимилианом Волошиным 22 ноября, на Черной речке, на месте дуэли Пушкина… Никто на этой дуэли, к счастью, не пострадал. А Черубина через три года вышла замуж за инженера Васильева.

В 1912 году, уже будучи женатым, отчаянно влюбился в смертельно больную барышню Марию Кузьмину-Караваеву, посвящал ей стихи и говорил: «Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить…»

Пережил страстный роман с сестрой поэта-акмеиста Георгия Адамовича – Татианой (да, именно так странно писалось ее имя) – хотел развестись с Ахматовой, чтобы жениться на ней. Ахматова согласилась, только с условием, чтобы Левушка остался с матерью… Но решительно против оказалась бабушка Левушки, мать Николая, Анна Ивановна Гумилева. Она вызвала к себе сына и запретила ему даже думать о разводе. Он покорился. Возможно, потому, что на самом деле ему не слишком-то и хотелось что-то менять, просто страсть требовала от него решительных поступков… Все вылилось в стихи, и Татиане был посвящен сборник «Колчан», вышедший в 1916 году.

А еще были увлечения красавицей-журналисткой Ларисой Рейснер, которую Гумилев называл «моя Лери», и поэтессой

Маргаритой Тумповской, и краткий роман с Ольгой Гильдебрандт-Арбениной, и столь же краткий с другой Ольгой – Мочаловой, которой он говорил, что у нее руки, как флейты, а она поверила, что все серьезно, и возненавидела Гумилева, когда он так легко о ней забыл.

Серьезное чувство питал Николай Степанович к Елене Дюбуше, с которой познакомился в Париже летом 1917 года: ее он называл «Синей звездой» и написал для нее много дивных стихов.

А еще была какая-то цыганка Нина, которую Гумилев считал своей «тайной пристанью».

А еще – Ирина Одоевцева, пленившая поэта своим откровенным обожанием и (по выражению Георгия Алдамовича) «жасминностью» своих восемнадцати лет.

Что ж, Николай Степанович Гумилев был поэтом. И его жена-поэтесса лучше, чем кто бы то ни было, понимала, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда»: в основном из пережитого и перечувствованного. Поэтому измены она ему легко прощала. Легче, чем он – ей.

Был ли брак Ахматовой и Гумилева счастливым?

Вряд ли вообще может быть счастливым брак двух гениев.

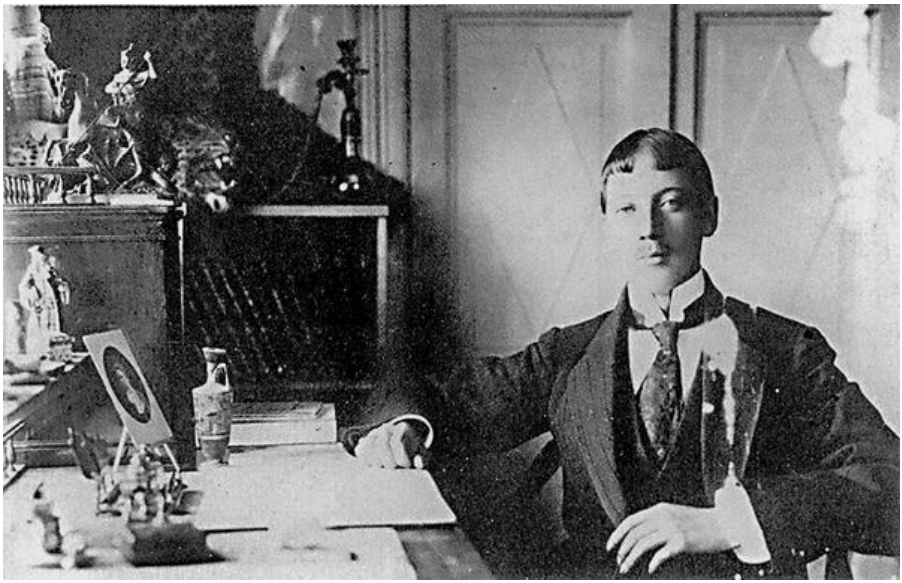
С гением – любого пола! – может ужиться только тот, кто отойдет в тень, будет преклоняться и смиренно служить…

Николай Гумилев говорил Ирине Одоевцевой о том, что в супружестве «главное не объясняться. Никаких «я тебя», «ты меня», которые так любят женщины. Запомните это правило. Оно вам пригодится в жизни – никаких «выяснений отношений», в особенности любовных. Ах, если бы Ахматова не говорила с первого же года: «Николай, нам надо объясниться…» На это я неизменно отвечал: «Оставь меня в покое, мать моя!..»

Сама Ирина Одоевцева признавалась, что много и ревниво расспрашивала Гумилева об Ахматовой.

«Анна Андреевна, – говорил мне Гумилев, – почему-то всегда старалась казаться несчастной, нелюбимой. А на самом деле, Господи! как она меня терзала и как издевалась надо мной. Она была дьявольски горда, горда до самоуничижения. Но до чего прелестна, и до чего я был в нее влюблен!»

Я уверена, что Ахматова была главной любовью Гумилева и что он до самой своей смерти – несмотря на свои многочисленные увлечения – не разлюбил ее.



Николай Гумилев. 1907 год

Уверенность моя основана на его рассказах о ней и, главное, на том, как он говорил о ней. Не только его голос, но даже выражение его лица менялось, когда он произносил ее имя. Я постоянно расспрашивала Гумилева об Ахматовой и задавала ему самые нелепые вопросы, вроде: любила ли она халву? Как она причесывалась еще гимназисткой? Хорошо ли она танцевала? Была ли у нее собственная собака? И даже: что вы подарили ей на Рождество в первый год свадьбы?

Он смеялся над моим неугомонным любопытством, но охотно отвечал – «погружался в прошлое», а о том, что он подарил Ахматовой на Рождество в первый год, рассказал даже очень подробно:

– Я купил у «Александра» на Невском большую коробку, обтянутую материей в цветы, и наполнил ее доверху, положил в нее шесть пар шелковых чулок, флакон духов Coty, два фунта шоколада Крафта, черепаховый гребень с шишками – я знал, что она о нем давно мечтает – и томик «Les amours jaunes» Тристана Корбьера.

Как она обрадовалась! Она прыгала по комнате от радости. Ведь у нее в семье ее не особенно-то баловали.

Когда я женился на Анне Андреевне (он почти всегда называл Ахматову Анна Андреевна, а не Аня), я выдал ей личный вид на жительство и положил в банк на ее имя две тысячи рублей, – продолжает он с плохо скрытым сознанием своего великодушия. – Я хотел, чтобы она чувствовала себя независимой и вполне обеспеченной… <…>

– Стихи – одно, а жизнь – другое. Если она и любила меня, то

очень скоро разлюбила. Мы абсолютно не подходили друг другу. Абсолютно! – повторяет он, будто стараясь убедить не столько меня, как себя в том, что они не подходили друг к другу. – Наш брак был ошибкой. Впрочем, как всякий брак… Счастливых браков не бывает. Это уже Ларошфуко заметил.

Он замолкает на минуту, и лицо его принимает какое-то несвойственное ему мечтательное, умиленное выражение.

– А как восхитительно все началось, и как я был счастлив! Я, как Толстой, думал, что такое счастье не может кончиться со смертью, что оно должно длиться вечно…

Он недоуменно разводит руками:

– А оно не продлилось даже и года.

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте…

Если не считать повести о Николае и Анне, о ней и обо мне… Печальнее всего, что все было так просто, буднично и скучно. Сразу же выяснилось, что у нас диаметрально противоположные вкусы и характеры. Мне казалось, что раз мы женаты, ничто на свете уже не может разъединить нас. Я мечтал о веселой, общей домашней жизни, я хотел, чтобы она была не только моей женой, но и моим другом и веселым товарищем. А для нее наш брак был лишь этапом, эпизодом в наших отношениях, в сущности ничего не менявшим в них. Ей по-прежнему хотелось вести со мной «любовную войну» по Кнуту Гамсуну – мучить и терзать меня, устраивать сцены ревности с бурными объяснениями и бурными примирениями. Все, что я ненавижу до кровомщения. Для нее «игра продолжалась», азартно и рискованно. Но я не соглашался играть в эту позорную, ненавистную мне игру. Мы оба были разочарованы. Недаром я уже в первый год писал:

Из города Киева,
Из логова змиева
Я взял не жену, а колдунью…

А она, правда, позже, уже после рождения Левушки:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов,
Истертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики
…А я была его женой…

Он высоко поднимает брови и щурится.

– Полагаю, что все ясно. Комментарии излишни. А, казалось бы, кому, как не ей, быть счастливой? У нее было все, о чем другие только мечтают. Но она проводила целые дни, лежа на

диване, томясь и вздыхая. Она всегда умудрялась тосковать и горевать и чувствовать себя несчастной. Я шутя советовал ей подписываться не Ахматова, а Анна Горенко. Горе – лучше не придумать.

– Разве ее слава не радовала ее? – спрашиваю я.

– В том то и дело, что почти не радовала. Она как будто не желала ее замечать. Зато необычайно страдала от всякой обиды, от всякого слова глупца-критика, а на успехи не обращала внимания.

И все-таки я продолжал любить ее не меньше, чем прежде. И никогда, если бы она сама не потребовала, не развелся бы с ней. Никогда! Мне и в голову не приходило».

Сама Анна Андреевна Ахматова об этих же стихах – в которых Гумилев назвал ее «не женой, а колдуньей», вспоминала: «Вернувшись в Царское Село, Коля написал мне два акростиха (они в моем альбоме) – «Ангел лег у края небосклона» и «Аддис-Абеба – город роз». В те же дни он сочинил за моим столиком «Из города Киева» – полушутка, полустрашная правда…»

Да, ей хотелось быть не женой, а колдуньей.

Настоящая поэтесса и не может быть хорошей женой.

Домашний уют Анна Ахматова создать конечно же не умела.

Писательница Надежда Александровна Тэффи рассказывала с присущим ей ехидством:

«Ахматова всегда кашляла, всегда нервничала и всегда чем-то мучилась. Жили Гумилевы в Царском Селе в нестерпимо холодной квартире.

– Все кости ноют, – говорила Ахматова.

У них было всегда темно и неуютно и почему-то всегда беспокойно. Гумилев все куда-то уезжал, или собирался уезжать, или только что откуда-то вернулся.

И чувствовалось, что в этом своем быту они живут как-то «пока»…»

Ирине Одоевцевой Гумилев говорил: «Никто не знает, как мне бывало тяжело и грустно. Ведь, кроме поэзии, между нами почти ничего не было общего. Даже Левушка не сблизил нас. Мы и из-за него ссорились. Вот хотя бы: Левушку – ему было четыре года – кто-то, кажется Мандельштам, научил идиотской фразе: «Мой папа поэт, а моя мама истеричка». И Левушка однажды, когда у нас в Царском собрался Цех поэтов, вошел в гостиную и звонко прокричал: «Мой папа поэт, а моя мама истеричка!» Я рассердился, а Анна Андреевна пришла в восторг и стала его целовать: «Умница Левушка! Ты прав. Твоя мама истеричка». Она потом постоянно спрашивала его: «Скажи, Левушка, кто твоя мама?» – и давала ему конфету, если он отвечал: «Моя мама

истеричка». Она не только в жизни, но и в стихах постоянно жаловалась на жар, бред, одышку, бессонницу и даже на чахотку, хотя отличалась завидным здоровьем и аппетитом, и плавала как рыба, что при слабых легких никак невозможно, и спала как сурок – пушками не разбудишь».

И на фоне этих несчастливых воспоминаний так удивительно читать письмо, которое Гумилев написал Ахматовой из очередного путешествия, все еще надеясь приручить, понять – или самому стать для нее понятным: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца, но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини Паллады. Целуй от меня Львеца (забавно, я первый раз пишу его имя) и учи его говорить «папа»…»

Письмо поэта – поэту. Обычная женщина такое понять не смогла бы.

Ближайшим другом Анны в ту пору был Николай Недоброво: он написал статью о ее творчестве, которую Ахматова всю жизнь считала лучшим, что о ней было написано. Недоброво был влюблен и надеялся на взаимность. Но на беду свою он познакомил Анну со своим лучшим другом, поэтом и художником Борисом Анрепом…

«Волнующая личность, тонкие, острые замечания, а главное – прекрасные, мучительно-трогательные стихи», – записал в дневнике Анреп после первой встречи с Ахматовой.

А Анна между тем влюбилась в Анрепа безумно – пожалуй, это была самая значительная любовь в ее жизни.

Недоброво этого Анрепу не простил и навсегда разорвал с ним отношения.

Анна была опьянена страстью, все ее стихи были о Борисе, о своем чувстве к нему, которое она с самого начала сознавала – обреченным. И этот привкус обреченности придавал особенную прелесть их редким свиданиям. Анна словно и впрямь предчувствовала, что кончается для нее время счастья и начинается время утрат.

Сначала пришла война. Потрясенная Ахматова откликнулась стихотворением-молитвой, которое ей так и не смог простить Гумилев…

Дай мне долгие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,

И таинственный песенный дар.
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над скорбной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Ирина Одоевцева вспоминала, как Николай Степанович гневно говорил: «С чем я никак не мог примириться, что я и сейчас не могу простить ей, – это ее чудовищная молитва: «Отними и ребенка, и друга…», то есть она просит Бога о смерти Левушки для того, «чтобы туча над скорбной Россией Стала облаком в славе лучей…». Она просит Бога убить нас с Левушкой. Ведь под другом здесь, конечно, подразумеваюсь я. Впрочем, меня она уже похоронила, как только я ушел на войну: «Вестей от него не получишь больше…» Но против извещения о моей смерти я не протестовал. Меня даже забавляла ее уверенность, что «Архистратиг Михаил меня зачислил в рать свою» и что теперь она может молиться мне «заступнику своему». Но просить о смерти сына, предлагать своего ребенка в кровавую жертву Богу-Молоху – нет, этого никогда нигде, с сотворения мира, не бывало…»

Анна Ахматова. 1924 год

Но, видимо, Гумилев понял стихотворение жены уж слишком буквально.

Или – к моменту разговора с Одоевцевой у него в душе накопились обиды на Анну…

А тогда – тогда Борис Анреп и Николай Гумилев уехали на фронт.

Весной 1915 года Гумилев был ранен, Анна навещала его в госпитале.

Лето она провела в Слепневе, много писала, но чувствовала себя плохо.

В августе умер ее отец. После похорон она наконец обратилась к врачу – и ей поставили самый распространенный для тех времен диагноз: туберкулез. Требовалось срочно ехать к морю, к солнцу. Анна перебралась в Севастополь.

В Бахчисарае она в последний раз встретилась с Николаем Недоброво – он тоже был болен туберкулезом и умер в 1919 году. Анна же выздоровела: не до конца, но все же болезнь перешла из открытой формы в хроническую.

В декабре 1915 года Анна вернулась в Петербург, где уже жил комиссованный по ранению Борис Анреп. Снова начались встречи, редкие – каждую Анна с нетерпением ждала и каждая ею ощущалась как прощальная.

В 1916 году Борис уехал в Англию: собирался на пару месяцев, задержался почти на два года. Перед его отъездом влюбленные обменялись кольцами – обвенчались перед Богом… Последний раз они виделись через месяц после Февральской революции, когда Борис с риском для жизни перешел по льду Неву, чтобы сказать Анне: он уезжает в Англию насовсем, зовет ее с собой. Ахматова отказалась: Россию – родной, любимый Петербург, Петроград, Ленинград! – она покинуть не могла.

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос музы еле слышный.

За последующие годы Ахматова получила от Анрепа только несколько писем. Сама же продолжала писать стихотворные признания в любви к нему Борису Анрепу посвящена большая часть произведений из сборника «Белая стая». Анна дала на прощание Борису бабушкин «перстень черный», которым очень дорожила, о котором написала стихотворение:

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И простивши нрав мой вздорный,

Завещала перстень черный.

Так сказала: «Он по ней,

С ним ей будет веселей»…

Анна сказала Борису: «Он Вас спасет». И Борис хранил этот перстень как драгоценнейший талисман, пока не потерял во время бомбежки Лондона…

С Николаем Гумилевым Анна официально развелась 5 августа 1918 года, разрыв же произошел раньше.

Павел Николаевич Лукницкий записал в дневнике свой разговор с Анной Ахматовой:

– В каком году вы отошли «физически» от Николая Степановича?

Она ответила, что близки они были ведь очень недолго.

«До 14 года – вот так приблизительно».

Гумилев – как и Анреп – путешествовал за границей.

Но Николай Степанович, в отличие от нового возлюбленного Анны, решил в Россию вернуться и здесь остаться.

Ирина Одоевцева вспоминала, как Гумилев ей рассказывал:

«Из Англии я решил вернуться домой. Нет, я не хотел, не мог стать эмигрантом. Меня тянуло в Россию. Но вернуться было трудно. Всю дорогу я думал о встрече с Анной Андреевной, о том, как мы заживем с ней и Левушкой. Он уже был большой мальчик. Я мечтал стать его другом, товарищем его игр. Да, я так глупо и сентиментально мечтал. А вышло совсем не то…

Он развел руками, будто недоумевая.

– До сих пор не понимаю, почему Анна Андреевна заявила мне, что хочет развестись со мной, что она решила выйти замуж за Шилейко. Ведь я ничем не мешал ей, ни в чем ее не стеснял. Меня – я другого выражения не нахожу – как громом поразило. Но я овладел собой. Я даже мог заставить себя улыбнуться. Я сказал:

– Я очень рад, Аня, что ты первая предлагаешь развестись. Я не решался сказать тебе. Я тоже хочу жениться. – Я сделал паузу – на ком, о Господи?.. Чье имя назвать? Но я сейчас же нашелся: – На Анне Николаевне Энгельгардт, – уверенно произнес я. – Да, я очень рад. – И я поцеловал ее руку. – Поздравляю, хотя твой выбор не кажется мне удачным. Я плохой муж, не спорю. Но Шилейко в мужья вообще не годится. Катастрофа, а не муж.

И гордый тем, что мне так ловко удалось отпарировать удар, я отправился на Эртелев переулок делать предложение Анне Энгельгардт, – в ее согласии я был заранее уверен.

Было ли все именно так, как рассказывал Гумилев, или, «погружаясь в свое прошлое», он слегка разукрасил и исказил его, – я не знаю.

В тот зимний полдень в Таврическом саду Гумилев подробно рассказал мне историю своего сватовства и женитьбы. И так же подробно историю своего развода.

Вторая жена Гумилева, Аня Энгельгардт, дочь нововременского публициста и петербургского профессора, читавшего и у нас и в «Живом Слове» лекции по китайской поэзии, была прелестна.

Злые языки пустили слух, что она не дочь профессора Энгельгардта, а Бальмонта. Ее мать была разведенная жена Бальмонта.

Гумилев верил этому слуху и не без гордости заявлял:

– Моя Леночка не только дочь, но и внучка поэта. Поэзия у нее в крови. Она с первого дня рождения кричала ритмически. Конечно, она будет поэтом.

Не знаю, стала ли Леночка поэтом. Ни о ней, ни о ее матери, Ане Энгельгардт (ее, несмотря на то что она вышла замуж за Гумилева, в литературных кругах продолжали называть Аня Энгельгардт) – я за все годы эмиграции ничего не слыхала.

Леночка была некрасивым ребенком, вылитым портретом своего отца – косоглазая, с большим, плоским лбом и длинным носом. Казалось невероятным, что у такой прелестной матери такая дочь.

Впрочем, некрасивые девочки часто, вырастая, становятся красивыми. И наоборот. Надеюсь, что и Леночка стала красивой.

– Когда я без предупреждения, – рассказывал Гумилев, – явился на квартиру профессора Энгельгардта, Аня была дома. Она, как всегда, очень мне обрадовалась. Я тут же, не тратя лишних слов, объявил ей о своем намерении жениться на ней. И как можно скорее!

Она всплеснула руками, упала на колени и заплакала:
– Нет. Я не достойна такого счастья!»

Со второй своею женой Анной Николаевной Энгельгардт Гумилев познакомился ранней осенью 1917 года, на поэтическом вечере, где присутствовала и Ахматова. Может быть, женился он на ней и правда от обиды на «Анну Первую» – на Ахматову.

«Анна Вторая» была во всем полной противоположностью первой. Она была юна, нежна, достаточно послушна, слегка капризна, а главное – не талантлива.

Разные мемуаристы – в зависимости от своей доброжелательности – рисовали ее портрет кто светлыми, кто мрачными красками, но все равно он получался акварельно-прозрачным.

Орест Николаевич Высотский, внебрачный сын Гумилева: «Анна Николаевна была девятью годами моложе Гумилева. Она

происходила из семьи ученых и литераторов. Ее дед, Александр Николаевич Энгельгардт, профессор Петербургского лесного института, народник и аграрник, был автором знаменитых «Писем из деревни». Отец, Николай Александрович, составил «Историю литературы XIX века» и сочинял исторические романы. Мать Ани первым браком была за поэтом Бальмонтом, от которого у нее был сын. Анна Николаевна окончила частную гимназию Лохвицкой-Сколон, ничем серьезно не увлекалась, ее не интересовала постоянно звучавшая в доме музыка, зато читала она много, хотя бессистемно. Нравились ей романы Пшибышевского и д'Аннунцио, скандальный «Санин» М. Арцыбашева кружил голову и пугал своей декадентской пряностью. Была Аня непосредственна, не по летам наивна, по-детски доверчива и неожиданно обидчива. Может быть, эти черты характера сложились под влиянием обстановки, царившей в семье. У отца было тяжелое нервное заболевание, и когда наступал период депрессии, он по неделям не покидал своего кабинета, жестоко страдая. А мать без всякого повода ревновала мужа, в доме происходили дикие скандалы с истерическими криками. Сводный брат, студент университета, был нервным, неуравновешенным и кончил свои дни шизофреником. У Ани были подруги, но ни с кем не было близости; больше она дружила с Лилей Бряк. Все они были поголовно заражены декадентством…»

Александр Николаевич Энгельгардт, шурин Гумилева: «Сестра Аня, закончив гимназию, окончила также курсы сестер милосердия и стала работать в военном госпитале, находившемся на нашей же улице. Она очень похорошела, и ей очень шел костюм сестры милосердия с красным крестом на груди. Она любила гулять в Летнем саду или в этом костюме, или в черном пальто и шляпке, с томиком стихов Анны Ахматовой в руках, привлекая взоры молодых людей. Она тогда еще не знала, что в будущем ее будут называть соседи в Доме искусств: "Анна Вторая".

Всеволод Александрович Рождественский: «В начале зимы 1920 года Гумилев женился на А. Н. Энгельгардт, миловидной, но очень недалекой девушке, мало интересовавшейся основным делом его жизни. Он был подчеркнуто внимателен к ней, всюду водил ее с собой и боялся только ее неожиданных и действительно иногда ставящих в тупик суждений. «Ты, Аня, лучше помолчи! Когда ты молчишь, ты становишься вдвое красивее». Жил он теперь в Доме искусств. Здесь ему было суждено стать счастливым отцом. Я как-то постучал к нему в комнату. Он открыл дверь и еще на пороге сказал каким-то особо

торжественным голосом: “Поздравь меня. У меня родилась дочь. – И добавил: – Я хочу назвать ее Еленой в честь самой красивой женщины на земле, из-за которой греки осаждали Трою”».

Ирина Одоевцева: «Аня Энгельгардт казалась четырнадцатилетней девочкой не только по внешности, но и по развитию. Очень хорошенькой девочкой, с большими темными глазами и тонкими, прелестными веками. Я никогда ни у кого больше не видела таких век…»

По ее же – Одоевцевой – словам, Николай Степанович считал, что не смог сделать вторую жену счастливой, и утверждала, что он говорил: «А счастье оказалось липовое. Хорошо, нечего сказать, счастье! Аня сидит в Бежецке с Леночкой и Левушкой, свекровью и старой теткой. Скука невообразимая, непролазная. Днем еще ничего. Аня возится с Леночкой, играет с Левушкой – он умный, славный мальчик. Но вечером тоска – хоть на луну вой от тоски. Втроем перед печкой – две старухи и Аня. Они обе шьют себе саваны, – на всякий случай все подготовляют к собственным похоронам. Очень нарядные саваны с мережкой и мелкими складочками. Примеряют их – удобно ли в них лежать? Не жмет ли где? И разговоры, конечно, соответствующие. А Аня вежливо слушает или читает сказки Андерсена. Всегда одни и те же. И плачет по ночам. Единственное развлечение – мой приезд. Но ведь я езжу в Бежецк раз в два месяца, а то и того реже. И не дольше, чем на три дня. Больше не выдерживаю. Аня в каждом письме умоляет взять ее к себе в Петербург. Но и здесь ей будет не сладко. Я привык к холостой жизни… Конечно, нехорошо обижать Аню. Она такая беззащитная, совсем ребенок. Когда-то я мечтал о жене – веселой птице-певунье. А на деле и с птицами-певуньями ничего не выходит, – и вдруг, переменив тон: – Никогда не выходите замуж за поэта – помните – никогда!»

Ирина Одоевцева, хоть и страстно влюбленная в Гумилева, вышла замуж все-таки за поэта – за Георгия Иванова. И уехала за границу вскоре после расстрела Николая Степановича. Ирина осталась в Париже и там написала книгу мемуаров «На берегах Невы», почти полностью посвященную Гумилеву – встречам и разговорам с ним. О Гумилеве она писала восторженно, о его женщинах – с ревностью.

И все же воспоминания Одоевцевой – драгоценный документ. К тому же перед Ахматовой она, хоть и ревнуя, все же преклонялась. Одоевцева писала: «Я увидела Ахматову впервые летом 1918 года в Петербурге на Литейном проспекте. Она шла мне навстречу. Я сразу узнала ее, хотя до этого дня видела ее только на портрете Натана Альтмана. Там она вся состояла из острых углов – углы колен, углы локтей, углы плеч и угол

горбинки носа. Я узнала ее, хотя она была мало похожа на свой портрет. Она была лучше, красивее и моложе. И это в первую минуту даже слегка разочаровало меня – ведь я привыкла восхищаться той альтмановской Ахматовой. Но я уже шла за ней, восхищаясь ее стройностью и гибкостью, ее легкой, летящей походкой. Шла с Литейного до Морской, где она, ни разу не обернувшись, исчезла в каком-то подъезде. Я прождала ее больше часа у этого подъезда, но она так и не показалась…»

Незадолго до смерти, в 1987 году, девяностодвухлетняя Ирина Владимировна Одоевцева вернулась в СССР, в Ленинград, чтобы здесь умереть.

Наверное, горем от разлуки с Борисом Анрепом подвигло Анну Ахматову на странный поступок: она стала любовницей Владимира Казимировича Шилейко. Ученый-востоковед, признанный поэт, чей бесспорный талант признавали все его близкие друзья – такие, как Гумилев и Лозинский, Владимир Казимирович оказался при этом человеком с совсем иными жизненными ценностями, нежели те, которых придерживалась Анна. Он был некрасив, патологически ревнив и совершенно не приспособлен к жизни. Анна потом объясняла, что считала его великим ученым, и ей хотелось быть ему, великому, полезной. При этом – она надеялась, что в сожительстве с Шилейко у нее не будет такого соперничества, как с Гумилевым.

Анна переехала к Владимиру Казимировичу и постаралась стать идеальной женой: писала под его диктовку переводы с ассирийского, делала ему подстрочники переводов статей из зарубежных изданий, а еще – пыталась организовать быт, к которому была органически не приспособлена, и даже колола дрова! Шилейко обращался с ней ужасно, буквально держал под замком, запрещал с кем-либо общаться. Но для нее это было словно наваждение. Когда в апреле 1918 года Николай Гумилев вернулся в Петербург, Анна попросила у него развода, чтобы официально выйти замуж за Шилейко. Развод состоялся, и как только Шилейко почувствовал свою полную супружескую волю над Анной, он окончательно распоясался: запретил ей писать стихи, сжигал нераспечатанными все приходящие на ее имя письма. Анна наконец осознала, что живет с безумцем, и не знала, как выбраться из ямы, в которую сама себя загнала.

Спас Анну влюбленный в нее композитор Артур Лурье, который устроил для Шилейко место в санатории – тогда это было очень сложно. А в отсутствие «дракона с плетью», как Анна к тому моменту называла Владимира Казимировича, ей удалось поступить на службу в библиотеку Агрономического института, где давали казенную квартиру и дрова. Когда Шилейко вернулся

из санатория, Анна твердо потребовала, чтобы Владимир Казимирович переехал к ней. Или они расстанутся. Возвращаться в его квартиру-тюрьму она не желала. Теперь Шилейко уже не мог вести себя, как ему заблагорассудится, что и послужило поводом для их разрыва в 1921 году.

И самое невероятное во всей истории с Шилейко: когда Ахматова захотела официального развода, оказалось, что брак зарегистрирован не был! В 20-е годы это делалось просто – записью в домовой книге. Шилейко солгал Анне, будто сделал эту запись. Но когда Лурье, продолжавший помогать Анне, пошел в домком проверить – оказалось, что записи нет.

Ирина Одоевцева

После разрыва с Шилейко Анна некоторое время жила у Ольги Глебовой-Судейкиной, бывшей жены художника Сергея Судейкина, основателя знаменитого декадентского кабака «Бродячая собака». Глубина и доверительность дружбы между

Анной и Ольгой даже дали повод для подозрений, и по сей день время от времени пишут о якобы «романе», случившемся между ними. Ахматова действительно поэтически воспевала Олечку Глебову-Судейкину – красавицу, танцовщицу, умную женщину, тонко разбиравшуюся в искусстве, с одного взгляда определявшую любого автора эпохи Возрождения, что Ахматову в ней бесконечно восхищало! Но никаких романов с женщинами у Ахматовой не было, что бы ни пытались приписать ей нынешние любители пикантных разоблачений. Более того, у Ольги Глебовой-Судейкиной как раз в тот период начались отношения с Артуром Лурье, который приходил в ее квартиру, чтобы навестить Анну. Завоевать сердце Ахматовой ему не удалось, а вот с Глебовой-Судейкиной сложилось: когда Лурье уехал в эмиграцию, Ольга последовала за ним.

Анну Ахматову ожидали новые утраты.

7 августа 1921 года умер Александр Блок.

На его похоронах Анна узнала, что Николай Гумилев арестован как заговорщик против новой власти…

В тюрьму с собой Гумилев взял Евангелие и Гомера. Он вел себя невозмутимо и спокойно и во время ареста, и во время допросов. Хотя он был страстным монархистом, все же ни в какой контрреволюционной организации Николай Степанович не состоял.

Максим Горький верил в его невиновность, лично умолял Ленина спасти хотя бы Гумилева. Ленин пообещал. А 25 августа 1921 года Гумилева и всех прочих «заговорщиков» расстреляли на Охтинском пустыре. Друзья и ученики Николая Степановича пытались выяснить хоть какие-то подробности и разыскали садовника, жившего неподалеку от места казни, и тот поведал, как всю партию обреченных поставили в один ряд, как некоторые женщины и даже мужчины плакали, падали на колени, умоляли о пощаде… А Гумилев до последней минуты стоял прямо и неподвижно, глядя поверх голов своих палачей.

…Хотя официально Анна Андреевна уже не была женой Николая Степановича – для всех его настоящей женой все-таки оставалась она, потому что они были связаны больше, чем супружеством – поэзией. И для нее гибель Гумилева в самом расцвете его таланта была двойной трагедией: она потеряла не только некогда любимого и близкого человека, она потеряла не только отца своего ребенка – она потеряла еще и великого поэта, перед которым преклонялась.

Ирина Владимировна Одоевцева вспоминала: «Панихида по Гумилеву в часовне на Невском. О панихиде нигде не объявляли. И все-таки часовня переполнена.

Женщин гораздо больше, чем мужчин. Хорошенькая заплаканная Аня беспомощно всхлипывает, прижимая платок к губам, и не переставая шепчет: «Коля, Коля, Коля, Коля. Ах, Коля!» Ее поддерживают под руки, ее окружают. Ахматова стоит у стены. Одна. Молча. Но мне кажется, что вдова Гумилева не эта хорошенькая, всхлипывающая, закутанная во вдовий креп девочка, а она – Ахматова…»

В том же ужасном для Ахматовой 1921 году, тогда же в августе, когда расстреляли Гумилева, в Греции покончил с собой брат Анны, Андрей Горенко. Все, кого она знала и любила, умирали или уезжали. Вокруг нее образовывалась пустота, которую Анна заполняла горестными стихами, потом ставшими сборником «Подорожник».

После этого сборника у нее пятнадцать лет не выходило никаких книг… Только отдельные подборки в журналах. Новая власть не жаловала «дворянскую поэтессу» Анну Ахматову.

В 1925 году на ее творчество был в первый раз наложен официальный запрет. Потрясение из-за этого вызвало обострение туберкулеза. Анна лежала в санатории в Царском Селе, и там ее навещал один из последних оставшихся у нее друзей: искусствовед и историк Николай Николаевич Пунин. И целый год после санатория он поддерживал Анну, опекал, кормил. Уверившись в том, что Пунин – единственная ее опора в жизни, Анна переехала к нему в Фонтанный дом при Шереметьевском дворце.

«Наша любовь всегда была мучительна, для меня по крайней мере, – темная сладость и сладкая гибель, – так всегда я ее и звал», – записал в дневнике Николай Пунин.

Но и здесь нормальной семьи не сложилось, да и не могло сложиться: Пунин был женат, его супруга Анна Аренс и дочь Ирина жили в той же квартире. У Анны Андреевны и Николая Николаевича была отдельная комната – но обедали вместе. Когда Анна Аренс уходила на службу, Анна Ахматова присматривала за ее дочкой… Они были дружны: по воспоминаниям Виктора Ардова, «они ее называли, и Аня и Ирина, называли Анну Андреевну – Акума; это шуточное название означает в японском языке «ведьма, колдунья», они считали, что она… да она в какой-то мере и была такой». Конечно, это японское «колдунья» Ахматовой льстило. Но все же ненормальность такой совместной жизни она чувствовала очень остро. К тому же быт был крайне скудный, на грани бедности. Анна несколько раз порывалась уйти от Пунина, но он ее удерживал, угрожал самоубийством. Она возвращалась. Да, собственно, идти-то ей было особо некуда: своего дома у нее не было.

Поскольку печатать стихи было невозможно, Анна занялась изучением истории Петербурга и биографии Александра Сергеевича Пушкина. Помогала Пунину в его научных исследованиях. Летом 1928 года к ней переехал сын, шестнадцатилетний Лев Гумилев. После приговора, вынесенного отцу, его исключили из школы. Но чтобы поступать в институт, нужны были десять классов. Николай Николаевич Пунин с трудом устроил Льва учиться в школу, где директором был его брат – Александр Николаевич Пунин. Окончив школу, Лев поступил в Ленинградский университет на исторический факультет.

А колесо судьбы катилось во мрак…

В 1934 году арестовали Осипа Мандельштама: в момент ареста Ахматова была у него в гостях. Через год, во время повальных арестов после убийства Кирова, забрали Николая Пунина и Льва Гумилева. Анна поехала в Москву, написала Сталину. Как ни странно, то ее первое письмо с прошением достигло адресата – Пунина и Гумилева отпустили. Но отношения между Анной и Пуниным стали стремительно ухудшаться. Николай Николаевич мучил Анну Андреевну, демонстрировал ей свою неверность, жаловался, что ему с ней скучно, но при этом истерикой реагировал на любое предложение расстаться. Да и как расстаться, когда ей с сыном уйти-то некуда? От постоянного нервного напряжения Ахматова была близка к помешательству, ее преследовал призрак Прасковьи Жемчуговой, крепостной возлюбленной графа Шереметьева, на которой он женился и для которой построил этот дворец, а она умерла после родов еще во время строительства. Анне казалось, что Параша все еще ходит по дворцу, что ее бледное лицо отражается в темных окнах и что ночами в доме пахнет ладаном, как во время отпевания. Она написала тогда:

Что бормочешь ты, полночь наша?
Все равно умерла Параша,
Молодая хозяйка дворца,
Не достроена галерея —
Эта свадебная затея,
Где опять под подсказку Борея
Это все я для вас пишу.
Тянет ладаном из всех окон,
Срезан самый любимый локон,
И темнеет овал лица.

В марте 1938 года Льва Гумилева снова арестовали. Он просидел семнадцать месяцев, его приговорили к расстрелу. Но сменилась власть, и его судьи сами были репрессированы, так что

расстрел заменили на ссылку. Но сколько страшных очередей отстояла под стенами «Крестов» Анна Андреевна. Потом она вспоминала:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом): – А это вы можете описать? – И я сказала: – Могу. – Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Анна Андреевна начала сочинять поэму о том ужасе, в котором она жила, – свой бессмертный «Реквием», который даже боялась записать: хранила только в памяти. Доверила нескольким ближайшим друзьям – и они тоже учили на память. Арестовать могли любого и в любой момент, а такие стихи, найденные при обыске, означали самый суровый приговор…

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

В ноябре этого же года Анна Андреевна окончательно разорвала отношения с Пуниным. Однако «уход от него» ознаменовался лишь переездом в другую комнату той же огромной квартиры. Жила она крайне бедно, все деньги уходили на передачи сыну.

Поддерживали ее в этот период друзья. Вернее – в основном подруги.

Единственным мужчиной, который в ту пору был подле Ахматовой, оказался Владимир Георгиевич Гаршин, врач-патологоанатом, который заботился о ней, особенно о ее здоровье, которым Анна Андреевна, по мнению Гаршина, преступно пренебрегала. Он был тихий, приятный, очень интеллигентный человек, и Ахматова, стосковавшаяся по мужской опеке, почувствовала к нему нечто похожее на любовь… Во всяком случае, дружба между ними была очень тесная и теплая. Но Гаршин был женат на тяжело больной женщине,

которую к тому же уважал как спутницу жизни: о разводе не могло быть и речи.

Женщины любили Ахматову, пожалуй, даже сильнее и более преданно, чем мужчины.

Поэтесса Ольга Берггольц обожала ее так искренне, так открыто, что не стеснялась в гостях, в присутствии посторонних, садиться на пол у ног Анны Андреевны или целовать ей руки, когда Ахматовой случалось произнести какую-нибудь из своих великих реплик, сразу с уст ее переходивших в записные книжки присутствующих, а потом – в историю…

Лидия Корнеевна Чуковская, дочь популярнейшего детского поэта Корнея Ивановича Чуковского, сама – выдающийся литератор, ее боготворила, и сколько лет были знакомы – столько за ней записывала каждое высказывание, фиксировала каждое действие. Над Чуковской посмеивались: «Как евангелист за Христом!» – а теперь благодаря ей мы можем так много узнать о живой Ахматовой… Ведь воспоминания лишены достоверности, в воспоминаниях многое приукрашивается и очерняется, даже неосознанно. А дневниковые записи, повседневное фиксирование фактов – вот это и есть самый драгоценный документ.

Помогала Ахматовой и великая актриса Фаина Раневская. Она записала в своем дневнике: «Ахматова… Величавая, величественная, ироничная, трагическая, веселая и вдруг такая печальная… В ней было все. Было и земное, но через божественное…» Когда Раневской предложили написать воспоминания об Ахматовой – она решительно отказалась: «Есть такие, до которых я не смею дотронуться».

Надежда Яковлевна Мандельштам дружила с Ахматовой многие годы – Анна Андреевна сочувствовала ей, тоже вдове поэта, тоже жестоко пострадавшей от режима, – но Мандельштам скверно отплатила за дружбу, написав оскорбительные для Ахматовой воспоминания в своей «Второй книге»: к счастью, этого Анна Андреевна уже не застала. Не застала она и того, как верная Лидия Чуковская дала Надежде Мандельштам суровейшую отповедь, можно сказать – вступила с ней в бой, написав в ответ на ее «Вторую книгу» свою собственную книгу «Дом поэта» – с опровержением почти каждого неуважительного слова, которое Надежда Яковлевна осмелилась употребить в адрес Ахматовой.

Больше тридцати лет преданно служила Ахматовой Нина Антоновна Ольшевская, жена писателя Виктора Ефимовича Ардова. Анна Андреевна называла Ольшевскую «своей дочкой». И Нина Антоновна любила ее поистине дочерней любовью – как только может любить самая заботливая и самоотверженная дочь. Квартира Ардовых стала главным московским прибежищем

«бездомной» Ахматовой. Лидия Чуковская писала: «Сколько раз, встретив Анну Андреевну на Ленинградском вокзале в Москве, сопровождали ее сюда друзья и сколько раз отсюда друзья провожали ее в Ленинград! У многих своих друзей и знакомых живала Ахматова в Москве – у Петровых на Беговой, у Глен на Садовой, у Большинцовой в Сокольниках, у Шенгели, у Раневской, у Харджиева; во время войны, в 1941, – у Маршака; в шестидесятых – у Западовых, у Алигер, – всюду любовно и самоотверженно заботились о ней хозяева; но «у Ардовых на Ордынке», в этом адресе, для уха всех, кто знал Ахматову, есть особенный звук: привычности, принятого обыкновения, обычая; «приехала Анна Андреевна, она на Ордынке», – говорили друг другу москвичи; «у Ардовых на Ордынке» – это был постоянный, привычный адрес Ахматовой в Москве».

Летом 1939 года из эмиграции вернулась Марина Цветаева.

Это совсем особая линия отношений – между Анной Ахматовой и Мариной Цветаевой: между двумя величайшими поэтессами своего времени. До сих пор они «конкурируют», до сих пор любители поэзии спрашивают: кого ты больше любишь – Ахматову или Цветаеву? Такие они разные, что вместе любить их трудно… Ахматова первой прославилась. Она уже была гранд-дама Серебряного века, а Цветаева – еще только талантливой молодой поэтессой (хотя младше Ахматовой она была всего-то на три года). Но Марина Цветаева была – как и вся Россия – очарована стихами Ахматовой, сама посвящала ей стихи, посылала ей свои книги, мечтала познакомиться, встретиться. На расстоянии была, буквально влюблена, с тем полным самоотречением и превознесением объекта чувств, с каким только она могла влюбляться! Но встретились они только после возвращения Марины Ивановны из эмиграции.

В 1940 году жизнь неожиданно преподнесла Ахматовой подарок: ей позволили выпустить сборник «Из шести книг» – в основном в него вошли старые произведения, но все равно – ее напечатали! И книгу смели с прилавков буквально в одночасье! Правда, потом власти опомнились и начали изымать книгу из библиотек.

Марина Ивановна сборник прочла и записала в дневнике: «… Прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой и – старо, слабо. Ну, ладно… Просто был 1916-й год, и у меня было безмерное сердце. А хорошие были строки:…Непоправимо-белая страница… Но что она делала с 1914 г. по 1940 г.? Внутри себя? Эта книга и есть «непоправимо-белая страница»…»

Однако встреча все же произошла по инициативе Цветаевой – 7 июня 1941 года, в Москве, в квартире все тех же Ардовых. Две

поэтессы проговорили целый день. Ахматова потом вспоминала, что не решилась прочесть Цветаевой свои стихи – ответ на ее давние, 1913-го года, юношеские стихи, – потому что в «Позднем ответе» были такие строки, которые наверняка бы ранили Марину Ивановну, к тому моменту потерявшую всех близких, кроме сына: дочь, муж, сестра были уже репрессированы.

Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила родимых пучина,
И разрушен родительский дом.

Ночью Марина Ивановна от руки переписала свою «Поэму воздуха», чтобы подарить ее Анне Андреевне. Они снова встретились… Эмма Герштейн записала об этой второй встрече: «Такое взаимное касание ножами душ. Уюта в этом мало». Сама же Анна Андреевна после сказала друзьям о Цветаевой: «Она – сильная, притягивает как магнит». Но, прочитав «Поэму воздуха», заметила: «Марина ушла в заумь». В 1963 году Ахматова, вспоминая эту встречу, сделала в дневнике запись: «Здешний вечер, или Два дня (о Марине Цветаевой). Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 1941 г. Это была бы «благоухающая легенда», как говорили наши деды. Может быть, это было бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком случае это было бы великолепно».

Но вообще – эта поздняя встреча стала разочарованием для обеих великих поэтесс. И хотя Исайя Берлин вспоминал, что «Ахматова восхищалась Цветаевой: «Марина – поэт лучше меня», – сказала она мне», – другой знакомый приводит такие слова, произнесенные Ахматовой еще во время войны: «Марина Цветаева много обо мне думала. Наверное, я ей очень мешала».

Конечно, мешала – быть единственной. А еще – Цветаева нескрываемо завидовала Ахматовой. Ее личному человеческому обаянию, ее власти над людьми. И когда Лидия Чуковская, всю жизнь трепетно Ахматову обожавшая, в Чистополе сказала в присутствии Цветаевой, что тревожится за Анну Андреевну, что ей не справиться со здешним бытом:

– Она ведь ничего не умеет, ровно ничего не может. Даже и в городском быту, даже и в мирное время.

На что Марина Ивановна полыхнула яростью:

– А вы думаете, я – могу? Ахматова не может, а я, по-вашему, могу?

Ее еле успокоили тогда. Она очень тяжело переживала, что Ахматовой служат, Ахматовой рвутся помогать, безо всяких

просьб с ее стороны, и Ахматова это служение принимает с благодарным снисхождением. Тогда как ей, Цветаевой, даже на просьбы не всегда откликаются… Марина Ивановна не хотела и не могла понять, что ее тяжелый характер и самовлюбленность, ее бесконечная эгоцентричность отталкивают от нее людей, тогда как Ахматова безгранично очаровательна своей заинтересованностью в других, благородством и щедростью.

Между тем Лидия Чуковская волновалась зря: с началом войны Анна Андреевна ощутила неожиданный прилив сил. Ахматова больше не могла сосредотачиваться на своем личном горе, когда такое огромное общее горе накрыло страну. Вместе со всеми она рыла окопы и дежурила на крышах, гасила фугаски. Тогда же она сочинила записанное годом позже «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Совсем «не ахматовское» по духу стихотворение, но ее патриотизм был искренним – более искренним, чем у кого бы то ни было. Для нее действительно важно казалось оставаться со своим народом «там, где ее народ, к несчастью, был».

В сентябре во время самых страшных бомбежек Анна Андреевна выступила по радио с обращением к женщинам Ленинграда.

Долгие годы считалось, что текст обращения утрачен, но его нашли в архивах ленинградского радио, и мы сейчас можем слышать, как тогда, четкий, интеллигентный, вдохновенный голос Ахматовой: «Вот уже больше месяца, как враг грозит нашему городу пленом, наносит ему тяжелые раны… Вся жизнь моя связана с Ленинградом… Я, как все вы сейчас, живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским».

Мария Беликова в своей книге «Скрещение судеб» вспоминала дом в Ташкенте на улице Карла Маркса, куда селили эвакуированных и который из-за тесноты, а также разнотипности обитателей называли «Ноевым ковчегом», в котором поселилась и Ахматова: «Я ни разу не видела, чтобы Анна Андреевна принесла

себе воду или сама вынесла помои, это всегда делали за нее какие-то нарядные женщины – актрисы или чьи-то жены, которые поодиночке и табунками приходили в ее келью, и если бы кто-нибудь из нас, живущих в доме, не принес ей пайковый мокрый хлеб, который выдавали по карточкам и за которым надо было стоять в очереди, то она жила бы без хлеба, а если бы не принесли воду, то и без воды. Она ненавидела, презирала всякий и всяческий быт и с полнейшим равнодушием относилась к житейским невзгодам. Она делала вид, что не замечает нищеты, нужды, голода; она могла жить и в хижине и во дворце, конечно, во дворце было бы удобнее, но что поделаешь… Она могла целый день лежать на своей солдатской койке, закинув руки за голову, уставившись глазами в потолок. Как-то это получалось само собой – что все за нее все делали. Ахматова! – и все кидались…»

«Она ненавидела, презирала всякий и всяческий быт и с полнейшим равнодушием относилась к житейским невзгодам. Она делала вид, что не замечает нищеты, нужды, голода; она могла жить и в хижине и во дворце, конечно, во дворце было бы удобнее, но что поделаешь… Как-то это получалось само собой – что все за нее все делали. Ахматова! – и все кидались…»

Так что Лидия Чуковская ошиблась: эвакуации не вынесла не Ахматова, а Цветаева. Она повесилась 31 августа 1941 года. Ахматова часто вспоминала Цветаеву и ужасный ее финал и написала в минуту отчаяния:

…Но близится конец моей гордыне:

Как той, другой – страдалице Марине, —

Придется мне напиться пустотой.

…Во время той встречи, в квартире Ардовых, Цветаева рассказала, как расспрашивала у всех – «какая она, Ахматова?».

– И что же вам отвечали? – спросила ее Ахматова.

– Отвечали: просто дама.

По воспоминаниям всех, кто знал Анну Андреевну, ей очень подходило это слово: дама. И в тридцатые, и в сороковые, и позже, когда всех дам давным-давно отменили, когда остались только женщины, девушки и товарищи, она все равно была дама. С большой буквы. И ей служили – как настоящей даме. И вот это – дамское, от старого мира, не советское – не мог простить ей первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Жданов, когда назвал Ахматову «эта барынька».

Мария Беликова писала, как в Ташкенте ходили по дворам цыганки и, пользуясь доверчивостью и сочувствием эвакуированных интеллигентов, жаловались, будто бежали из Молдавии совсем без вещей… Их жалели. Одной, молоденькой, в пальто, надетом на голое тело, Ахматова отдала свою ночную

рубашку. А когда та молодая цыганка – видимо, подзабыв, что уже приходила сюда, – снова заявилась в том же костюме и с той же легендой, и ее с позором прогнали, и пошли предупреждать Ахматову, Анна Андреевна рассеянно ответила:

– Но у меня нет второй ночной рубашки…

И в этом тоже – жест дамы, аристократизм духа: как тот рыцарь, отдавший нищему половину плаща, Ахматова отдала цыганке единственную ночную рубашку.

В апреле 1942 года через Ташкент в Самарканд с семьей эвакуировался Николай Пунин. Он просил Ахматову о встрече – и она пришла, хотя отношения между ними после разрыва были очень скверные. Потом, уже из Самарканда, Пунин написал Анне Андреевне, что она была лучшим и главным во всей его жизни. И она хранила это письмо – как святыню – всю жизнь. Видимо, какая-то искра любви оставалась – к нему, как и ко всем, кого она когда-либо любила.

Вторая жена Гумилева, Анна Николаевна Энгельгардт, умерла вместе со своей матерью и с дочерью Леночкой в Ленинграде во время блокады в 1942 году. Так что у сыновей его – Льва Гумилева и Ореста Высотского – несмотря на лагеря и ссылки, жизнь сложилась все же лучше, чем у дочери. Хотя бы потому, что она у них была, эта жизнь.

У Анны Ахматовой в Ташкенте случился очередной роман: как большинство ее романов – чисто духовного свойства, без физического воплощения страсти. Она подружилась с композитором Алексеем Федоровичем Козловским и его супругой Галиной Лонгиновной, которые были в равной степени очарованы поэтессой. Во всяком случае, Галина Козловская спустя годы нарисовала словесный портрет Ахматовой – как может рисовать только влюбленный человек: «В тот вечер Анна Андреевна, войдя в комнату, быстро подошла к горячей печке и, заложив назад руки, стала к ней спиной. Тут мы увидели, что глаза у нее – синие. Они становились у нее такими, когда ей было хорошо (в вечер нашей первой встречи в «кассе» глаза ее были серые и прозрачные, как льды ее замерзающего города). Мы увидели ее красоту, ту вечную ее красоту, которая, изменяясь с годами, не убывала, по-новому раскрываясь. Даже в старости, отяжелев, она приобрела еще какую-то величавость и гляделась словно статуя самой себе. Красота Ахматовой была радостью художников. Сколько их пыталось воплотить ее неповторимость и необычность! И если в мировой иконографии первое место по числу портретных изображений принадлежит лорду Байрону второе – Ференцу Листу то третье, бесспорно, – Анне Ахматовой – поэту и женщине. В этой красоте они неотделимы друг от друга, и

неизвестно, поэт ли озарял женщину, или женщина озаряла неповторимостью своей поэта. Она стояла в волнах теплого воздуха, и стройность ее казалась почти воздушной. Патрицианскую ее голову мягко облегали волосы, еще не седые, а того цвета, что раньше называли «соль с перцем». Они красиво лежали тяжелым пучком на затылке». Алексей Федорович тоже нарисовал – профиль Ахматовой на белой известковой стене… Так удачно упала тень – и он обвел ее углем. Потом Ахматова повторила то же – с его тенью и его профилем – в своей комнате. И он, кажется, влюбился… А Галина, кажется, приревновала, потому что занавесила профиль Ахматовой в своей комнате куском старинной парчи. Узнав об этом, Анна Андреевна насмешливо сказала: «Боже, какая роскошь, и всего лишь для бедной тени». О ташкентском романе – несбывшемся, едва наметившемся, – Ахматова написала много стихов. Но самое яркое из них – «А в книгах я последнюю страницу…» – повествует вот как раз об этих двух профилях на белых известковых стенах.

…И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.

Роман с Козловским был изначально несбыточен: Анна Андреевна слишком уважала дружбу его жены, но главное – она любила Владимира Георгиевича Гаршина и как раз в эвакуации получила письмо о кончине его жены. И о том, что он ждет ее, Анну, чтобы наконец соединиться с ней. Так что с Козловским были разве что несколько мгновений-затмений… Из которых потом «росли стихи, не ведая стыда». Ахматова ждала возвращения в Ленинград и встречи с любимым. Она не подозревала даже, какие страшные ожидают ее разочарования.

Из Ташкента Анна Андреевна сначала поехала в Москву, где выступила на вечере в зале Политехнического музея. Когда

Ахматова вышла на сцену – зал встал. Ее принимали так бурно, что Анна Андреевна даже испугалась: снова привлекла к себе излишнее внимание, власть ей этого не простит… Сталину и правда донесли об этом инциденте, и он поинтересовался: «Кто организовал вставание?» Но кажется, по этому «делу» никого не арестовали. Ахматовой же позволили вернуться в Ленинград.

Город ее души, священный источник ее творчества встретил Анну Андреевну ужасом полупустых, почти мертвых улиц, бледными и пустыми лицами выживших, призраками погибших… На перроне ее ждал Гаршин. Он холодно спросил: «И куда вас везти?» Ахматова и не знала, что за то время, когда она считала дни до встречи с ним, Владимир Георгиевич успел полюбить другую женщину и даже женился. Этого предательства она ему никогда не простила. Но хранила брошь-камею, которую Гаршин ей подарил. В день его смерти 20 апреля 1956 года брошь раскололась.

Ее сердце в очередной раз было разбито предательством любимого мужчины. Зато жизнь неожиданно начала налаживаться. За цикл патриотических стихов Ахматову наградили медалью «За оборону Ленинграда». Готовились к выходу новые сборники и ее исследования о Пушкине. А главная радость – сын, Лев Гумилев, вернулся из ссылки… Правда, он был с матерью довольно холоден, он никак не мог простить ей того, что она – по его мнению – недостаточно о нем хлопотала, не смогла его спасти. Но Анна Андреевна все понимала и прощала. Главное – Лев выжил и он рядом.

Осенью 1945 года Анну Андреевну познакомили с английским литературоведом и философом Исайей Берлиным: родившийся в России, в «черте оседлости», он прекрасно говорил по-русски и в то время работал в британском посольстве в Москве.

Исайя Берлин стал последней любовью Анны Андреевны Ахматовой. Они встречались, хотя это было рискованно. И возможно, именно за эти встречи с иностранцем Ахматову потом «наказали» постановлением ЦК КПСС «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», печатавших таких идеологически чуждых авторов, как Ахматова и Зощенко. За постановлением последовало исключение Ахматовой из Союза писателей, лишение продовольственных карточек и уничтожение ее уже набранной книги.

Так дорого за любовь ей еще не случалось платить…

Когда в 1956 году Исайя Берлин снова приехал в СССР, Анна Андреевна отказалась с ним даже встречаться.

После постановления она оказалась в изоляции – многие от

нее отшатнулись, боясь навлечь и на себя гнев властей. Но оставались преданные друзья, дававшие ей кров, приносившие продукты. Анна Андреевна работала над «Поэмой без героя» – страшнее прижизненной изоляции для нее было посмертное забвение. Но она была уверена: если она закончит эту поэму, ее уже не забудут.

В 1949 году был снова арестован Николай Пунин: он погибнет в лагере.

А вслед за ним – Лев Гумилев: ему предстояло провести в лагерях семь лет.

Анна Андреевна, помня укоры сына, попыталась его спасти самым отчаянным и самым мучительным для себя способом: она написала цикл стихотворений «Слава миру», прославляющий Сталина.

Не помогло… Сын остался в заточении. А ей самой ради заработка пришлось взяться за переводы, которыми она прежде пренебрегала. «Это страшная работа, которая изнуряет, сушит и мешает собственным стихам», – говорила Ахматова о труде переводчика.

И самое страшное – она была разлучена с Ленинградом. А ведь Анна Андреевна была по-настоящему влюблена в этот город – пожалуй, любовь к Ленинграду была одним из самых сильных чувств в ее жизни! – и она писала одно за другим стихотворные признания в любви ему, холодному, изменчивому, надменному и прекрасному В эти худшие для себя годы она отчаяннее всего тосковала не по людям, с которыми ее разлучила судьба, а по городу, по своему городу Она писала:

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

«Простили» Ахматову только в 1954 году: приехавшая из

Оксфорда делегация пожелала встретиться с опальными литераторами, среди которых были Зощенко и Ахматова. Их обоих спрашивали, что они думают о постановлении. Зощенко пытался что-то объяснять – чем навредил себе. Ахматова же, считая, что иностранцы все равно ничего не поймут и уж подавно не изменят, сказала, что с постановлением согласна. После этого ей как переводчику выделили от Союза писателей дачу в Комарово (которую Ахматова называла «будкой»), начали понемногу печатать, а в 1956 году вернули сына. Но за время последней разлуки Лев Гумилев еще сильнее озлобился на мать. Они недолго прожили вместе, общего языка так и не нашли, а когда Лев уехал от матери и стал жить один, отношения между ними практически прекратились. В ссылке он увлекся культурой и историей Востока и стал известным ученым-востоковедом. В 1965 году Анну Андреевну даже «выпустили» в Европу и она смогла повидаться со многими друзьями своей юности, в том числе – со своей великой любовью: с Борисом Анрепом, который стал к тому моменту знаменитым художником-мозаичистом. Простившись с ним, она почувствовала, что прощается с жизнью.

В последние годы Ахматову продолжала преданно поддерживать ее духовная дочь Нина Антоновна Ольшевская, по словам Лидии Чуковской «знавшая и понимавшая Анну Андреевну с полуслова, с полувзгляда, с полу– и четверть-неудовольствия, с поворота головы; заботившаяся о ее покое, сне, работе, гостях и поездках в гости, о ее врачах, платьях, путевках, лекарствах; умевшая не только слушаться Анну Андреевну и любить ее стихи, но и лечить, выхаживать, одевать, провожать, быть в одном лице и подчиненной и распорядительницей. И если Анна Ахматова дожила до 1966 года, а не погибла раньше от своей неизлечимой сердечной болезни и неприкаянности, – в этом большая заслуга Нины Антоновны Ольшевской». Анна Андреевна много писала, словно боясь не успеть высказать все, что ей хотелось. И много болела: полнота, одышка, сердце. Перенесла несколько инфарктов. И продолжала одержимо работать, пытаясь ухватить, остановить убегающее время.

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

Ее хватало не только на свои стихи – в последние годы Ахматова всегда была окружена молодыми поэтами, которым помогала нащупать свой собственный путь в поэзии и в жизни: Иосиф Бродский, Анатолий Найман, Евгений Рейн, Глеб Горбовский, Дмитрий Бобышев – после ее смерти их назовут

«ахматовскими сиротами».

Она умерла в санатории в Домодедово 5 марта 1966 года, в годовщину смерти Сталина, которую она всегда отмечала как праздник.

Кончина Ахматовой вызвала мощный отклик среди ценителей русской поэзии не только в СССР, но и за рубежом. «Не только умолк неповторимый голос, до последних дней вносивший в мир тайную силу гармонии, – откликнулся на смерть поэтессы Никита Струве, – с ним завершила свой круг неповторимая русская культура, просуществовавшая от первых песен Пушкина до последних песен Ахматовой».

Отпевали Анну Андреевну в Ленинграде, в Никольском соборе. Похоронили в Комарове. Тысячи людей сопровождали ее в последний путь. Среди них были и супруги Козловские: они покрыли могилу ковром из пышных ташкентских роз. А 26 апреля 1966 года грандиозное землетрясение в Ташкенте разрушило оба дома с профилями.

Остались только стихи. Много стихов. И вечная память. И частью этой вечной памяти остается тот факт, что поэтесса Анна Ахматова была возлюбленной и женой поэта Николая Гумилева. В бессмертии они снова вместе.

Владимир Маяковский и Лиля Брик: «Лиля, люби меня…»

…

Владимир Маяковский и Лиля Брик

♦ *Маяковский Владимир Владимирович (7 июля (19 июля) 1893 года, Багдади, Кутаисская губерния, Российская империя – 14 апреля 1930, Москва, РСФСР, СССР) – выдающийся поэт-футурист.*

♦ *Каган (Брик по мужу) Лиля Юрьевна (Лили Уриевна) (11 ноября 1891 года, Москва, – 4 августа 1978, Переделкино) – муза, держательница литературного салона.*

♦ *Он – страстный, обидчивый, чувствительный, нежный, влюбчивый, на всю жизнь сохранил в себе подростковый максимализм.*

♦ *Она – умная, лукавая, загадочная, властная, обладала особым эротическим магнетизмом и железной силой воли.*

♦ *Любовники. Сожительствовали с полного согласия законного мужа Лили Юрьевны Осипа Эмильевича Брика.*

♦ *Любили друг друга, но на фоне этой постоянной и неумирающей любви могли переживать другие увлечения. О верности в их ситуации речь не шла: они культивировали сексуальную и личную свободу.*

♦ *Детей не было.*

♦ *Были вместе с июля 1915 года по 14 апреля 1930 года.*

♦ *Их разлучило самоубийство*

Владимира Владимировича Маяковского.

…

Владимир Маяковский писал в своей автобиография: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом». Он хотел, чтобы его знали и помнили только как поэта. Но прожил такую жизнь, что, пожалуй, судьба его не менее интересна, чем творчество. Он жил страстями, много любил и много ненавидел… Но истинная любовь в его жизни была только одна. Женщина, которую многие считали роковой для мужчин вообще и для Маяковского в частности. Лиля Брик.

Ключом к пониманию жизни и творчества Владимира Маяковского вполне могут быть строки из поэмы «Облако в штанах», где он говорит о себе: «безукоризненно нежный, не мужчина, а – облако в штанах!» Он действительно был нежным. Эмоциональным. Уязвимым. Всю жизнь – с обнаженными нервами. Как подросток, не умеющий справляться со своими чувствами: «Громада любовь, громада ненависть». В его коротеньких воспоминаниях и в сохранившихся письмах прослеживается резкая полярность чувств: или любовь, или ненависть, среднего не дано.

Осип Брик, Лиля Брик и Владимир Маяковский

Если что-то не давалось ему легко и сразу, если в чем-то постигала его неудача – Владимир начинал это ненавидеть. Он вспоминал, как во время экзамена в гимназии «священник спросил, что такое «око». Я ответил: «Три фунта» (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» – это «глаз» по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм».

Семья Маяковских, Кутаиси. 1905 год

Но зато если в чем-то он преуспевал – это становилось любимым занятием. В детстве Володя легко заучивал даже длинные и сложные стихи, часто не понимая их смысла. Родители этим гордились, и когда приходили к ним гости, мальчика выводили на середину комнаты и просили что-нибудь почитать наизусть. Он читал – и все восхищались. Естественно было для него полюбить стихи. Еще Володя в детстве хорошо рисовал. Его художества хвалили. И рисование стало его вторым любимейшим занятием. Та же тенденция прослеживалась для него и в отношениях с друзьями, и в отношениях с женщинами. Все – или ничего. Не получая желаемого, он жестоко обижался на людей и

на жизнь в целом. С ним было трудно. Но и ему самому с собой было тяжело. Однажды внутренний конфликт достиг такого накала, что разрешился – выстрелом в сердце…

Владимир Владимирович Маяковский родился 7 июля (по новому стилю 19 июля) 1893 года в бедной дворянской семье. Отец – Владимир Константинович Маяковский, лесничий третьего разряда в Эриванской губернии. Мать – Александра Алексеевна Павленко, из семьи потомственных кубанских казаков. Володя родился в день рождения отца, поэтому назван был тем же именем. В семье росли четверо детей: Люда, Оля, Костя и Володя. Во время эпидемии скарлатины Костя умер. Володя остался единственным сыном, обожаемым баловнем для матери, сестер и многочисленных теток. На нем сосредоточились вся любовь и все внимание. Любые его успехи превозносились. А неудачи старались не замечать.

Интерес к литературе у Володи проявился очень рано. Александра Алексеевна вспоминала: «Володя с четырех лет полюбил книги. Он часто просил меня читать ему. Если я была занята и не могла читать, он расстраивался, плакал. Тогда я бросала все дела и читала ему – сначала сказки, а затем басни Крылова, стихотворения Пушкина, Некрасова, Лермонтова и других поэтов. Читала я ему ежедневно. Сказки его занимали недолго – он просил прочесть что-нибудь «правдушное». Особенно любил Володя стихи. Те, что ему нравились, он просил прочесть два-три раза, запоминал с моих слов и хорошо, выразительно читал наизусть».

В 1889 году Владимира Константиновича перевели по службе и семья переехала в грузинское село Багдади. Образование мальчику поначалу давали домашнее, потому что гимназия находилась далеко, в Тифлисе. Туда отправили старшую, Людмилу, но вдали от дома девочке было грустно и одиноко, ее часто обижали и в гимназии, и в пансионе, где она жила. Обречь на такие же переживания всеобщего любимца Володеньку родные просто не могли. Маяковский вспоминал: «Учила мама и всякою-родные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно».

Маяковский. Казань. Февраль 1914 года.

Читать Володя научился сам, легко и быстро, мать даже не успела заметить, когда это произошло, и с удивлением обнаружила, что малыш забился в кресло с толстой книгой, да не с какой-нибудь, а с «Дон-Кихотом» Сервантеса! «Первая книга – какая-то «Птичница Агафья». Если б мне в то время попалось несколько таких книг – бросил бы читать совсем. К счастью, вторая – «Дон-Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и

латы, разил окружающее…»

Детство у будущего «пролетарского поэта» было на редкость радостное и беспечное: щедрая грузинская природа, солнце, фрукты, игры с сестрой Олей, верховые прогулки с отцом, запойное чтение. Когда все же пришло время отдавать мальчика учиться, Александра Алексеевна поехала вместе с ним в Кутаиси. Поскольку Владимир Константинович покинуть место службы не мог, семья собиралась вместе только на Рождество. Оставаясь один, без жены и детей, Владимир Константинович тосковал до депрессий. Но для Александры Алексеевны оказалось легче пожертвовать душевным благополучием мужа, чем отпустить от себя младшего сына.

Революцией Владимир Маяковский увлекся из-за стихов. Не идеей как таковой, а красотой и романтичностью этой идеи. Людмила посещала «сходки», где раздавались листовки и выступали ораторы с призывами свергнуть власть. Однажды она принесла брату листовку со стихотворным обращением к солдату: «Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат, скорей брось винтовку на землю…»

«Это была революция. Это было стихами, – позже писал Маяковский. – Стихи и революция как-то объединились в голове». Участвовать в революционных событиях оказалось конечно же интереснее, чем учиться. Успеваемость снизилась. С трудом переходил из класса в класс.

Маяковский. Фото А. Темерина. 1929 год

В 1906 году скоропостижно скончался отец: укололся булавкой, что вызвало заражение крови. С тех пор Володя Маяковский ненавидел булавки, старался не держать их у себя в доме.

По инициативе Людмилы осиротевшая семья Маяковских переехала в Москву. Сняли квартирку на Бронной. Пенсия составляла 10 рублей в месяц. Мать сдавала комнаты студентам и держала столовников. Людмила давала уроки. Главной целью было, чтобы Володенька благополучно доучился.

Но несмотря на все жертвы, закончить гимназию Маяковскому было не суждено. В марте 1908 года его исключили: нет, не за участие в революционном кружке, как часто утверждают, а потому, что за учебу не было вовремя уплачено. Безделье и жажда романтики привели юношу в ряды Российской социал-демократической партии, то есть – к большевикам. Он стал пропагандистом.

Его арестовали прямо на улице, в 11 часов утра: как он сам писал – «обыскали и отправили в участок». Тюремный быт оказался весьма комфортным. Владимир проводил время в заключении с пользой для своего образования. Сестре он отправлял спокойные и веселые письма. В первом просил книги: «Алгебру и геометрию Давидова, Цезаря, грамматику латинского Никифорова, немецкую грамматику Кейзера, немецкий словарь, маленькую книжицу на немецком языке Ибсена (она лежит у меня на полке), физику Краевича, историю русской литературы Саводника и программу для готовящихся на аттестат зрелости. Из книг для чтения следующие: психологию Челпанова, логику Минто, историю новейшей русской литературы (чья – не помню, она лежит у меня на столе), «Введение в философию» Кюльпе, «Диалектические этюды» Унтермана и «Сущность головной работы человека» Дицгена. Все эти книги ты найдешь у меня в комнате. Затем спроси, не найдется ли у Владимира или Сергея 1-го тома «Капитала» Маркса, «Введение в философию» Челпанова и сочинения Толстого или Достоевского… Если найдешь (постарайся), то принеси Гнедича «Историю искусств», Мутера «Историю живописи в 19 столетии», если есть, то принеси от кого-нибудь другого, а если нет, то в крайнем случае те, которые лежат у меня в сундучке, только оберни в бумагу».

В тюрьме Владимир написал свои первые стихи, которыми, впрочем, остался недоволен. Позже он вспоминал с бравадой: «Спасибо надзирателям – при выходе отобрали. А то б еще напечатал!»

Сидеть ему пришлось еще дважды. После третьей отсидки Владимир из партии вышел и больше не вступал.

Революционный период был для Маяковского закончен. Начался другой – футуристический.

Родилась Лиля Юрьевна Брик в Москве 11 ноября 1891 года. Отец – юрист Урия Александрович Каган. Мать – пианистка Елена Юльевна Берман. Мать давала дома музыкальные вечера, у девочек – Лили и Эльзы – была гувернантка-француженка, позже они учились в частной гимназии.

Кстати, родители назвали старшую дочь «Лили» – в честь Лили Шенеман, возлюбленной великого Гете, которого

боготворил Урия Александрович. Лилей она стала, когда повзрослела, наступили новые времена, и изысканное «Лили» всем казалось смешным и претенциозным.

Лили было пятнадцать, когда она забеременела. От кого – неизвестно. Ее отправили к родственникам, в провинцию, где нашли врача, согласившегося сделать аборт на довольно значительном сроке. Результатом этого приключения для Лили стало бесплодие. Но ее это никогда особенно не печалило. Или же она не говорила о своей печали, потому что не любила жаловаться: не любила, чтобы ее жалели. Уже в старости она говорила о своем нерожденном ребенке: «Обрекать человека на те мучения, которые мы постоянно испытываем? Ведь если бы у меня был сын, то он наверняка загремел бы в 37-м, а если бы уцелел, то его убили бы на войне».

В 1909 году Лили поступила на математический факультет Высших женских курсов, потом бросила – и поступила в архитектурный, на отделение живописи и лепки. Весной 1911 года Лили уехала в Мюнхен, поступила там в художественную студию. А в 1915 году вдруг увлеклась балетом, поставила в комнате станок и брала уроки у балерины Александры Доринской.

«…Среднего роста, тоненькая, хрупкая, она являлась олицетворением женственности, – вспоминала ученицу Доринская. – Причесанная гладко, на прямой пробор, с косой, закрученной низко на затылке, блестевшей естественным золотом своих воспетых… «рыжих» волос. Ее глаза действительно «вырывались ямами двух могил» – большие, были карими и добрыми; довольно крупный рот, красиво очерченный и ярко накрашенный, открывал при улыбке ровные приятные зубы… Дефектом внешности Лили Юрьевны можно было бы почитать несколько крупную голову и тяжеловатую нижнюю часть лица, но, может быть, это имело свою особую прелесть в ее внешности, очень далекой от классической красоты».

Впрочем, некоторые – особенно часто женщины – находили Лили на редкость непривлекательной и удивлялись, почему ее так любят мужчины. Одна современница записала: «Боже мой! да ведь она некрасива. Слишком большая для маленькой фигуры голова, сутулая спина и этот ужасный тик».

Лиля в экстравагантном наряде. 1924 год

С Осипом Бриком она познакомилась, когда Осипу, сыну обеспеченного торговца, было семнадцать, а Лили – всего тринадцать. Поженились они то ли зимой 1912 года, то ли в

марте 1913 года. Родные Осипа были против этого брака. Но если Лили вцеплялась своими коготками в какого-то мужчину, вырваться он уже не мог. А Осипа она очень любила. Пожалуй – больше, чем кого бы то ни было из тех, кого ей случилось любить. Лили признавалась в этом открыто: «Но я любила, люблю и буду любить его больше, чем брата, больше, чем мужа, больше, чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, нигде. Я люблю его с детства, он неотделим от меня».

Осип окончил юридический факультет Московского университета, но служил в фирме отца, а после революции стал юрисконсультом ЧК, что ему до сих пор вменяется в вину.

В июле 1914 года Лили и Осип Брик переехали в Петроград. Квартиру, которую сняли родители Осипа, Лили – уже Лиля! – превратила в литературный салон. К ней с удовольствием приходили писатели, поэты, музыканты, художники, кинематографисты – она интересовалась всеми людьми и всеми видами искусства. Ее общительности, огня и обаяния хватало на всех.

В июля 1915 года ее младшая сестра Эльза привела в эту квартиру поэта-футуриста Владимира Маяковского.

Владимир мучительно искал себя в искусстве. Ему казалось, что поэта из него не получится. Хотел стать художником. Поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества: собственно, единственное место, куда принимали без свидетельства о благонадежности. Там познакомился с Давидом Бурлюком, основателем футуристической группы «Гилея». Сначала они подрались. Потом стали друзьями.

Именно Бурлюк вернул Маяковского в поэтическое русло, за что Владимир навсегда остался ему благодарен: «Днем у меня вышло стихотворение. Вернее – куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю – это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рявкнул: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом. Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский». Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Еще и рычал на меня, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение». Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое) – «Багровый и белый» и другие. Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев.

Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтоб писать не голодая…»
Первое стихотворение Маяковского также издал Бурлюк – в 1912 году, в сборнике, называвшемся «Пощечина общественному вкусу». Следует отметить, что стихи из этого сборника особого внимания не привлекли. Зато манифест кубофутуристов остался в истории: «Читающим наше Новое Первое Неожиданное. Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности… Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми. Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Аверченко, Черным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным. С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!»

Лиля и Владимир. 1915 год

Намерение бросить классиков с парохода современности Маяковскому припоминают до сих пор. На самом деле классиков Владимир любил и ценил, часто перечитывал, к книгам относился бережно, всегда оборачивал обложки, чтобы не истерлись. Но цель футуристов – шокировать общество. Вот они и нашли, чем именно шокировать.

Стихи Володя Маяковский с детства привык запоминать со слуха, а не по напечатанному тексту. Поэтому для него навсегда неотделимы стали строки – и звуки. Он должен был сначала проговорить стихотворение, услышать его в собственном

исполнении и только потом мог записать.

«Он сперва глухо гудел… себе под нос, – вспоминал поэт Петр Незнамов, – потом начиналось энергичное наборматывание, нечто сходное с наматыванием каната или веревки на руку, иногда продолжительное, если строфа шла трудно, и наконец карандаш его касался бумаги».

«Иногда он останавливался, – рассказывал Корней Чуковский, – закуривал папиросу, иногда пускался вскачь, с камня на камень, словно подхваченный бурей, но чаще всего шагал как лунатик, неторопливой походкой, широко расставляя огромные ноги в «американских» ботинках и ни на миг не переставая вести сам с собою сосредоточенный и тихий разговор».

В 1913 году выходит уже авторский сборник Маяковского, называвшийся «Я» и включавший в себя четыре стихотворения. В том же году в трагедии «Владимир Маяковский» (да, несколько нескромно, но для футуристов это было нормой) он писал: «С небритой щеки площадей стекая ненужной слезою, я, быть может, последний поэт…»

Именно так себя он и чувствовал. Последним поэтом в обреченном на слом и погибель мире. Но стал – первым поэтом мира нового.

Женщины в жизни Маяковского – тема интересная уже потому, что несмотря на страстность натуры и популярность, благодаря которым он мог бы менять любовниц как перчатки, Владимир относился к чувствам очень серьезно. С 10-х по начало 30-х годов в СССР царила сексуальная раскрепощенность. Но Маяковский каждый свой роман переживал глубоко и болезненно. Он не «срывал цветы удовольствий», как многие. Каждую из своих женщин он действительно любил. Пусть не надолго, зато – по-настоящему. Практически все его по-настоящему выдающиеся произведения – вовсе не революционный стих, а пламенная лирика, причем не абстрактное воспевание чувств, а поэтическое признание в любви женщинам, игравшим в его жизни значительную роль.

В первый раз влюбился Маяковский довольно поздно: в двадцать лет. Ее звали Мария Денисова, ей исполнилось девятнадцать, она училась на скульптора. Познакомились они в Одессе, у моря. Владимир говорил ей: «Вы Джоконда, которую надо украсть!» Именно Денисовой он посвятил полные страсти строки поэмы «Облако в штанах»: «Мария, ближе! В раздетом бесстыдстве, в боящейся дрожи ли, но дай твоих губ неисцветшую прелесть…»

Давид Бурлюк предупреждал Владимира, что вряд ли эту любовь ожидает счастливый финал: «Я не верю в удачу. Из первой

любви никогда ничего не выходит. Джоконда только произведение. На него можно лишь смотреть, а если она скажет родным, что любит поэта, ее сочтут за помешанную и запрут».
Он оказался прав. Но когда Мария и Владимир расставались в 1913 году, вряд ли они предполагали, что судьба сведет их вновь…

С главной женщиной в своей жизни – с Лилей Брик – Маяковский познакомился в июле 1915 года. К тому времени Владимир уже почти два года ухаживал за ее сестрой Эльзой Триоле. Но стоило ему один раз увидеть Лилю – и его судьба была решена. В первый же вечер он посвятил ей поэму. И дальше он уже не мог жить без нее. А между тем Лиля была замужем за Осипом Бриком, причем вполне счастливо. Но счастливое замужество для нее не исключало отношений с другим мужчиной.

Л. Ю. Брик. Рисунок В. Маяковского. 1916 год

Лиля была умной и хитрой, очень опытной, достаточно жесткой, чтобы укрощать темперамент Маяковского, и достаточно тонкой, чтобы разглядеть в нем мальчика и заботиться о нем по-матерински. К тому же она была пикантна со своей дерзостью, клетчатыми чулками, лисьими хвостами на шали и огромными украшениями. Она была способна играть в теннис обнаженной, но при этом обращалась с Владимиром на «вы», соблюдая «пафос

дистанции». Лиля вспоминала: «Совсем он был тогда еще щенок, да и внешностью ужасно походил на щенка: огромные лапы и голова – и по улицам носился, задрав хвост, и лаял зря на кого попало, и страшно вилял хвостом, когда провинится. Мы его так и прозвали – Щеном».

Лиля сделалась для Владимира не просто желанна, но необходима. Он даже переехал на Надеждинскую улицу, чтобы быть поближе к ней. Уже в старости она говорила: «Это было нападение, Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально. И хотя фактически мы с Осипом Максимовичем жили в разводе, я сопротивлялась поэту. Меня пугали его напористость, рост, его громада, неумная, необузданная страсть. Любовь его была безмерна. Володя влюбился в меня сразу и навсегда…»

Решение о начале серьезных отношений приняла Лиля: когда сочла это приемлемым для себя. А Осип этому решению покорно подчинился. В их семье существовал запрет на выяснение отношений.

Впрочем, сама Лиля Брик заявила, что Осип физически не был ее мужем с 1916 года, а Владимир – с 1925 года. Так ли это на самом деле – никто не знает.

К Осипу Маяковский относился без ревности. Как к другу или брату. В письмах неизменно передавал ему приветы. Так они и жили – будто два законных мужа одной жены. «Супружество втроем» вызывало недоумение у окружающих, но в те времена, когда ломались старые устои и утверждалась новая нравственность, в творческой среде постарались принять и понять трио Маяковского и Бриков. Николай Асеев считал так: «Он выбрал себе семью, в которую как кукушка залетел сам, однако же не вытесняя и не обездоливая ее обитателей. Наоборот, это чужое, казалось бы, гнездо он охранял и устраивал, как свое собственное устраивал бы, будь он семейственником. Гнездом этим была семья Бриков, с которыми он сдружился и прожил всю свою творческую биографию».

Вместе они пережили самые трудные времена, когда практически голодали, и хотя все трое много работали – Маяковский и Лиля на «Окнах РОСТА», для которых он писал стихи и рисовал яркие плакаты, а она раскрашивала эти плакаты по трафарету, – все равно на полноценное питание средств не было, и Лиля заболела от авитаминоза. Но эти же страшные послереволюционные годы оказались и самими в их жизни счастливыми: у них была любовь, было взаимопонимание, были надежды на какое-то невероятно светлое будущее. Время ссор и разочарований друг в друге еще не пришло.

Они оба пробовали новые виды искусства: например, снимались в кино. В 1918 году вместе снялись в киноленте «Закованная фильмой» по сценарию самого Маяковского: правда, пленка сгорела, и от «фильмы» остались лишь несколько фотографий. Но для Владимира кинематограф стал еще одним увлечением, и он появлялся в кино еще дважды: в картинах «Не для денег родившийся» и «Барышня и хулиган» – последний фильм стал единственным с участием Маяковского-актера, сохранившимся до наших дней.

Да и литературный успех Маяковского достиг в эти годы пика. Он наконец получил серьезное признание. Много и плодотворно работал. «Володя писал стихи постоянно, – вспоминала Лиля Брик, – во время обеда, прогулки, разговора с девушкой, делового заседания – всегда! Он бормотал на ходу, слегка жестикулируя. Ему не мешало никакое общество, помогало даже… Если он слышал или появлялись в печати какие-нибудь хорошие новые стихи, он немедленно запоминал их, читал сто раз всем, радовался, хвалил, приводил этого поэта домой, заставлял его читать, требовал, чтобы мы слушали».

Его рубленые, чеканные строки, его громогласное, на крик срывавшееся исполнение отвечало требованиям времени. Публикации собственных стихов вызывали у Маяковского чистый детский восторг. Но едва ли не больше он любил сам читать свои стихи вслух – перед аудиторией. «Неповторима была сама манера и стиль чтения Маяковского, – рассказывал актер Игорь Ильинский, – где сочетались внутренняя сила и мощь его стихов с мощью и силой голоса, спокойствие и уверенность с особой убедительностью его поэтического пафоса, который гремел и парил царственно и вдруг сменялся простыми, порой острыми, почти бытовыми интонациями…»

…

«Неповторима была сама

манера и стиль чтения Маяковского, где сочетались внутренняя сила и мощь его стихов с мощью и силой голоса, спокойствие и уверенность с особой убедительностью его поэтического пафоса, который гремел и парил царственно и вдруг сменялся простыми, порой острыми, почти бытовыми интонациями…»

Маяковский нуждался в Лиле всю свою оставшуюся жизнь. В ее советах, похвалах и критике. Из каждой поездки он писал ей нежнейшие письма, называя ее то Лисой, то Кисом, подписываясь – «твой Щен».

«Дорогой-дорогой, милый, родной и любимый кисячий детик лис. Я дико скучаю по тебе и ужасно скучаю по вас всех (по «вам всем»?)…»

«Дорогой, милый, изумительный и родной Кис… Не забывай меня, мой родненький, я тебя ужасно люблю и я твой ужасно».

«Люблю и целую тебя, родненькая. Пиши, детик!»

Лиля исполняла для Маяковского все функции писательской жены: вычитывала гранки, следила за публикациями, за критическими статьями. А еще она напоминала Владимиру о необходимости навестить мать и сестер, о которых он иной раз забывал, погрузившись в бурную политическую и творческую жизнь. Случалось, что она сама ездила навестить его родственниц, передать им деньги, хотя они-то как раз Лилю не любили, ее отношений с Владимиром не понимали и не принимали.

Мать и сестры считали, что по вине Лили, из-за увлечения ею Владимир так и не женился, не завел детей.

А ведь он нравился женщинам: рослый, могучий, с некрасивым лицом, но удивительными глазами.

«Глаза у него были несравненные, – вспоминал Юрий Олеша, – большие, черные, с таким взглядом, который, когда вы встречались с ним, казалось, только и составляет единственное, что есть в данную минуту в мире. Ничего, казалось, нет сейчас вокруг вас, только этот взгляд существует».

В 1925 году Владимир Маяковский поехал в Америку: путешествие, о котором мечтал еще в детстве. Путь был сложным, окольным: через Францию, Кубу и Мексику, где поэт почти месяц ждал разрешения на въезд в США. Зато дорожных впечатлений

накопилось предостаточно.

Маяковский Владимир и Чуковский Корней с сыном Борисом в Куоккале. 1915 год

В Америке Маяковский имел огромный успех. Он вообще за границей привлекал всеобщее внимание, поскольку казался иностранцам неким человеческим воплощением Советской России – такой большой, грозный, громогласный. Одной из составляющих успеха стал его бурный роман с манекенщицей Элли Джонс.

На самом деле ее звали Елизавета Петровна Зиберт, она родилась в Уфимской губернии, в богатой семье, после революции эмигрировала. Вышла замуж за англичанина Джорджа И. Джонса, вместе они переехали в США. Была красива, поэтому работала на показах мод, как и многие русские эмигрантки. С Маяковским Элли познакомилась на коктейле в Нью-Йорке. Познакомил их Давид Бурлюк: он перебрался в США три года назад, после нескольких лет, проведенных в Японии. Владимир не знал английского языка. Бурлюк попросил Элли стать для Владимира переводчицей. Она согласилась. В тот год ей исполнилось двадцать. В супружестве Элли разочаровалась, жила с мужем порознь. Она мечтала о головокружительной любви, и такую любовь смог ей дать «пролетарский поэт». Элли утверждала, будто видела Маяковского один раз раньше, на

Рижском вокзале, где он стоял у поезда вместе с Лилей Брик, и уже тогда в ее сердце шевельнулось какое-то чувство к нему.

Элли и Владимир быстро стали любовниками, понимая, как мало им отведено времени побыть вместе. Судьба отвела им три месяца. Элли приходила к нему почти каждую ночь. А наутро он ей звонил или даже отправлял телеграммы: «Служанка только что ушла. Твои заколки кричат о тебе!» Маяковский относился к Элли как к восхитительной добыче, гордился и бравировал этой связью, писал: «Нам смешны дозволенного зоны, взвод мужей, остолбеней, цинизмом поражен! Мы целуем беззаконно над Гудзоном ваших длинноногих жен!»

Когда он уезжал в Россию, Элли еще не знала, что беременна. В порту, провожая поэта, она с трудом сдерживала слезы. А вернувшись домой – обнаружила, что ее кровать вся усыпана незабудками: прощальный привет Маяковского.

Элли родила девочку, которую назвала Элла-Патриция. Маяковскому об этом сообщила, но вообще старалась хранить все в тайне. Владимир тоже хранил молчание о том, что у него в Америке родилась дочь. И все равно какие-то слухи в богемной среде курсировали, кто-то видел у Маяковского фотографию маленькой девочки, и Николай Асеев написал: «Только ходят слабенькие версийки, слухов пыль дорожную крутя, будто где-то в дальней-дальней Мексике от него затеряно дитя».

Владимир всего один раз видел свою дочь: в 1928 году, в Ницце, куда Элли привезла девочку на лечение. А вскоре Элли ему написала: «Рвите те мои глупые письма, если они еще целы». И уничтожила все его письма, рисунки и телеграммы. От их четырехлетней переписки уцелели пять писем, две открытки и надписанный конверт. Своей приятельнице Соне Шамардиной Владимир как-то раз сказал: «Я никогда не думал, что можно так тосковать о ребенке. Девочке уже три года, она больна рахитом, а я ничего не могу для нее сделать!»

После гибели Маяковского Лиля Брик пыталась разыскать его дочь. Но Элли Джонс не пожелала с ней встретиться. Она всю жизнь очень боялась, что девочку у нее отнимут и увезут в СССР: ведь она – дочь главного советского поэта! Изо всех сил скрывала ее происхождение. Правда стала известна только после ее смерти, когда сама Элла-Патриция (невероятно похожая на Владимира Владимировича) решилась ее рассказать.

В 1926 году Владимир Маяковский снова встретился с героиней «Облака в штанах» – Марией Денисовой.

Пожалуй, из всех женщин Маяковского она была самой яркой и выдающейся личностью. Она стала героиней Гражданской войны, пережила три тифа и несколько ранений. Солдаты

говорили, что «черт из ее глаз смотрит», и побаивались Марию. После войны Мария стала прекрасным скульптором и вышла замуж за красного командира Ефима Щаденко: его впоследствии назначили заместителем наркома обороны СССР

И Мария, и Владимир были уже зрелыми людьми, признанными каждый в своем творчестве. Мария лепила потрет Маяковского, который назвала просто «Поэт». Не всем нравилась эта ее работа. Маяковскому она объясняла: «Работа «Поэт» построена на остром угле – да и по существу Вы остро-угольный».

Они стали любовниками. С мужем у Марии к тому времени назрел серьезный конфликт: Ефим Щаденко требовал, чтобы жена больше времени уделяла семье, материнским обязанностям, а не проводила целые дни в мастерской. Зато Маяковский ее поддержал – и морально, и материально. Мария ушла от мужа, поселилась в общежитии. Несколько месяцев длились ее почти идиллические отношения с Маяковским. Но Щаденко вмешался решительно и жестко: то пугал самоубийством, то угрожал, что никогда больше не позволит ей встретиться с дочерью. Мария вернулась.

Она высоко ценила поэзию Маяковского. Писала ему: «Благодарю, дорогой, за защиту женщины от домашних «настроений» мужей-партийцев. Здорово помогает и «Баня», и «Клоп». Доходит. Хороший бич – слово, сарказм».

В другом письме – переживала за его пошатнувшееся здоровье: «Прошу, берегите свое здоровье – мне очень печально было узнать, что Вы стали сдавать – конечно, в смысле здоровья – т. к. ясно – литературно вы на правильном пути. Хотелось бы еще одной-две монументальной работы… Берегите, дорогой мой, себя. Как странно, Вы обеспечены, а не можете окружить себя обстановкой и бытом, который бы дольше сохранил Вас – нам. Что с глазами? Крепко жму Вашу руку, мой всегда добрый и близкий…»

Действительно, Владимир в тот период часто болел. У него выпали все зубы, а вставные причиняли дискомфорт; он постоянно простужался и температурил; начало ухудшаться зрение. О том, чтобы обустроить комфортный быт, речи просто не шло: у поэта даже отдельной квартиры не было – жил в комнате на Лубянке. К бытовой стороне жизни он всегда оставался безразличен.

Роман с Марией Денисовой-Щаденко завершился в 1927 году, но дружба продолжалась. Тайком от мужа Маяковский помогал ей: давал деньги на необходимый для скульптора мрамор.

…Если главной женщиной в жизни Маяковского всегда оставалась Лиля Брик, то второй по значимости стала красавица-

эмигрантка Татьяна Яковлева.

День его знакомства с Татьяной Яковлевой известен точно: 25 октября 1928 года. Познакомила их сестра Лили Брик – Эльза Триоле. Позже она вспоминала: «Я познакомилась с Татьяной перед самым приездом Маяковского в Париж и сказала ей: «Да вы под рост Маяковскому». Так, из-за этого «под рост», для смеха, я и познакомила Володю с Татьяной. Маяковский же с первого взгляда в нее жестоко влюбился». Художник В.И. Шухаев, живший тогда в Париже, тоже вспоминал: «Это была замечательная пара. Маяковский очень красивый, большой. Таня тоже красавица – высокая, стройная под стать ему».

Татьяна уехала из России в Париж по вызову дяди, популярного во Франции художника Александра Яковлева, за полтора года до встречи с Маяковским. Познакомились бы они в Москве – быть может, все бы сложилось иначе… А может, Маяковский просто не заметил бы Татьяну. В России она болела туберкулезом, во Франции успешно вылечилась. Она всегда была хороша собой, но только в Париже получила ту оправу, в которой нуждается женская красота и на которую так падки мужчины, даже пламенные революционеры: «Представьте: входит красавица в зал, в меха и бусы оправленная…» Роман Якобсон отмечал: «тогдашняя мода – меха и бусы – ей очень к лицу». Татьяна успешно работала моделью и сама моделировала шляпки. Владимир называл Татьяну «русской красавицей парижской чеканки». В стихотворении «Письмо к Татьяне Яковлевой» писал: «Мы теперь к таким нежны – спортом выпрямишь не многих, – вы и нам в Москве нужны, не хватает длинноногих…»

Лиля Брик за монтажом фильма. 1928 год

Маяковский влюбился страстно, безоглядно, тут же предложил Татьяне выйти за него замуж и уехать с ним в Москву. Она отказалась. Владимир оскорбился: он же совершенно не выносил, когда им пренебрегали, а тут – женщина, от которой он был просто без ума! Он, великий советский поэт, привыкший к восторгу и поклонению!

Нельзя сказать, что Татьяна совсем никаких чувств к Маяковскому не испытывала. После его отъезда 24 декабря 1928 года Яковлева написала матери в Россию: «Он такой колоссальный и физически, и морально, что после него – буквально пустыня. Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след…» Но Татьяна была слишком разумна, чтобы

бросить комфортный парижский быт и вернуться в неблагоустроенный московский. К тому же в ее жизни имелись другие мужчины. Матери она писала: «У меня сейчас масса драм. Если бы я даже захотела быть с Маяковским, то что стало бы с Илей, и кроме него есть еще 2-ое. Заколдованный круг». Один из этих неназванных двоих – стареющий Федор Шаляпин, в которого Татьяна была влюблена сильнее, чем в Маяковского, и, бросив поэта в Париже, она на два дня уехала в Барселону, на гастроли певца. Второй – ее будущий муж виконт Бертран дю Плесси.

А еще Татьяна понимала, что в Москве рядом с Владимиром снова окажется Лиля Брик и что ее власть над поэтом огромна. Даже считая себя безумно влюбленным в Татьяну, Владимир продолжал думать и говорить о Лиле. Татьяна помогала ему выбирать для Лили подарки. Маяковский хлопотал о приобретении для Лили «машинки», как он называл ее в письмах: Брик мечтала о собственном автомобиле, что для России тех лет было невероятной роскошью. Владимир яростно добивался от Татьяны взаимности, но продолжал регулярно писать Лиле: «Мой дорогой и родной Кисит… Целую тебя, родненькая, и миленькая, и любименькая…» Яковлева об этих письмах знать не могла, но видимо – чувствовала, что полностью Владимир ей не принадлежит и принадлежать никогда не будет.

Перед отъездом в Россию Маяковский оплатил заказ в парижской оранжерее: регулярно посылать Татьяне Яковлевой цветы – от него. Снова в Париж он вернулся в феврале 1929 года, пробыл два месяца. Снова предлагал Яковлевой руку и сердце. Прямого отказа с ее стороны не было, но отвечала она уклончиво. И уехать вместе с ним она опять отказалась.

В разлуке они переписывались. Владимир жаждал новой встречи и теперь уже собирался завладеть Татьяной полностью и окончательно. «Я все равно тебя когда-нибудь возьму – одну или вдвоем с Парижем», – обещал Маяковский. Но не взял. Не удалось. Осенью 1929 года Яковлева вышла замуж. Об этом Эльза Триоде написала Лиле Брик, та рассказала Маяковскому, но поэт… не поверил. Не желал верить. Он все еще надеялся, что они с Татьяной будут вместе.

Владимир нетерпеливо мечтал о поездке в Париж. Но ему все никак не давали визу. Наталья Брюханенко вспоминала: «В январе 1929 года Маяковский сказал, что влюблен и застрелится, если не сможет вскоре увидеть эту женщину».

После самоубийства поэта Василий Каменский писал матери Татьяны Яковлевой: «Одно ясно – Таня явилась одним из слагаемых общей суммы назревшей трагедии. Это мне известно от Володи: он долго не хотел верить в ее замужество. Полонская

особой роли не играла».

Последнее серьезное увлечение Маяковского – Вероника Полонская – была дочерью Витольда Полонского, знаменитейшего из артистов русского немого кино, и Ольги Гладковой, актрисы Малого театра. Еще девочкой она снималась вместе с отцом. Потом отец умер, но Вероника уже не мыслила для себя иной карьеры, кроме артистической. С Маяковским она познакомилась, когда стала актрисой МХАТа. И – женой актера Михаила Яншина. Влюбленность поэта в жену и дружба его с мужем развивались параллельно. Казалось, повторяется ситуация с Бриками.

Собственно знакомство произошло на бегах. Маяковского и Полонскую представил друг другу Осип Брик. Тем же вечером они встретились снова, и поэт шокировал Веронику словами: «Почему вы так меняетесь? Утром, на бегах, были уродом, а сейчас – такая красивая…»

Вероника Полонская рассказывала, что всего через несколько дней после знакомства они впервые стали близки. А когда после случившегося Маяковский провожал ее домой, он станцевал прямо на улице комическую мазурку. Но особенно счастливыми их отношения не были. Полонская вспоминала: «Я не помню Маяковского ровным, спокойным: или он искрящийся, шумный, веселый, удивительно обаятельный, все время повторяющий отдельные строки стихов, поющий эти стихи на сочиненные им же своеобразные мотивы, – или мрачный и тогда молчащий подряд несколько часов. Раздражается по самым пустым поводам. Сразу делается трудным и злым».

Вряд ли чувство Маяковского к Веронике было серьезным. Да, он желал ее и восхищался ее красотой. Он говорил: «Когда она входит в комнату, все становится светлее». Но на самом деле Владимир рвался в Париж, к Яковлевой. И настаивать на том, чтобы Полонская бросила мужа и вышла за него, Маяковский стал, только когда услышал о замужестве Татьяны.

Однако в предсмертной своей записке Полонскую он упомянул. А Яковлеву – нет.

Что стало истинной причиной его самоубийства?

Вряд ли можно назвать что-то одно. Любовные неудачи с Яковлевой и с Полонской, конечно, сыграли свою роль. И участившиеся болезни. И ужас перед надвигающейся старостью: ведь он боялся старости, называл ее «смерть в рассрочку», говорил: «Смерть не страшна, страшна старость, старому лучше не жить». Вроде бы бояться старости ему было рановато… Но Лиля Брик, которая знала его лучше, чем кто бы то ни было другой, как-то сказала: «Маяковский все переживал с

гиперболической силой – любовь, ревность, дружбу». И предвкушение старости – тоже.

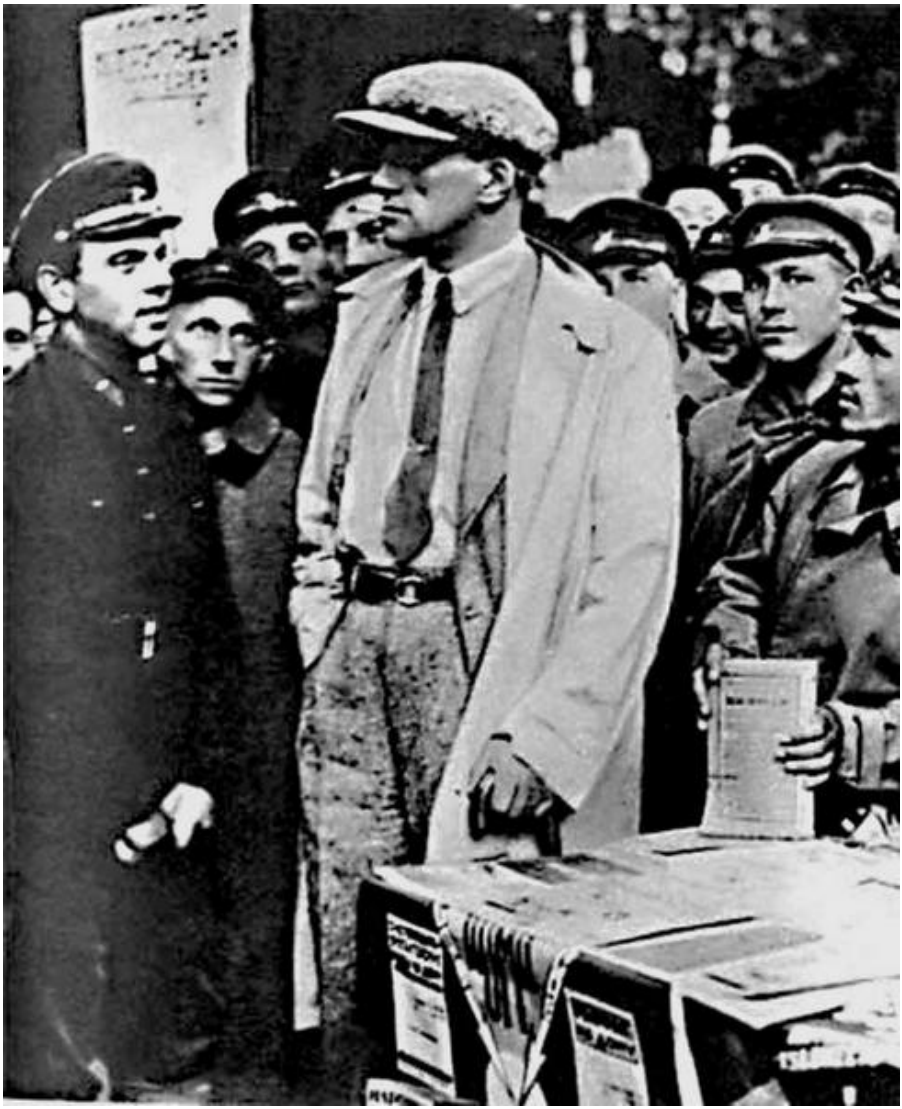
Однако главным для Маяковского всегда было его творчество. Он ушел, когда понял, что его вот-вот свергнут с поэтического Олимпа. Ушел из жизни, чтобы остаться в поэзии.

Официально он еще оставался главным певцом Революции. Но властьпредержащие уже начали проявлять холодность, чуткие подхалимы это приметили, а все, кто искренне не принимал поэзию Маяковского, наконец смогли об этом сказать: еще не «во весь голос», но все же – вслух. Во время его творческих вечеров зрители откровенно зевали, а то и освистывали поэта.

В начале 1930 года была организована выставка, посвященная двадцатилетию творческой деятельности Маяковского. Он к ней готовился как к празднику, сам придумал оформление, отбирал плакаты из «Окон РОСТА», которые считал образцовыми для своего творчества. На выставку пришла восторженная молодежь, но вот собратья по перу не явились выразить почтение «пролетарскому поэту». «Ни одного представителя литературных организаций не было, – вспоминает А.Т. Бромберг. – Никаких официальных приветствий в связи с двадцатилетием работы поэта не состоялось». Обиженный Маяковский заявил во всеуслышание: «Нет писателей? И это хорошо! Но это надо запомнить».

Сходная ситуация повторилась, когда выставка переехала в Ленинград: на открытии не было руководителей ЛАПП. «Никогда не забуду, – вспоминала поэтесса Ольга Берггольц, – как в Доме печати на выставке Владимира Владимировича «Двадцать лет работы», которую почему-то почти бойкотировали «большие» писатели, мы, несколько человек сменовцев, буквально сутками дежурили около стендов, физически страдая оттого, с каким грустным и строгим лицом ходил по пустующим залам большой, высокий человек, заложив руки за спину, ходил взад и вперед, словно ожидая кого-то очень дорогого и все более убеждаясь, что этот дорогой человек не придет».

Академик Луначарский сказал своей жене, что у Маяковского во время выставки был пугающе больной и усталый вид, и добавил: «Мне сегодня показалось, что он очень одинок».



В. Маяковский на книжном базаре среди красноармейцев. 1929 год

Владимир Владимирович в это время действительно был одинок: Лиля и Осип Брик уехали в Лондон, Маяковский остался без привычной поддержки. К тому же расстались они практически в состоянии ссоры. Навещая мать Маяковского перед отъездом, Лиля сказала: «Володя стал невыносим. Я так устала! Мы с Осей решили съездить в Лондон к маме». Если бы Лиля находилась рядом с ним, наверняка все бы обошлось. Она умела справляться с его депрессивными порывами. Но ее не было…

За четыре дня до смерти Маяковский выступал перед студентами-экономистами. Выступление превратилось в настоящую катастрофу.

Анатолий Мариенгоф вспоминал:

«Маяковский закинул голову:

– А вот, товарищи, вы всю жизнь охать будете: «При нас-де жил гениальный поэт Маяковский, а мы, бедные, никогда не слышали, как он свои замечательные стихи читал». И мне, товарищи, стало очень вас жаль…

Кто-то крикнул:

– Напрасно! Мы не собираемся охать, – зал истово захохотал…

– Мне что-то разговаривать с вами больше не хочется. Буду сегодня только стихи читать…

И стал хрипло читать: «Уважаемые товарищи потомки! Роясь в сегодняшнем окаменевшем говне, Наших дней изучая потемки, вы, возможно, спросите и обо мне…»

– Правильно! В этом случае обязательно спросим! – кинул реплику другой голос…

Маяковский славился остротой и находчивостью в полемике. Но тут, казалось, ему не захотелось быть находчивым и острым. Еще больше нахмуря брови, он продолжал: «Профессор, снимите очки-велосипед! Я сам расскажу о времени и о себе. Я, ассенизатор и водовоз…»

– Правильно! Ассенизатор!

Маяковский выпятил грудь, боево, по старой привычке, засунул руки в карманы, но читать стал суше, монотонней, быстрей. В рядах переговаривались. Кто-то похрапывал, притворяясь спящим. А когда Маяковский произнес: «Умри, мой стих…» – толстощекий студент с бородкой нагло гаркнул:

– Уже подох! Подох!..»

Домой Маяковский вернулся совершенно разбитым. Последующие дни ходил мрачный, погруженный в себя. Видимо, он уже обдумывал самоубийство. Во всяком случае, предсмертную записку он написал 12 апреля, а потом прожил еще два дня.

«Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет. Лиля – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят —

«инцидент исперчен»,

любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.
Счастливо оставаться.
Владимир Маяковский.

12/IV-30 г. Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным. Сериозно – ничего не поделаешь. Привет. Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться. В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог. Остальное получите с Гиза. В. М.»

Знаменитое это письмо выглядит пугающе несерьезным. Словно писал ребенок, желающий «умереть всем назло», а потом из гроба посмотреть, как эти «все» будут плакать. Он даже хотел «доругаться» – словно надеялся, что после самоубийства воскреснет.

Лиля Брик. Рига. 1921 год.

Суицидальные настроения у Владимира Владимировича случались и раньше. Еще в 1915 году в стихотворении «Страсти Маяковского» он писал: «А сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою. В бессвязный бред о демоне растет моя тоска. Идет за мной, к воде манит, ведет на крыши скат…» Но прежде рядом с ним всегда находился кто-то, кто мог его остановить. Сначала – мама. Потом – Бурлюк. Потом – Лиля…

13 апреля Маяковский присутствовал на домашней вечеринке у Валентина Катаева. Вел себя непривычно, казался притихшим, пришибленным. Катаев решил, что Владимир Владимирович снова болен, и предложил ему остаться заночевать. Маяковский отказался.

На вечеринку пришла и Вероника Полонская. Катаев позже вспоминал: «…глаза были устремлены через стол на Нору Полонскую – самое последнее его увлечение, – совсем молоденькую, прелестную, белокурую, с ямочками на розовых щеках, в вязаной тесной кофточке с короткими рукавчиками, что придавало ей вид скорее юной спортсменки… чем артистки

Художественного театра вспомогательного состава… С немного испуганной улыбкой она писала на картонках, выломанных из конфетной коробки, ответы на записки Маяковского, которые он жестом игрока в рулетку время от времени бросал ей через стол… Картонные квадратики летали через стол над миской с вареньем туда и обратно. Наконец конфетная коробка была уничтожена. Тогда Маяковский и Нора ушли в мою комнату. Отрывая клочки бумаги от чего попало, они продолжали стремительную переписку, похожую на смертельную молчаливую дуэль. Он требовал. Она не соглашалась. Она требовала – он не соглашался. Вечная любовная дуэль. Впервые я видел влюбленного Маяковского. Влюбленного явно, открыто, страстно. Во всяком случае, тогда мне казалось, что он влюблен. А может быть, он был просто болен и уже не владел своим сознанием…».

Сама Вероника Полонская рассказывала, что поэт в тот вечер был с ней груб, проявлял несдержанность и ревность.

Наутро он заехал за ней – отвезти ее на репетицию в театр. Но вместо театра они отправились к нему домой, в комнату на Лубянке, где выяснение отношений продолжилось. Полонская вспоминала: «Владимир Владимирович быстро заходил по комнате. Почти бегал. Требовал, чтоб я с этой же минуты осталась с ним здесь, в этой комнате. Ждать квартиры нелепость, говорил он. Я должна бросить театр немедленно же. Сегодня же на репетицию мне идти не нужно. Он сам зайдет в театр и скажет, что я больше не приду. Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас. Я по-человечески люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так. И театра я не брошу и никогда не смогла бы бросить… Вот и на репетицию я должна и обязана пойти, и я пойду на репетицию, потом домой, скажу все… и вечером перееду к нему совсем. Владимир Владимирович был не согласен с этим. Он продолжал настаивать на том, чтобы все было немедленно или совсем ничего не надо. Еще раз я ответила, что не могу так…»

Попрощался он с ней неожиданно нежно. Но проводить отказался. Дал 20 рублей на такси. Но Вероника успела пройти всего несколько шагов до парадной двери, когда прозвучал выстрел.

«У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но очевидно, я вошла через мгновенье: в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди его было крошечное кровавое пятнышко. Я помню, что бросилась к нему и только повторяла

бесконечно:

– Что вы сделали? Что вы сделали?

Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые…»

Маяковский выстрелил себе в область сердца. «Скорая» приехала моментально, но поэт был уже мертв.

15 апреля 1930 года в газетах появилось сообщение: «Вчера, 14 апреля, в 10 часов 15 минут утра в своем рабочем кабинете (Лубянский проезд, 3) покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт еще не совсем поправился».

Лиля с *сестрой Эльзой.*

Знакомые Маяковского были шокированы известием о его самоубийстве, некоторые даже не желали поверить, принимали за розыгрыш, когда им звонили и сообщали… Тяжелее всего

пережила его гибель Мария Денисова-Щаденко: она впала в глубокую депрессию, завершившуюся в конце концов самоубийством. Похороны поэта конечно же превратились в митинг. Однако в первые годы после гибели его произведения практически не переиздавались. В 1936 году Лиля Брик обратилась к И.В. Сталину с просьбой о содействии в сохранении памяти Маяковского, издании сочинений поэта, организации его музея. В резолюции на ее письмо Сталин назвал Маяковского «лучшим талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Так началась его посмертная слава. Странная слава: Маяковский стал поэтом, обязательным для изучения, но из-за этого – все менее любимым, уж слишком сложны и неоднозначны его стихи.

Б. Пастернак, Л. Брик, В. Маяковский, С. М. Эйзенштейн

После самоубийства поэта Лиля писала сестре Эльзе Триоле, той самой, которая когда-то познакомила ее с Маяковским, а теперь стала женой писателя-коммуниста Луи Арагона:

«Любимый мой Элик! Я знаю совершенно точно, как это случилось, но для того, чтобы понять это, надо было знать Володю так, как знала его я. Если б я или Ося были в Москве, Володя был бы жив.

Стихи из предсмертного письма были написаны давно, и мне они совсем не собирались оказаться предсмертными:

«Как говорят, «инцидент исперчен»,
Любовная лодка разбилась о быт,
С тобой мы в расчете, и ни к чему перечень
Взаимных болей, бед и обид».

Обрати внимание, «С тобой мы в расчете», а не «Я с жизнью в расчете», как в предсмертном письме. Стрелялся Володя как игрок, из совершенно нового, ни разу не стреляного револьвера; обойму вынул, оставил одну только пулю в дуле – а это на пятьдесят процентов осечка. Такая осечка уже была 13 лет тому назад, в Питере. Он во второй раз испытывал судьбу. Застрелился он при Норе, но ее можно винить как апельсинную корку, о которую поскользнулся, упал и разбился насмерть».

Маяковский уже после своей смерти спас жизнь Лили.

Быть может, даже не один раз… Но об одном случае известно наверняка: в 1938 году Лиля Юрьевна Брик оказалась в списке подлежащих аресту особо значимых персон, который предъявлялся на утверждение лично товарищу Сталину, и по легенде – Сталин собственноручно ее из имя из этого списка вычеркнул со словами: «Не будем трогать жену Маяковского».

Может быть, это и вымысел. Однако факт: Лилю Брик не трогали ни во время ежовских чисток, ни позже, ни даже в период борьбы с «космополитами».

Осип Брик скончался в 1945 году.

«Когда застрелился Володя Маяковский – погиб он. Когда умер Ося – умерла я», – сказала Лиля.

Но она прожила еще тридцать три года.

Лиля Юрьевна заявляла: «Я всегда любила одного – одного Осю, одного Володю, одного Виталия и одного Васю…»

Она считала, что у нее было четыре мужа: Осип Брик, Владимир Маяковский, Виталий Примаков и Василий Катанян.

Виталий Примаков был видный советский военачальник, в Гражданскую – командир красного казачества, во время романа с Лилей – заместитель командующего Ленинградским военным округом. Он тоже сожительствовал с Лилей – при молчаливом и неизменном присутствии Осипа Брика. Его расстреляли в 1937 году.

А Василий Катанян был литератором, издателем Маяковского, моложе Лили Юрьевны на одиннадцать лет. Они сблизились сначала на почве изучения стихов, а потом… Потом Катанян так влюбился, что ушел от жены, забрав сына, и прожил с Лилей Юрьевной в счастливом браке целых сорок лет. Женщины не понимали, чем Лиля так пленила его. Мужчины – завидовали.

Ученик Строгановского училища. Москва. 1910 год.

Николай Пунин записал в дневнике после встречи с Лилей: «Зрачки ее переходят в ресницы и темнеют от волнения; у нее торжественные глаза; есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками… Муж оставил на ней сухую самоуверенность, Маяковский – забитость, но эта «самая обаятельная женщина» много знает о человеческой любви и любви чувственной. Ее спасает сила любви, определенность

требований…» Леонид Зорин вспоминал ее, уже немолодую: «Лиля Юрьевна была яркой женщиной. Она никогда не была красивой, но неизменно была желанна. Ее греховность была ей к лицу, ее несомненная авантюрность сообщала ей терпкое обаяние; добавьте острый и цепкий ум, вряд ли глубокий, но звонкий, блестящий, ум современной мадам Рекамье, делающий ее центром беседы, естественной королевой салона; добавьте ее агрессивную женственность, властную тигриную хватку – то, что мое, то мое, а что ваше, то еще подлежит переделу, – но все это вместе с широтою натуры, с демонстративным антимещанством – нетрудно понять ее привлекательность…»

В.В. Маяковский. 1930 год

Инна Генс, невестка Лили Юрьевны, то есть жена ее пасынка Василия Васильевича Катаняна, знала ее достаточно близко и стала одной из немногих женщин, кто поминал Брик добрыми словами: «Нет, даже в молодости в обычном смысле этого слова красивой она не была. У нее были прекрасные лучистые глаза, но фигура была не из лучших. У нее были тонкие ножки, которые она с присущим ей вкусом тщательно скрывала под длинными

юбками или брюками. Ведь она была первой женщиной в Москве, надевшей брюки. Вообще вкус у нее был отменным. Но ее мистическое обаяние заключалось главным образом в том, что она была великолепным собеседником. Разговаривая с мужчиной, она как бы погружалась в него, жила только его интересами, а кому из мужчин это не польстит? Кроме того, она была очень образованным человеком, могла беседовать на самые разные темы. И всегда шикарно и модно одевалась. Никто никогда не видел ее непричесанной, неухоженной или небрежно одетой. Я провела с Лилей Юрьевной 15 лет, после того как вышла замуж за Василия Катаняна, и, даже живя вместе на даче в Переделкине, не могла не удивляться, как она следит за собой: тщательно, но так, что посторонние этого не замечали. А в том, каким вниманием она окружала каждого, кто с ней сталкивался, Лиля Юрьевна была несравненна. И неудивительно, что ее последний муж Василий Абгарович Катанян, мой свекор, ушел от красавицы-жены, оставив ее с подростком сыном, прожил с Лилей Юрьевной 40 лет и до последнего ее дня боготворил Лилю в полном смысле этого слова. И даже мой муж, который очень любил мать и болезненно переживал уход отца из семьи, благодаря такту и доброте Лили Юрьевны тоже очень привязался к ней, сохранив на всю жизнь не только уважение, но и восхищение ею…»

Лиля Юрьевна регулярно ездила за границу. Чаще всего – в Париж к сестре. Но и не только в Париж… Злословили, что Лиля Брик ездит за границу чаще, чем в санаторий. По-прежнему много общалась с представителями творческой элиты – как советской, так и антисоветской. Принимала активное участие в судьбе режиссера Сергея Параджанова, осужденного за гомосексуализм. Поддерживала молодого Андрея Вознесенского.

К старению и смерти Лиля Юрьевна относилась, как к явлениям естественным и неизбежным.

В 1970 году записала в дневнике: «Приснился сон – я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: «Все равно ты то же самое сделаешь»…»

Сон оказался вещим.

Василий Васильевич Катанян вспоминал:

«12 мая 1978 года, рано утром, ЛЮ упала возле кровати и сломала шейку бедра. В преклонном возрасте – а ей было почти 87 лет – это не заживает, и больной обречен на постельный режим. От операции она решительно отказалась. Летом мы перевезли ее на дачу в Переделкино… В школьной тетрадке, которая лежала у нее на кровати, она написала слабеющим почерком:

«В моей смерти прошу никого не винить. Васик! Я боготворю тебя. Прости меня. И друзья, простите. Лиля».

И, приняв таблетки, приписала:

«Нембутал, нембут…»

Она не хотела, чтобы ее хоронили в земле. «Я завещаю после смерти меня не хоронить, а прах развеять по ветру, – при жизни говаривала Лиля Юрьевна знакомым. – Знаете почему? Обязательно найдутся желающие меня и после смерти обидеть, осквернить мою могилу…» Поэтому тело ее кремировали, а прах развеяли в подмосковном поле.

Владимир Маяковский. 1918 год

…Когда рухнуло Советское государство, под обломками идеологии едва не оказалось погребено и творчество Владимира Маяковского, слишком активно популяризируемое и оттого напрямую ассоциирующееся у читателей с Советской властью. Но верно сказала Марина Цветаева: «Когда мы говорим о Маяковском, оборачиваться нам, а может быть, нашим внукам,

придется не назад, а вперед. Говоря о поэте, дай нам Бог помнить о веке».

О веке – и о женщинах, которых он любил и которые его вдохновляли.

Особенно о той, которая стала для него самой главной.

Михаил Чехов и Ольга Книппер: «Что за странное чувство!»

...

Михаил Чехов и Ольга Книппер

♦ *Чехов Михаил Александрович (16 августа 1891 Петербург – 01 октября 1955 Голливуд), выдающийся русский актер, режиссер, педагог. Вероятно, самый знаменитый русский актер начала XX века.*

♦ *Книппер Ольга Константиновна (13 апреля 1897, Александрополь, Российская империя (ныне Гюмри, Армения) – 9 марта 1980, Мюнхен), выдающаяся немецкая актриса, советская разведчица, косметолог.*

♦ *Он – чувствительный, ранимый, непостоянный, психически нестабильный, увлекающийся, эгоцентричный, слабовольный.*

♦ *Она – умная, хладнокровная, упрямая, волевая, предприимчивая, бесстрашная.*

♦ *Женаты, обвенчаны. Родные были против их брака. Они сбежали, чтобы тайно обвенчаться.*

♦ *Их любовь была взаимным и пылким, но недолгим юношеским увлечением, имевшим однако же серьезные последствия.*

♦ *Один ребенок: Ольга Михайловна Чехова, домашнее имя – Ада (1916–1966).*

♦ *Михаил Александрович изменял Ольге Константиновне неоднократно, в том числе со своей*

будущей второй женой Ксенией Зиммер. Ольга Константиновна изменила Михаилу Александровичу, когда решила уйти от него: со своим будущим вторым мужем Фридрихом Яроши.

♦ *Были вместе с 1914 по 1918 год. Расстались, разочаровавшись друг в друге и в супружестве, но на протяжении оставшейся жизни время от времени общались – их связывала любовь к дочери.*

…

Он был гениальным актером и, возможно, безумцем. Она – редкостной красавицей с уникальной силой воли. Он трижды сделал блестящую театральную карьеру: в России, в Европе и в США. И она тоже прожила не одну, а целых три жизни… Жизнь киноактрисы, с которой немногие могли сравниться в популярности и «долговечности». Жизнь разведчицы, умудрившейся не «рассекретиться» не только при жизни, но и долго после смерти. А еще – просто жизнь красивой, очень красивой женщины, которая сама по себе могла бы стать

сюжетом авантюрного романа или телесериала… Даже если бы не было в жизни Ольги Книппер ни кино, ни разведки! Ни даже первого мужа – гениального Михаила Чехова.

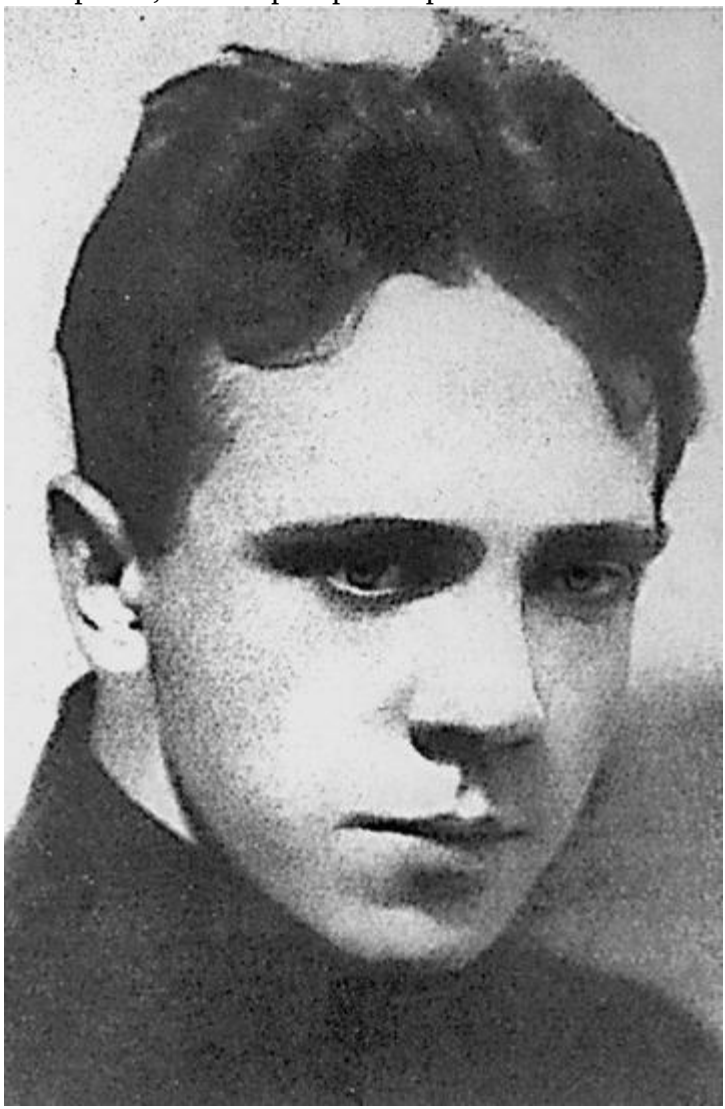
Книппер и Чеховы

Историю любви Ольги Константиновны Книппер и Михаила Александровича Чехова невозможно рассказать без краткого экскурса в историю взаимоотношений двух семейств «русских немцев» Книпперов и просто русских Чеховых.

Ольга Чехова

Фамилия «Книппер» может иметь как немецкие, так и шведские корни, происходит от слова «книппен» – «щипать», то есть от названия профессии, распространенной в городах с верфями: «щипальщик». На Балтийском море таких городов было много и фамилия оказалась распространенной. И не только в прибалтийских странах, но и в Петербурге: когда-то, в конце 18 столетия, какой-то Карл Книппер держал в Петербурге, на Царицыном лугу, театр, называемый «Вольным Российским театром». Впрочем, этот театральный Карл Книппер не имеет никакого отношения к нашим театральным Ольге Леонардовне и

Ольге Константиновне, и прочим театральным Книпперам этой семьи. Даже не родственник – просто однофамилец. Книпперы из этой семьи вообще частенько встречали своих однофамильцев (правда, иногда с одним «п» – «Книпер»), о чем свидетельствует в своей книге Владимир Книппер. Были среди Книпперов даже дворяне. Но к тем Книпперам, к числу которых относилась девочка Оля, будущая кинозвезда и «государственная актриса» Третьего рейха, Книпперы-аристократы отношения не имели.



Михаил Чехов

…

«Внимание – есть процесс. М. Чехов».

Дедушка Ольги Константиновны Книппер-Чеховой почтеннейший Август Книппер был слесарем. Жил в Саарбрюккене. Держал небольшую кузнечно-слесарную мастерскую. Носил синюю блузу слесаря и кожаный фартук кузнеца. Работал с раннего утра до поздней ночи – как и положено праведному немцу-лютеранину: для лютеран именно в непрестанном труде состоит служение Господу, а не в молитвах, постах и благочестивых размышлениях, как у представителей других религий. В подмастерьях у Августа Книппера состоял подросток-сирота: тоже дело богоугодное – сироту пригреть и ремеслу обучить. Человек он был очень добрый, неизменно спокойный, говорил негромко и никогда не делал резких движений – ни в прямом, ни в переносном смысле. Вечерами после рабочего дня сидел в любимом кресле – огромном, кожаном – и читал: тоже медленно – по нескольку страничек в день. Внуки вспоминали, что сбоку от дедушкиного кресла на гвоздике всегда висела хлопушка для мух: мухи были единственными тварями, которых тишайший Август Книппер ненавидел и весьма сноровисто убивал. Ну, чем не Карл Иванович из «Детства» Льва Николаевича Толстого? Как и большинство немцев, Август Книппер очень ценил порядок и чистоту, а мух считал разносчиками грязи и всяческой заразы. По воскресеньям Август Книппер надевал парадный черный сюртук и высокий цилиндр и шел в церковь под руку с супругой, тоже принаряженной – в чепце с кружевами и с кружевной косынкой на плечах. Потом следовал торжественный семейный обед с неизменным национальным сладким блюдом – яблоками с сахаром и корицей, запеченными в тесте. А вечером – чтение

вслух глав из Библии. Когда жена умерла, Август Книппер стал после церкви ходить на семейные обеды к замужней дочери, где и проводил время до позднего вечера – чтобы было кому в положенный час читать главы из Библии. И только после чтения возвращался в свой пустой дом. Прожил Август Книппер очень долго и умер в глубокой старости.

Судя по фотографии – внешность Август Книппер имел настолько образцово-немецкую, что во времена Третьего рейха, до которых он, на свое счастье, не дожил, он мог бы служить моделью для изображения рабочего на плакате «Все для фронта, все для победы!» – имеется в виду их фронта и их победы… Тогда как почтеннейший Август Книппер тяготел к России и дети его были русскими немцами. Но вот ирония судьбы: его такое немецкое лицо с четкими, будто бы вырубленными из камня чертами и ярко-голубыми глазами, лицо, которое могло бы быть образцом для агитационного плаката, через энное количество лет проступит в тонком и нежном личике правнучки, девочки Оли, которая станет тем самым агитационным символом – правда, не на плакатах, а в кино.

Жена прадедушки Августа Марта Элленгер – рано состарившаяся, очень активная, но вместе с тем строгая женщина. Несмотря на то что по крови она была венгеркой, Марта Книппер являла собой образец немецкой жены: то есть все интересы и заботы ее ограничивались тремя «К» – киндер, кюхе, кирха. Киндер – детей – было трое: Август, Тереза и Леонард.

Старший сын, Август, женился на француженке, стал виноторговцем и всю жизнь прожил в Меце. Говорили в доме только по-французски. Супругу звали Жозефина, детей – Анри и Матильда, и фамилию «Книппер» виноторговец из Меца переиначил на французский лад: «Книппере» с ударением на последнюю гласную.

Дочь Тереза вышла замуж в родном Саарбрюккене тоже почему-то за виноторговца, и – еще ирония судьбы! – у него была французская фамилия, хоть он и считал себя немцем: Фридрих Шато. У них было трое детей – Ида, Матильда и Фриц. Жили очень богато, но несчастливо: Фридрих Шато оказался очень жестоким человеком со старо-прусским взглядом на воспитание детей. С рождением первого же ребенка – дочки Иды – он повесил в гостиной особую жесткую плетку, называемую «карабач». И этой плеткой он нещадно сек детей за малейшие провинности. Дети росли запуганными. Отца они ненавидели. И племянники, дети брата Леонарда: Константин, Ольга, Владимир и Леонид, иногда приезжавшие в Саарбрюккен, тоже ненавидели и боялись «дядю Фрица», который то и дело читал нотации, лишал сладкого, а то и

порол – правда, только собственных детей. Мать, «тетя Резхен», – как истинно-немецкая жена – мужу перечить не смела. А добрый дедушка Август в семейные дела дочери никогда не вмешивался.

Младший сын столяра Августа Книппера, Леонард, оказался в семье самым способным, получил образование инженера-технолога и в возрасте двадцати пяти лет уехал в Россию – искать счастья и богатства. Его сын Владимир Леонардович Книппер вспоминал: «Человек он был очень добрый, энергичный, живой… Его все очень любили и уважали, хотя вспыльчив он был необыкновенно. Образован разносторонне, очень много читал, выписывал много журналов. Знал три языка. Очень любил поспорить по любому вопросу: и политика, и наука, и искусство, и литература – ничто не было ему чуждо. В своей специальности отец был мастер. Математические способности имел изумительные. Большинство вычислений он производил в уме. Меня всегда поражало, как отец подсчитывал учетные таблицы с шести– и семизначными числами: быстро ведя карандашом сверху вниз, он сразу вписывал итог, никогда не складывая отдельно единицы, десятки и т. п. И никогда не ошибался. У него была какие-то свои способы подсчета».

Леонард Августович получил место у князя Гагарина на Какманском заводе. Жил на Урале, где и познакомился с семьей рижского немца Ивана Ивановича Зальца, служившего управляющего на том же заводе. В семье Зальца было пятеро детей. Сыновья: Карл – доктор, Александр – офицер, Иван – военный моряк. И две дочери: Елена и Анна. Обе полненькие, складненькие, с пышными волосами и гладкой кожей. Обе – трудолюбивы, послушны и веселы, как и должно юным лютеранкам. Но Анна обладала необыкновенной красоты голосом – чистейшее сопрано – и при этом была еще и талантливой пианисткой, обучалась у знаменитой тогда Александры Дормидонтовны Александровской-Кочетовой, была знакома с братьями Рубинштейнами и даже участвовала в их концертах. Ей даже прочили большое будущее на сцене…

Леонард Книппер влюбился в Анну Зальц, принялся настойчиво ухаживать, ухаживал в течение двух лет, в конце концов очаровал и – при активной поддержке со стороны семьи Зальца, предпочитавшей видеть дочь почтенной замужней женщиной, а не какой-то там актеркой, – женился на ней 1 сентября 1865 года. Анна Зальц-Книппер на всю жизнь сохранила тоску о несбывшейся мечте – о выступлениях на подмостках Императорского Оперного театра. И видимо, с током крови передала эту мечту и часть таланта двоим из четырех младенцев, выношенных под неспокойным сердцем: девочке и мальчику,

Ольге и Владимиру.

У Леонарда Августовича и Анны Ивановны Книппер-Зальц родилось четверо детей: Константин, Ольга, Владимир и Леонид. Жила семья на Урале, подле Гагаринского завода. В 1872 году переселились в Москву. Леонард Августович стал директором бумажной фабрики князя Гагарина в селе Великом Ярославской губернии, где он с семьей и жил летом, а зимовали в особняке князя Гагарина на Новинском бульваре в Москве, занимая нижний этаж большого флигеля во дворе. В те годы Книпперы жили весело, дружно, в семье царила любовь и понимание как между супругами, так и между родителями и детьми. Конечно, как и полагается немецкому отцу, Леонард Августович старался быть строгим… Но это было только внешне, и уж подавно – он никогда не проявлял жестокости. Был обычай: каждый день после обеда, который по немецкому обычаю подавался в восемь часов вечера, все четверо детей по очереди рассказывали ему о событиях прошедшего дня, кто чем занимался, во что играл или что учил… Причем иногда Леонард Августович требовал, чтобы именно в этот вечер вся семья говорила на одном из иностранных языков: на его родном немецком или на модном французском. В результате чего его дети свободно говорили и по-русски, и по-немецки, и по-французски. Единственная девочка в семье, Ольга Леонардовна Книппер, как уже говорилось выше, переняла талант матери и с самого раннего детства тянулась ко всему, что было хоть как-то связано с театром, обожала «изображать», «представлять».

«Истинные творческие чувства не лежат на поверхности души. Вызванные из глубин подсознания, они поражают не только зрителя, но и самого актера».

М. Чехов

Когда не стало отца, запрещавшего дочери даже думать о театре, мать Ольги стала преподавать в филармонии, а значит – на ее поддержку можно было рассчитывать… Но все-таки до конца в отношении матери к уже принятому своему решению Оля уверена не была и потому только брата и дядю посвятила в свою тайну: в то, что она пытается поступить на драматические курсы.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова после смерти мужа

А между тем прошение было уже подано. Вот текст этого поистине исторического документа:

...

«Его Превосходительству господину Управляющему Императорским Московским театральным училищем от Ольги Леонардовны Книппер

ПРОШЕНИЕ

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство допустить меня к установленному испытанию для поступления на драматические курсы; при сем прилагаю нижеследующие документы:

1) аттестат,

2) метрическое свидетельство,

3) свидетельство полиции и

4) мою фотографическую карточку.

Вопрос о переходе моем в русское подданство мною уже возбужден.

Ольга Книппер».

Ольга Книппер успешно сдала экзамены. Приступила к занятиям. Но так уж повелось в миру, что путь каждого истинного таланта к своему призванию тернист не в меру: приехал вдруг из Петербурга какой-то важный чиновник, назначил дополнительный экзамен, Олю экзаменаторы продержали больше часа, а потом заявили, что она «не лишена права поступления на будущий год». То есть – выгнали. И взяли на ее место родственницу одной из ведущих актрис, не прошедшей экзамены, но очень хотевшей учиться. «Переэкзаменовывали» четырех девушек, но из четырех только Ольга Книппер оказалась без протекции. Владимир Леонардович Книппер вспоминает: «Никто в тот вечер не ложился спать. Оля сидела тихая, слезы обиды давно высохли. Я было заикнулся, что надо мужественно пережить неудачу и ждать будущего года. А тут мама возьми и да скажи: «Для актрисы каждый год дорог!» Мы обомлели. Раньше мама запрещала дочери даже думать о театре. Однажды Оля не удержалась: «Ты, мама, всю жизнь страдаешь без сцены. Ведь это камень на твоей душе!» Последовал ответ: «Да, я страдаю и ты страдай!» Тогда Оля разревелась, и мы еле-еле ее успокоили. На другой же день мама повела Олю в филармоническое училище, добилась экзамена у Немировича-Данченко. Сестру зачислили в его класс».

Кстати, сам Владимир Леонардович, младший из семейства Книпперов, долго и мучительно учился на юриста.

Потом – когда началась война, а следом за ней надвинулись революционные события – решительно оставил юриспруденцию и занялся тем, к чему его всегда тянуло: театром! Он великолепно пел. Правда, прославился не как Книппер, а под сценическим своим псевдонимом – Владимир Нардов. Особенное признание

завоевал во время гастролей в Германии. Позже преподавал в Гнесинском училище и ставил оперы на сцене Большого театра.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова в молодости

Так юношеская мечта Анны Ивановны Зальц, отнятая у нее супружеством, возродилась и воплотилась в двоих из ее детей – в Ольге Леонардовне и Владимире Леонардовиче, а потом – во внучке Ольге Чеховой, в правнучке Аде Чеховой, в праправнучке Вере Чеховой-Руст… Только вот про внучку, правнучку и праправнучку она не узнала. Умерла Анна Ивановна перед самой революцией. Можно считать, что ей повезло… Ведь дочь и сына

она на сцене видела, успехам их радовалась. Но о тяжких испытаниях, выпавших на долю всех Книпперов после 1917 года, она так и не узнала. Правда, в 1905 году, во время революционных событий, в семье произошло несчастье: покончил с собой всеми любимый «дядя Саша», Александр Иванович Зальца. Вспоминает Владимир Леонардович Книппер: «…дяде Саше с ротой пришлось стоять в охране на Миусской площади. Незадолго до их смены в сумерках показалась толпа рабочих с красными флагами. Шли женщины и дети. Изнервничавшиеся солдаты без команды открыли стрельбу, несмотря на все попытки дяди Саши остановить их. Были убитые и раненые. Потрясенный дядя Саша, отведя роту домой, приезжал страшно подавленный к моей матери (я тогда был за границей), называя себя убийцей и палачом. На другое утро он застрелился». Но все-таки эта трагедия была несравнима с тем, что ждало семью и всею Россию после Октябрьской революции.

Антон Павлович Чехов познакомился с Ольгой Леонардовной Книппер, когда сам он был уже признанный писатель, а она уже добилась сценического успеха – и играла в его пьесах на сцене Художественного театра.

Познакомил их Немирович-Данченко – во время какого-то торжества в «Охотничьем клубе» на Воздвиженке. Потом Чехов присутствовал на репетициях «Чайки», и как вспоминали родные, Ольга Леонардовна места себе не находила от волнения, что на ее игру будет смотреть сам автор. Но тогда это еще не было любовью, это было нечто иное – более утонченное, но не столь пламенное чувство, связавшего Автора и Актрису – сначала связь шла через «высшие слои», через творчество, где он был – замысел, а она – воплощение, и таким образом они не могли существовать друг без друга… Но горячего, сердечного или телесного тогда еще не было. И вообще – ухаживать за актрисой Книппер писатель стал по совету сестры Маши, чтобы отвлечься от мучительного романа с «поповной» Ликой Мизиновой.

…Прадед Чехова был крепостным. Отец – лавочником. Такой восхитительной собственности, как поместье, у семьи никогда не было. Первый дом, который они купили совместно, было поместье Мелихово, к владению которым Чеховы отнеслись со всей серьезностью. Домашним хозяйством управляла мать Евгения Яковлевна. Дочь Маша занималась огородом и весьма в этом преуспела: у нее росли не только обычные овощи, но также экзотические в то время арбузы, дыни, помидоры, спаржа и артишоки – Машин огород называли «уголком Франции». Сын Михаил взял на себя заботы о полевом хозяйстве. А сам Антон Павлович взял на себя отношения с окрестными крестьянами,

причем он за свой счет расширил дорогу для прогона скота, отдал под посевы часть земли, позволил косить сено в лесу и похлопотал об открытии школы. Еще Антон Павлович очистил пруд, разводил рыбу и, по воспоминаниям родных, очень любил помогать Маше в огороде. В Мелихово ему как-то особенно легко дышалось, меньше мучил кашель, прибавлялось сил… Чехов всю жизнь разрывался между медициной и литературой. Он писал: «Медицина – моя законная жена, а литература – любовница. Когда надоедает одна, ночую у другой». Антон Павлович всегда был болезненным, туберкулез у него впервые проявился еще в возрасте восьми лет, так что он знал, что такое физические страдания, потому и решил стать врачом: чтобы исцелять других. В Мелихово Чехов содержал бесплатную лечебницу для крестьян при своем доме, где принимал больных с 5 до 9 утра, а во второй половине дня объезжал по врачебным надобностям несколько деревень.

Антон Павлович пережил долгий и болезненный роман с Ликой Мизиновой, которую называют вдохновительницей великих драм Чехова и прообразом Нины Заречной из «Чайки». Лика – Лидия Стахиевна Мизинова – была дочерью священника, учительницей, преподавала в той же гимназии, в которой служила любимая сестра писателя – Мария Павловна Чехова, некогда пожертвовавшая любовью и возможностью иметь собственную семью во имя служения своему гениальному брату. Сначала возникла дружба между Ликой Мизиновой и Машей Чеховой. В 1889 году Маша пригласила Лику в гости в Мелихово, где познакомила со своими братьями. Ею были очарованы оба – Михаил и Антон. Но Лика заинтересовалась остроумным, загадочным Антоном: современники вспоминали его как красивого мужчину, причем красивого модной в те времена утонченной, интеллигентной красотой. Лика тоже считалась красавицей, хоть и в другом стиле: крупная, статная, румяная, «настоящая Царевна-лебедь из русских сказок». «Прекрасная Лика», «адская красавица» – так станет Чехов называть ее в письмах.

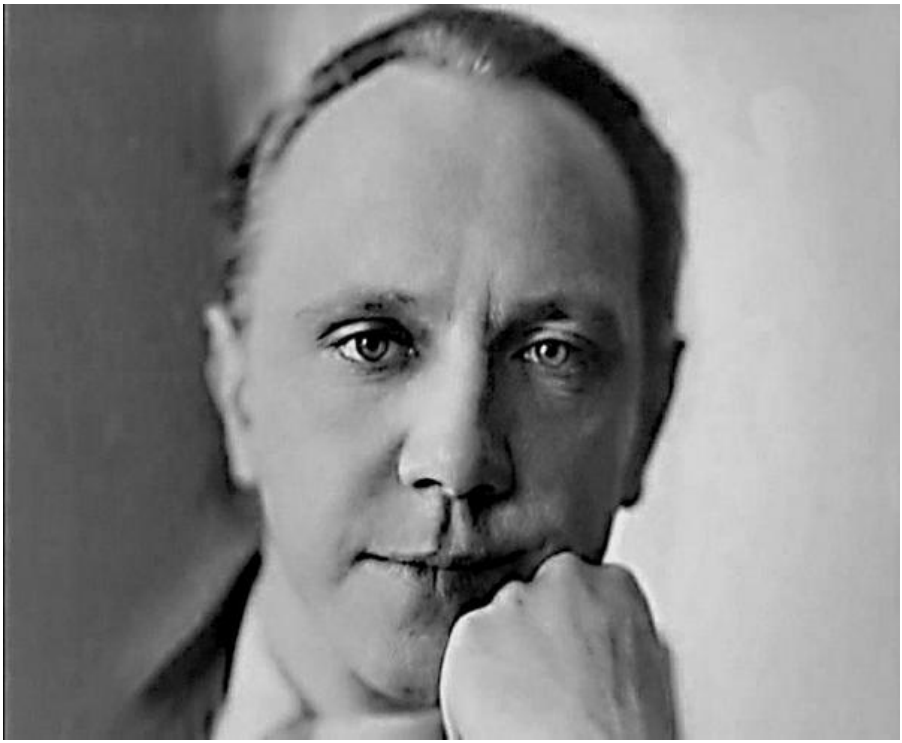
Они вместе посещали выставки и концерты, ходили в церковь и в гости к общим знакомым, а уж в Мелихово к ней относились практически как к родственнице. Никто не сомневался, что Антон Павлович и Лика в конце концов поженятся. Только вот взаимное их чувство было обременено такими сложными хитросплетениями чувств, что в конце концов в этих хитросплетениях запуталось и задохнулось. «Обострение» любви никогда у них не совпадало. То Антон Павлович ощущал, что жить не может без Лики, а она сомневалась, следует ей заточить

себя в семейной кабале или правильнее посвятить жизнь служению обществу. То Лика все же решала, что боготворит Чехова, и осыпала его нежными письмами, а он жестоко отшучивался. Потом Мария Павловна посоветовала ему отвлечься и поухаживать за артисткой Книппер, с которой к тому моменту тоже успела подружиться.

Лика ревновала неистово, в письмах называла Ольгу Леонардовну «нехорошей женщиной» и обещала «не выпускать Чехова из своих объятий» в случае приезда «нехорошей женщины» в Ялту. Чехов со свойственной ему едкой иронией отписал на это невесте, что при ялтинской жаре подобное мероприятие – длительное пребывание в чьих-либо объятиях – ему кажется негигиеничным.

Антон Павлович Чехов женился на очень талантливой Ольге Леонардовне Книппер. Женился вопреки протестам сестры Марии Павловны, неожиданно приревновавшей брата к подруге. Оба они – и Чехов, и Книппер – уже были не молоды. Все возможные душевные бури и даже «притирку характеров» они исхитрились пережить еще до свадьбы. В супружестве любили друг друга спокойной и ровной любовью, и спустя всего год после свадьбы Ольга Леонардовна писала, что ей кажется, будто женаты они уже двадцать лет.

Они мечтали о детях. Особенно Ольга Леонардовна… Да и Чехов хотел, чтобы у них появился «маленький полунемец». Но когда ей все-таки удалось забеременеть – она не сразу поняла это. Приняла за легкое желудочное недомогание… Уехала в гастрольную поездку, в поезде растрясло – и в Петербурге прямо после спектакля случился выкидыш. Последствия оказались тяжелыми и физически, и морально: Ольга Леонардовна долго болела, началось заражение крови, она горела, бредила, почти умирала, а выздоровев – не переставала сокрушаться об утрате ребенка. Ей казалось, что непременно должен был бы родиться мальчик, она называла его «Памфилом», писала Чехову еще из Клинического повивального института, куда ее отвезли после выкидыша: «А как жаль Памфилку! Как я страдала последние два дня, если бы ты знал!» Впоследствии в письмах ее к мужу рефреном проходит: «А как хочется детку!» Но больше забеременеть она так и не смогла. Возможно, поэтому была так внимательна и нежна к племянникам и племянницам к детям своих братьев Константина и Владимира.



Михаил Чехов. 1928 год

Многие осуждали Ольгу Леонардовну за то, что она – в Москве, играет в театре и отдает всю себя сцене, вместо того чтобы посвятить мужу: талантливому, безнадежно больному, терпеливо ждущему ее в Ялте. Однако Антон Павлович жену прекрасно понимал и писал ей: «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству». Антон Павлович Чехов умер от чахотки совсем молодым, сорокатрехлетним, 2 июля 1904 года, на курорте в Германии, куда они с Ольгой Леонардовной поехали в надежде на излечение. Лика Мизинова-Стахова пережила его на 33 года. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова – на 55 лет.

Константин Леонардович женился на очень скромной, тихой и чистой девушке из почтеннейшего немецкого семейства. Луиза Юльевна Рид была воспитана в тех же традициях, что и его бабушка: ей внушили, что все интересы и заботы порядочной замужней женщины должны ограничиваться тремя «К» – киндер, кюхе, кирха. Константин Леонардович мечтал о сыне, но и первый, и второй «киндер» в их семье оказались девочками.

Первой – в 1895 году – на свет появилась Ада.

За ней – 27 (13) апреля 1897 года – Ольга, названная так в честь тетеньки Ольги Леонардовны.

И только третьим – в 1898 году – родился долгожданный

мальчик: будущий советский композитор Лев Книппер.

Супруга безумного гения

Никто не мог предугадать тогда, что Олечка Книппер станет второй Книппер-Чеховой, а актерская слава ее даже затмит славу тетушки… Во всяком случае, мировую славу Ольги Леонардовны, потому что на родине первая Книппер-Чехова известна, а о второй до недавнего времени даже не знали. Ослепительная улыбка на рекламе зубной пасты «Хлородент» – вот тот единственный отблеск мировой славы Ольги Книппер-Чеховой-второй, который сумел-таки проникнуть за «железный занавес»!

Суровый отец, нежная мать – обычны в воспоминаниях людей, чье детство прошло в те времена, когда даже в лучших семьях подчинялись законам «Домостроя», пусть даже в смягченном варианте. Девочка Оля не была похожа ни на кого из родных. Уже в детстве – ослепительно красивая, тогда как ни отец, ни мать, ни тем более знаменитая тетка, ни брат с сестрой – никто не отличался внешней привлекательностью! К тому же с самых ранних лет она поражала окружающих своим невероятным упрямством, просто несгибаемой волей. Никто не мог противостоять ей. Даже отец. Она была не капризна, нет. Просто становилась чудовищно упряма, когда ей случалось отстаивать свою правоту.

Сестра Ада и брат Левушка были куда мягче. Владимир Владимирович Книппер писал в своей книге «Голоса в тишине старого дома»: «О Леве надо сказать подробнее. В детстве он заболел костным туберкулезом. Лежал в гипсовом корсете на жесткой постели больше года с гирями на руках и ногах. Врачи были неумолимы, они так и говорили: останется жить, но будет калекой. Оля (имеется в виду Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, тетя мальчика. – *Прим. авт.*) чаще других находилась рядом с Левой. Рассказывала о дальних странах, куда они отправятся рано или поздно, о музыке, о театре, о книгах… Когда Лева встал на ноги, Оля подарила племяннику футбольный мяч с полной экипировкой футболиста и боксерские перчатки, вызвав негодование врачей и родителей. Качалов назвал Олю «теткой, которая родила племянника». Левушка – единственный сын, с него много спрашивалось, несмотря даже на болезнь, и подчас отец был просто жесток к нему, хилому и плохо учившемуся, – и Ольга защищала брата со всей дерзостью и пылкостью своей натуры. Однажды даже выпрыгнула из окна, когда отец повел себя уж слишком жестоко и несправедливо… Ей было восемь лет, но она готова была стоять на своем до конца – до смерти.

Уже в детстве ее окружали необыкновенные люди. Такова была ее судьба – вращаться в кругу избранных, великих, сильных

мира сего, а она очень верила в судьбу, во всевозможные предначертания, предназначения… Совсем малышкой ее возили в Ясную Поляну, и великий Лев Николаевич Толстой беседовал с ней – будто со взрослым человеком, серьезно, – и почему-то о войне, словно предвидел, что войны будут властно вторгаться в судьбу этой женщины, сокрушая все и возрождая к новой жизни. Естественно, в доме Книпперов часто бывали Антон Павлович Чехов и актеры, друзья Ольги Леонардовны… И даже блистательная Элеонора Дузе, пораженная красотой и необыкновенной серьезностью девочки, предсказала ей блестящую артистическую карьеру – еще одно предсказание в череде многих!

Правда, тогда в это никто не поверил. Ольгу считали недостаточно эмоциональной, слишком холодной для того, чтобы стать актрисой.

Да она и была такой – холодной, чистой, наивной даже, с запертыми где-то на дне души страстями, туманящими воображение чем-то неясным, несбыточным… Как Даша Булавина у Алексея Толстого – в те времена часто встречался в интеллигентской среде такой тип девушек. Она и актрисой хотела стать, и художницей, и любви невероятной, и всего – сразу, немедленно, но ничего – по-настоящему. Главное – вырваться из скучной действительности, убежать от обыденности.

Оля Книппер влюбилась в Михаила Чехова, когда ей было только восемь, а ему – четырнадцать.

Он был тогда застенчивым, неуклюжим, странноватым подростком. Миша Чехов… Он вовсе ничем не походил на того Прекрасного Принца, о котором, как принято считать, мечтают романтически настроенные девочки-подростки. Скорее напротив: он чем-то напоминал злодея из романа – всегда угрюмый, бледный, глядит исподлобья неласковым взглядом, и такой нервный, вспыльчивый, не улыбнется лишний раз… И он был некрасив – абсолютно некрасив… И все-таки именно он – Михаил Чехов – стал Прекрасным Принцем для девочки Оли.

А она была еще совсем малышкой, прелестной девочкой в коротеньком платьице с огромным кружевным воротником, с бантом на голове, с длинными локонами и серьезными серыми глазами. Миша ее, разумеется, не замечал. Наверное, он даже не различал двух сестер – Аду и Олю, ведь их всегда одинаково одевали и одинаково причесывали. Правда, Оля всегда была красивее. Но вряд ли для Миши имела значение красота такой маленькой девочки. Оля искала его общества, изыскивала предлоги, чтобы побыть рядом с ним. Детское сердечко ее колотилось при виде «милого кузена». Но все зря. «Милый кузен»

ее попросту не замечал.

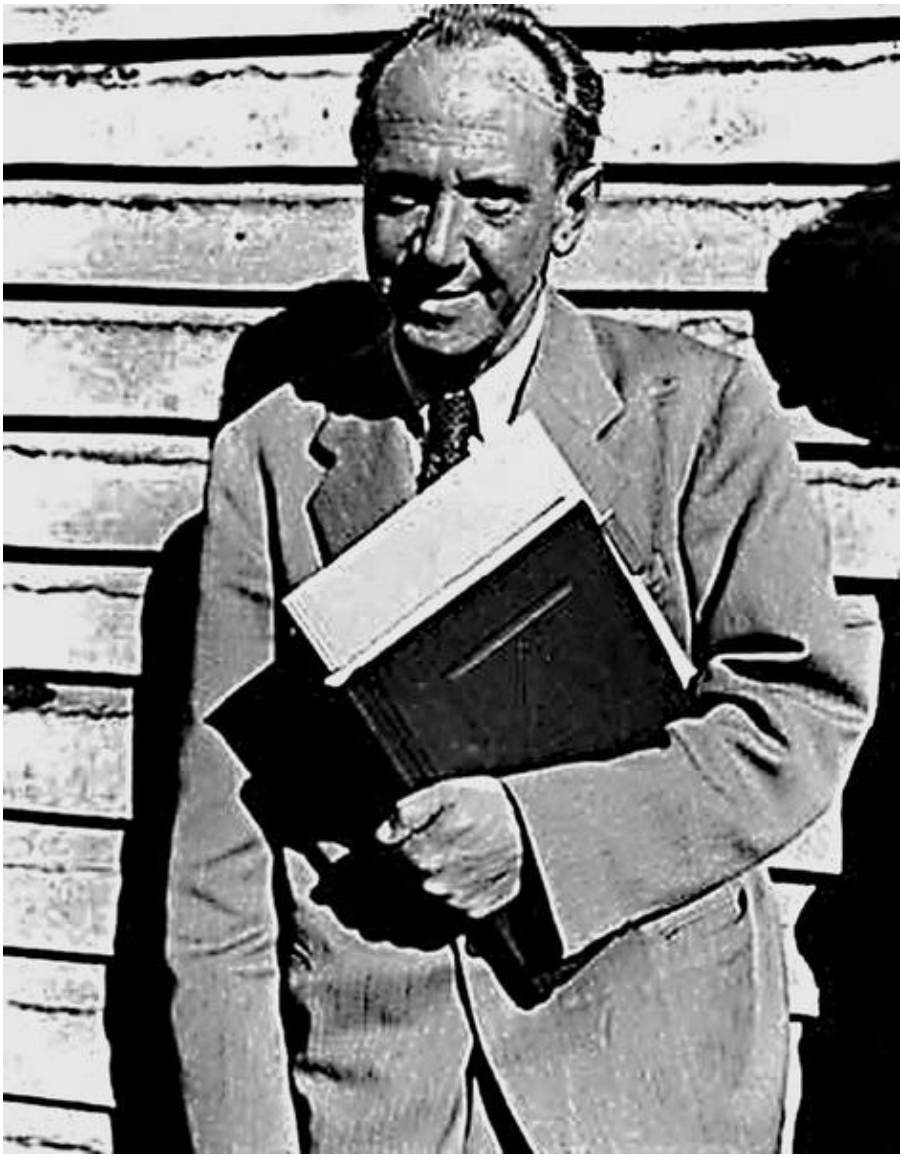
Его невнимание всегда причиняло ей боль. Возможно, это было первое ее «взрослое» чувство – страдание из-за холодности «любимого». Однажды она расплакалась, когда в праздник Пасхи после торжественного богослужения возле церкви Миша по обычаю христосовался со всеми – и целовал одну взрослую барышню гораздо дольше, чем ее, Олю…

Оля мечтала о Мише, о дружбе с ним, о том, как замечательно было бы жить в одном доме или хотя бы рядом, «всегда-всегда быть с ним вместе» (так сама вспоминала позже), Оля даже рисовала его в своих альбомах, но, к счастью, никто даже не догадывался, что на рисунках изображен Миша Чехов. И дело было не столько в неумении юной художницы, сколько в тех несуществующих внешних достоинствах, которыми она награждала Мишу в своем воображении.

Иногда первая детская любовь девочки к кому-то старшему – к кузену, к дяде, к другу брата, к жениху сестры, к учителю или репетитору – проходит по мере взросления. Но Оля Книппер всю жизнь свою – до самой старости – отличалась редкостным, несравненным упрямством. И не в ее характере было отказываться от однажды намеченной цели.

Оля выросла, но интерес к Мише сохранился. Она упорно продолжала считать себя безнадежно влюбленной. Привычно мечтала о Мише, глядя вечерами в темноту сада. А в сущности, о чем же еще мечтать юной барышне, как не о любви? Отец, контролировавший их с Адой чтение, все-таки позволил им прочесть некоторые избранные романы. И во всех речь шла о любви! Любовь – самое интересное и самое важное, что только может быть в жизни женщины… Любовь к Мише Чехову была самым важным и самым интересным в жизни юной Оленьки Книппер.

Правда, за отсутствием куртуазного опыта Оля не представляла, что ей делать, как завоевывать его ответную любовь. Впрочем, любовь вне законного брака для Оли Книппер не представлялась возможной. На любовь должны благословлять родители, церковь и государство… Так ее воспитали – и в свои семнадцать лет Оля еще не помышляла об отказе от моральных устоев, которые привил ей отец. А о том, чтобы стать женой Миши Чехова, она не смела даже мечтать. По целому ряду причин… Первой из которых было, конечно, то, что Миша так великолепен и неприступен, но далеко не последней причиной то, что родители Оли вряд ли пришли бы в восторг от такого выбора любимой дочери. Они бы просто не позволили ей сделать такой выбор.



Михаил Чехов. 1940-е годы

Впрочем, к 1914 году, когда Оле исполнилось семнадцать лет, в русском обществе произошло немало перемен… И немного оставалось отцов, которые, как Константин Леонардович Книппер, могли бы решать за дочерей их судьбу. Константин Леонардович, разумеется, оставлял за собой такую привилегию, но он оставался одним из последних оплотов старой морали. С нескрываемым неудовольствием оглядывался он по сторонам, не зная уже, как оградить семью от творящегося вокруг кошмара. Его младший современник – известный советский писатель граф Алексей Николаевич Толстой – в романе «Сестры» нарисовал картину того времени – картину неприглядную, но очень точную

и яркую: «…Дух разрушения был во всем, пропитывал смертельным ядом и грандиозные биржевые махинации знаменитого Сашки Сакельмана, и мрачную злобу рабочего на сталелитейном заводе, и вывихнутые мечты модной поэтессы, сидящей в пятом часу утра в артистическом подвале «Красные бубенцы», – и даже те, кому нужно было бороться с этим разрушением, сами того не понимая, делали все, чтобы усилить его и обострить. То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности. Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения – признаком утонченности. Этому учили модные писатели, возникшие в один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными».

…Таков был мир, в который вот-вот могли вступить Ада и Оля Книппер – девушки из почтенной немецкой семьи с ортодоксальными взглядами, воспитанные в целомудрии и скромности. К счастью, пока они не рвались «на свободу», как другие юные и неразумные. Но когда-то это должно было случиться. Константин Леонардович понимал, что не сможет продержать их в детской до того времени, когда они повзрослеют достаточно, чтобы не наделать ошибок. И терзался этими мыслями, возможно, больше, чем другие отцы юных барышень той эпохи.

Так что же следовало сделать? Как поступить? Как защитить своих чистых девочек от враждебного, безумного мира? Выдать замуж? Самому выбрать им мужей? Сейчас это было, к сожалению, совсем не модно, а в обществе Константина Леонардовича знали как человека достаточно передового…

Нет, он не мог. Да и времени на это не имел.

Что делают другие родители? Открывают двери своего дома, устраивают вечера с большим количеством гостей, приглашают молодежь… И исподволь контролируют интересы дочерей, отказывая от дома неугодным женихам и поваживая достойных.

М. Чехов в роли Эрика в пьесе Стриндберга «Эрик XIV», режиссер Вахтангов, 1921 год

Но устроить все это в своем доме в Царском Селе… В своем тихом и чинном доме! У Константина Леонардовича не хватало моральных сил так нарушить установившийся ритм жизни.

И тогда он придумал выход: отправить дочек – или лучше одну – в Москву, в дом к сестрице Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой. У нее в доме бывает много людей… Не только собратьев по сцене, а вполне почтенных, светских людей. Не только актеров, к которым Константин Леонардович, как и его папенька, питал некоторое недоверие, смешанное с пренебрежением, и ничто не могло изничтожить этого презрительного чувства, никакая любовь к сестрице Ольге, никакое уважение к ней – актера в

качестве зятя Константин Леонардович не потерпел бы и уж подавно дочери своей не позволил бы идти на сцену, ни за что не позволил бы… Не только актеров, но и тех, с кем Оле и Аде полезно было бы познакомиться, кого он сам, возможно, принял бы в своем доме. Оля и Ада приходятся Ольге Леонардовне родными племянницами – она присмотрит за девочками, оградит от нежелательного общения, деликатно наставит, поможет избежать ошибок… У девочек хорошее приданое, они смогут сделать приличную партию. Они смогут чувствовать себя свободнее, «вырвавшись» из-под жесткого отцовского контроля. Иллюзия свободы… И все-таки Москва – не Петербург, московское общество всегда считалось несколько старомодным… В нынешнее время это означает, что девочки хотя бы не столкнутся с каким-нибудь вопиющим неприличием.

Итак, «в Москву, на ярмарку невест». Только кого отправить? Ада – старшая. Ее бы следовало первую в свет выводить и сватать за какого-нибудь почтенного человека. Но Оля отчего-то вызывает у родителей больше тревоги… Она всегда была более пылкой, более упрямой… Константин Леонардович еще не забыл тот случай, когда Оля в пылу ссоры выпрыгнула из окна. Да и Ольга Леонардовна предпочитает живую, хорошенькую Олю строгой Аде. Так выбор пал на младшую – Олю.

Родители боялись, что Оля воспротивится их решению. Но Оля согласилась с радостью.

Родители думали – соскучилась по тетеньке Ольге Леонардовне. А Оля помнила, что Миша Чехов теперь живет в Москве.

Она надеялась встретиться с ним в доме Ольги Леонардовны. Она не обманулась в своих надеждах.

Михаил Чехов, великий русский актер, которого Станиславский называл «гением» – актер, в двадцать два года блистательно игравший на сцене стариков…

…Так что же собою представлял Миша Чехов – Михаил Чехов, великий русский актер, которого Станиславский называл «гением», актер, в двадцать два года блистательно игравший на сцене стариков? Что собою представлял человек, в которого Оля Книппер влюбилась со всем пылом юности?

На Чеховских чтениях в Ялте прозвучала такая история: бабушка Евгения Яковлевна, та самая бодрая старушка, для которой маленькая Оля бегала в лавочку за водкой, «намекая на небольшой рост Миши и желая подчеркнуть его ничтожество, говорила: «Ну разве ты человек? Ты не человек, ты гнида!» Это прозвище на некоторое время укрепилось за Мишей в узком семейном кругу». (Цитируется по книге: Михаил Чехов. «Литературное наследие». М., 1995. С. 280.)

Но это, разумеется, не более чем семейная шутка.

Маленький, некрасивый Миша, застенчивый до угрюмости, чувствительный до юродства, безгранично любивший свою мать, бесконечно от нее зависевший… Какой неподходящий сосуд в лице этого человека избрал для себя актерский гений! Но в том, что это был гений, не сомневался никто из тех, кто видел его на сцене.

«Михаил Чехов был величайшим актером в образах, которые вроде и не давали такой возможности, – утверждал Павел Марков. – Мы привыкли, что к властителям дум принадлежали исполнители Лира, Отелло, Чацкого, Незнамова. Чехов играл рольки, какие-то эпизодики. А в «Празднике мира» даже старик Фрибэ, вечно бормочущий, преданный как собака, стал явлением необыкновенным. Разные характеры, разные жизненные пласты, разные мировоззрения».

«Его гений актера прежде всего гений общения и единения с аудиторией; связь с ней у него была прямая, обратная и непрерывная. Я никогда не слышал такой настороженной тишины в театре, как на его “Гамлете”», – писал критик А. Мацкин.

Некоторые театроведы считают его величайшим актером XX века…

Но пока еще Миша – всего лишь странноватый мальчик. Зато любимый племянник Антона Павловича Чехова. Антон Павлович всюду водил его с собой – в том числе в гости к Книпперам. Почему изо всех многочисленных племянников Антона Павлович выделил именно Мишу? Потому что – жалел. Миша умел как-то – даже сам не желая того – вызывать в людях жалость.

Даже Станиславский, вспоминая о первой встрече с Михаилом Чеховым, сказал: «Мне стало его жалко. Что-то в глазах его было доброе и беспомощное».

Миша едва ли не с младенчества питал интерес к сцене, мечтал играть, изображать кого-то – кем он на самом деле не являлся, и это у него выходило замечательно, но ни к чему другому способностей не обнаружилось. Миша был нервным, впечатлительным, болезненным ребенком. У отца Александра Павловича, человека сильного, волевого, Миша вызывал только раздражение своей немощью и неуравновешенностью. Зато мать Наталья Александровна – боготворила сына и во всем всегда его поддерживала.

Из книги Михаила Чехова «Путь актера»: «С самого раннего детства и до двадцативосьмилетнего возраста я имел одного неизменного друга – это была моя мать. Ее любовь принадлежала мне нераздельно, я был единственным ее сыном (у отца было еще два сына от первого брака). У меня не было никаких тайн от матери. Я приносил ей все свои горести, радости, удачи и неудачи. С одинаково неподражаемым вниманием и серьезностью относилась она как к моим детским домашним «спектаклям», так и к серьезным работам над ролями, когда я уже был актером-профессионалом. Ни одна не была приготовлена мной без участия матери. Она почти не делала мне замечаний по поводу той или иной роли. Она как-то по-своему отражала свое впечатление, и я понимал ее с полуслова, с полунамека. Моя внутренняя жизнь была связана с внутренней жизнью матери так крепко, что я совсем не нуждался в том, чтобы она давала мне какие бы то ни было устные наставления или правила поведения в жизни. Я сам понимал многое из того, чего хотела от меня мать, и мы почти не тратили слов на обсуждение тех или иных житейских случайностей».

Миша учился в Суворинском театральном училище, потом играл в Суворинском театре. Самая знаменитая его роль там – Царь Федор Иоаннович в пьесе А.К. Толстого.

В МХТ Мишу Чехова пригласила тетенька Ольга Леонардовна Книппер – она приходилась тетенькой и ему, и Оле Книппер: Оле она была родная сестра отца, а Мише – жена родного дяди. Ольга Леонардовна лично говорила о Мише со К.С. Станиславским.

Миша прочел перед Станиславским сценки из «Царя Федора Иоанновича» – хотя, по собственному признанию, был так потрясен близостью великого человека, что читал из рук вон плохо, а на вопросы отвечал «механически, почти не понимая их смысла». И все-таки Станиславский его принял: возможно, из уважения к Ольге Леонардовне. А может быть, уже тогда почувствовал талант под внешней скованностью юноши?

Поступление в МХТ стало одним из самых знаменательных событий в жизни Михаила Чехова. Но переезд в Москву и разлука с матерью стали для него весьма чувствительным испытанием. Потом он вспоминал: «С поступлением в МХТ я один, без родителей, переехал в Москву. Но связь моя с домом, разумеется, не прерывалась. Ежедневно, иногда дважды в день, писал я матери из Москвы, и так же часть писала мне мать».

Еще большим испытанием стали для Миши первые гастроли. Тем более что по возвращении он узнал о тяжелой – не оставляющей никаких надежд на исцеление – болезни отца. Несмотря на то что особой нежности между отцом и сыном не наблюдалось, Миша был очень зависим от этого человека: так же, как он, попадал в зависимость от каждого, с кем хоть сколько-нибудь сближался, – только сильнее, потому что отца он знал с рождения и зависимость от отцовской воли сделалась для него неотъемлемой частью жизни.

Александр Павлович Чехов, отец Миши, умер от рака горла 17 мая 1913 года. Умирал он тяжело и долго, терзался удушьем и предсмертной тоской. От болей ему давали настойку опия, что порождало бредовые видения.

Из книги Михаила Чехова «Путь актера»: «Как обидно, – сказал он мне однажды, – я прожил такую длинную жизнь, и что я вижу перед смертью? Какие-то поезда с гусями! Как обидно и глупо!».

«Поезда с гусями». Много позже эта фраза как символ бессмысленности бытия и непознаваемости смерти прозвучит в фильме Никиты Сергеевича Михалкова «Утомленные солнцем».

Александр Павлович держался с достоинством – даже в долгие часы мучительнейшей агонии, но для нервного, чувствительного Миши все это было тяжелейшим, непереносимым испытанием… Впрочем, Миша Чехов не был бы собой, если бы не перенес все пережитое в связи со смертью отца в свое творчество. Он пишет целую лекцию на тему того, как именно следует изображать на сцене смерть. Он считает, что главное – уделять поменьше внимания «тем физиологическим процессам, которые, как нам кажется, и дают картину смерти»: «Мы не должны мучить публику, задыхаясь или корчась перед ней

в муках агонии. (…) Смерть на сцене должна быть показана как замедление и исчезновение чувства времени».

Смерть отца стала последним рубежом, отделяющим Мишу от детства. Теперь он волей-неволей должен был повзрослеть – или хотя бы «изобразить» взрослость. Он стал главой семьи. Единственной опорой для овдовевшей матери. Осознание этого, вынужденное взросление углубили травму, причиненную зрелищем смерти: «После смерти отца мы с матерью переехали в Москву. Мне был 21 год, и я должен был призываться на военную службу. Мое душевное состояние было тогда уже очень тяжелым. Я почти терял равновесие в присутствии большого числа людей. Это развилось потом в боязнь толпы».

Но несмотря на все свои странности, Миша был очень обаятельным молодым человеком. А теперь, когда новое положение требовало от него «взрослости», он принялся самоутверждаться как мужчина, используя свое обаяние и актерский талант для обольщения как можно большего количества «современных барышень». Он словно пылал изнутри какой-то нервической страстью… И женщины отвечали на эту страсть, невзирая на многочисленные Мишины недостатки: впрочем, когда Чехов играл – для целого зала или для одной-единственной дамы, все его недостатки исчезали, оставался только его талант, чарующий талант. Он словно бы преображался внешне, когда играл. Не было больше маленького «гнидьего» роста, смешного вздернутого носа. Был только пламень в очах… И этот голос… Как Сирано де Бержерак – уговорить он мог любую!

К счастью для Миши, время было такое, что обвинить в распутстве за беспорядочность связей и вызвать на дуэль уже не могли. Дуэли остались в прошлом. И такие понятия, как «разврат» и «целомудрие», тоже уходили в прошлое. У графа Толстого все в том же романе «Сестры» приведен и манифест людей «нового времени»: «Мы – новые Колумбы! Мы – гениальные возбудители! Мы – семена нового человечества! Мы требуем от заплывшего жиром буржуазного общества отмены всех предрассудков. Отныне нет добродетели! Семья, общественные приличия, браки – отменяются. Мы этого требуем. Человек – мужчина и женщина – должен быть голым, свободным. Половые отношения есть достояние общества. Юноши и девушки, мужчины и женщины, вылезайте из насиженных логовищ, идите, нагие и счастливые, в хоровод под солнце дикого зверя!..»

«Великолепные кощунства» – так, кажется, назывались поэтически-художественные акции, проходившие в квартире героя романа – инженера Телегина? Подобные акции – пусть под

другим названием, но подобные по сути – явились визитной карточкой нового времени. Потом об этом будут жалеть, но в 1913–1914 годах этим упивались. Все это время – начало XX века – можно назвать «эпохой великолепного кощунства». Хотя – что в этом кощунстве великолепного? Мы, нынешние, пожинаем плоды… От былого великолепия остались лишь лохмотья. Но в то время мир содрогался в предчувствии чего-то… Надвигался XX век: по-настоящему наш век начался не с рождественским перезвоном колоколов, в 1900 году, но – с выстрелом в Сараево, в 1914. А старый мир в судорогах умирал. И рушились все устои: религия, монархия, нравственность. Перед Первой мировой – в промежутке между двумя революциями, 1905 и 1917 года – все это отбрасывалось как ненужный хлам. А потом будут вспоминать с сожалением о безвозвратно ушедшем, прекрасном…

Миша Чехов считал себя человеком «нового времени».

Оля Книппер, бесспорно, принадлежала «уходящей эпохе». Она была целомудренна и наивна. Чистенькая, светленькая немочка с хорошеньким точеным личиком, круглыми плечиками и статными ножками, Оленька Книппер напоминала саксонскую статуэтку – как ни банально такое сравнение. Но саксонские статуэтки, изображающие нарядных пастушек в пышных юбках и с цветами в волосах, были тогда в каждом доме. И потому это сравнение первым приходило на ум. У Оли была очень белая, ослепительно-белая кожа, и такой нежный, свежий румянец… Да, она была весьма привлекательна. Еще не красива той великолепной, победительной красотой, которая придет ближе к тридцати годам, но все равно – хороша!

Ольга с дочерью Адой

Несмотря на то что мода на долю женщин того поколения выпала на редкость скучная – пышность и изящество нарядов остались в прошлом, к тому же девушек из интеллигентных семей было принято одевать «демократично», то есть очень строго и скромно, Ольга Леонардовна со вкусом, присущим настоящей актрисе, умудрялась наряжать племянницу: у Оли появились

кружевные шляпы, вышитые платья, блузки из натурального шелка. И результат не замедлил сказаться. В Олю влюбились все, кто посещал квартиру Ольги Леонардовны… О чем Ольга Леонардовна не замедлила отписать в Петербург, брату. Осенью она готова была принять и вторую племянницу – Аду. Конечно, Олечка затмит сестру, но в конце концов она остановит на ком-нибудь одном из поклонников свой выбор, и тогда кто-нибудь другой достанется на долю Ады.

…А особенно пылко влюбился Володя Чехов, сын Ивана Павловича, двоюродный брат Миши. Он даже вознамерился просить руки Оли – и действительно, поехал в Петербург, к ее родителям. Правда, действовал он по старинке, то есть Олю не поставил в известность относительно своих планов. Впрочем, возможно, признайся он Оле с самого начала – это все равно ничего бы не изменило. Однако Володя Чехов прежде решил испросить благословения Константина Леонардовича и Луизы Юльевны. И возможно, его сватовство было бы удачно: Володя учился на юридическом факультете Московского университета, с точки зрения Книпперов он был вполне подходящей партией… Но Оля уже сделала свой выбор. Задолго до встречи с Володей.

Миша на первых порах выказывал не более чем вежливый интерес к своей повзрослевшей хорошенькой кузине. Оля была девушкой из «приличной семьи», да еще из семьи родственников, – о соблазнении не могло быть и речи, а в других ипостасях женщины его не интересовали. Правда, он был влюбчив, а когда влюблялся – готов был на все, впредь до женитьбы. Но видимо, когда Оля только переехала в Москву к Ольге Леонардовне, он еще не был влюблен.

Все решила случайность.

В августе у кого-то на даче ставили благотворительный спектакль – «Гамлета». Миша Чехов играл главную роль – это было его первое преображение в тоскующего Принца Датского – хотя позже, спустя десять лет, в 1924 году Гамлет станет одной из его коронных ролей. Ну, а Олю взяли на роль Офелии. Конечно, были в веселой дачной компании и другие девушки, возможно – более артистичные и с опытом любительских спектаклей. Для Оли этот спектакль был первым, стеснялась она ужасно, никак не могла заучить роль, но… Оля смотрелась «картинкой» – просто-таки девушка с открытки: закрученные спиралью локоны, лучистый взгляд, ямочки на щеках. Другой Офелии никто не захотел.

На самом деле Оля не так уж стремилась к сцене. Она бы уступила роль Офелии другим жаждущим славы, если бы Гамлетом был кто-нибудь другой, а не Миша Чехов. Возможность

побыть в обществе Миши, общаться с ним в долгие часы репетиций, появиться рядом перед глазами зрительного зала, причем в образе двух влюбленных – вот что привлекло Олю к участию в постановке. Надежды Оли оправдались: репетиции проходили в атмосфере тайного – а потому особенно упоительного – флирта. Правда, Миша флиртовал со всеми задействованными в постановке женщинами – вплоть до умелицы, шившей костюмы, вплоть до дамы бальзаковского возраста, исполнявшей роль королевы Гертруды, венценосной матушки Гамлета… Но наряду с другими он флиртовал и с Олей! Тогда ей было достаточно для счастья и этих крох внимания…

Но вот настал великий день – день спектакля, и тогда все случилось. Даже больше, чем Оля могла ожидать… Во время третьего действия в сцене, когда придворные смотрят поставленный Гамлетом спектакль, Оля почувствовала вдруг, что настроение Миши и отношение к ней, Оле, вдруг как-то волшебным образом переменилось. В этой сцене принц Гамлет смущал своим поведением скромницу Офелию. Откинувшись на колени Ольги-Офелии, с особенным забавным выражением произнес Миша слова Гамлета: «О, Господи, я попросту скоморох. Да что и делать человеку, как не быть веселым?» Эти слова безумного датского принца – они как нельзя более подходили Мише. И еще он подмигнул Оле, откинув голову ей на колени, глядя снизу вверх на ее прелестное личико с глазами, подрисованными и увеличенные гримом, с тщательно выписанными яркими губками. Оля едва не рассмеялась, хотя ее героине не полагалось смеяться в этой сцене. А Миша провел ладонью ей по ноге, от бедра к туфельке. Конечно, этот фривольный жест вполне объяснялся ролью, ведь Гамлет – безумен, Гамлет провоцирует окружающих, ничуть не думая о чувствах нежной Офелии. Но все-таки Оля зарделась, даже сквозь грим был виден румянец, заливший ее лицо и даже шею. Голова Миши лежала у нее на коленях тепло и тяжело. От каждого его движения трепет пробегал по ногам… Оля могла коснуться его волос – и все те, кто смотрел сейчас на них, сочли бы этот жест всего лишь импровизацией… Но она так и не решается. Она не способна на такую дерзость. Она только смотрит на него восторженным, влюбленным взглядом, она произносит реплики дрожащим голоском, она вся лучится, когда он – на сцене, он – Гамлет, к ней – Офелии обращается!

Спектакль имеет грандиозный успех. Им аплодируют, как настоящим актерам, они скрываются за кулисами и вновь выходят на сцену – кланяться, и Миша держит ее за руку. А потом вдруг – за кулисами – когда в зале еще звучат аплодисменты, Миша вдруг

обнимает Олю и целует в губы долгим, совсем не братским и не шуточным поцелуем…

«Что за странное чувство! Сначала мне кажется, что я умираю от блаженства…»

Сердце ее замирает и тут же принимается колотиться, ноги – как ватные. Ее еще никогда не целовали так. Она невинна более, чем это возможно было представить себе в то время. Она не просто невинна – она абсолютно невежественна в вопросах секса. Конечно, об этом уже разговаривают даже в приличных домах и даже в присутствии девиц, из этого уже не делают тайны, постыдной и страшной… Но Олины родители, особенно отец Константин Леонардович, весьма ортодоксальны в вопросах воспитания. Они – суровые, честные московские немцы. И дочь их чиста как ангел.

«У меня теперь будет ребенок, – со страхом думает Оля. – Если меня так поцеловал мужчина, у меня непременно будет ребенок. Опозорена…»

…Потом она с иронией будет вспоминать об этом ужасном мгновении, но сейчас – сейчас она умоляюще смотрит на Мишу: «Миша, теперь ты обязан на мне жениться!» Он смеется, и Оля на миг каменеет от предчувствия унизительного отказа, но вот он с ласковой улыбкой берет ее руку, подносит к губам и говорит: «Чего еще я могу желать?» Оля облегченно вздыхает. Спасена! И чувствует себя такой счастливой… Еще вчера, еще сегодня утром, до начала спектакля, да что там – минуту назад они оба и не думали о том, чтобы пожениться. И вот – решение принято за несколько секунд. И – никаких сомнений.

С ее стороны – романтизм детской любви, пробуждающееся женское тщеславие, невежественный страх «последствий» единственного поцелуя.

С его стороны…

Любил ли Миша Чехов Олю Книппер?

Спустя десятилетия она твердо скажет: нет, не любил. Женился по расчету. Ее родители – состоятельные люди, ее отец занимает важный пост, впереди блестящая карьера. А Миша хоть и получает неплохое жалованье, живет бедно, ибо экономить не привык, с легкостью раздает полученное друзьям и много тратит на выпивку… Об этом его пристрастии мало кто знает. И уж Оля-то точно не догадывается.

Она вообще много о чем не догадывается… Она так наивна! И так влюблена! А он – расчетливо и гнусно воспользовался ее наивностью и любовью… Так будет думать Ольга Константиновна Книппер-Чехова спустя десятилетия, и возможно, какая-то крупица правды в этом есть, но – только крупица. Она назовет

свой брак с Михаилом Чеховым «сумасбродством, за которое впоследствии придется дорого расплачиваться».

Не более чем сумасбродство – с ее стороны.
Не более чем расчет – с его…

Большинство общих знакомых считали, что Михаил Чехов безумно любил свою прелестную жену.

А то, что решение о свадьбе было принято за несколько секунд… Этому тоже есть объяснение. И дело не только в легкомыслии Миши Чехова – таков уж был склад его души.

Из книги Михаила Чехова «Путь актера»: «В тринадцати-четырнадцатилетнем возрасте я был необыкновенно, катастрофически влюбчив. При первой же встрече с какой-нибудь девочкой я непременно влюблялся в нее, невзирая на ее внешность. Внутренние ее качества мне были не важны. Впрочем, я всегда отыскивал в ней какую-нибудь черту, которая приводила меня в восторг. То мне нравились ее брови, то улыбка, то какое-нибудь движение, то полнота, то худоба. Но я мог влюбиться и потому, что мне нравилось ее платьице. Я влюбился однажды в очень маленькую девочку за то, что она сыграла на рояле одним пальчиком какую-то детскую песенку. Словом, мне было все равно, за что влюбиться и как оправдать свою «любовь». Последней целью моей влюбленности всегда была свадьба. С первой же встречи я твердо решал жениться. И, приняв это решение, я уже ни на минуту не отходил от своей будущей жены. Но браки мои расстраивались обычно по двум причинам: или я намечал себе сразу несколько невест, и тогда брак был невозможен технически, или я до такой степени ни на шаг не отходил от своей будущей жены, что она, стесненная мной в каждом поступке, не выдерживала лишения свободы и пряталась от меня. Я страдал и ревновал ее ко всему и ко всем».

Он пишет о тринадцати-четырнадцатилетнем возрасте, но на самом деле оставался влюбчив на протяжении всей своей жизни. И возможно, в свои двадцать три года он искренне – за несколько секунд – влюбился в семнадцатилетнюю красавицу Олю Книппер. Если только не был влюблен в нее еще во время репетиций, по ее же признанию пронизанных атмосферой флирта…

Итак, решение принято. Но воплотить его в жизнь не так-то просто. Добиться благословения Олиных родителей Миша даже не надеялся. Венчаться решено тайно – «убёгом». Обоим – особенно Оле – это кажется таким романтичным! Ее похищают… Как будто вовсе не рациональный XX век на дворе! Тайное венчание… Как в пушкинской «Метели»! Правда, стоит погожий сентябрь и метелей не ожидается… К счастью! Ведь именно метель все разрушила у Маши и Владимира… А у Оли с Мишей

все получится, они будут жить долго и счастливо.

Чехова в одном из первых своих фильмов Мулен Руж

Миша находит деревенскую церковь в десяти километрах от Москвы и сговорчивого священника, который за небольшую мзду соглашается венчать без письменного разрешения родителей. Миша доверяется двум друзьям – они будут шаферами на тайной свадьбе.

Оля не может довериться никому. Дрожа от возбуждения, в предвкушении восхитительного приключения, Оля укладывает в дорожную сумку самые необходимые вещи: ночную рубашку, платье, домашние шлепанцы, щетку для волос, зубную щетку, коробочку с порошком, мыльце в фарфоровой мыльнице, и еще – книжку, которую в данный момент читает… Тщательно наряжается: белая шелковая блузка с пышными рукавами и

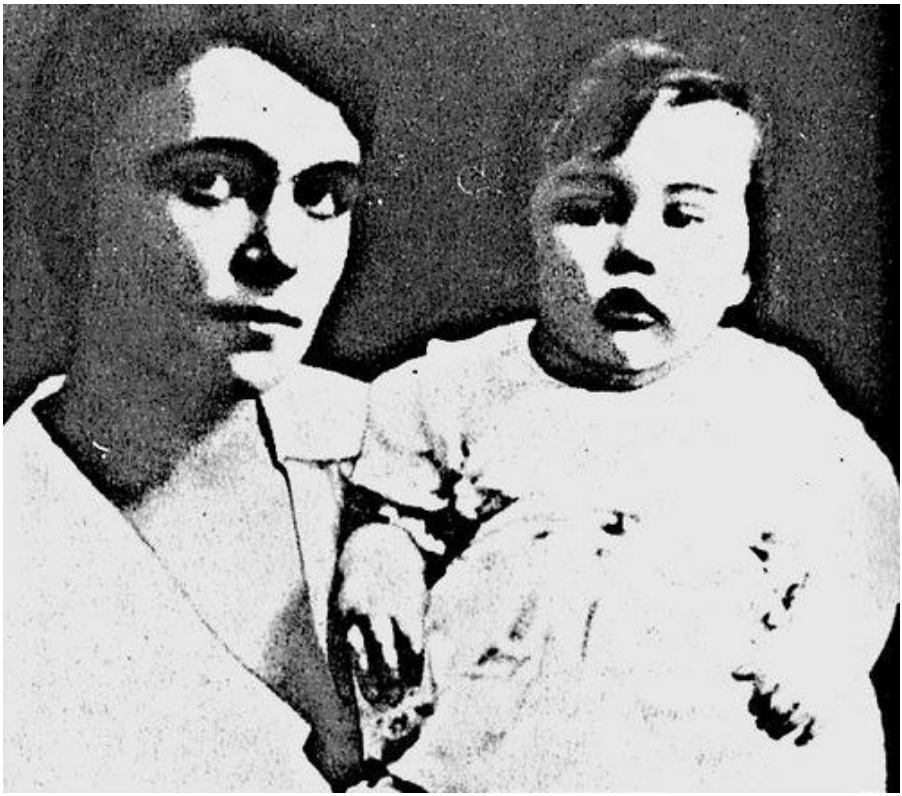
рюшами, узкая черная бархатная юбка, лакированные туфельки – они очень открытые и не слишком-то подходят для путешествия, но они так мило смотрятся на ее ножках! Она хочет быть очень нарядной и очень красивой для Миши. Сожалеет о том, что у нее нет духов в граненом хрустальном флакончике и пудры в фарфоровой баночке. Пудра ей, собственно, не нужна, у нее великолепная кожа, сама по себе гладкая, как фарфор, сверкающая свежестью и белизной… Но Оле всегда так нравились фарфоровые баночки с косметикой и флакончики с духами! До сих пор она могла о них только мечтать: папа считает неприличным для девушки краситься и пахнуть чем-либо посторонним, кроме чистой кожи и сухой лаванды, пакетики с которой укладывают в ящики с бельем. Но возможно, Миша ей купит хотя бы духи?

Ах, впрочем, с Мишей у нее будет все, что она только захочет! Она избавится от отцовской тирании… И начнется чудесная, новая жизнь. Только бы тетенька Ольга Леонардовна не почувствовала, не догадалась, не вмешалась, не предупредила побег! Как это случилось, когда Наташа Ростова хотела бежать с Анатолем Курагиным. Впрочем, Курагин был негодяй. Наташа никогда не была бы с ним счастлива. И потом, он был уже женат… Но Миша – Миша замечательный! Чудесный, добрый, честный. И Оля знает его с самого детства. От него уж точно не приходится ожидать неприятных сюрпризов.

Свадьба состоялась 3 сентября 1914 года.

Ольга Чехова в 1919 году

Оля встретилась с Мишей где-то в городе в назначенный час. Вдвоем поехали куда-то на окраину, где их ожидали шаферы. Потом – на двух дрожках – к месту венчания. Ехали долго. Оля успела замерзнуть в своей шелковой блузке и открытых лакированных туфельках. Радостное возбуждение сменилось страхом. Миша угрюмо молчал всю дорогу… И отчего-то сейчас казался ей чужим, совсем чужим. Ей вдруг расхотелось венчаться. Приключение, с таким нетерпением ожидаемое, перестало нравиться. Она начинает жалеть о том, что Ольга Леонардовна так ничего и не узнала и не воспрепятствовала побегу, а под конец путешествия – молится, чтобы хоть что-то случилось! Ну, пусть хоть колесо сломается! Или батюшка не явится в церковь… Не венчаться сегодня. Вернуться домой, в свой привычный мирок, из которого ей так хотелось вырваться. Хоть ненадолго отложить, хоть немного еще подумать! Ах, почему она не доверилась маме или Аде?! Возможно, они бы ее отговорили.



С *дочерью Адой*

Колесо не сломалось. И батюшка был на месте. Но деревенька показалась Оле такой убогой и бедной, на паперти было грязно, церковь – маленькая, будто часовенка, и крестьяне со свечами стояли – словно на похоронах… И что это за венчание – без хора, без фаты, без флердоранжа?! Зачем она только согласилась?! С тоской в сердце Оля Книппер шла под венец. В довершении всех бед испортилась погода. Похолодало, хлынул дождь, налетел ураган… Дверь церкви покачивалась от каждого порыва ветра, визжали проржавевшие петли, Оля нервно вздрагивала. «Дурное предзнаменование», – подумала она, выходя из церкви под дождь под руку с законным мужем.

Теперь она стала Ольгой Чеховой.

Под этим именем она войдет в историю.

…Михаил Чехов обо всей этой романтической суете вспоминал потом с нескрываемой иронией: «Если ты действительно ставишь жизнь ни во что, – сказал я себе, – соверши сознательно неразумный поступок, который отразился бы на всей твоей жизни». Я стал думать. Неплохо было бы жениться: и неразумно, и обременительно. Мысль эта понравилась мне. Но на ком жениться? У О.Л. Книппер-Чеховой гостили две ее племянницы, и я решил жениться на одной из них. Не надеясь получить согласие

ее родителей на брак, я задумал похищение и однажды ранним утром в далекой загородной церкви, подкупив священника, обвенчался без документов и формальностей. Свою молодую красавицу-жену я скоро горячо полюбил и привязался к ней. Со свойственным ей чутьем она угадывала, в какой душевной неправде я жил, старалась помочь мне, но все же тоска и одиночество не оставляли меня. В моем письменном столе лежал заряженный браунинг, и я с трудом боролся с соблазнительным желанием».

Из церкви приехали на квартиру к Мише. И там Оле тоже не понравилось: бедно и грязно. Крошечная, полутемная трехкомнатная квартирка. Оле и бывать-то не приходилось в таких домах, где неприятные запахи из кухни, от плиты и от помойного ведра достигают каждого уголка гостиной и спален! От матери и старой няньки буквально веет недоброжелательностью. Они даже не скрывают своего недовольства. Миша для них – семейное божество, единственный лучик света в беспросветном убожестве их жизни. Все в нем восхищает двух любящих женщин: экстравагантность, легкомыслие, распутство… Миша вовсю пользуется преимуществами новой морали и, как говорила впоследствии Ольга Чехова, «меняет подруг как перчатки». Но мать и нянька видят в экстравагантности только проявление его гения, а распутство – просто признак его мужественности. Да разве есть хоть что-то, чего бы они не простили своему милому мальчику? Даже его неожиданную женитьбу – они и это готовы простить ему. Но не его молодой жене! Красивая. Избалованная. Из богатой семьи. Последнее, впрочем, можно было бы расценить как преимущество, но они и в этом видят недостаток. А главное – она законная жена Миши! Если от многочисленных подружек Миша всегда возвращался к своей мамочке, если любовницы и помыслить не могли о том, чтобы соперничать с ней, с ее священными правами матери, то теперь положение изменилось радикальным образом: Миша женат, обвенчан, теперь он должен принадлежать жене – другой женщине – навеки!

Да, мать Миши принимает невестку с ревнивой неприязнью, именно как «другую женщину», желающую узурпировать ее власть, ее «права на Мишу». Свекровь смотрит на Олю с ненавистью. А Миша выглядит таким растерянным и виноватым… Словно действительно сделал что-то плохое и теперь ожидает от мамочки справедливого выговора. Оля понимает, что ждать от него защиты не приходится. Что касается няньки, неотлучно жившей при «барыне» и «бариче», то с ней – старой, наполовину выжившей из ума и по-деревенски наглой – дело обстояло еще

хуже.

Из книги Михаила Чехова «Жизнь и встречи»: «Няня никогда, до конца дней своих, не усвоила мысли о том, что я вырос. Точно так же реагировала она и на мою игру, когда видела меня на сцене МХТ. Когда я женился, она сразу же взяла под подозрение мою красавицу жену и, многозначительно кивая матери головой, шепотом говорила:

– Уж больно красива! Не обошла бы нашего-то. Ну да я дознаюсь!»

Недоброжелательные взгляды, убогое жилье, невкусный ужин на столе… Таким был вечер после свадьбы. Впрочем, даже если бы свекровь – а «свадебный ужин» готовила сама Наталья Александровна – и умела бы готовить, Оля все равно не смогла бы проглотить ни кусочка: в горле стоял горький комок.

Родители Ольги

Она только сейчас осознала весь ужас своего положения. Сбежать! Обвенчаться тайно! Ни слова не сказав родителям! О чем она думала? Как теперь ей объясняться с родными, с Ольгой Леонардовной? Какими словами рассказать им о тех чувствах, которые охватили ее тогда, после спектакля?!. Толкнули на побег… Возможно, Миша ей поможет, поддержит? Можно ли ей рассчитывать на него хотя бы при разговоре с ее родителями? Он выглядит таким подавленным…

Ужин проходит в молчании. После ужина, собравшись с духом, Оля просит Мишу позвонить Ольге Леонардовне, чтобы он сообщил, что Оля сегодня ночевать не придет. Потому что Оля вышла замуж. И жить отныне будет у своего мужа.

Миша звонит… Голос Ольги Леонардовны буквально грохочет из телефонной трубки, разносится на всю гостиную, и не только Миша, но и Оля, и мать, и нянька слышат ее без труда. Ольга Леонардовна требует, чтобы Оля немедленно вернулась к

ней, в ее квартиру. Одна, без Миши. Ольга Леонардовна просто не желает принимать всерьез их брак!

Мать и нянька выглядят довольными: это совсем неплохо – незваная и нежеланная невестка исчезнет, а драгоценный Мишенька останется с ними, и все будет по-старому…

Ольга Чехова с братом и сестрой.

Глядя на них, Оля тоже невольно думает, что это было бы неплохо: вернуться к Ольге Леонардовне, позабыть обо всем случившемся.

Но они ведь обвенчаны! Пути назад нет… Все равно все всё узнают.

Назревает грандиозный скандал – и, похоже, избежать его не удастся.

Из письма Михаила Чехова тетеньке Марии Павловне Чеховой (5.09.1914 года):

«Машечка, хочу поделиться с тобой происшедшими за последние дни в моей жизни событиями. Дело в том, что я, Маша, женился на Оле, никому предварительно не сказав. Когда мы с Олей шли на это, то были готовы к разного рода неприятным последствиям, но того, что произошло, мы все-таки не ждали. Всех подробностей дела не опишешь, и я ограничусь пока главными событиями. Думаю, что тебя это интересует до некоторой степени. Итак, женились. В вечер свадьбы, узнав о происшедшем, приехала ко мне Ольга Леонардовна и с истерикой и обмороками на лестнице перед дверью моей квартиры требовала, чтобы Оля сейчас же вернулась к ней. Затем приезжал от нее Сулер с просьбой отпустить Олю к Ольге Леонардовне на короткий срок поговорить. Взяв с Сулера слово, что он привезет мне Олю назад, я отпустил. Спустя час Оля вернулась, и Сулер стал настаивать, чтобы я отпустил Олю до приезда Луизы Юльевны жить к Ольге Леонардовне. Оля отказалась исполнять это.

Ольга Леонардовна звонила по телефону, и наконец в 4 часа ночи приезжает Владимир Леонардович и просит ради Ольги Леонардовны вернуться Олю домой. Я предоставил решить это самой Оле, и та, наконец, решила поехать к тетке, чтобы успокоить ее. Это первый момент происшествия.

2-й момент.

Ольга Леонардовна утверждает, что я якобы болен сифилисом, и опирается на тебя и дядю Ваню: вы-де сказали ей, что я сифилитик (так я слышал), – я ни минуты не сомневаюсь, что это ложь!

Луиза Юльевна приехала и услышала от Ольги Леонардовны о том, что я сифилитик, и естественно, отчаянию ее не было конца. Я беседовал с Луизой Юльевной, и мне, по-видимому, удалось убедить ее в том, что я никогда не страдал этой болезнью, а наследственного сифилиса, как тебе известно, в чеховском роду тоже нет!!

Теперь я решил отпустить Олю с ее матерью в Петербург, чтобы там приготовить отца и объявить ему о случившемся. Вот в общих чертах главнейшие моменты истории».

Приписка: «Постарайся сохранить это письмо в тайне».

И подпись: «Твой племянник-сифилитик Михаил».

Евгения Михайловна – бабушка Миши – вспоминала, что женитьба Миши и Оли «вызвала бурю негодования»:

«Положение Ольги Леонардовны действительно выглядело очень неловким: родители доверили ей дочь, а она не усмотрела. (…) Кроме того, отец Оли занимал довольно важный пост в Петрограде, а Миша тогда был всего лишь маленьким актером

“на выходах”.

Впрочем, уже в 1913 году Михаил Чехов под руководством Станиславского работал над ролями Кота в «Синей птице» Метерлинка, Фрибэ в «Празднике мира» Гауптмана и Епиходова в «Винтневом саде» Чехова; в начале 1914 года приступил к роли Миши в «Провинциалке» И.С. Тургенева и к роли Калеба в «Сверчке на печи» Ч. Диккенса. А еще в 1912 году Станиславский сказал Немировичу-Данченко: «Миша Чехов – гений». Вряд ли правомерно было называть его «маленьким актером “на выходах”. И все-таки для почтенного семейства Книпперов Михаил Чехов был не самым желанным зятем.

Итак, в вечер свадьбы Ольга Чехова вернулась в дом Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой и первую брачную ночь провела, рыдая в своей комнатке, на узкой девичьей постели.

Когда она собирала вещи, уже разложенные в комнате, предназначенной для их с Мишей совместного проживания, когда она уходила, молодой муж даже не пытался удержать ее.

Ольга Леонардовна тоже рыдает. И пьет успокоительные капли. В квартире пахнет ландышем и валерианой. Все случившееся – ужасно. Ольга Леонардовна просто не представляет, как сообщить обо всем брату… Зная его гневливость, несдержанность, болезненно-преувеличенное чувство собственного достоинства, она представляет, какова будет реакция на то, что родная дочь «ослушалась», а старшая сестра «недосмотрела»! В конце концов, она решается дать телеграмму невестке – матери Оли – Луизе Юльевне, Лулу. «Срочно приезжай – по поводу Оли». Лулу – спокойна и благоразумна, как истинная немка. Она что-нибудь придумает.

На следующий день чуть свет приезжает Луиза Юльевна Книппер. На известие о тайном венчании Оли она реагирует «на удивление хладнокровно»: «Вышла замуж… Что ж, слава Богу, это еще не самое страшное».

Ольга Леонардовна понемногу начинает успокаиваться. Луиза Юльевна отсылает ее отдохнуть и, оставшись наедине с дочерью, начинает первый в жизни Оли «взрослый» разговор. До сих пор мама разговаривала с Олей только как с ребенком, а сейчас – как с женщиной, как со взрослой женщиной! И от этого Оле еще страшней, и она плачет без перерыва. Луиза Юльевна говорит, что поскольку Оля самовольно, не испросив родительского благословения, вышла замуж, то теперь ей же самой и придется отвечать за последствия. Выручить из этой беды родители ее не могут. Но надо хоть немного благоразумия проявить в создавшейся ситуации: необходимо избежать хотя бы беременности. Надо сначала пожить вместе, получше узнать друг

друга… Дети на первых порах могут еще сильнее все осложнить. Дети привяжут их с Мишей друг к другу вовсе неразрывными узами – а кто знает, как все сложится, что ждет их впереди? Нет, никаких детей в первые годы супружества. Оле следует узнать некоторые женские секреты… И применить их на практике. «Взрослый» разговор растягивается на несколько часов, и Оля все это время плачет. В конце концов, не в силах глядеть на несчастное, опухшее от слез лицо дочери, Луиза Юльевна говорит: «Ты всегда можешь вернуться, если станет невыносимо». Она со своим зрелым опытом уже теперь предчувствует, что Оле будет «невыносимо» в семье мужа… И все-таки звучит это «если». Луиза Юльевна надеется: а вдруг все обойдется? Стерпится, слюбится, сладится? По-настоящему страшит ее мысль о том, что будет, когда Константин Леонардович узнает. Что ожидает Олю? Что ожидает всех их? При мысли об этом Ольга содрогается – и перестает плакать. Это слишком серьезно. Гораздо серьезнее, чем грядущие неурядицы со свекровью и нежеланные дети!

На следующий день, под вечер, Луиза Юльевна и Оля выезжают в Петербург. В комфортном спальном вагоне – тринадцать часов путешествия – без сна, в тревоге, в напряжении. Боятся обе. И этот страх их сближает. Луиза Юльевна решает, что сразу же по приезду Оля должна лечь в постель и сказаться больной. Константин Леонардович в это время будет в министерстве. Когда он вернется – ему скажут, что Оля спит. И основную тяжесть разговора Луиза Юльевна возьмет на себя… Оля бесконечно благодарна за заступничество – и сгорает от чувства вины перед матерью. А Миша даже не пришел проводить их на вокзал… Они с Мишей вообще не виделись с того момента, когда Оля вернулась в квартиру Ольги Леонардовны.

Луиза Юльевна советует Оле снять обручальное кольцо и надежно спрятать документы: чтобы Константин Леонардович в первые часы своего гнева не дознался, кто обвенчал их с Мишей, чтобы не устроил скандала. Оля снимает кольцо, руки ее дрожат… Мелькает мысль: брак их рухнул, даже и не свершившись по-настоящему. Дома она действительно ложится в постель… И плачет – «ревет, как белуга», по собственному ее выражению – никого, кроме мамы, не впускает в свою комнату, ни с кем не желает разговаривать… С ужасом ждет появления отца и неизбежной кары. Ожидание тянется два дня. Когда отец наконец входит в ее комнату, Оля применяет свой – в будущем – излюбленный метод: «лучший вид обороны – нападение». Она впадает в театральную истерику. И кричит – как тогда, при проверке Девушкиного табеля: «Я выброшусь из окна! Если ты будешь меня ругать… Если ты меня ударишь… Я выброшусь из

окна, слышишь?!» Она ожидает пощечины, но отец тихо гладит ее по голове и выходит. Возможно, он помнит, как в тот раз она действительно выпрыгнула из окна. Возможно, слишком подавлен новостью. Возможно, причиной был дипломатический талант Луизы Юльевны и она смогла уговорить гневливого мужа не усугублять страдания дочери… Оля и так горько раскаивается…

Оля действительно раскаивалась. И особенно остро – когда вскоре после возвращения в Петербург мама слегла с воспалением сердечной мышцы: сказалось нервное напряжение. Болезнь протекала тяжело, какое-то время Луиза Юльевна была на волоске от смерти – а может, так казалось Оле, измученной угрызениями совести? Во всяком случае, во время болезни мамы Оля приняла решение: если случится непоправимое, если мама умрет – она, Оля, уйдет в монастырь.

…«Монастырь» тоже вклинился в ее сознание из какого-то романа – или романов? «Или умереть, или – в монастырь, или – замуж за Дубровского». Умирать ей пока не хотелось, замужество было прошедшим этапом, так что оставался только монастырь.

Но к счастью, Луиза Юльевна поправилась. В своих воспоминаниях Ольга Чехова пишет, что мама болела полтора месяца. На самом деле – не так долго. Уже к концу сентября Ольга вернулась в Москву, к мужу. А произошло это не раньше, чем выздоровление Луизы Юльевны сделалось полным и очевидным.

Константин Леонардович объявляет о своем решении «спокойно и бесповоротно»: Ольга может – и должна – вернуться к мужу, только без денег, без приданого, без драгоценностей. Забрать из дома она может только свое белье и платья.

В Москву Оля едет первым классом. Только спустя многие годы – уже в Германии – она снова сможет позволить себе такую роскошь…

Миша встречает ее на вокзале. Он ласков, приветлив, но… Какое-то внутреннее напряжение между ними все-таки остается.

Они едут домой. Няня встречает их с приторной – и притворной – ласковостью. Готовит ужин, но она так стара, что у нее все валится из рук, и вот – все время что-то падает, гремит, свекровь покрикивает на няню, а нервы Оли напряжены до предела, она вздрагивает от каждого резкого звука… Когда садятся ужинать, становится еще хуже. Свекровь и нянька смотрят на нее с молчаливым неодобрением. Под их пристальными взглядами Оля просто не может есть! Наконец и это мучение позади. Оля может уйти в их с Мишей комнату. Миша помогает ей распаковать и разложить вещи.

Тем временем свекровь укладывается спать. Но заснуть не

может – стонет, охает, что-то бормочет ворчливо, потом зовет няню: почесать пятки перед сном. Оля о таком только в старинных книгах читала – она шокирована, совершенно шокирована и не может скрыть своих чувств от Миши. Миша смеется над ее щепетильностью. Говорит: «Ты привыкнешь, я ведь привык…» Просто – не следует относиться ко всему так серьезно. В жизни столько приятного! Например… Он целует Олю, пробегает руками по ее телу. Но того волшебного чувства, которое охватило Олю при первом поцелуе за кулисами, нет и в помине! Из спальни свекрови разносится заливистый храп. Из кухни – запахи еды и прокисшего помойного ведра. «Я устала», – горестно шепчет Оля. Но Миша продолжает целовать ее, шарить руками по телу, расстегивает одежду, ведет ее к постели… Их с Мишей постель! Сейчас они лягут… И… Не забыть бы мамины наставления. Никаких детей в первые годы брака! О, Господи, зачем ты допустил все это? Почему она, Оля, оказалась такой глупой, такой беспечной? Что бы не отдала в этот миг Оля за то, чтобы оказаться далеко-далеко отсюда, в своей спаленке в Царском Селе! И чтобы в окно лилось благоухание сада, чтобы мягко горел ночник, чтобы на подушке ее ждала интересная книга… Чтобы единственными звуками, нарушающими тишину, были шелест листвы – и сочный стук осыпающихся яблок… Как хорошо было лежать в своей постели, мечтая о чем-то возвышенном, прекрасном! О романтической любви! О Мише… Но только – мечтать. Чтобы не было наяву Миши – ее мужа – его требовательных рук и губ, и их с Мишей общей супружеской постели.

Ада Книппер, сестра Ольги, писала тетке: «Я от Оли всегда ожидала такой поступок, не с Мишей, так с другим… Ну что ж, дай Бог счастья. Миша мне не кажется плохим человеком, и, по-видимому, он ее любит. Потом, мне кажется, что любит она не его, а в нем человека талантливого, любящего и понимающего искусство, музыку. Ведь ей 17 лет только, и беда ему, если она прозреет, в чем я и не сомневаюсь».

Ольга прозрела скорее, чем ожидала Ада. Но чувство долга оказалось в ней сильнее эмоций.

«Жена моя красавица! Везет же таким курносым субъектам, как я! Матери моей, конечно, кажется, что я сделал подходящую партию, но тебе, Вава, скажу по секрету, что жена моя – не по носу табак (извини за грубость). Да, я думаю, нелегко тебе представить меня рядом с красавицей женой, семнадцатилетней изумительной женкой. Дуракам счастье».

Это строки из письма Михаила Чехова к В.М. Игнатьевой. Письмо датируется приблизительно сентябрем 1914 года. Оля

только что вернулась от родителей. Она чувствует себя одинокой и несчастной. И даже вообразить себе не может, что ее молодой супруг на самом деле так высоко ценит ее, что уже теперь он понимает, что женился не на женщине обычной, какая нужна была ему для счастья и покоя, а на сказочной жар-птице, и уже предчувствует, что ему эту птицу чудесную не удержать…

Ольга считала, что брак их – ошибка. Но тогда – в первый год супружества – ей и в голову не приходила мысль о возможности развода. Она считала, что замужество – это навсегда. И совершенная ею ошибка – непоправима. И от этого еще тяжелее было ей терпеть то, что стало для нее теперь повседневностью… Миша говорил: «Привыкнешь». Она честно пыталась привыкнуть, притерпеться… Но – не получалось. Слишком уж разительно отличалась ее нынешняя жизнь от той, прежней жизни в Царском Селе, с родителями, с Адой и Левой, от которой Ольга безоглядно убежала в замужество.

Тесная квартира, духота и вонь, отсутствие самого элементарного комфорта – это еще полбеды. К этому как раз, согласно энгельсовской «Диалектике», человек рано или поздно привыкает. Или хотя бы притерпевается. Оля притерпелась. Привыкла к общей с Мишей постели, к регулярному «исполнению супружеского долга», к пылкости Миши, вызывавшей у нее лишь гадливость… Труднее, нет – вовсе невозможно было привыкнуть к той атмосфере ненависти, которая окружала ее теперь. К больно ранящим оскорблениям, к чувству собственной бессильной ярости, переполняющим душу – и разъедающим ее, словно кислота.

Наталья Александровна, мать Миши, не в силах была простить невестке самого факта их с Мишей венчания. А уж когда Ольга вернулась из Петербурга, чтобы жить с Мишей, и сообщила, что родители отказали в приданом… Вот когда началась настоящая травля со стороны свекрови и няньки! Прежняя нескрываемая недоброжелательность сменилась откровенной ненавистью. С раннего утра до позднего вечера Наталья Александровна и Маша – так звали старую няню – обсуждали между собой недостатки Ольги, ничуть не смущаясь ее присутствием, и даже напротив – нарочно стараясь, чтобы она все слышала. Говорили о ней в третьем лице: «она». Все привычки Ольги, каждый ее поступок, каждое сказанное ею слово, даже выражение лица – все становилось предметом обсуждения двух пожилых женщин и вызывало либо насмешку, либо агрессию.

Они подозревали ее в неверности Мише… Как с первого дня повелось, со слов няньки Маши: «Уж больно красива! Не обошла бы нашего-то. Ну да я дознаюсь!» – так и продолжалось во все

время их с Мишей супружества. Когда Ольга собиралась куда-то – ее провожали подозрительные взгляды, перешептывания, «коварные» вопросы, вроде – «знает ли Миша, куда она идет», «для кого она так нарядилась», «почему так весела (или напротив – встревожена)». Когда Ольга возвращалась… Повторялось все то же самое, разве что список вопросов менялся («почему долго отсутствовала», «довольна ли свиданием», «почему весела (или печальна)»).

От Миши защиты ждать не приходилось. Миша обожал мать и, кажется даже, чувствовал какую-то вину за то, что женился, привел в их с мамой жизнь эту хорошенькую, надменную девушку с холодными глазами, да еще и – как выяснилось уже после свадьбы – без приданого!

Правда, через некоторое время после свадьбы Константин Леонардович, отец Ольги, успокоился немного, смирился с выбором дочери и начал помогать материально молодой семье. И даже принимал Мишу и Олю у себя. В письме к тетеньке М.П. Чеховой (от 8.05.1915 года) Михаил Чехов пишет уже, что «принят он здесь у Олиных родных чудесно». Так что вроде бы скандальная история закончилась благополучно, но… Увы. В письме – приписка: «Стремлюсь домой к маме, и если бы мне не было так хорошо у Олиных, то я давно погиб бы от тоски».

Скандальная история закончилась благополучно только для одной стороны – для Книпперов. Для Чеховых она продолжалась… Наталья Александровна считала, что денег, посылаемых Оле отцом, мало. Что ее замечательный, гениальный сыночек заслуживает большего. И продолжала грызть невестку в тайной надежде, что та не выдержит и сбежит, оставив их с сыном.

Будь Олечка воспитана иначе – она бы не выдержала. Но отец вбил в нее слишком суровые понятия о долге. Она вышла замуж – и теперь должна жить с мужем, невзирая ни на какие трудности. Она совершила опрометчивый поступок – и теперь должна расплачиваться. Сама. Должна. Должна… И она жила с Мишей и расплачивалась, расплачивалась за свою наивность и романтичность – каждый день, каждый час.

К тому же именно сейчас родителям было не до Оли с ее семейными проблемами – у них и собственных семейных проблем хватало! Потому что в хрупком, болезненном Леве взыграла вдруг некая дерзновенная отвага, и взмыла юношеская душа его на волне всеобщего патриотизма (тогда еще положение русской армии не было таким уж отчаянным) – и Лева сбежал на фронт.

Владимир Владимирович Книппер, двоюродный брат Ады, Оли и Левы, писал в своей книге «Пора галлюцинаций»: «Да, было

так. В начале Первой мировой войны 16 лет от роду сын немцев бежит на фронт сражаться против немцев за вскормившую его землю. Леву насильно возвращают в Москву. Вопреки воле родителей он служит вольноопределяющимся в западной части, при первом удобном случае добивается отправки на фронт. Участвует в боях. Летом 1917 года Лева поступает в Орле в школу офицеров конной артиллерии».

Впрочем, пока еще Лева только сбежал на фронт и его еще не вернули, и дальнейшее развитие событий родные не могут даже предугадать, и мысли у них, и предположения о судьбе его – самые страшные. И не до Оли им, не до Оли… Ее своевольство и ее страдания – на фоне поступка Левы и его возможной печальной участи – кажутся родителям такой мелочью!

Это было худшее время в жизни Ольги Чеховой. Хуже уже не будет. Никогда.

«Михаил Чехов очень тяжело переживал расставание с Ольгой. «Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: «Какой ты некрасивый. Ну, прощай. Скоро забудешь». И, поцеловав меня дружески, ушла»».

Какие бы испытания ни спосылала ей судьба в ее будущей жизни, стоило вспомнить годы первого замужества – и все казалось простым, легким и преодолимым. Она так закалилась в эти три с половиной года, что ничто уже после не могло сломить ее: нищета, тяжелые утраты, опасность, болезни – она сможет выдержать все. Потому что уже смогла выдержать это: брак с Мишей Чеховым и тесное общение со свекровью.

Понимая, что победить неприязнь Натальи Александровны и Маши или как-то расположить их к себе невозможно, Олечка старалась как можно меньше бывать дома – особенно в отсутствие Миши – и стала посещать занятия в Первой художественной студии у Станиславского. Это был особенный мир, непохожий на мир внешний – мир, населенный особенными, необыкновенными людьми. И именно поэтому, погрузившись в жизнь этого особенного мира, можно было отрешиться от мира внешнего, забыть все то горестное, что ожидало ее по возвращении. Из книги Михаила Чехова «Путь актера»: «Зависти и интриг в МХТ не было. Станиславский и Немирович-Данченко приучили нас любить театр больше, чем собственную карьеру и выгоду. Но жажда играть была одинаково велика у всех. Пьес в театре шло сравнительно мало, и актеры не могли изжить вполне своей страсти к игре. Т.Х. Дейкарханова рассказывала мне, что даже Москвин, столько переигравший на своем веку, не был удовлетворен до конца и играл для себя. Он «хоронил» актеров и

актрис МХТ, соглашавшихся на это. «Покойник» или «покойница» клались на стол, а Москвин служил панихиду, обливаясь слезами. Или он брал сделанный по его просьбе из картона маленький детский гробик, садился на извозчика и ездил по улицам Москвы, без шапки, крестясь и плача. Народ останавливался и тоже крестился».

Олечка посещала занятия студии в качестве вольнослушательницы, потому что актерского таланта тогда еще никто в ней не признавал и сама она не осмелилась бы держать экзамен. Но благом было для нее даже просто послушать споры о трактовке пьесы, того или иного образа, длящиеся порой до самой генеральной репетиции, просто посмотреть, как Константин Сергеевич Станиславский учит вживаться в роль. Он всегда требовал предельной концентрации и дисциплины. Вне зависимости от того, играл актер главную роль или был занят во второстепенной, в гримерную он должен был прибыть за час до спектакля. Чтобы успокоиться, расслабиться и – вжиться… Прямой переход: от улицы, извозчиков, повседневных проблем – к сценическому образу – Станиславский считал невозможным. За опоздания карал сурово: за первое – предупреждение, за второе – штраф пять рублей, за третье – штраф десять рублей, а если опоздания продолжаются – увольнение за «неуважение к группе». Впрочем, до этого ни разу не дошло. Кроме того, Станиславский считал, что каждый актер в студии должен попробовать себя и в других «театральных профессиях»: так, студийцы дежурили за кулисами, помогали помощнику режиссера, следили за реквизитом, участвовали в работе сценографа. И это – помимо уроков непосредственно «по специальности»: в частности, Ольга Чехова вспоминала пантомиму через ритмическую гимнастику и постановку дыхания, уроки музыки, лекции по истории театра и костюма… Когда пьеса оказывалась изучена «как следует», то есть «до последней точки», начинались многочисленные «живые прогоны», вызывавшие у некоторых нетерпеливцев – к коим, кстати, относилась и Олечка, – «горькое разочарование и взрывы отчаяния»: еще бы – ведь приходилось репетировать по 150–200 раз! Это бывало поистине мучительно. Чехова вспоминала, что одна из соучениц упала без сил прямо на сцене и заплакала: «Я больше не могу!» На что Станиславский холодно ответил: «Нет ничего, чего не мог бы актер – когда он талантлив. Если вы иного мнения, то поищите другую профессию». Сама Олечка частенько бывала «иного мнения», а потому и не помышляла всерьез о профессии актрисы. Впрочем, она еще не осознавала тогда, что по сути своей является актрисой кинематографической, а не театральной.

Спустя два года после описываемых событий – в 1916 году – величайшая актриса немого кино ослепительная Вера Холодная откажется от чести играть у Станиславского в «Грозе»: именно потому, что ей покажутся невыносимо скучны бесконечные репетиции и следующие за ними бесконечные представления одного и того же спектакля… Куда как интереснее работа в кино: в январе играть графиню, в феврале – рыбачку, в марте – монашку, и к тому же – самой видеть плоды своего труда на экране! Совсем скоро и Ольга Чехова познает эту радость…

Константин Сергеевич Станиславский действительно слишком много требовал от своих актеров. По его мнению, актер прежде всего должен был обладать «интеллигентным сердцем», то есть быть существом особенным, тонко чувствующим даже то, что вовсе не поддается определению словами… А «вживание» в роль иной раз доводилось до абсурда. Так, когда ставили «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина, Михаил Чехов играл Моцарта, и ему – грубоватому, угрюмому, агрессивному – не хватало некой рафинированности, легкости и изящества, без которых немыслим кавалер эпохи рококо. И тогда Константин Сергеевич потребовал, чтобы Миша каждый день в течение недели обедал у него дома. И во время этих обедов соблюдались застольные обычаи XVIII века, и таким образом Миша Чехов «вживался» в образ Моцарта. Необходимость вести себя галантно в течение нескольких часов – а главное, принуждение к галантному поведению – были просто невыносимы для Миши, всякое принуждение ненавидевшего. Чехов страдал, устраивал истерики… Дома, разумеется. А в гостях у Станиславского и в студии старался изо всех сил и через некоторое время действительно превратился в «грациозного, элегантного, благовоспитанного кавалера», чем несказанно удивил Олечку. Пожалуй, она могла бы снова влюбиться в него сейчас… Если бы виделась с ним только в студии. Ведь несмотря на тяготы, атмосфера студии Станиславского была легкая, веселая, дружелюбная, весьма располагающая к любви и флирту, – прямая противоположность тому, что ждало Олечку дома. Зависть и интриги, так свойственные закулисному миру, Станиславский безжалостно изживал. К тому же все студийцы были еще очень молоды. В студии бытовало множество «своих», оригинальных анекдотов, в частности – такой фривольный (его приводит в своей книге собиратель исторических анекдотов и мифов поэт Юрий Борев): «Королева Англии заскучала. Врачи велели подданным исполнять любое ее желание. Ее спросили, чего она хочет. Она ответила: «Хочу спать с Цезарем». Парламент долго думал, как выполнить желание царствующей особы. Наконец сообразили: великого актера Кина загримировали под

Цезаря, и он провел ночь с королевой. Та осталась довольна. Через некоторое время королева захотела Нельсона – и опять выручил Кин. Королева осталась довольна. Потом королева сказала, что хотела бы спать с великим актером Кином. Послали за Кином. Он воскликнул: «Это невозможно! Я импотент». Вот что такое перевоплощение по системе Станиславского!» Исторически этот анекдот не совсем верен: английский актер Эдмунд Кин (1787–1833) – именно его называют «Великим Кином» – не был импотентом, ибо у него был сын, тоже весьма известный актер Чарлз Кин (1811–1868), чье внешнее сходство с отцом не оставляло никаких поводов для сомнения в их кровном родстве. Но впрочем, кто требует от анекдота исторической достоверности? Главное – чтобы было весело! И было весело…

Если бы не необходимость возвращаться вечером домой, Олечка, наверное, могла бы почувствовать себя счастливой. Но домой приходилось возвращаться, а дома ждали свекровь и нянька… И дома Миша был совсем другим. Галантный и остроумный Моцарт исчезал. На его месте оказывался «капризный сынок с барственными замашками» (как презрительно охарактеризовала его сама Ольга Чехова). А рядом с ним – две обожающие его старухи, готовые во всем ему угождать.

Помимо посещения занятий у Станиславского Олечка поступила учиться в Училище живописи, ваяния и зодчества. Мама давно – в детстве еще – говорила, что ей следует учиться… Всему, к чему только душа лежит. Учиться актерскому мастерству. Учиться рисовать. Рисовала Олечка действительно прелестно. И прилежно. Надев просторную холщовую блузу поверх нарядного платья, повязав волосы косынкой, целые часы проводила за переносным мольбертом. Правда, особого таланта у нее так и не выявилось, но все-таки… Учеба отвлекала ее от кошмарной повседневности. Чем больше был занят ее ум – тем меньше страдала душа. У нее появились новые интересные знакомства – как в студии, так и в училище. Появилась возможность читать все книги, какие только захочется, а не только те, которые разрешает читать папа. Ницше, Шопенгауэр, модные натуралистические романы, азиатская философия, йога… Она жадно впитывала все, до чего только могла дотянуться. Жила «своей жизнью», старательно отгораживаясь от повседневности – от Миши, свекрови и няньки. Свекровь продолжала брюзжать… Нянька по-прежнему подозревала Ольгу во всех смертных грехах… А Миша между тем вернулся к прежним своим привычкам, в том числе – к свободному флирту с многочисленными поклонницами. И мама с няней всецело его в этом поддерживали, считая подобное поведение «проявлением

мужественности», радуясь, что обожаемый мальчик развлекается, что «законная власть» законной жены оказалась непрочной, а может быть – втайне надеясь, что уж этого-то ненавистная невестка не выдержит и уйдет.

Олю поведение Миши раздражало, конечно, но в глубине души она была уверена, что муж ей верен. Ей даже в голову не пришло бы подозревать его в изменах! Ее родители были абсолютно верны друг другу, и все порядочные супружеские пары хранят верность, а если где-то в мире и случаются измены, то это только с людьми недостойными или совсем уж несчастными. Они с Мишей, конечно, не очень счастливы… Но не до такой же степени они несчастны, чтобы опуститься до измен! Нет, нет, Оле это казалось просто невозможным. Со всей искренностью духовно чистого и цельного человека она верила мужу – и удивлялась недоверию к ней со стороны его матери и няньки… Она, Оля, – порядочная девушка из порядочной семьи. Она не давала и не даст повода подозревать себя в каком-то недостойном поведении. Наверняка эти женщины не совсем здоровы душевно, раз могут подозревать ее. Но уж она-то нормальна, здорова и достаточно порядочна, чтобы не унижать Мишу гнусными подозрениями!

Она довольно долго еще пребывала в неведении. Жила своими увлечениями, своими мечтами. Правда, мужчинам и любви в ее мечтах больше не было места. Она разочаровалась. Тогда считала – что навсегда. Сначала – жестокий, несдержанный отец с замашками тирана, потом – безвольный, капризный и такой же несдержанный муж… Откуда взяться уважению к мужчинам и тому восхищению, без которого любовь никак не может зародиться? Отец и муж – двое мужчин, которых она близко знала… И так похожи! Не может же это быть просто совпадением? Наверное, все мужчины таковы в сути своей! Просто прячутся под разными личинами до поры до времени… Нет, нет, с нее хватит. Она не будет любить больше никогда. От любви – одно только горе. Любовь – обман, иллюзия, придуманная писателями… Писателями-мужчинами – с целью обмануть женщину, заманить ее в ловушку любовной связи или законного брака, принудить к исполнению своих непристойных желаний!

В свои семнадцать лет Олечка ни физически, ни духовно не была готова к супружеству Да и Миша был слишком молод, и ему тоже не хватало много: мудрости, опыта и душевного такта, а главное – любви… Он не смог сделать ее счастливой. Впрочем, он даже и не пытался. По сути, Оля и теперь, через год после свадьбы, интересовала его так же мало, как тогда, когда они были детьми – угрюмым подростком и прелестной девочкой. Да, он

гордился ее красотой, ему нравилось наблюдать то впечатление, которое производила его юная жена на других мужчин – на студийцев, на художников из училища, на знакомых дома, на кузена Владимира, по-прежнему безнадежно влюбленного, – но сама Оля его совсем не интересовала. Он по-прежнему относился к ней как к маленькой девочке с белым бантом на голове. Он видел в ней все ту же маленькую девочку. Он так и не смог по-настоящему увлечься ею как женщиной, несмотря на всю ее красоту. Другие женщины – пусть даже менее красивые – вызывали в нем больше влечения. И он изменял Ольге – без малейшего зазрения совести.

Из письма Михаила Чехова тете Марии Павловне Чеховой (датируется приблизительно летом 1915 года): «Веришь ли, Маша, как хорошо ничего не делать! Сидим все трое хотя и в городе, но все же в отдохновенном состоянии. Капсульке моей не особо приятно сидеть в городе, ибо она мечтала о набросках где-нибудь этак в полях и лесах, но что делать, было бы ей не выходить за меня. Вышла бы хоть за Володьку (ведь он за ней ухаживал и предложение приезжал делать ейным родителям), но она предпочла разделить со мной мою славу, нежели быть «мировой судьихой». Очень советую Володьке идти на сцену – во-первых, доходно, а во-вторых, легко».

Владимир Иванович Чехов как раз в то время учился на юридическом факультете Московского университета. И по-прежнему был влюблен в Ольгу. Видел, как скверно складываются ее отношения с Мишей и Натальей Александровной. Уговаривал уйти от Миши. Обещал жениться, увезти ее далеко-далеко и сделать все для ее счастья.

Но Оля не верила. Она вообще больше не верила мужчинам, к тому же Володя Чехов был очень похож на своего двоюродного брата, только того нервического, экспансивного, что так не нравилось Оле в Мише, в нем было еще больше, и это внушало ей опасения… Как выяснилось довольно скоро – отнюдь не беспочвенные.

Пока же Владимир Чехов был одним из множества поклонников – правда, досаждал больше, чем остальные, да и неприятностей из-за него у Оли было больше, чем из-за остальных: свекровь брюзжала, что мало Оле было одного Мишеньки, она и Володечку стала приваживать, обоим хочет жизнь испортить, поссорить их между собой хочет, не век же Мишеньке терпеть ее бесстыдство… Разумеется, в настойчивых до бестактности ухаживаниях Владимира была виновата только сама Оля: она его поощряла. Без поощрения он не стал бы вести себя так нагло. Ведь Наталья Александровна знала Володю с детства,

он был таким славным мальчиком! Ну, не настолько славным, как ее Мишенька, но все-таки хорошим. И если бы не дурное влияние Оли, если бы не ее злобное желание поссорить кузенов и внести новый разлад в дружную семью Чеховых… Володечка никогда не посмел бы оскорбить Мишеньку наглыми ухаживаниями за его, Мишеньки, недостойной женой! Да и потом, ни один мужчина не станет так ухаживать за женщиной, не сможет любить ее так долго (особенно после того, как его отвергли и предпочли ему другого), если его не поощрять самым бесстыдным образом! Это Наталья Александровна тоже знала наверняка. Ведь за ней никто никогда так не ухаживал, как ухаживают за ее невесткой! Она была порядочной девушкой, затем – почтенной замужней женщиной… Настолько порядочной и почтенной, что никто просто не осмеливался за ней ухаживать! А если бы желающие и появились – она бы не стала их поощрять! Разумеется, в расчет не принимался «внешний фактор», то есть то, что Олечка похожа на фарфоровую саксонскую статуэтку, а сама Наталья Александровна и в юности была худа, желта, длинноноса, с жидкими волосами и костлявым, на редкость несимпатичным лицом. А может быть, именно «внешний фактор» усиливал ее ненависть к невестке. Ведь сама Наталья Александровна могла бы и вовсе не выйти замуж, не встреть она вовремя небогатого и сильно пьющего вдовца, обремененного двумя маленькими детьми… Она заменила сироткам мать! Правда, едва оперившись, птенчики постарались как можно быстрее и дальше улететь из-под крыла заботливой мачехи. Да и муж никогда не был ей верен. Впрочем, все это неважно. Главным в ее жизни был Миша. И будет. Всегда. Она все сделает для его счастья. Все.

В феврале 1916 года Оля почувствовала себя беременной. Не помогли ей мамины советы… Природа взяла свое.

Ребенка она не хотела. Впрочем, нет: «не хотела» – мало сказать. Беременность стала для нее настоящей трагедией. Она понимала, насколько рождение ребенка усугубит ее нынешнее тяжелое положение: и моральное, и материальное. Они и так живут бедно и плохо, в несбыточной надежде на какие-то грядущие улучшения. Можно представить, какая жизнь ожидает их, когда появится ребенок! Ведь ребенок требует столько затрат… Особое питание, возможно – кормилица, потом – нянька, не могут же они доверить ребенка ополоумевшей старой Маше, консультации с доктором, если ребенку вздумается хворать, да еще – бесконечные одежки, и особенно дорого стоит обувь, из которой ребенок мгновенно вырастает, к тому же для ребенка придется снимать на лето дачу… Как они выживут с этим грузом на плечах? Сейчас Оля может убегать от кошмара домашней

жизни в Училище живописи или в Художественную студию. А когда родится ребенок… Целые дни, недели, месяцы ей придется проводить с ним дома! С ним – и со свекровью, с нянькой! Сколько лет пройдет, пока ребенок вырастет и его можно будет оставлять без присмотра… Она сойдет с ума, она состарится за эти годы!

Оля впала в черное отчаяние. Ей всего восемнадцать лет, она не готова к материнству! Она не хочет похоронить себя заживо, стать рабыней какого-то другого, непонятного и нежеланного существа – ребенка! Она даже и не понимала, что такое – ребенок. Не чувствовала в себе зарождения новой жизни, нового человека. Не хотела этого нового человека. Хотела оставаться самой собой. Не отвечать ни за кого другого. Сохранить хотя бы жалкие остатки свободы. Ради этого она готова была рисковать здоровьем и даже жизнью… И она рискнула.

У нее не было подруг, которым она могла бы довериться настолько, чтобы попросить найти акушерку. Но некоторые народные средства были ей известны. Надеясь вызвать у себя выкидыш, она поднимала тяжести, прыгала со стульев и шкафов, принимала горячие ванны с горчицей, покупала в аптеках и настаивала на спирту какие-то травы, глотала порошки, которые аптекарь рекомендовал ей вкрадчивым шепотком… Все что угодно, лишь бы избавиться от беременности! От этого ребенка, страшного, нежеланного, который прикует ее к Мише и к дому еще более тесными узами.

Мише она все-таки сказала о своей беременности. Решила не таиться, чтобы не появилось потом сомнений и подозрений: она и без того устала от постоянной маниакальной подозрительности свекрови и няньки. Миша был так удивлен и растерян, словно не знал, что в результате приятных для него «супружеских обязанностей» иной раз появляются дети! Неопределенно пожав плечами и усмехнувшись, он ушел… Оставив Олю в полном недоумении относительно своих мыслей по поводу будущего отцовства.

Вызвать выкидыш не удалось. Впервые в жизни Оля сожалела о своем телесном здоровье. Прекрасный цвет лица, стройное тело, выносливость – это все приятно, но вот горчичные ванны и прочие испытанные женские средства на нее не действовали: ребенок жил и рос. Ей самой, своим собственным здоровьем пришлось расплачиваться за порошки и настои: вся эта проглоченная ею отрава оказала влияние на почки. Оля слегла с острой болью. Сначала радовалась, надеясь, что боль – признак приближающегося выкидыша. Но врач «успокоил» ее. И посоветовал больше лежать и больше пить.

Лежать – это значит целые сутки проводить дома. То, чего она, собственно, больше всего боялась. А из-за неумеренного потребления жидкости она опухала настолько, что не только Мише на нее – самой на себя противно было смотреть. Под глазами набухли мешки. Ноги не втискивались в туфли. Живот раздулся так, что казалось – она ожидает рождения не одного, а сразу нескольких младенцев! Впрочем, это ее уже мало волновало: один, или два, или даже три ребенка – не имеет значения. Все равно отныне она – пленница.

Немного поправившись, Оля начала уходить на долгие прогулки: хоть несколько часов в день отдыхать от общества Натальи Александровны! Правда, прогулки давались ей тяжело: она быстро уставала. Вновь посещать Художественную студию или Училище ваяния и зодчества она не могла: беременность сделалась слишком заметной, а в те времена появление в общественных местах женщин «в интересном положении» еще считалось неприличным. Да и вредным для матери и будущего ребенка. Так что Оля бродила по улицам, сидела на лавочках, заходила в кофейни. Стояла весна, как-то раз Оля промочила ноги, продрогла на ветру – и простудила свои уже больные почки. Снова слегла… Но едва окрепнув, опять отправилась на прогулку – подальше от дома.

О том, что муж ей неверен, Ольга Чехова впервые узнала, когда была на седьмом месяце беременности. После всю свою жизнь с горечью вспоминала она, как вернулась домой с очередной дальней прогулки усталая и обнаружила в своей комнате свекровь и няню. Они сидели и штопали в каком-то загадочном молчании. В ответ на просьбу Оли перейти в свою – в их – комнату обменялись насмешливыми улыбками, смотрели на нее – измученную, опухшую – с нескрываемым злорадством. Не понимая причин этой внезапной оккупации ее комнаты, Оля решила: коли уж так этим двум женщинам захотелось посидеть здесь – пусть сидят, а сама она может отдохнуть и в их комнате. Но двери их комнаты – двери материнской спальни! – были заперты, и Оля услышала приглушенный женский смех… Через несколько минут двери отворились и появился Миша. С одной из знакомых девушек-студиек. При виде Оли девушка покраснела и принялась сконфуженно хихикать. А Миша жену попросту «не заметил». Он пошел провожать свою гостью, мимоходом кивнув матери со словами: «Теперь можете возвращаться». Покидая комнату Ольги, свекровь взглянула на потрясенную невестку с ненавистью и торжествующе улыбнулась. Ей всегда хотелось, чтобы Оля знала, что для Миши она не единственная женщина, что супружество ничего не изменило, что единственной для

Миши всегда останется только его мамочка, а женщины будут приходить и уходить, меняться… Наталью Александровну раздражала наивность и слепота невестки, но теперь наконец-то Ольга обо всем узнала! А Оля внезапно, в один миг, словно вспышка озарила все дни ее супружества, до самого первого! – вдруг поняла все то, что прежде просто не замечала в своей наивности. Все те намеки и шутки, проскальзывавшие в беседах студийцев. И то, почему так загадочно переглядывались и усмехались при виде ее студийные «барышни». Она была потрясена, оскорблена, унижена настолько, что даже боли от этого удара почувствовать не смогла. Душа ее словно онемела. Зато усталое тело взывало о покое. И Оля легла спать, не дожидаясь возвращения Миши.

Из письма Михаила Чехова к О.Л. Книппер-Чеховой (от 18.06.1916 года): «Ольга Леонардовна, здравствуйте! Приятно было получить от Вас письмо. К удивлению своему, замечаю, что с интересом жду появления моего дети. А вдруг из меня выйдет превосходный отец?» Подпись почтительная: «Ваш М. Чехов». Кажется, «сифилитик» благополучно забыт… И внешняя благопристойность вроде бы соблюдается. По крайней мере в письмах.

Лето Оля вместе с Мишей и Натальей Александровной проводила на даче.

Не на своей роскошной даче и не на даче Ольги Леонардовны, а в крохотном примитивном домике, который снимался у владельца на лето – да и приспособлен был только для жизни в теплый период. У владельца было несколько таких домиков – целый поселок, сродни современным дачным кооперативам. И разумеется, уже к середине лета вся отдыхавшая на дачах молодежь перезнакомилась, передружилась и образовала «дачное общество». Все вместе гуляли, катались на лодках, ходили в лес, играли в теннис на корте, выстроенном в центре поселка.

Миша Чехов был душой компании. Его обожали, а его беременную жену терпели «из жалости». Считали, что в ее положении ей следовало бы не гулять, а сидеть в плетеном кресле под сенью чахлого садика, рядом со свекровью, шить чепчики и распашонки, вязать пинетки и что там еще полагается делать беременным? – но уж точно не следует ходить повсюду за мужем, отравляя компании все веселье! Тем более что она так медленно передвигалась со своим огромным животом, на распухших ногах… И выглядела такой скучной…

Да, в этой «дачной компании» Олечку считали на редкость скучной особой. А еще – некрасивой. Она действительно не

лучшим образом выглядела в то лето… И юные, не обремененные скорым материнством девушки выглядели на ее фоне просто обворожительно! Особенно – одна из них. Ксенечка Зиммер. Кстати, тоже из русских немцев, как и Оля Книппер. Невысокая, очень подвижная, с мускулистой фигурой спортсменки, не то чтобы некрасивая – обыкновенная, ничем не выделявшаяся среди других, кроме юности и живости… Она и сравниться не могла бы с красавицей Олей! Еще год назад, но не теперь… Теперь – рядом с беременной, больной, усталой Олей – веселенькая вертушка Ксенечка, видимо, выигрывала. Особенно – в глазах Михаила Чехова. Возможно, она казалась ему столь привлекательной потому уже, что не была его женой, не ожидала рождения его ребенка, не была холодна к нему, но напротив – всегда весела, готова к флирту и даже к чему-то большему… Во всяком случае, Ксенечка Зиммер внешне вела себя достаточно развязно, так что любой мужчина мог надеяться на ее благосклонность. А особенно – избалованный женским вниманием Михаил Чехов, в которого Ксенечка Зиммер была влюблена.

Сначала они просто гуляли и часами играли в теннис: Миша играл хорошо, Ксенечка – посредственно, но с радостью «училась» у него. Потом они вдруг полюбили уединение… Несколько раз вдвоем «заблудились» в лесу… Присутствие Оли, всюду сопровождавшей мужа, им мешало. Ксенечка считала ее навязчивой, ревнивой и косной. А Оля попросту не хотела оставаться рядом со свекровью. И из двух зол – из двух неприятных ей компаний – выбирала зло меньшее: общество веселой молодежи, где Миша и Ксенечка открыто флиртовали друг с другом. Она пыталась делать вид, что ей безразлично поведение мужа… Но не всегда это удавалось.

В конце августа за три недели до предполагаемого срока родов Ольга наблюдала за тем, как Миша и Ксенечка играют в теннис.

Обворожительные улыбки, многозначительный взгляды и пожатия рук – в ход пущены все милые уловки, знакомые влюбленным…

«Возможно, мне удастся исправить ваш удар слева…»

Миша берет Ксенечку за запястье, показывает ей какое-то движение… Ксенечка приникает к нему всем телом… И губы его украдкой касаются ее щеки… Но летнее солнце играет на их лицах, и этот поцелуй не удается скрыть, и Ксенечка конфузливо усмехается, косясь на Олю.

А Оля чувствует, как в этот самый миг поворачивается внутри ее ребенок… Ребенок Миши, который скоро должен появиться на свет! Их ребенок!

Она – беременная – стоит и смотрит, как ее муж флиртует с другой. А ей ведь только девятнадцать лет! Возможно даже, она моложе этой девушки!

И вот тогда она не выдерживает. Она принимается плакать. Она кричит Мише какие-то обвиняющие – и справедливые – слова…

Она хочет, чтобы он ушел отсюда. Немедленно. Ушел с ней. Она его жена! Ей кажется, что слезы сейчас закипят в ее глазах от жара сжигающей ее ярости…

Миша смотрит на нее с недоумением, потом – с нескрываемым раздражением. Ему безразличны ее слова, ее страдание. Ему все сейчас безразлично, кроме Ксенечки – веселой, живой, жаркой, подвижной… Такой доступной и близкой.

Ему даже неловко перед Ксенечкой за эту сцену.

Он обнимает ее за талию и уводит с теннисного корта.

Прочь от рыдающей, кричащей Ольги.

Они уходят, не оборачиваясь.

От потрясения слезы высыхают у Ольги на глазах. Такого она от Миши не ожидала! Даже от него… Она и предположить не могла, что ей придется пережить такое!

…Никогда, никогда не будет она плакать перед мужчиной. Больше – никогда. Она клянется себе, что ни один мужчина на свете не увидит ее слез. Клятву она сдержит – позже. И – не раз, когда слезы подступят к глазам, она заставит себя улыбаться… И скольких мужчин покорит ее негасимая улыбка!

А сейчас, после ссоры с Мишей, она уходит в лес. Сначала ей просто хочется побыть одной. Укрыться от света, от солнца, которое было свидетелем ее унижения. Бродить, ни о чем не думая. Птицы оглушают ее своими трелями… Тенистые тропки влекут ее вглубь леса… Все дальше и дальше…

Одинокие прогулки по лесу опасны для горожанина: Оля заблудилась. Она поняла это ближе к вечеру. В лесу темнеет рано и быстро. Какое-то время она еще боролась, пытаясь найти дорогу, но потом поняла, что ходит по кругу. Крестьяне называют это «леший попутал». Она устала, проголодалась, замерзла в своем легком летнем платье… Птицы умолкли, и в тишине лес загадочно вздыхает, доносятся шорохи, какие-то похрустывания, доводящие Олю почти до умоисступления! Ее нервы и так взвинчены до предела. А тут еще и эти странные звуки в темноте. Говорят, здесь встречаются медведи… А она очень боится медведей. Почему-то именно медведей, а не волков. В конце концов, она забивается поглубже в кусты и засыпает, прислонившись спиной к стволу дерева. Ей снятся кошмары.

Медведь, который гонится за ней. Она просыпается от собственного крика и от боли в затекшем теле. Медведя нет. Он, к счастью, оказался всего лишь сном. Но в утренней полутьме перед глазами маячит какое-то светлое пятно…

Оля идет за этим пятном сквозь чащу – и оно выводит ее на лесную дорогу, где Оле встречается крестьянин на телеге с дровами. Крестьянин довез ее до дачного поселка. А пятно… Галлюцинация? Привидение? Нет, Оля верила в его реальность. Что-то явилось ей в чаще. Что-то вывело ее на дорогу. Что-то спасло ей жизнь – ей и ребенку, который уже просился в мир.

У нее начались преждевременные роды. Если бы не это странное светлое пятно, парящее между деревьев, она родила бы прямо там, в чаще. И скорее всего, там и умерла бы вместе со своей дочкой.

Впрочем, в ее жизни будет еще много чудесного и необъяснимого: всяческих предзнаменований, сбывшихся предсказаний, невероятных встреч…

Но в это утро вернувшуюся из леса Ольгу встречает свекровь. Миша всю ночь отсутствовал. Но Мишино отсутствие ничуть не смущает Наталью Александровну – он-то имеет право немного развлечься! А вот то, что Оля где-то бродила всю ночь… И подол в росе по колено… Свекровь не ложилась спать, считая часы ее отсутствия, готовая встретить ее упреками и разоблачить наконец! Но появление бледной, страдающей Оли, буквально повисающей на плече у крестьянина и с трудом сдерживающей стоны, смешивает ее планы. Крестьянин нашел Олю в лесу… И она рожает! В этой ситуации даже Наталье Александровне не до скандалов и разоблачительных сцен. Она ищет транспорт, чтобы везти Олю в Москву. Миша появляется буквально за миг до их отъезда. Он выглядит несколько смущенным – но не более того. Смущен он не своим гадким поступком, а тем фактом, что вот-вот станет отцом… Он целует Олю в горячий, осыпанный росинками пота лоб и обещает немедленно приехать, как только завершит дела…

Какие дела могут быть на даче?

Но Оле сейчас не до размышлений.

Ольга Михайловна Чехова – дочь Ольги Книппер и Михаила Чехова – третья Ольга Чехова в этой семье, появилась на свет 27 августа 1916 года. Роды были болезненные и долгие. Молодая мать находилась на грани жизни и смерти. Ольга Леонардовна писала: «Наконец-то наши дети разродились. Ах, как мучительно было ждать и так близко ощущать, как Оля страдала. Часов 15 она кричала, выбилась из сил, сердце ослабело – тогда наложили щипцы и вытянули 10-фунтовую здоровую девочку. Мы уже

решили, что губы Олины, нос Мишин, а раскрывающийся левый глазок в меня. Миша с любопытством рассматривает незнакомку и говорит, что пока никакого чувства не рождается – конечно, пока».

Михаил вернулся на дачу и снова появился в городе только в середине сентября. Ольга с малышкой уже вернулись «домой» – в квартиру свекрови. Ольга слаба, бледна и выглядит совершенно равнодушной… Миша, ожидавший новой вспышки гнева или хотя бы «неприятного разговора», озадачен. Забыла? Простила? Нет, ей просто не до того теперь. У нее – ребенок. И высший ее долг теперь – долг матери. Все остальное не имеет значения… Миша может отныне творить все что ему угодно… Ей нет до него дела.

Молодой отец в восторге от дочери, но ему и в голову не приходит хоть чем-то помочь молодой жене. Впрочем, тогда это не было принято. И потом, он – человек искусства! А малышка кричит по ночам, мешает ему спать, из-за этого он не может сосредоточиться во время спектакля. Так что восторги по поводу новорожденной быстро утихают.

Наталья Александровна, сделавшись бабушкой, присмирела на время… Но только на время.

Вскоре все возвращается на круги своя.

Миша в театре, в студии, где-то еще – где угодно, только не дома. Наталья Александровна брюзжит, нянька Маша бросает подозрительные взгляды, кузен Володя Чехов снова приходит в отсутствие Миши – впрочем, Миша теперь все время отсутствует – но поскольку Володя влюблен в Ольгу и снова делает ей предложение, его визиты в отсутствие мужа выглядят предосудительно… В общем, все как прежде. Только теперь у Оли ребенок. И она – мать – должна обеспечить своему ребенку нормальное детство. А в этом доме атмосфера нездоровая… И Оля решает уйти от мужа. Не к Володе Чехову, нет. Она вернется к родителям. Мама сказала ей: «Ты всегда сможешь вернуться, если станет невыносимо». Ей стало невыносимо уже давно. Но теперь она отвечает не только за себя – теперь у нее есть Ада.

Это Ольга называет дочку «Адой». Она с самого начала так хотела ее назвать – в честь сестры! Но крестили в православном храме, когда Ольга еще была больна, и без нее решили назвать «Ольгой» – в честь мамы и двоюродной бабушки. Ольга не хочет этого имени для дочери. И очень скоро все привыкнут назвать малышку «Адой» – все, кроме отца, Михаила Чехова.

Ольга решает расстаться с Мишей – и в этот момент ему приходит мобилизационное предписание. Ведь идет война… В первый раз его призывали еще летом 1914 года, незадолго до их свадьбы. Тогда Миша был признан негодным по состоянию

здоровья и ему дали отсрочку. Теперь же положение на фронтах ухудшилось настолько, что нужны все мужчины… Тем более что физически Миша вполне здоров. Не в порядке только его нервная система. Но к 1916 году в России столько калек, что нервные болезни уже не признаются серьезной причиной.

У Миши истерика. Он кричит, бьет посуду. Он не может идти на фронт. Он не может стрелять в людей. Он не пойдет… Пусть его повесят! Пусть сошлют в Сибирь! Сейчас он противен и жалок. Но в Ольге отчего-то вновь взмывает прежнее чувство долга. Она не забывает о решении уйти – она никогда не отменяет раз принятых решений – просто откладывает на время. До конца войны. Пока она нужна Мише… В конце концов, Ада ей не простит, если узнает, что мать оставила отца в такой тяжелый момент. Ради долга, ради Ады… Она должна остаться. И она ничего не говорит Мише о своем решении. Но их разрыв все равно неизбежен.

Напряжение, и без того царившее внутри их семьи все эти годы, теперь усугубляется вновь открывшимся у Миши неврозом. Оля и раньше замечала некоторые странности своего мужа. Но отец ее тоже был человек несдержанный, мог накричать, ударить – и вот она думала, что у Миши тоже проявляется несдержанность, только несколько по-другому… Теперь же он ведет себя настолько странно, что у Оли появляется жуткое подозрение: а что, если Миша… безумен?! Причем – не так восхитительно-безумен, как бывают безумны чудаковатые гении, а – попросту сумасшедший, как те, кого лечат в закрытых клиниках! Разумеется, обсудить свое предположение она не может ни с кем: с посторонними – стыдно, родственники – далеко. Не со свекровью же ей об этом говорить! Свекровь сама ненормальная, и если у Миши не все в порядке с психикой, то это – ее вина… Или – Мишиного покойного отца?

Оля начинает вспоминать, что она слышала в детстве, будто у Александра Павловича были какие-то проблемы, о которых не говорили в присутствии детей… Эти проблемы – банальный алкоголизм, но пока еще Оля этого не знает. А Миша позволяет себе невероятные выходки… И – все чаще возвращается домой пьяным! Оля все пристальнее наблюдает за ним… И обнаруживает все новые странности! Это превращается в какой-то навязчивый кошмар. Неужели – ко всем своим бедам – она еще и вышла замуж за безумца? И в хрупком тельце ее дочери течет отравленная кровь?!

Впрочем, все происходящее – сюрприз только для Оли. Все остальные – все, кто хоть сколько-нибудь знаком с Мишей, – прекрасно осведомлены о его психическом нездоровье. Если бы

Оля отважилась с кем-нибудь поговорить – ей рассказали бы множество забавных случаев… И сам Михаил Чехов тоже осознает свою болезнь – что, кстати, помогает ему бороться и преодолевать ее и до самой глубокой старости удержаться на хрупкой грани между странностью творческого человека и безумием.

Из книги Михаила Чехова «Путь актера»:

«Часы пребывания на сцене были для меня истинным душевным отдыхом. На время я забывал свои гнетущие мысли и погружался в творческое состояние, целиком захватывавшее меня. Однажды мое обостренное нервное состояние привело к неожиданному результату. Это было в гастрольной поездке, которую совершала труппа Малого театра. В одном из городов, когда гастрольный спектакль приближался к концу, среди актеров распространился слух, что соседнее с театром здание горит. Окончив свою роль, я вышел со сцены и увидел, что здание, стоявшее против театра, действительно пылает. Я испугался и бросился бежать по улице по направлению к вокзалу. Я бежал в гриме и в костюме китайца, с развевавшейся сзади косой. За мной гнался театральный портной.

– Господин Чехов, – кричал он, – хоть брючки отдайте!

Я не останавливаясь бежал дальше. Наконец портной стал догонять меня. Тогда я быстро остановился, снял с себя широкие китайские шаровары и, оставив их на месте, побежал дальше.

Моя нервная напряженность, которую я так искусно скрывал до сих пор от внешнего мира, достигла наконец таких размеров, что в целом ряде моих поступков стала проглядывать наружу. Я вдруг спрашивал кого-нибудь из моих товарищей, не слышит ли он, например, того особенного шума, который слышу я сам в эту минуту, и по лицу товарища догадывался о том, что он не только не слышит его, но и не понимает, о чем, собственно, я его спрашиваю. Я слишком часто подходил к окнам и с тревогой глядел на улицу. Или вдруг во время спектакля, чувствуя потребность вернуться домой, я начинал так быстро играть свою роль, что это обращало на себя внимание моих партнеров».

Единственным лекарством от своих загадочных приступов Михаил Чехов считал иронию со стороны окружающих – насмешка исцеляла его мгновенно! К сожалению, Олечка была слишком встревожена создавшимся положением и всеми открытиями последних месяцев, чтобы отважиться на столь целительную для Миши иронию. Если бы только странности! Но в сочетании с пьянством?.. Даже для терпеливой Оли это слишком. Миша всегда сдерживался – если не считать его хамского поведения, но хамы встречаются и среди психически нормальных людей, и даже среди трезвенников, – и раньше он все-таки

выглядел нормальным и почти не пил все время их супружества… А сейчас – после этой повестки – словно лопнули сдерживавшие его невидимые цепи. Он пьет! И срывает спектакли – один за другим. Спектакли приходится именно отменять – публика не желает замены, она хочет видеть именно Михаила Чехова, «талантливого и обворожительного».

В отчаянии Ольга обращается к ненавистной свекрови… Миша так любит мать! Так почему же Наталья Александровна не воспользуется своим влиянием? Свекровь смотрит на Ольгу усталыми, потухшими глазами. Так Ольга не знала раньше, что Миша пьет? Пьет с самого нежного возраста, с тринадцати лет? Не знает, что его покойный отец был запойным пьяницей? Что именно он приучил мальчика к спиртному? Она – мать – пыталась бороться за Мишу. И потерпела поражение. Остается только смириться… Александр Павлович, бывало, тоже не пил годами. А потом – срывался. И неделями, месяцами не выходил из запоя. Ничего не поделаешь… Дурная кровь!

Этот разговор со свекровью был первым и последним в их совместной жизни мгновением душевной теплоты и взаимного сочувствия: отчаяние и тревога сближают двух ненавидящих друг друга женщин… Но миг проходит – и возвращается былая неприязнь. Только теперь Ольга все знает о Мише. Все! И это знание погружает ее в пучину безысходности.

Из книги Михаила Чехова «Путь актера»: «Единственной причиной, омрачавшей мои отношения с матерью, было то, что, несмотря на мой возраст, я довольно много пил. Пить я научился во время моего пребывания с отцом в периоды его болезни. Я чувствовал, как тяжело матери видеть меня пьяным и как тягость эта возрастала, когда болел отец и мы оба просиживали ночи за пивом. Зная, как страдает от этого мать, я все же не мог побороть страсти к опьянению, и моя безмерная любовь к матери стала приобретать оттенок боли. Не будучи в состоянии отказаться от вина, я старался как бы загладить свою вину тем, что искал факты, которые, как мне казалось, могли быть неприятны матери, и уничтожал их. Когда мне не удавалось находить такие факты, я незаметно для себя начинал их выдумывать. В моем сознании слагались картины возможных для матери неприятностей, и я принимал конкретные меры против вымышленных опасностей. Не знаю, была ли тому виной только моя нечистая перед матерью совесть или же вообще моя чрезмерная, почти ненормальная любовь к ней побуждала меня со страхом думать о могущих возникнуть опасностях, но моя фантазия рисовала все более страшные и беспокойные картины возможных катастрофических событий. С годами фантазия моя изощрялась в этом направлении

все больше и больше. Любовь к матери превратилась в сплошную боль и страх за нее. У меня образовались десятки всевозможных примет, которые выполнялись мной в целях предохранения матери от опасностей. Чувство страха росло и становилось моим основным настроением. Оно распространялось уже не только на мать, я стал бояться целого ряда вещей, которые казались мне опасными потому, что наступление их могло путем очень длинного и сложного ряда событий привести в конечном счете к последнему событию и причинить страдание матери. Я замкнулся в круг определенных представлений и не мог да и не хотел выходить из этого круга, хотя пребывание в нем доставляло мне много мучений. Первые признаки накопления в моем сознании гнетущих представлений появились еще в детстве, полного развития они достигли во мне, когда мне было уже двадцать четыре – двадцать пять лет. Я заболел нервным расстройством».

Как раз в двадцать пять лет Михаил Чехов стал отцом… И пик нервного расстройства пришелся на кризис его семейной жизни. Вернее, то были взаимосвязанные явления. Ему становилось все хуже. Вскоре он уже не мог один выходить на улицу – все время чего-то боялся. Боялся, что на него нападут и убьют. Боялся, что его схватят и насильно отправят на фронт. Ольга была вынуждена провожать его в студию и обратно. В какой-то мере эти путешествия даже развлекали ее: она могла на несколько часов вырваться из дома, побыть в окружении старых друзей. Наталья Александровна оставалась с Адой – безропотно, потому что так нужно было для блага Миши.

Единственное, что отравляло Ольге визиты в МХТ, это – встречи с Владимиром Чеховым. Он как раз в это время прислушался к советам брата и благодаря протекции Михаила и Ольги Леонардовны был зачислен на службу в театр. Его влюбленность «прогрессировала», в ней появилось что-то болезненное, что-то от одержимости… Впрочем, Ольга предполагала, что это из-за Мишиных странностей она сделалась такой подозрительной и во всяком неуравновешенном человеке видит безумца. Она и предположить не могла, что Владимир Чехов тоже нездоров психически… А он был нездоров. Только неясно, стала ли его одержимость Ольгой причиной болезни – или была ее следствием?.. Владимир докучал Ольге, но мало занимал ее мысли. Ее беспокоил Миша. Все-таки они были женаты, и их теперь связывала Ада… А Владимир все не оставлял ее в покое, все уговаривал бежать с ним. Свекровь, бывшая свидетельницей этих частых визитов, снова и снова упрекала невестку в безнравственности. Что до Ольги, уже ничего и никого не хотелось – ни мужа, ни Владимира, ни бегства, ни ребенка –

только покоя и свободы, которые теперь казались ей недосягаемыми…

В конце концов, Ольга решительно отказала Владимиру Чехову и просила больше не преследовать ее.

Владимир застрелился.

И в этом обвинили опять же Ольгу…

Михаил Чехов вспоминал:

«…двоюродный брат мой Володя застрелился, похитив браунинг из моего письменного стола. Я приехал проститься с телом брата накануне его похорон. Три момента запечатлелись в моей памяти. И.П. Чехов (отец Володи) неподвижно и молча стоит в дверях дальней комнаты – прямой, худой, с вытянутой шеей, с высоко поднятыми бровями, как бы вглядываясь вдаль или прислушиваясь к неясному звуку. Нос его заострился. Костюм висит, как с чужого плеча, и складки брюк внизу падают так, что он кажется прикрепленной к полу деревянной фигуркой. На мой поклон он не ответил. Мать Володя сидит в кресле со спокойным, почти улыбающимся лицом. Я никогда не видел ее такой нежной и простой. Но я с трудом узнаю ее лицо. Те же знакомые мне черты, но за ними – другое, новое, совсем незнакомое мне существо.

– Поди к нему, Миша, – шепчет она, – но, пожалуйста, голубчик, не кричи.

Вижу лицо Володи в гробу. Он не изменился. Таким я знал его, когда он бывал весел. Часто мы оба мазали себе лица красками или жженой пробкой, изображая клоунов или играя шарады. И теперь лицо его покрыто, как бы в шутку, черно-синими пятнами. На голове повязка, как будто он изображает смешного турка в чалме. Я не могу ощутить смерти, и это особенно тяжело мне».

Михаил ярко, красиво, демонстративно страдал из-за смерти брата. Свекровь и нянька плакали и бросали на Ольгу ненавидящие взгляды. Но Ольге было все равно. Совсем все равно. Слишком плохо жилось ей сейчас, слишком много было в ее повседневности настоящих страданий, чтобы почувствовать боль из-за гибели человека, который только и делал, что досаждал ей. И даже своею смертью снова сумел досадить.

А Миша те дни, когда Ольга не могла сопровождать его, попросту оставался дома и пропускал спектакли.

Из письма Михаила Чехова К.С. Станиславскому (датируется приблизительно 31 мая 1917 года):

«Я бы не позволил себе писать Вам обо всем этом и передал бы лично, найдя Вас в театре, но так как эти дни я не выхожу один на улицу, а жена моя не всегда может провожать меня (она

поступила на службу), то я волей-неволей должен писать Вам».

В мае 1917 года Ольге Книппер-Чеховой только-только исполнилось двадцать лет… А она была уже женой и матерью – женой алкоголика и безумца! Правда, очень скоро «помешательство» Михаила Чехова утратит вдруг свою остроту, да и пить он перестанет на длительное время… Но она еще этого не знает. И ей положение кажется безнадежным.

Идет война. Уже случилась революция – и назревает вторая. Какое-то темное брожение в стране… Что-то близится страшное… Это чувствуют все. А она – с маленькой дочерью на руках, и не на кого ей опереться! Она словно снова блуждает в том темном лесу, не может найти дорогу к свету. Но в ту ночь некая чудесная сила спасла ее и указала путь. А сейчас? Есть ли сила, которая может ее спасти? Самой ей уже не выбраться из этой трясины. Она чувствует себя беспомощной, она не знает, что ей дальше делать.

Но судьба будет к ней благосклонна. Отныне – и всегда. Именно в мае 1917 года Ольга Чехова познакомится с австрийским офицером и начинающим писателем Фридрихом Яроши. Он станет ее вторым мужем. И – сам того не сознавая – укажет ей путь к новой, блистательной жизни.

Кино, разведка и любовь

О супружестве Ольги Константиновны Книппер-Чеховой с Фридрихом Яроши известно совсем мало. Яроши был авантюрист по духу, актер-любитель и «начинающий писатель» – как вспоминали о нем современники, – в общем, идеально подходил для того, чтобы стать спутником Ольги в нынешнем ее душевном отчаянии… И она не могла упустить такой шанс: ослепила, обольстила – и уехала с ним в Германию.

Из книги Михаила Чехова «Жизнь и встречи»:

«…После четырехлетнего замужества жена моя Ольга ушла от меня с человеком, о котором я хочу сказать несколько слов. Это был авантюрист того типа, о котором мне так много и занимательно рассказывал мой отец. Изящный, красивый, обаятельный и талантливый человек этот обладал большой внутренней силой, неотразимо влиявшей на людей. Он безошибочно достигал всех своих целей, но цели эти всегда были темны и аморальны. Он выдавал себя за писателя и часто увлекательно излагал нам темы своих будущих рассказов. Одна из первых же тем, рассказанная им, была мне давно известна. Он рассказал мне, что силы своей над людьми он достигает путем ненависти, которую он может вызвать в себе по желанию. Однажды я просил его продемонстрировать мне свою силу. Под его влиянием я должен был выполнить определенное действие. С полминуты он сидел неподвижно, опустив глаза. Я видел, как

лицо, шея и уши его краснели, наливаясь кровью. Наконец он взглянул на меня. Выражение его глаз было отвратительно! Под его взглядом, полным ненависти, я выполнил то, что он хотел. Эксперимент этот доставил мне мало удовольствия – я предпочел бы не видеть его искаженного злобой лица. Прошло еще полминуты, и его лицо приняло обычное веселое выражение и стало обаятельным, как всегда. Когда на улицах Москвы еще шли бои, когда через несколько домов от нас артиллерия расстреливала здание, в котором засели юнкера, когда свист пуль слышался не переставая днем и ночью и стекла в окнах были выбиты и заложены изнутри подушками – авантюрист, о котором я говорю, свободно ходил по улицам, ежедневно посещая нас, был весел и очарователен, как всегда. Смеясь, он говорил, что его не могут убить.

– Если ты умеешь презирать жизнь до конца, – говорил он, – она вне опасности.

По его влиянием Ольга ушла от меня.

Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживая разлуку, приласкала меня и сказала:

– Какой ты некрасивый. Ну, прощай. Скоро забудешь… – И, поцеловав меня дружески, ушла».

Один из близких друзей Михаила Чехова режиссер В.С. Смышляев записал в своем дневнике: «Миша Чехов разошелся со своей женой. Это не так неожиданно, как может показаться на первый взгляд, но тем не менее удивительно. Дело в том, что Миша очень любил Ольгу Константиновну и она его. Вероятно, и тут сыграла некрасивую роль Мишкина мать – эгоистичная, присосавшаяся со своей деспотичной любовью к сыну Наталья Александровна. Бедный Миша, вся жизнь его последних лет протекала в каком-то кошмаре. Накуренные, непроветренные комнаты, сидение до двух-трех часов ночи (а то и до 9 утра) за картами. Какая-то сумасшедшая нежность старухи и молодого человека, ставшего стариком и пессимистом».

Но покинутый Миша не слишком долго тосковал. Он женился на Ксении Зиммер – на той самой девушке, с которой он так мило играл в теннис в присутствии беременной жены.

Из письма Михаила Чехова К.С. Станиславскому (от 16 июня 1918 года):

«Я женился, Константин Сергеевич. Что-то на Синюю бороду похоже. Женился и перебрался на новую квартиру. Образ жизни прежний. (…) Мое так называемое нездоровье, а может быть, просто трусость по-прежнему держат меня дома. Попытки выходить сопровождаются надоедливыми неприятными явлениями. (…)

Появилось общество «Сороконожка», может быть, Вы о нем слышали что-нибудь, я вздумал тоже принять в нем участие по театральной части, благо близко к моей прежней квартире было, но уж очень они легкий жанр избрали, так что не удовлетворился».

И в постскриптуме: «Оля живет в Москве, отправила дочь в Сибирь и не имеет оттуда никаких известий. Страшно волнуется».

В мае 1918 года Луиза Юльевна увезла маленькую Аду в Барнаул.

А Ольга с Фридрихом Яроши отбыла в Германию.

Потом в воспоминаниях своих Ольга Константиновна почему-то вовсе не упомянула второго мужа своего. Зато придумала душераздирающую историю побега из России с кольцом, сохраняемым под языком, на деньги от продажи коего предстояло жить. Почему? Не хотелось вспоминать о нем?

Или просто – ей нравилось мистифицировать окружающих?

В ее знаменитой книге «Мои часы идут иначе» (изданной на русском языке издательством «Вагриус» в 1998 году) не меньше половины – вымысел… Описала не существовавший голод в Москве в 1915 (!) году, отца произвела в министры путей сообщения, историю с самоубийством Владимира Чехова приписала своей матери – дескать, застрелился «дядя Володя» от любви к прекрасной и неприступной Елене Юльевне, – а себя сделала актрисой МХАТа, одной из «Трех сестер». Впрочем, там присутствовали фальшивые – но весьма экзотические – подробности не только из ее собственной жизни, но и из жизни совершенно посторонних ей людей, например – Царской Семьи. При этом она умолчала о многом важном, значительном…

Возможно, все это делалось в коммерческих целях – чтобы привлечь читателя, покупателя. «Мемуары» действительно принесли Ольге Чеховой неплохой доход. Впрочем, об этом – впереди…

Но куда более достоверно звучат воспоминания Владимира Владимировича Книппера в его книге «Голоса в тишине старого дома»: «После 1917-го дядя Костя – управляющий Алтайской железной дорогой, и.о. начальника Омской железной дороги. Сибирские военные годы сказались на здоровье. Обострилась болезнь сердца, язва желудка. Дядя Костя подает заявление с просьбой о поездке в Москву, чтобы показаться врачам. Приходит телеграмма, разрешающая Константину Леонардовичу отпуск по болезни, и он вместе с Лулу едет в Москву. Приезжают они в недобрый час. Из Москвы исчез сын Лева, тете Оля оказалась с группой Качалова в тылу белых, что-то должно было произойти с Олей-младшей, ушедшей от Миши Чехова… И последнее, самое

горькое. Умерла мама дяди Кости, моя бабушка Анна Ивановна. Умерла за год до возвращения в Москву Константина Леонардовича».

Приехав в Германию, красивая и целеустремленная «русская аристократка» легко завоевала светские салоны, богемный круг и была приглашена играть в кино – немом, по-немецки она еще плохо говорила. Первая же роль принесла ей успех. Она действительно волшебно смотрелась в серебристом сиянии экрана. Ольга Чехова начала все чаще сниматься: она отличалась редкостной работоспособностью – и на экран выходили один за другим фильмы, где она играла аристократок и авантюристок, преимущественно – иностранок, а в сущности – себя саму. Она была так загадочна, эта русская с холодными глазами… Чаще всего ее снимали в «костюмных» фильмах. Она действительно была несколько несовременна: роскошная женщина, тогда как в моде господствовал стиль «сорванец» – короткая стрижка, костлявые плечи, узкие вихляющиеся бедра. Но она обладала неким таинственным очарованием, ее взгляд, ее смех – завораживали! И вот у Ольги – такой «немодной» – появилось огромное количество поклонников, в том числе – очень состоятельных людей, очень знаменитых и обладающих очень большой властью.

Ольга развелась со своим австрийцем.

Встретилась после долгой разлуки с братом Левушкой, жившим теперь в Германии и рвавшимся домой.

Получила приглашение играть на сцене – это было серьезным рубежом в ее карьере, ведь в России она о сцене и мечтать не могла, в России принято было (и до сих пор отчего-то принято) считать, что красивая женщина никак не может быть талантливой актрисой, и талантливыми неизменно провозглашали дурнушек.

Тетя Ольга Леонардовна приезжала в Германию и видела Ольгу на сцене, но особых восторгов по поводу ее талантов не высказала. И вообще в ее письмах того времени очень мало упоминаний о творческой деятельности Ольги, удачливой актрисы, и гораздо больше – о творческой деятельности Льва, начинающего композитора.

Из письма Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой к брату Владимиру Леонардовичу Нардову-Книппер (Фрейбург, 27 июня 1923 года): «Приехала я после 12-дневного плавания и после адовой работы в Америке разбитая, ничего не помнящая и не знающая, куда себя девать… Решила ехать поюжнее, к Леве, там же и Станиславские. Пока живу с Левой (он переехал из санатория на квартиру). У Левы комната с роялем. Он пишет, но музыку очень крайнего направления, я еще мало слышала, но

разберусь. Занимается, выглядит не то чтобы очень хорошо, но не жалуется. Оля была как раз свободна, и мы с ней побродили, посидели. Она отлично устроила свою квартиру… Поклонников, кажется, очень много. Знаю, что наш Бертенсон имеет на нее серьезные намерения и делал ей предложение, но ничего не вышло и она держит его около себя в качестве друга. Он ее очень любит и будет делать все, что она ему прикажет. (С.Л. Бертенсон был секретарем дирекции Художественного театра, заведовал труппой, ради Ольги Чеховой остался в Европе, после прихода к власти нацистов переехал в Америку, где впоследствии и скончался. – *Прим. авт.*) Она мне сама говорила, что без чувства не свяжет больше свою жизнь ни с кем. После Америки все кажется маленьким, миленьким и уютным, а Берлин весь зеленый, пушистый – прямо красив. Здесь во Фрейбурге же чудно: тихо, никто никуда не идет, не спешит, только люди для собственного удовольствия живут. Я сплю как убитая. Птицы поют. Живем в прекрасной вилле».

Из письма Ольги Константиновны Книппер-Чеховой к брату Владимиру Леонардовичу Нардову-Книппер (Фрейбург, 31 августа 1923 года): «…из Левы получается что-то интересное. В половине сентября он перебирается в Берлин и хочет работать и слушать побольше музыки. Страшно только за его здоровье. Месяц, что мы жили вместе, он хорошо занимался, по утрам играл упражнения и много Баха – он очень любит Баха. Радует, что вернулась к нему память; родные, конечно, не судьи, но по-моему, его композиции интересны. Я чувствую, что это не белиберда. Вот повидаюсь с ним, послушаю и напишу о нем. Он познакомился со многими молодыми композиторами и был наверху блаженства, что попал в артистическую среду. Он очень верит в себя. Дай Бог ему! Володя, меня очень беспокоит состояние здоровья Кости. Напиши мне, очень прошу. И скажи ему, чтобы он порадовался за Леву и не волновался за него. Олюшка очень ослабла и устала. Жалко мне ее – она одинока».

Из письма Ольги Константиновны Книппер-Чеховой к брату Владимиру Леонардовичу Нардову-Книппер (Париж, 10 октября 1923 года): «У Оли своя премьера, с большим успехом. Передай хоть по телефону Косте и Лулу мои объятия и поцелуи за их милые письма. Неужели я когда-нибудь буду в Москве?!» Письмо длинное, все о красотах Парижа, а о племяннице Оле, которая «так одинока», и о ее большом успехе – одна строчка! Почему такое невнимание? Почему так мало радуют знаменитую тетку успехи ее пока еще только известной племянницы?

Зато Ольга потом еще долго писала тете смиренные письма, в которых удивлялась всему этому «чуду», которое с ней случилось

– случается ежеминутно! Михаил Чехов, напротив, был горд и счастлив тем, что жена приобретает мировую славу под его фамилией. И – завидовал, смертельно завидовал…

Тем временем умер отец Ольги. Все оставшиеся члены семьи – мать, дочка, сестра и появившаяся к тому времени племянница – приехали к Ольге в Германию. Наконец после долгой разлуки Ольга снова знакомилась со своей дочерью… И полюбила ее еще сильнее! Она купила прелестную квартирку в центре Берлина, роскошно обставила ее и стала еще больше работать, теперь уже – чтобы обеспечить безбедную жизнь всем своим дорогим, чтобы вознаградить их за все лишения, которые они претерпели в России! Она одна обеспечивала всю семью – и считала это своим долгом.

Правда, вскоре сестра Ада вышла замуж. Первый брак ее, как и у Ольги, был неблагополучен – а в новом браке, с немцем, и сама Ада, и дочка ее Марина обрели наконец покой и довольство.

И в конце концов, только брат Левушка – один из семьи – остался в России. Вернее, вернулся в Россию после долгих лет пребывания за границей вместе с другими офицерами побежденной и выброшенной из страны белой армии. Впоследствии он станет известным советским композитором: Лев Книппер – он написал «Полюшко-поле». А в воспоминаниях Льва Константиновича Книппера, изданных в начале 80-х, имена сестер Ады и Ольги будут упомянуты всего один раз. Вообще все контакты между «русскими» и «германскими» Книппперами были оборваны вскоре после прихода Гитлера к власти. Владимира Владимировича Книппера вспоминал в своей книге «Голоса в тишине старого дома»: «О своей двоюродной сестре Оле Чеховой я знал очень мало. Когда я был крохой, она мне прислала из Германии немецкий букварь, потом подарила нарядный свитер и костюм, потом гномика, в больших глазах которого при нажатии кнопки с треском загорались кремниевые искры. Я спросил как-то папу: «От кого эти подарки?» – и папа показал фотографии красивой молодой женщины в легком белом платье с крылышками и объяснил, что она моя сестренка и много снимается в кино. Потом я узнал, что германская Оля хотела подарить мне самолетик, летающий под любым потолком любой квартиры и с помощью нехитрого радиоуправления сбрасывающий светящиеся звездочки, похожие на бомбочки. Но они не взрывались, а исторгали музыку – «Полет Валькирий» Вагнера. Папа рассвирепел, громко и долго говорил, что они там, в Германии, сходят с ума, спрятал пакет с фотографиями на дно письменного стола и наказал о летающем «звездомете» и об Оле с ее сестрой Адой, у которых, как я знал, есть дочери Оля и

Марина, не заикаться, пока в Германии у власти стоят мракобесы».

Слава Ольги Чеховой была столь велика, что ее пригласили в Голливуд. Она плыла за океан, преисполненная радужных надежд, но все окончилось горьким разочарованием: «империя грез» показалась ей тошно-бездушной… Нет, она не могла здесь жить и работать – даже ради того, чтобы вытащить маму и Аду из Европы, из Германии, где снова было как-то неспокойно… Не могла – и все!

Не много было того, чего она в своей жизни не могла.

Вернувшись в Германию, Ольга решила создать собственную киностудию и попробовать себя в качестве режиссера. Нашлись «компаньоны», поддержавшие ее… Правда, деньги вкладывала только она и занимала – под заклад дома.

В 1928 году в Германию приехал Михаил Чехов с женой – с той самой девушкой, с которой он изменял Ольге едва ли не в ее присутствии! Он пожелал увидеться с дочерью. Ольга разрешила. А потом – сочувствие ли это было или желание хоть немного повластвовать над некогда так жестоко оскорблявшим ее человеком, унизить его, облагодетельствовав? Или она все еще каким-то краешком сердца любила его? Но Ольга Чехова сняла для Михаила и его жены квартиру, начала знакомить его с кинопродюсерами и режиссерами… Никто не заинтересовался им, правильнее сказать – никто не заинтересовался им как актером, потому что всем было интересно посмотреть на этого некрасивого, нервного русского, бывшего мужа великолепной Ольги Чеховой. И тогда Ольга решилась сама снимать его в своем фильме, на своей студии. Ведь она-то знала, что Миша – гений! Фильм был снят. Успеха он не принес. Прибыли – тоже.

Ольга в середине 30-х

Правда, когда Михаил Чехов принялся сниматься на других студиях и у других режиссеров, все получилось: и успех, и слава. Но оставаться в Германии ему не хотелось. Его звали в Париж, где в 1931 было основано Общество друзей «Театра Чехова», а сам он хотел основать свой театр в Чехии, но не нашел субсидий… Он работал и во Франции, и в Англии, и везде его окружали обожанием и поклонением, и везде пытались удержать. А Михаил Чехов в ту пору еще думал о возможном возвращении в Россию.

Но потом осознал, чем возвращение ему – несмотря на всю его известность – может угрожать. И принял решение переехать в Америку, где так не понравилось его бывшей жене Ольге и где он весьма преуспел. Михаил Чехов снимался в Голливуде, в частности у Альфреда Хичкока в «Завороженном», за который номинировался на «Оскар». А главное – создал свою актерскую школу, которая пользовалась огромной популярностью. Тогда в Голливуде все были увлечены методом Станиславского, а Чехов ведь знал его лично, так что ему пришлось учить и Клинта Иствуда, и Мэрилин Монро, и Энтони Куинна, и Юла Бриннера, да практически всех звезд, блиставших в американском кино 50–60-х годов. Театральная, актерская судьба Михаила Чехова очень интересна, но интересна она в основном для специалистов. Тем более что отношения его с бывшей женой Ольгой Чеховой практически прервались после Германии. Их связывала дочь, они иногда переписывались… Но любовь осталась лишь в воспоминаниях.

…Ольга попала в бедственное положение. Видимо, Михаил приносил ей несчастье. Ее «компаньоны», вместе с которыми она снимала фильм, скрылись со всеми деньгами.

К счастью, один из поклонников – очень богатый и очень богобоязненный женатый еврей – заплатил ее долги. Ольга никогда не забывала добра – и пыталась помочь ему всеми силами, когда пришел ее черед помогать…

В Германии к власти пришли нацисты.

А Ольга Чехова познакомилась с швейцарским миллионером Марселем Робинсом.

Он был влюблен – до безумия, как и прочие, кто влюблялся в нее.

Для нее же это был только холодный расчет: все-таки уехать из Германии!

Впрочем, Марсель ей нравился. Сильный, волевой мужчина, знающий, чего он хочет, умеющий добиваться своего… После неуравновешенного и безвольного Михаила Чехова, после легкомысленного Яроши он казался ей просто образцом мужественности.

Они поженились в 1936 году.

Ольга вместе с мамой и дочкой переехала в Швейцарию.

Уже тогда заключение брака с иностранцем для гражданки Германии сопровождалось множеством бюрократических препонов… Ольга их преодолела. Как выяснилось – все зря. Прожила она с мужем недолго. Сестра навещала их – восхитилась богатством обстановки и «избранным обществом», окружавшим Ольгу, – но это было не то «избранное общество», которое ей

нравилось. В среде коммерсантов и их жен – где подобный брак по любви был редкостью – Ольга скучала и задыхалась, почти как в Голливуде.

Единственным развлечением ее стало посещение косметических курсов, что вызвало непонимание и даже насмешку в ее новом окружении: Ольга Чехова – косметичка!

Потом начал проявляться жестокий, собственнический характер мужа, а Ольга уже в юности натерпелась – и не желала терпеть снова.

Они развелись.

Ольга вернулась в Германию – с мамой и дочкой.

Она боялась, что после такого перерыва ее уже не станут снимать, что зрители позабыли ее но немецкие кинематографисты приняли Ольгу Чехову буквально с распростертыми объятиями. Вскоре она вернулась и на сцену. И – в «свое» избранное общество. В среду осевших в Берлине русских аристократов, немецкой творческой интеллигенции и… фашистских партийных бонз. Три разных общества, три разных мира, и везде она была – своя. Это было немного страшно – и очень захватывающе. Как в тех авантюрных фильмах, в которых она играла.

В Германии того времени очень любили именно развлекательное кино. А идеологической направленности фильмов, как ни странно, было очень немного, и то – только в первые годы власти. Впрочем, в двух из них Ольга Чехова успела «отметиться»: «Лиса Гленарвана» (1940) и «В центре бури» (1941). По странной иронии судьбы, именно эти два фильма стали классическими!

Книппер-Чехова О. Л. Письмо Маклакову: «Отчего Вы молчите, Василий Алексеевич. Напишите, что делается на Руси, чего ждут. Газеты тяжело читать, впереди ничего не видно. За что вас, бедных кадетов, гоняют. Слышала, что Вы с большим успехом действуете, читаете лекции. Радуюсь за Вас. Работаете много. Бодры, веселы?»

В 1936 году Ольга Чехова получила звание «Государственная актриса Германии».

Это было странной закономерностью для кинематографа нацистской Германии: среди четырех выдающихся кинозвезд, среди четырех самых ярких красавиц не было ни одной немки! Ольга Чехова приехала из России. Лидия Баарова – из Чехии. Зара Леандер – из Швеции. Розита Серрано – из Чили. Марика Рёкк, любимая актриса фюрера, была чистокровной венгеркой. Но Гитлер хоть и любил Марику Рёкк, все-таки считал ее вульгарной… А вот Ольга Чехова представлялась ему образцом немецкой аристократки!

Ольгу Чехову приглашали к Гитлеру, к Геббельсу, к Герингу. Гитлера она находила скучным, а Еву Браун – милой. Дружила с женой Геринга – тоже бывшей актрисой. Восхищалась самим Герингом – вальяжным, обходительным, знавшим вкус во всем: в винах, в еде, в произведениях искусства… Презирала Геббельса – хромого коротышку, домогавшегося всех красивых женщин, с которыми ему случалось сталкиваться, – и его так часто рожающую жену, безжалостную фанатичку Магду.

Ольга Чехова осмелилась даже как-то раз надерзить Геббельсу, ответив «Нет!» на вопрос, заданный ей на одном из роскошных банкетов осенью 1941 года: «Закончится ли эта война еще до зимы и будем ли мы до весны в России?» И Геббельсу пришлось это стерпеть… Ведь Чехова была Государственной актрисой. А значит ей позволялось больше, чем другим. Даже провозить в Германию из Франции запрещенную, но столь милую сердцу каждой женщины контрабанду: духи, шоколад и шелковые чулки!

Сам же Адольф Гитлер был восхищен и очарован Ольгой Чеховой до глубины души и никогда не скрывал этого. Генри Пикер в книге «Застольные разговоры Гитлера» приводит такую фразу, сказанную Гитлером за ужином в бункере «Волчье логово» 2 апреля 1942 года: сетуя на необразованность и отсутствие аристократических манер у многих высокопоставленных лиц как в рейхе, так и среди послов союзников, фюрер сказал: «Строго следовать протоколу для многих сущее наказание. Если хотя бы хватило ума сделать так, чтобы лицо, прибывшее с официальным визитом, за столом сидело рядом с поистине очаровательной дамой, владеющей соответствующим языком. Нам повезло, что в Берлине в нашем распоряжении есть именно такие дамы в лице актрис Лил Даговер, Ольги Чеховой и Тианы Лемнитц». Следуя собственным рекомендациям, на официальных приемах Гитлер предпочитал появляться с одной из «таких дам», а вовсе не со своей возлюбленной Евой. Ева Браун в скромном платьице и хорошеньком фартучке ждала его «дома» – в крепости «Орлиное гнездо». А в ложах театров и в банкетных залах рядом с ним была Ольга Чехова – сверкала обнаженными плечами и изысканнейшими вечерними туалетами.

Дочка Ада как-то незаметно выросла, стала красавицей. Ее с удовольствием снимали в фильмах рядом с мамой. В шестнадцать лет она объявила, что выходит замуж за известного кинооператора Франца Ваймера. Мать не воспротивилась – хорошо помнила себя в этом возрасте и свою глупую, но пылкую любовь к Мише Чехову.

Накануне свадьбы мать и дочь побывали у гадалки, которая

предсказала, что брак Ады продлится недолго, что после сорока лет ее ждет «опасность в бесконечности». Ада не поверила ни в одно из предсказаний. А Ольга испугалась: она уже была мистически настроена – сказывалось влияние окружающего мира, Германии, погруженной в мистицизм, – она уже верила в предсказание и в вещие сны, которые так часто ей снились и всегда сбывались.

Ольга Чехова в Германии. Середина 1950-х гг.

Ольге Чеховой уже исполнилось сорок, но выглядела она никак не старше двадцати восьми! Вообще до самой смерти она неизменно выглядела лет на двадцать пять моложе своего истинного возраста. А тогда, в сорок лет, в сорок два, в сорок пять, в фашистской Германии – это был пик ее славы! Открытки с фотографиями фрау Чеховой во всевозможных фантастических

туалетах печатались огромными тиражами. В нее влюблялись, влюблялись, влюблялись… Совсем юные, годившиеся ей в сыновья. Слали письма, фотографии.

Началась война – она часто ездила выступать перед солдатами на фронте. На их фронте… Перед их солдатами…

А потом Германия напала на Россию – без объявления войны. Для «сонного царства» русских эмигрантов в Берлине это было хорошей встряской. Одни готовы были немедленно идти в армию, чтобы отомстить большевикам любой ценой, чтобы наконец въехать в Россию на белом коне – пусть даже по пути, проторенному гусеницами немецких танков: эти ненавидели свой народ – народ, который их предал и изгнал! Другие – выражали робкую надежду, что русские поднимутся на борьбу с немцами, а потом скинут и собственных преступных правителей, и они – эмигранты – смогут наконец вернуться: эти вроде бы народ свой любили, но страшно далеки были от него – даже тогда, когда еще жили в России. Но некоторые – очень, очень немногие – действительно любили Россию, русских и готовы были на все, лишь бы помочь стране, которую они по-прежнему считали своей… Этих людей отыскивала советская разведка. И вербовала.

Одной из них стала Ольга Чехова – «Государственная актриса Германии».

Согласно утверждению Павла Анатольевича Судоплатова, Ольгу Чехову завербовал Януш Радзвилл – польский аристократ, завербованный во время пребывания в советском плену. Якобы Чехова сотрудничала с разведкой «на основе доверительных отношений и вербовочных обязательств». Достоверность фактов, изложенных в книге Судоплатова «Лубянка и Кремль», нынче многие ставят под сомнение… Что и немудрено: мало кто в наше время порадуется известию о том, что кто-то из их предков долгое время сотрудничал с «органами», и уж подавно – если речь идет о людях, проживающих ныне за границей, как большинство родственников Ольги Чеховой. Сотрудничество с «органами» теперь – как клеймо, позор на репутации семьи. Хотя всего двадцать лет назад подобным родством гордились бы… Тем более что знаменитая актриса Ольга Чехова, ровно как и знаменитая певица Надежда Плевицкая, помогали «органам» в борьбе не с внутренним, а с внешним врагом!

Ольга Чехова была очень ценным «кадром» для советской разведки. Она была близка к высшей партийной элите – и через нее намеревались организовать покушение на Гитлера. Судоплатов вспоминает об этом подробно и откровенно: «У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзвилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей

среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру».

Да, все было продумано и подготовлено, ждали только команды из Москвы… Но команда все никак не поступала.

Связь Ольги с разведкой временно оборвалась в 1942 году, после разгрома крупной подпольной организации «Красная капелла», через которую шла связь всех нелегалов с Центром. Тогда она чудом выжила… Чудом никто не назвал ее имени гестапо.

Генерал Павел Судоплатов рассказывал, что после уничтожения «Красной капеллы» в Берлине в Германии «уцелел ряд важных источников информации и агентов влияния… не были скомпрометированы Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл. Однако отсутствовали надежные связники с ними. Мы создали еще одну автономную группу, которая должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если бы они появились в Москве после ее взятия. Эта операция была поручена композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гариковне». Позже связь с Чеховой и Радзивиллом снова была налажена.

Геринг с женой и Гитлер с Ольгой Чеховой

Забавно, что все в тех же «Застольных разговорах Гитлера» Генри Пикер приводит высказывание фюрера от 10 марта 1942 года: «Я лично никогда не использовал в своих целях разведку и не принимал у себя шпиона. А тем более шпионки. Что-то в этом есть очень грязное! Не только потому, что она по сути проститутка, она делает вид, что испытывает к мужчине чувства, которых нет, и губит его».

Разумеется, это утверждение фальшиво: у Германии была могущественнейшая разведывательная организация – Абвер, в

которой служило достаточно женщин. Но куда более забавно то, что фюрер не понимал, насколько он заблуждается, утверждая, что «не принимал у себя ни одной шпионки». Уж одну-то разведчицу точно частенько видели в его обществе, даже фотодокументы сохранились!

Что касается родных Ольги Чеховой, оставшихся в СССР, «русских Книпперов»… Вот что рассказал ее двоюродный брат Владимир Владимирович Книппер в своей книге «Голоса в тишине старого дома»: когда осенью 1941 года немцы стояли уже буквально под Москвой, его отец Владимир Леонардович сжег документ, который еще летом передал ему советник немецкого посольства в СССР доктор Метцгер; в этом документе «на немецком и русском языках было напечатано и заверено печатью, что Нардов-Книппер Владимир Леонардович и члены его семьи – германские подданные и состоят под охраной Германского государства». Владимир Владимирович считает, что доктор Метцгер презентовал Владимиру Леонардовичу сей защитный документ из чистой дружбы – и как истый театрал, из уважения к таланту Нардова-Книппер. Но возможно, этим документом дядю и двоюродного брата обеспечила далекая ныне Ольга Чехова? Впрочем, все равно документ был сожжен. А дядя и двоюродный брат успели эвакуироваться из Москвы как раз перед предполагаемым вторжением немцев.

Как она жила все эти годы – снимаясь, играя в театре, посещая светские вечера, выезжая к солдатам на фронт – и вместе с тем каждый миг ожидая команды? Той самой команды, после которой придется действовать, а действие наверняка приведет к гибели не только ее, но и людей, которых она любила, – мамы, дочери? В каком адском напряжении приходилось ей жить изо дня в день! Какую волю надо иметь, чтобы перенести все это, не изменяя внешней безмятежности! Ведь вокруг царил страшный террор. За любую оплошность, неосторожно сказанное слово людей бросали в тюрьмы, подвергали пыткам, отправляли в лагеря или на гильотину – политических преступников в Германии казнили по старинке: «посредством отделения головы от тела». Казнили близкого друга Ольги – известного оперного певца – и родным прислали счет за расходы на содержание его в тюрьме и погребение тела… Правда, Ольга Чехова была очень, очень популярна, ею восхищался Гитлер, ей прощалось многое, считается даже, что именно в угоду ей немцы не разрушили усадьбу Чехова, хотя дома-музеи Толстого и Тургенева – как и другие культурные памятники – были практически стерты с лица земли. Но тем страшнее была бы расплата, если бы выявилось ее «предательство»!

И при этом она еще находила в себе силы любить. Да, именно в эти страшные годы она встретила свою самую большую любовь. Ее возлюбленный, ее Йеп – он был летчик, капитан Люфтваффе, самых привилегированных войск в немецкой армии, он был веселый и рыжий, он был моложе ее, он играл на фортепьяно, он писал ей поэтические письма… Он ее обожал! К счастью, Йеп сражался с англичанами над Л а Маншем и бомбил английские города, в убийстве ее соплеменников он повинен не был. Это была прекрасная, отчаянная любовь. Любовь перед лицом возможной – близкой – смерти. Он думал – только его смерти… Но она знала: ей грозит не меньшая опасность. Возможно, именно опасность придала силы их чувствам.

Ах, какие письма писали они друг другу! Несколько из них Ольга Чехова приводит в своей книге. И достоверности этих писем – веришь. Есть в них что-то такое… Их трудно читать без трепета в душе. Вот только несколько отрывков:

«Я так радуюсь медальону с маленьким фото потому, что теперь всегда могу носить его с собой. Всегда, когда мне захочется, я смотрю на него, оно будет со мной в тысячах метров над Англией, оно разделит мою судьбу, сгорит, пойдет в плен или замерзнет вместе со мной в ледяных волнах.

Ночью на улице воет ветер. Я вслушиваюсь в него – я хочу услышать твой голос и твои легкие шаги и вправду слышу их…»

«Вчера я снова бродил, при этом проходил мимо французского кинотеатра, в котором шел фильм «Les mains libres» («Освобожденные руки»), Я видел фильм раньше, но мне захотелось увидеть тебя. Я счастлив. И замечаю там много деталей: например, твою сумочку с монограммой «Le Journal d’Olga Tschechova». Ты все время стараешься держать ее так, чтобы нельзя было прочесть твое имя…»

«Ты так нежно описываешь, как тебе снится, что я с маленьким чемоданчиком, небритый, сижу около тебя. Как верны твои сны – я действительно часто небрит…

Мое сердце всегда рядом с твоим».

Он погиб. Иначе, наверное, быть не могло.

В ту ночь, когда самолет Йепа вспыхнул в небе над Англией, Ольга увидела один из своих пророческих снов: Йеп с окровавленной головой и счастливой улыбкой среди необыкновенно красивых, пышных, благоухающих цветов…

Ольга была беременна – и потеряла ребенка. Впрочем, возможно, она не смогла бы выносить, даже если бы Йеп остался жив: она была не так уже молода, да и попытки прервать первую беременность не прошли даром для ее организма.

Примерно в это же время Ада развелась – и снова вышла

замуж: теперь – за врача Вильгельма Руста.

Из Москвы поступил приказ снова готовиться к покушению… И снова – отбой. Сталин боялся, что в случае смерти фюрера немецкие военачальники заключат сепаратный мир с Великобританией и США. И не так уж не прав он был… Хотя некоторые военачальники и министры, в том числе Иозеф Геббельс, больше надеялись на сепаратный мир с СССР. Гитлер мешал и тем, и другим…

В 1944 году сторонники сепаратного мира с Великобританией совершили покушение на фюрера. Фюрер уцелел – и последовала страшная расправа, потрясшая даже ко всему уже привыкших немцев. «Дурную траву» вырывали с корнем. Родственников заговорщиков отправляли в концлагеря, детей моложе двенадцати – в другие семьи, под чужими именами. Глядя на фотографии процесса в газетах, Ольга Чехова не могла не понимать, что среди этих истерзанных, полумертвых людей на скамье подсудимых могла бы сидеть она! Правда, и остальные подсудимые тоже были бы другие… Именно тогда в ее волосах появилась первая седина.

Германия была уже захвачена в кольцо советскими и союзническими войсками, Берлин бомбили каждую ночь… Начали формировать батальоны фольксштурма – забирали детей допризывного возраста, стариков, слабовидящих – всех! Все они должны были отдать жизнь – для того, чтобы Гитлер с Евой и овчаркой Блонди, Геббельс с Магдой и шестеро их белокурых ангелочков могли прожить еще несколько дней в своих бункерах. Ольга и Ада прятали в своем доме друзей, пытавшихся избежать смерти в рядах фольксшутрма. Муж Ады, мобилизованный в конце 1944 года, пропал где-то на западном фронте. Мать Ольги Чеховой была тяжело больна… Она совсем недолго не дожила до прихода советских войск. До победы, о которой она искренне мечтала.

Гитлер и Ольга Чехова

Бои за Берлин были в самом разгаре, когда, 30 апреля 1945 года киноактриса Ольга Чехова была отправлена специальным самолетом в Москву. Сопровождавший ее офицер вез запечатанный пакет под грифом «Совершенно секретно», адресованный на имя начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ комиссара государственной безопасности 2-го ранга В.С. Абакумова. В пакете находился протокол допроса Ольги Чеховой. Написан протокол был от руки, и лишь на титульном листе на машинке отпечатали: «Вместе с этим направляется Чехова Ольга Константиновна».

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1945 года, апреля месяца, 29 дня.

Я, начальник в/ч 32735 полковник Шкурин, допросил свидетеля:

ЧЕХОВУ Ольгу Константиновну, 1897 года рождения,

по национальности русскую, подданную Германии.

Образование высшее, проживает Берлин-Кладо.

Вопрос: Когда вы приняли немецкое подданство?

Ответ: Немецкое подданство приняла в 1923 году после моего приезда в Германию.

В: По чьему предложению вы приняли немецкое подданство?

О: Для того, чтобы получить работу в Германии, дирекция фирмы «Уфа» предложила мне принять немецкое подданство, что я и сделала.

В: Проживая в Германии, где вы работали?

О: Работала во всех кинофирмах Германии, а также выезжала для работы во Францию, Англию, Америку и Италию. За все время моей работы я снималась в 145 кинофильмах. Кроме этого, изучала немецкий язык и стала играть на сцене в различных театрах Германии.

В: Приходилось ли вам встречать руководителей фашистского немецкого государства?

О: С приходом к власти ГИТЛЕРА в Германии в 1933 году я была приглашена на прием, устроенный министром пропаганды

ГЕББЕЛЬСОМ, где присутствовал и ГИТЛЕР. Я в числе других актеров была представлена лично ГИТЛЕРУ Он выразил мне наилучшие свои симпатии. Кроме этого, интересовался русским искусством, расспрашивал о моей тетке Книппер-Чеховой. На политические темы разговоров не было.

В: А еще бывали вы на приеме?

О: Да, бывала. В 1938 году. Был устроен прием РИББЕНТРОПОМ по случаю приезда японской делегации. По какому случаю они приехали, мне неизвестно. Справа от меня сидел ГИТЛЕР, слева ГЕРИНГ. А дальше другие члены германского правительства и дипломатического корпуса. В таком положении нас снимали на кинопленку, а на другой день в германских газетах и газетах других стран фотоснимки были опубликованы. На аналогичные приемы я приглашалась к ГЕББЕЛЬСУ и в дальнейшем.

В: Когда и где?

О: В первый день войны Германии с СССР на даче ГЕББЕЛЬСА в Ланке (60 км севернее Берлина) я была приглашена на прием. На нем присутствовал министр просвещения Италии. Всего было около 60 человек, в том числе несколько актеров. Велись разговоры о немецком походе на СССР. ГЕББЕЛЬС выразил мнение, что до Рождества 1941 года немецкие войска будут в Москве. Я позволила заметить, что, по моему мнению, этого не случится. Что по своей территориальности маленькая Германия не сможет победить СССР. ГЕББЕЛЬС ответил, что в России будет революция и это облегчит победу над СССР. Я

позволила себе заметить, что революция может быть только в той стране, где бывает оппозиция.

В: Ведь вы выступили открыто против действий германского правительства. Вас же могли арестовать.

О: Меня не арестовали. Разговор закончился довольно холодно, и впоследствии я ни на какие приемы больше не приглашалась.

В: Кого вы знаете еще из видных деятелей немецкого государства?

О: В лицо знаю всех руководителей немецкого правительства, встречалась с ними на приемах. На одном из приемов я познакомилась с КРАПЕФУСОМ. Еще до войны, не помню в каком году, он приезжал ко мне со своей женой справиться, где можно купить участок для постройки дачи. Неподалеку от моего дома он купил такой участок и выстроил дом. В 1941 году КРАПЕФУС со своей женой пришли ко мне. Один раз я была в его доме. Больше он у меня не был. Во время войны я встречалась с КРАПЕФУСОМ на улице, он заявил мне, что ездил на Украину, сопровождал ГИММЛЕРА. Здесь же заявил, что он является адъютантом ГИММЛЕРА по хозяйственным вопросам. Больше я с ним не встречалась.

27 апреля 1945 года, когда уже советские части заняли местность, где я проживаю, ко мне на квартиру неожиданно зашел КРАПЕФУС. Как он зашел в квартиру, я не знаю. Я обнаружила его в одной из комнат. После этого он был арестован.

В: Вы еще кого знаете из видных деятелей гестапо и других

карательных органов Германии?

О: Других лиц я никого не знаю, но вызывалась в СД на допрос как свидетельница по делу арестованного актера КАУФМАНА. Работник СД, допрашивающий меня, предупредил, что ЧЕХОВОЙ невыгодно заступаться за арестованного, что на меня упадет тень.

Протокол с моих слов записан верно, мной

прочитан, в чем и расписываюсь – Ольга Чехова».

Такая же четкая подпись – «О. Чехова» – заверяет каждую страницу протокола.

В Москве Ольга Чехова жила на частной квартире – на конспиративной квартире военной контрразведки. Почти ежедневно ее допрашивали на Лубянке. Некоторые страницы из протоколов – те, на которых не стояло печати «особо секретно», – впоследствии даже печатались в разных изданиях… Впрочем, на этих страницах не было ничего важного. Только описание светской жизни в военном Берлине.

Но в Москву ее вызывали явно не для этого. И назад, в Германию отпустили тоже с какой-то целью… Конечно, она продолжала работать на разведку и после войны. В противном случае ее бы уничтожили. Как многих других видных разведчиков. Пуля в затылок, официально – автомобильная катастрофа. Или просто пропадали без вести…

Ольга Чехова не «попала в катастрофу» и не пропала без вести.

Советские оккупационные власти снабжали ее семью продуктами, ей помогли восстановить дом и не препятствовали, когда она решила переправиться в Западную зону Берлина.

После войны Ольга Чехова жила в Западной Германии и преуспевала. Значит, она оставалась нужна. И продолжала работать. Отпустить ее «из гуманизма» или «из благодарности» не могли. Не то ведомство. Она знала много и многих – была опасна. Но видимо, необходимость ее услуг превышала возможную опасность.

Разумеется, краткое пребывание Ольги Чеховой в России скрывали от «русских Книпперов». Да они и сами боялись даже вспоминать о родстве с «Государственной актрисой Германии». Владимир Владимирович Книппер пишет в книге «Голоса в

тишине старого дома»: «Тетя Оля рассказывала, что на одном из спектаклей «Вишневого сада» вскоре после Победы, выйдя на поклоны, среди зрителей ближайших к сцене рядов она обратила внимание на красивую женщину, которая одна из первых встала и слегка взмахнула рукой… Тетя Оля пригляделась и испугалась – женщина была очень похожа на ее племянницу… Приехав в Ялту к Марии Павловне, они обе принялись уничтожать письма и фотоснимки Оли, а в соседней кухоньке хранились посылки из Германии с мясными консервами… Из донесения «источника», копия которого у меня на руках, явствует, что берлинская Оля с членом правительства Германии прилетела в Ялту, чтобы исключить непредвиденной случайности военного времени с домом-музеем Чехова… Что там и как было, я не знаю, но из уст Марии Павловны я слышал, что немцы входили в дом-музей и снимали головные уборы…»

Зато сама Ольга Константиновна тянулась к ним всей душой, без конца писала… Вот строчки из письма Ольги Константиновны Книппер-Чеховой – Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой (от 2 августа 1945 года), из письма, адресатом так и не полученного и «осевшего в недрах КГБ»: «Моя дорогая и милая тетя Оля! Наконец собралась тебе написать. Я застряла в Вене. Теперь я опять здесь и устраиваю свой новый дом. Олечка с мужем и Верочкой живут со мной. Доктор Руст начинает работать здесь, в больнице. Сегодня я навещала Аду с Мариной – и насмеялась до слез, видя, как Ада доит корову. Ведь у них целое хозяйство. При твоей подвижности тебе ведь не трудно нас навестить, и все мы тебя ждем с нетерпением. От Ады, Олечки и Марины ты знаешь все события последних лет. Бедная мама не пережила того, что так ждала – победы русских. О себе еще мало могу написать, так как переезд меня совершенно замучил. У нас в гостях был Симонов и рассказывал много о Леве…»

После войны Ольга и Лев Книппер снова было возобновили переписку… Но тут же прервали ее. Почувствовали, что стали за эти годы чужими друг другу и не хотели омрачать фальшью хотя бы те теплые воспоминания, которые хранил каждый из них? Или… боялись чего-то? Ведь Павел Александрович Судоплатов утверждал, что оба они – и Ольга, и Лев – работали на советскую разведку. Об этом, кстати сказать, подозревали многие. Владимир Владимирович Книппер писал: «Я благоговел перед Левой. Он как-то странно, не как все, жил. Исчезал из Москвы, когда все в нее съезжались, появлялся в трескучие морозы загорелый, как негр…» Вобщем, так и не свиделись сестра и брат. Сначала он долго хотел приехать к Ольге в Мюнхен, повидать не только Ольгу, но и вторую сестру – Аду Константиновну, побродить по

местам, где прошла тревожная творческая юность… Потом она долго собиралась в Москву, мечтая повидать не только Леву, но и тетеньку Ольгу Леонардовну… Но поездки не состоялись.

В 1959 году скончалась великая актриса Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

Советский композитор Лев Книппер упокоился на Новодевичьем кладбище в 1974 году.

Ольга Константиновна переписывалась в России с Юрием Авдеевым – заведующим Чеховским музеем в Мелихово. Чехов все-таки очень много значил для семьи Книппер. Вернее, во множественном числе: Чеховы много значили для Книпперов. Но Антон Павлович – в особенности. Сестра Ольги, Ада Константиновна, стала постоянной переводчицей чеховских книг и писем на немецкий язык…

Из родственников Ольга Константиновна переписывалась еще и с двоюродным братом Владимиром Владимировичем Книппером. Да и то – всего два письма. Впрочем, для тех застойных семидесятых – и этого много. В частности, в 1975 году Ольга Константиновна написала: «Оставалась я за границей потому, что здесь были чудесные художественные задачи, без политики и без беспокойства».

А также – потому что именно там она была нужна советской внешней разведке? Не просто же так в 1945 году Берия и Абакумов отпустили ее назад – в Германию!

Что конкретно Ольга Чехова могла делать для советской разведки после войны? Возможно, пользуясь старыми связями в богемных немецких кругах, «отыскивала» следы «ушедших на Запад» и очень нужных Советскому Союзу бывших нацистов: не секрет, что многие сотрудники гестапо и абвер, и даже известные нацистские преступники получали новое имя и возможность жить и работать в США. Но это – только предположение. Что там было на самом деле – никто не знает. Ясно одно: в живых ее не оставили бы, не будь она нужна.

Уже во времена перестройки многие ее родственники – в том числе двоюродный брат ее Владимир Книппер, написавший интереснейшую книгу «Пора галлюцинаций» о судьбах членов семьи Книппер, запрашивали тогда еще в КГБ СССР хоть какую-нибудь информацию об Ольге Чеховой, о связях ее с разведкой. Никакой конкретной информации им, разумеется, не дали. Сказали, будто документов, подтверждающих сотрудничество Ольги Константиновны Книппер-Чеховой, в архивах не обнаружено. Обнаружены только протоколы допросов… Да и то не полностью. Серго Берия, сын всесильного Лаврентия Павловича, объясняет это так: «Меня нисколько не удивляет, что

органы государственной безопасности бывшего Союза, а нынче России не смогли подтвердить причастность Ольги Чеховой к деятельности советской разведки. Наверняка таких документов нет. Объяснение простое: мой отец ни тогда, в сорок пятом, ни позднее решил ее не раскрывать. Случай, должен сказать, довольно типичный. По картотекам органов государственной безопасности не проходили – знаю это совершенно точно – сотни фамилий. Отец считал, что «настоящего нелегала через аппарат пускать нельзя».

В первое время после возвращения из Москвы Ольга Чехова жила с дочерью и новым своим любовником, преподавателем гимнастики Альбертом Зумзером, который был на шестнадцать лет моложе Ольги Константиновны, в «восточной зоне» оккупации, хотя имение ее находилось в «западной зоне». Правда, потом все-таки перебрались в «западную зону». Ольга снова играла – в передвижном театре. Вернулся из английского плена муж Ады – и они все вместе организовали что-то вроде частной клиники: Вильгельм Руст был не военным врачом, а специалистом по женским болезням. Жизнь постепенно налаживалась.

После войны Ольга Константиновна вернулась не только на сцену, но и в кино. Она по-прежнему выглядела гораздо моложе своих лет, только волосы приходилось оттенять голубоватой краской, чтобы не так ярко сверкала седина на черно-белой пленке кинофильмов. Ольга Константиновна тщательно ухаживала за своей кожей, сама для себя разработала серию косметических масок и шлаковыводящую диету. Верила в целебные свойства чесночного сока, называла его «элексиром вечной юности», готовила из чеснока всевозможные настойки, пыталась найти рецепт, благодаря которому чеснок сохранял все целебные свойства, утратив, однако, свой специфический запах. Кстати, о самой Ольге Чеховой поклонники говорили, будто природный запах ее кожи напоминал «аромат земляники и березовых листьев».

Выглядела она хорошо, но характер изменился в худшую сторону: она стала более требовательна и сурова. Сестра – Ада Константиновна – навещала ее все реже: Ольга напоминала ей их отца, покойного Константина Леонардовича, и находиться рядом с ней казалось просто невыносимым. Наверное, так сказывались годы войны, годы чудовищного напряжения… О котором никто из близких даже и не подозревал!

Ада родила дочку Веру, что стало огромной радостью для Ольги Константиновны. Потом развелась с мужем… Чтобы снова выйти замуж – теперь уже за боксера Конрада Ракса. Ольга

Константиновна сетовала, что никого из своих мужей Ада по-настоящему не любила. От Конрада Ракса Ада родила сына Мишу, названного в честь дедушки – Михаила Чехова.
Следует заметить, что Михаил Чехов дочь любил, не забывал, регулярно писал ей, письма были очень длинные и нежные, он сочинял для нее сказки, рисовал какие-то смешные картинки… Это стало обычаем: даже когда Ада выросла, вышла замуж – один раз, другой – письма из Америки приходили со сказками и картинками. Отец никогда не называл ее «Адой». Только «Оличкой».

И «Оличка» писала в ответ: «Дорогой мой папочка! Спасибо большое за книжку, которую я получила, но ничего в ней не понимаю, напиши мне лучше хорошую сказку. Я слышала, что ты болен, поправился ли? Приедешь ли летом? Я теперь в казенной гимназии. Очень весело и много детей. Я учусь всякому спорту: плавать, теннис и верхом ездить. Я очень люблю спорт… Напиши мне письмо и пришли хорошую свою карточку, большую, чтоб я могла на стенку повесить. Крепко целую. Оля».

Михаил Чехов завещал дочери ранчо в долине Сан-Франциско: небольшой домик с шестью комнатами. Он умер в

своем особняке в Калифорнии 1 октября 1955 года от болезни сердца. Урна с его прахом похоронена на кладбище Форест Лаун Мемориел в Калифорнии. Но дочь пережила отца всего на одиннадцать лет…

Жизнь налаживалась, но финансовые дела постепенно приходили в упадок. Дом был заложен – очень неудачно. Один за другим приходилось продавать предметы роскоши, еще оставшиеся от былых времен. И тогда Ольга Константиновна решилась на невероятное: почти в шестьдесят лет она начала свою новую карьеру – карьеру хозяйки косметического салона! Продала последние украшения и ценные вещи – в том числе подарки Гитлера и Геринга. Сняла квартиру в центре Мюнхена. Оборудовала ее под салон. Сама спала в крохотной комнатке рядом с кухней. На кухне готовила свои кремы, лосьоны и маски. Сначала в салон шли только бывшие восторженные поклонники, привлеченные громким именем Чеховой. Но постепенно он сделался популярным. Ольга Чехова написала несколько статей об омолаживающей диете и об уходе за кожей, потом небольшую книжку… Заработав достаточно денег, Ольга Константиновна распрощалась с салоном и в 1965 году открыла свою собственную фирму «Косметика Ольги Чеховой». Фирма процветает и по сей день. Правда, принадлежит не потомкам Чеховой, а ее партнерше по бизнесу, оказавшейся особой куда более деловой и хваткой, нежели внуки Ольги Константиновны актриса Вера и архитектор Миша.

Между тем очередное испытание обрушилось на эту несгибаемую женщину: в 1966 году сорокадвухлетняя дочь Ада погибла в авиакатастрофе – сбылось предсказание гадалки относительно «опасности в бесконечности»! Это испытание надломило Ольгу Константиновну – но по-настоящему сломаться она не имела права: на ее руках остались дети Ады – Вера и Миша. Ради них она жила и напряженно работала еще много лет…

Вера выросла очень красивой девушкой – и поддержала семейную традицию: стала актрисой. Мише передался другой – давно позабытый – талант Ольги Константиновны: он стал художником, архитектором. Мишу она особенно любила – в нем находила какое-то странное, необъяснимое сходство с Йепом.

Она еще успела увидеть своего правнука…

Правнук Николай учился в Бостоне, мечтал стать композитором – как двоюродный дедушка Лев Книппер.

А в 1980 году Ольга Чехова написала свои фантастические мемуары, принесшие ей весьма ощутимую прибыль.

В аннотации на суперобложке первого немецкого издания

книги «Мои часы идут иначе» сказано:

«Женщина, ставшая мифом, рассказывает историю своей жизни. Захватывающие воспоминания касаются нашего столетия с его наиболее пестрыми событиями. Ольга Чехова – дочь крупных русских буржуа, изумительная актриса, элегантная красавица на приемах у ведущих политических деятелей, ныне успешно ведущая свои дела как предпринимательница, – возвращается к событиям своей яркой жизни… Берлин – Лондон – Голливуд – Париж и снова Берлин – вот вехи ее творческого пути. Ольга знакомится с выдающимися политическими деятелями Веймарской республики и Третьего рейха. Во время войны она остается в Германии, продолжает работать в театре и кино. После войны начинает все сначала. В Мюнхене она основывает косметическое предприятие, которое со временем становится ведущим в этой отрасли. За свою деятельность Ольга Чехова получает много призов и наград. В 1972 году за заслуги перед ФРГ президент вручил ей Большой Крест».

Теперь эти мемуары изданы и у нас. Но вряд ли они смогут помочь в разгадке тайны Ольги Чеховой.

Ольга Константиновна Книппер-Чехова долго мечтала навестить Россию. Неоднократно принималась оформлять документы… Но всякий раз что-то ее останавливало. Страх?..

В 1965 году, уже после смерти Ольги Леонардовны, подруга актрисы Софья Ивановна Бакланова получила из Берлина открытку: «Дорогая Софа! Собираюсь в Москву, сейчас это стало возможно. Я хочу приехать очень по-домашнему, скромно. Думаю заказать апартаменты в «Национале». Кроме повара, секретаря, доктора и массажиста мне, в сущности, никто не нужен… Я старею, мне уже 68 лет и очень хотелось бы повидать могилы дяди Антона и тети Оли. Как Аллочка? И позвони Паше».

Аллочка – Алла Тарасова – пришла в ужас, когда Софья Ивановна зачитала ей по телефону открытку. Сказала, что даже слышать «ни о чем таком» не желает. А театрального критика Павла Маркова сама Софья Ивановна решила не беспокоить… Просто написала в Берлин, что Ольге Чеховой «еще не надо приезжать в Москву».

Секретарь и доверенное лицо Ольги Чеховой Ингрид-Зинаида Ингербергс прислала в 1976 году в Москву большой пакет с документами для оформления визита Ольги Чеховой в СССР Она писала: «Если бы появилась возможность, как Вы указываете, пригласить Ольгу Чехову в Москву, это было бы большой радостью к ее восьмидесятилетию. Ольга Чехова не была в России со времени своего отъезда из Москвы, и для нее огромное счастье увидеть свой родной город, театр Антона Чехова, а также

московскую сцену».

Правда, внучку свою актрису Веру Чехову, пожелавшую вместе с мужем, режиссером Вадимом Гловной, посетить Россию, Ольга Константиновна отговаривала так горячо, что при жизни ее они ехать на «историческую родину» все-таки не решились. Побывали в России – уже после смерти Ольги Константиновны – и после перестройки.

Однажды Ольга Константиновна увидела в журнале «Советский Союз» репродукцию знаменитой картины Александра Дейнеки «Сбитый ас»: горящий в небе над Россией немецкий самолет и летчик с нераскрывшимся парашютом за плечами, летчик, летящий вниз головой, юной белокурой головой – прямо на противотанковый еж, установленный на улице какого-то русского городка… Картина прекрасная и страшная, но Ольгу Константиновну она потрясла до самых глубин души, и после этого она даже советской периодики в руки не брала.

А лет за десять до смерти – когда у нее определили опухоль мозга – она вдруг начала бояться вообще всего русского, даже телевизор выключала, когда там говорили о России… Или – о войне. Упоминаний о войне она боялась еще больше, чем разговоров о России.

Умирала она долго и мучительно. Но в периоды просветления снова возвращалась к своему бизнесу, проглядывала бумаги, давала советы фармацевтам и менеджерам…

В доме Ольги Чеховой соблюдались все православные праздники – и, умирая, она пожелала, чтобы отпели ее тоже по православному обряду Муж внучки Веры Вадим нашел русского священника… Но отпевание превратилось в кошмарный фарс: священник пришел с магнитофоном, установил магнитофон рядом с гробом и включил кассету с записью церковного хора.

Ольга Чехова прожила восемьдесят три года.

Очень долгая и очень интересная жизнь.

Михаил Булгаков и Елена Шиловская: «Я буду любить тебя всю мою жизнь…»

…

Михаил Булгаков и Елена Шиловская

♦ *Булгаков Михаил Афанасьевич (3 (15) мая 1891, Киев, Российская империя – 10 марта 1940, Москва, СССР) – великий русский писатель, драматург, театральный деятель.*

♦ *Нюрнберг (по первому мужу Неелова, во второму мужу Шиловская) Елена Сергеевна (21 октября (2 ноября) 1893 – 18 шюля 1970) – муза.*

♦ *Он – вдохновенный, мятущийся, непостоянный, ранимый, зависимый, любил красоту в ее чисто материальном проявлении и нуждался в комфорте.*

♦ *Она – изысканная, утонченная, с природным чувством прекрасного, по-женски мудрая, эмоциональная, любящая натура.*

♦ *Женаты. Она стала третьей женой для него, он – третьим мужем для нее.*

♦ *Безмерно любили друг друга, до взаимного растворения. Каждый старался быть тем идеалом, о котором партнер мечтал.*

♦ *Общих детей не было.*

♦ *Ни одной измены.*

♦ *Были вместе с 1929 года по 10 марта 1949 года.*

♦ *Их разлучила смерть Михаила*

Афанасьевича.

…

Михаил Булгаков – один из самых востребованных и читаемых писателей XX века и один из самых загадочных. Елена Шиловская – его великая любовь, его жена и его муза. Свою главную книгу – роман «Мастер и Маргарита» – он писал для нее. А она посвятила всю свою жизнь тому, чтобы книга увидела свет.

Еще до революции, в Киеве совсем молоденькому Михаилу Афанасьевичу Булгакову цыганка нагадала, что у него будет три жены. Тогда Михаил опечалился: он был религиозен, а у православных считается – «первая жена от Бога, вторая от людей, третья от дьявола». Но по мере взросления самого Михаила и возрастания его свободомыслия он не только смирялся с мыслью о сужденных ему трех женах, но даже радовался: Булгакову виделось в этом нечто одновременно драматическое и романтическое – в том, что последняя жена, с которой он встретит старость и смерть, будет «от дьявола».

Интересно, что у третьей жены его, Елены Сергеевны Нюренберг, он так же был третьим мужем. Правда, насчет трех мужей никакой пословицы не существовало: до эмансипации в России женщин, исхитрившихся трижды выйти замуж, можно было по пальцам пересчитать – ведь для этого ей нужно было бы дважды овдоветь! К счастью для себя, свободолюбивая Елена Сергеевна жила и любила уже в те времена, когда были возможны разводы.

Елена Сергеевна Булгакова, третья жена писателя. Москва. 1930 год

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 3 (15) мая 1891 года в Киеве, в семье преподавателя Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и его жены Варвары Михайловны, также происходившей из семьи священников. Михаил был их первым ребенком. После родились Вера, Надежда, Варвара,

Николай, Иван, Елена. Жили Булгаковы небогато и хотя, разумеется, не нуждались, но по традиции разночинной интеллигенции чурались роскоши, а наибольшее внимание уделяли образованию детей. Надежда Булгакова-Земская вспоминала: «…основным методом воспитания детей… была шутка, ласка и доброжелательность… это то, что выковало наши характеры… У нас в доме все время звучал смех… Это был лейтмотив нашей жизни». Афанасий Иванович умер в 1907 году от нефросклероза. Несмотря на страдания, всегда причиняемые этой болезнью, Афанасий Иванович успел позаботиться о будущем детей: добился степени доктора богословия и повлиял на то, чтобы Совет Духовной академии возбудил ходатайство перед Священным Синодом о присвоении ему звания ординарного профессора. После его смерти семье назначили значительный пенсион: 3000 рублей в год. Варвара Михайловна также думала только о детях, о том, как сложится их жизнь, и постаралась дать хорошее образование не только мальчикам, но и девочкам. Она говорила: «Я хочу вам всем дать настоящее образование. Я не могу вам дать приданое или капитал. Но я могу вам дать единственный капитал, который у вас будет, – это образование».

Выпускник медицинского факультета Императорского университета св. Владимира. 1916 год

Правда, Михаил Булгаков в гимназии учился плохо: высший балл он получил только по Закону Божьему и географии. В юности Михаил мечтал стать актером, и он действительно был артистической натурой – блестящий, остроумный юноша. Как вспоминала его сестра Надежда: «Он был весел, он задавал тон шуткам, он писал сатирические стихи про ту же самую маму и про нас, давал нам всем стихотворные характеристики, рисовал карикатуры, играл на рояле». Михаил вообще выделялся из всей

семьи. Он вырос щеголем, страстно любящим все красивое и изящное, комфорт и роскошь, в общем – презираемые его родными соблазны земного бытия. Но когда Михаилу всерьез пришлось определяться со своим будущим, он даже не пытался связать его с театральными подмостками, а по примеру братьев матери – Василия, Николая и Михаила Покровских – решил стать врачом и в 1909 году поступил на медицинский факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве. Специализацию выбрал в те времена востребованную: сифилидолог, то есть специалист по сифилису.

Елена Сергеевна Нюренберг родилась в Риге 21 октября 1893 года. Несмотря на изменение календаря, она всегда писала в документах именно эту дату и день рождения праздновала 21 октября, только уже по новому стилю. Среди предков ее по отцовской линии числился ювелир иудейского вероисповедания, который во времена Екатерины Великой приехал из немецкого Нюренберга в Россию. Впрочем, ее отец, податный инспектор Сергей Маркович Нюренберг, при рождении был крещен в лютеранство, а чтобы жениться на ее матери, дочери православного священника Александре Гронской, принял православие. У Елены было двое братьев – Александр и Константин – и старшая сестра Ольга.

Михаил Булгаков – гимназист. 1908 год

В семье Елена считалась красавицей. Свататься к ней начали, едва ей исполнилось пятнадцать. Среди прочих соискателей ее руки был поручик Бокшанский, которого Елена уговорила… жениться на ее сестре Ольге, которая в Бокшанского была влюблена!

Елена Нюренберг училась в женской Рижской Ломоносовской гимназии, но не окончила ее. Зато дома получила традиционное для девушек в те времена образование: знала несколько иностранных языков, была начитана, разбиралась в классической

музыке и ценила театральное искусство. Единственный полезный навык, которому сестры были обучены, – печатать на машинке. И это им очень пригодилось в будущем.
В 1915 году во время Первой мировой войны Нюренберги перебрались из Риги в Москву. Ольга и Елена влюбились в Художественный театр, не пропускали ни одной постановки, и даже пытались устроиться туда на работу, но принята была только Ольга: на должность секретаря-машинистки. Позже Ольга Бокшанская стала личным секретарем Владимира Ивановича Немировича-Данченко, а Михаил Булгаков вывел ее в «Театральном романе» в образе Поликсены Торопецкой.

В 1908 году Михаил Булгаков впервые влюбился – в пятнадцатилетнюю гимназистку Татьяну Лаппа. Первая любовь оказалась неожиданно сильной, выдержала четырехлетнее испытание, и 26 апреля 1913 года Михаил и Тася обвенчались. Михаил учился в университете, Татьяна – на Высших женских курсах. Этот первый брак Булгакова продлился 11 лет и пришелся на самые тяжелые времена: Первая мировая война, революция, Гражданская война… Михаил служил в госпиталях Юго-Западного фронта русской армии, ему пришлось покинуть Киев, побывать на Смоленщине, на Кавказе, и всюду Татьяна следовала за ним – верная, кроткая спутница, старавшаяся максимально оградить мужа от обыденной жизни, которая в те годы была невыносимо трудна. А ведь еще во время пребывания своего на должности земского врача в селе Никольское Сычевского уезда Михаил стал злоупотреблять морфием и едва не погиб от наркомании: Татьяна спасла и вылечила его, врачи-наркологи считают – чудом.

В 1919 году супруги вернулись в Киев, находившийся под властью Добровольческой армии Деникина. Михаил Булгаков был призван в армию: «Он получил мобилизационный листок, кажется, обмундирование – френч, шинель. Его направили во Владикавказ, в военный госпиталь, – вспоминала Татьяна Булгакова-Лаппа. – Назначение было именно во Владикавказ, и не санитарным поездом… Почему я так думаю – потому что в Ростове он сделал остановку. Пошел играть в биллиард – то есть был сам себе господин. Там он сильно проигрался… и даже заложил мою золотую браслетку… В Киеве я жила без него, меньше месяца… получила телеграмму из Владикавказа и сразу вслед за телеграммой письмо… Поехала. Предупредили: если в Екатеринославе махновцы – поезд разгромят. Боялась, конечно…»
Во время пребывания во Владикавказе Михаил Булгаков начал свою профессиональную писательскую деятельность, причем так удачно, что вскоре смог оставить опостылевшую медицину. Сам

он вспоминал: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал».

Мать писателя на даче в Буче. 1915 год

В 1920 году Михаил переболел тифом. Был при смерти. Выходила его опять же Татьяна.

В Батуме Михаил наблюдал, как тысячи людей морем покидают Россию, и тоже захотел эмигрировать. Жену он отправил в Москву, а сам пытался сесть на пароход до Константинополя, мечтая в конце концов оказаться в Париже. Но уплыть не удалось, и пришлось ехать вслед за Татьяной в Москву. Булгаков вспоминал: «В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддержать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах…»

После скитаний по знакомым и по комнатам в общежитиях Булгаковы поселились в комнате коммунальной квартире № 50 в доме 10 по Большой Садовой улице. Жили тяжело: «Он нигде не работал, я нигде не работала, одними вещами жили, и те уж на исходе были. Бывало так, что у нас ничего не было – ни картошки, ни хлеба, ничего. Михаил бегал голодный», – вспоминала потом Татьяна.

В марте 1922 года Михаил устроился литературным обработчиком в газету железнодорожников «Гудок», и материальное положение семьи несколько улучшилось. А после того как его очерки и фельетоны начали публиковать в эмигрантских газетах «Накануне» и «Литературное приложение» (выходивших на советские деньги), Михаил наконец смог позволить себе то, что он так ценил: элегантную одежду, сшитую у портного, брюки на шелковой подкладке и даже монокль, которым он в послереволюционной Москве всех неизменно шокировал.

В январе 1924 года Михаил Афанасьевич Булгаков пришел на вечер, устроенный газетой «Накануне» в Бюро обслуживания иностранцев. Жены с ним не было, и он познакомился с недавно приехавшей из-за границы Любовью Евгеньевной Белозерской. Это была яркая, очаровательная женщина, живо увлекавшаяся всем – от литературы и кинематографа до конного спорта и автомобилей. Она была со вкусом одета и казалась настоящей Жар-птицей на фоне скромной и откровенно наскучившей ему Татьяны. Михаил Афанасьевич влюбился, Любовь Евгеньевна ответила ему взаимностью. Вскоре они решили, что не могут жить друг без друга. И в апреле 1924 году Булгаков развелся со своей первой женой. Брак с Любовью Евгеньевной он зарегистрировал ровно через год после развода. К тому моменту они давно уже жили вместе.

Осенью 1918 года Елена Сергеевна Нюренберг устроилась на работу машинисткой: не в театр, как мечталось, а в только что

образовавшееся Российское телеграфное агентство (РОСТА). Проработала она недолго: уже в декабре Елена вышла замуж за Юрия Мамонтовича Неелова, сына знаменитого актера и революционера Мамонта Дальского. Венчались они в церкви Симеона Столпника на Поварской. Юрий Неелов был военным, красным офицером, служил в Шестнадцатой армии, был личным адъютантом командующего Николая Соллогуба. Впрочем, о первом браке Елены Сергеевны известно мало: большинство документов оказались утеряны, а сама она вспоминать не любила. Даже Мариэтте Чудаковой, автору знаменитого (и первого!) «Жизнеописания Михаила Булгакова», с которой вдова писателя была достаточно откровенна, она о Юрии Неелове не рассказывала. Возможно, Елену Сергеевну даже спустя несколько десятилетий мучили угрызения совести: она не сумела стать ему верной и достойной женой.

Татьяна Николаевна Лаппа

Всего через несколько месяцев супружеской жизни Елена Сергеевна познакомилась с Евгением Александровичем Шиловским. Дворянин, сильный, волевой мужчина, прирожденный военный, Шиловский окончил Кадетский корпус и Николаевскую военную академию Генштаба, едва не стал жертвой ЧК, но перешел на службу победившему пролетариату и вступил в Красную Армию, где как раз ощущалась нехватка кадровых офицеров. Дзидра Тубельская, познакомившаяся с Евгением Александровичем, когда он был уже пожилым человеком,

вспоминала: «Он был очень красив. Благородная аристократическая внешность бросалась в глаза. В кабинете Евгения Александровича за письменным столом стояло деревянное кресло, на спинке которого был вырезан девиз его дворянского рода. Я, к сожалению, не помню точный текст. Но это старинное кресло произвело на меня неизгладимое впечатление…» В Елену Сергеевну Шиловский влюбился отчаянно и сделал все для того, чтобы заполучить ее. Пользуясь своим положением старшего по званию, он отдал приказ об отправке Неелова в штаб Южного фронта, а сам тем временем ухаживал за Еленой Сергеевной и добился ее взаимности.

Любовь Евгеньевна Булгакова (Белозерская) – вторая жена писателя. Париж, начало 1920-х годов

Евгений Александрович уговорил Елену Сергеевну расторгнуть брак с Нееловым. А потом просил ее руки – и Елена Сергеевна согласилась. Осенью 1921 года они поженились. Елена Сергеевна была уже в положении, и через несколько месяцев у нее родился сын, названный в честь отца Евгением. В 1926 году на свет появился второй сын – Сергей.

Евгений Александрович Шиловский приложил все усилия,

чтобы сделать счастливой жену, которую он называл «Люсей». Тем более что средства позволяли. С 1922 года служил в Военной академии имени Фрунзе, с 1928 года – начальником штаба Московского военного округа. В семье никогда не было проблем с продуктами и с вещами, Елена Сергеевна одевалась у портного, хозяйством занималась прислуга. Точно как у Маргариты в еще ненаписанном тогда романе Михаила Булгакова: «Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире…»

Правда, Маргарита Николаевна при всем при этом была еще и несчастлива. А Елена Сергеевна чувствовала всего лишь некоторую неудовлетворенность жизнью. Она писала сестре Ольге, когда та ездила в Европу на гастроли с труппой МХТ: «Мне иногда кажется, что мне еще чего-то надо. Ты знаешь, как я люблю Женей моих, что для меня значит мой малыш, но все-таки я чувствую, что такая тихая, семейная жизнь не совсем по мне. Или вернее так, иногда на меня находит такое настроение, что я не знаю, что со мной делается. Ничего меня дома не интересует, мне хочется жизни, я не знаю, куда мне бежать, но хочется очень. При этом ты не думай, что это является следствием каких-нибудь неладов дома. Нет, у нас их не было за все время нашей жизни. Просто, я думаю, во мне просыпается мое прежнее «я» с любовью к жизни, к шуму, к людям, к встречам и т. д. и т. д. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы моя личная жизнь – малыш, Женя большой – все осталось так же при мне, а у меня кроме того было бы еще что-нибудь в жизни, вот так, как у тебя театр».

Михаил Булгаков в ту пору тоже жил благополучно, но счастлив не был. Мариэтта Чудакова пишет: «Любовь Евгеньевна была увлечена верховой ездой, потом автомобилями, в доме толклись ненужные ему люди. Телефон висел над его письменным столом, и жена все время весело болтала с подругами. Елена Сергеевна передавала нам в 1969 г. со слов Булгакова следующий эпизод, звучащий правдоподобно: «Однажды он сказал ей: – Люба, так невозможно, ведь я работаю! – И она ответила беспечно: – Ничего, ты не Достоевский! – Он побледнел, – говорила Елена Сергеевна, – рассказывая мне это. Он никогда не мог простить этого Любе». С Еленой Сергеевной Шиловской Булгаков познакомился в феврале 1929 года, на Масленицу. Позже она вспоминала: «Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет

ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. Ну, меня, конечно, его фамилия. В общем, мы встретились и были рядом». Своему брату она писала об этой встрече: «Сидели мы рядом… у меня развязались какие-то завязочки на рукаве… я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь».

Елена Сергеевна. Москва. 1938 год

Конечно, Елена Сергеевна произвела на него впечатление. Была ли она красавицей – спорили еще при жизни: некоторые красивой ее не находили. Но обворожительной и неотразимой Елену Сергеевну считали все. Писательница Серафима Чеботарь в

очерке о Елене Шиловской приводит слова одного из ее знакомых: «Когда Елена Сергеевна входила в гостиную, дамы наши вздрагивали и спешили отвлечь внимание своих мужей». К тому же Елена Сергеевна представляла собой тот тип женщин, который нравился Михаилу Афанасьевичу: холеная, изысканно одетая благоухающая парижскими духами, с нежными ухоженными руками, с парикмахерской укладкой.

Булгаков придавал много значения «оправе», в которую должна быть заключена, как драгоценность, природная красота женщины. Недаром в своем романе он уделяет такое внимание элегантности Маргариты, ее перчаткам, шелковым чулкам и замшевым туфлям с пряжками, а ведьма Гелла так соблазнительно напевает москвичкам: «Герлэн, шанель номер пять, мицуко, нарсис нуар, вечерние платья, платья коктейль…» – Михаил Афанасьевич все это ценил больше, чем многие его современницы, воспитанные в идейном аскетизме 20-х!

Потом произошла уже вторая встреча. Теперь на вечере у Уборевичей и в присутствии супругов – Шиловского и Белозерской. Но ничто не могло помешать вспыхнувшему чувству.

«Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!» – писал Михаил Афанасьевич в «Мастере и Маргарите».
«Это была быстрая, необыкновенно быстрая, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь», – вспоминала Елена Сергеевна.

Они стали любовниками. Сначала пытались замаскировать отношения дружбой: Булгаков с женой бывал у Шиловских, а Елена Сергеевна с мужем – у Булгакова. Елена Сергеевна даже подружилась с Любовью Евгеньевной: их объединял вполне женский интерес к моде, они обменивались французскими журналами, которые в те времена было сложно достать. Елена Сергеевна с облегчением поняла, что Любовь Евгеньевна к мужу равнодушна и, пожалуй, легко его отпустит. А вот сама она даже помыслить не смела о том, чтобы уйти от Шиловского, потому что любил он ее безумно, надышаться не мог, в ней одной видел смысл и радость жизни.

Летом 1929 года она уехала отдыхать в Ессентуки. В разлуке ее любовь к Булгакову стала только сильнее. Позже она вспоминала: «Михаил Афанасьевич писал мне туда прекрасные письма, посылал лепестки красных роз; но я должна была уничтожать тогда все эти письма, я не могла их хранить. В одном из писем было сказано: „Я приготовил Вам подарок, достойный Вас…” Когда я вернулась в Москву, он протянул мне эту тетрадку…»

В тетрадке был черновик будущего «Театрального романа», посвященный «Тайному другу». То есть – ей, Елене.

И тогда она решилась уйти от мужа.

Елена Сергеевна призналась Шиловскому в том, что у нее тайная связь, что она любит другого. Евгений Александрович был в ярости, но… все простил ей и принялся уговаривать не рушить семью, оставить любовника: хотя бы ради детей. «Мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась…» – рассказывала потом Елена Сергеевна.

Она и правда пыталась разорвать с Михаилом Афанасьевичем: «Я не видела Булгакова… давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу. Но очевидно, все-таки это была судьба. Потому что когда я первый раз вышла на улицу, я встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: «Я не могу без тебя жить». И я ответила: «И я тоже».

Это была судьба. И никакой долг, никакие дети не могли уже удержать ее вдали от любимого.

Шиловский не собирался сдаваться. Он пригласил Булгакова для «приватного разговора», во время которого пытался уговорить Михаила Афанасьевича оставить в покое «чужую жену» и «пожалеть детей». Потом, не сдержав эмоций, схватился за револьвер. Булгаков остановил его: «Не будете же вы стрелять в безоружного?.. Дуэль – пожалуйста!» Но разумеется, дуэль в советские времена была невозможна… И хорошо: Шиловский умел стрелять, Булгаков – нет.

Видимо, Михаил Афанасьевич чувствовал неловкость в отношении Шиловского, потому что также пытался объяснить ему свои чувства к Елене Сергеевне и невозможность своего существования без нее. Лично встречаться он не стал, написал письмо. Сохранился лишь черновик, всего несколько строчек: «Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше».

Расставание Елены Сергеевны с Евгением Александровичем Шиловским было длительным и болезненным. «Делили» детей: старший, Женя, остался с отцом, а младшего, Сережу, Елена Сергеевна забрала с собой к Булгакову. Шиловский пытался отдать ей какие-то вещи, получше обеспечить ее быт в новом доме. Елена Сергеевна не хотела брать ничего, кроме колыбельки сына и сундука со своей одеждой и обувью.

М. Булгаков. 1914 год

3 сентября Шиловский написал родителям Елены Сергеевны в Ригу: «Когда вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой… Мы хорошо прожили целый ряд лет и были очень счастливы. Я бесконечно благодарен Люсе за то огромное счастье и радость жизни, которые она мне дала в свое время…»

Михаилу Афанасьевичу оказалось куда как проще расторгнуть брак с Любовью Евгеньевной, у которой в то время тоже был роман на стороне. Она с полным пониманием отнеслась к его страстному увлечению Еленой Сергеевной. И даже приветствовала соперницу в своем доме. Елена Сергеевна позже вспоминала:

«…Когда я пришла к ней и сказала, что мы с Мишей решили пожениться (я дружила с ней), она приняла это спокойно. Она давно знала о нашей близости. Она только сказала:

– Но я буду жить с вами!

И я ответила:

– Ну конечно, Любочка!

(Когда я написала об этом своим родителям в Ригу – они решили, что я помешалась.)

Но потом она стала говорить мне о Мише дурно:

– Ты не знаешь, на что идешь. Он жадный, скупой, он не любит детей.

И тогда я сказала:

– Нет, Любочка, боюсь, нам не придется жить вместе. Я слышать не могу, как ты говоришь о нем плохо. Ну какой Миша скупой?!.

И тогда решили купить Любе однокомнатную холостяцкую квартирку – тут же, через стену».

3 октября был расторгнут брак Булгакова с Любовью Евгеньевной, и 4-го заключен брак с Еленой Сергеевной. По словам Михаила Афанасьевича, они «обвенчались в ЗАГСе».

«Мы расписались, но я должна была еще жить у Шиловского – Любина квартирка еще не была готова, – рассказывала Елена Сергеевна, – ей некуда было переезжать. Булгаков очень мучился этим. Его пригласили тогда ленинградские театры, и мы уехали на две недели. Жили в «Астории»…»

Именно там, в «Астории», в первые месяцы супружеской жизни с Еленой Сергеевной Михаил Афанасьевич начал писать «Мастера и Маргариту».

Елена Сергеевна оказалась идеальной женой для Булгакова. Она сумела обеспечить ему комфортный быт, и в их квартире всегда было красиво и уютно, стол поражал роскошью и изобилием, и Михаил Афанасьевич с удовольствием демонстрировал свое старорежимное хлебосольство, принимая в гостях всю литературную и театральную богему Москвы.

В 1934 году Булгаковы переехали в Дом писателей в Нащокинском переулке, в хорошую большую квартиру. Дзидра Тубельская вспоминала: «Жили Булгаковы на верхнем этаже писательского дома. Входная дверь открывалась в переднюю, сплошь уставленную книжными полками. Далее главная комната – гостиная. Стены ее были оклеены синими обоями. Мебель красного дерева, на потолке хрустальная люстра. В центре комнаты, под люстрой, круглый стол, раздвигавшийся, когда приходили гости. В углу – рояль. Из этой комнаты две двери, направо и налево, вели в кабинет Михаила Афанасьевича и в

комнату Сережи, младшего брата Жени».

При всем при этом Булгаковым почти всегда не хватало денег: Михаил Афанасьевич просто не умел экономить да и зарабатывал не всегда достаточно для удовлетворения своих же собственных запросов. Но Елена Сергеевна искусно вела любовную лодку мимо хозяйственных мелей.

И она по-прежнему старательно следила за своей внешностью, посещала парикмахера, косметичку и маникюршу, восхищала всех изысканностью своих туалетов, а обувь шила на заказ у известного всей столице Барковского. Дзидра Тубельская, посещавшая дом Булгаковых в 1938 году, была потрясена, когда Елена Сергеевна однажды «открыла в кабинете Михаила Афанасьевича свой секретерчик и продемонстрировала мне свои любимые духи. Я таких больших флаконов в жизни не видела! Ее любимыми духами были «Мицуки» фирмы Герлен. Она также под настроение предпочитала «Шанель № 5». Эти духи тоже имелись в огромном флаконе…» Так что Елена Сергеевна все годы брака оставалась все той же соблазнительной и блистательной женщиной, в которую когда-то влюбился Михаил Афанасьевич.

С любимой женой. Москва. Середина 30-х годов

Искусствовед Виталий Яковлевич Виленкин, часто бывавший у Булгаковых, вспоминал: «Обаяние личности Елены Сергеевны было настолько сильным, что не поддаться ему было действительно трудно даже самому замкнутому человеку. Я

никогда не встречал подобного соединения бескомпромиссно правдивой прямоты с такой душевной чуткостью. Сколько раз ее трудная судьба переходила в трагедию… и каким только чудом возрождалась ее способность так заразительно радоваться жизни, верить в людей и привлекать их к себе своей добротой, своим острым, живым умом, своей победительной, казалось, неподвластной времени женственной грацией!»

Елена Сергеевна была прекрасной хозяйкой и восхитительной любовницей для своего мужа, однако понимала, что главным для Михаила Афанасьевича все же остается его творчество. Елена Сергеевна сознавала и ценила гений Булгакова и старалась максимально облегчить для него творческий процесс, устраняя все, что мешает, то есть – вела за него переписку, отвечала на телефонные звонки, вникала в тонкости договоров и следила за своевременной выплатой гонораров. Она перепечатывала набело его рукописи перед отправкой в редакцию и помогала вносить правки.

И Михаил Афанасьевич понимал, какое сокровище он заполучил в жены в третий раз – тот, который от дьявола! – и даже через многие годы брака при расставании писал Елене Сергеевне страстные любовные письма: «Божество мое, мое счастье, моя радость. Я люблю тебя! И если мне суждено будет еще жить, я буду любить тебя всю мою жизнь. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Ты любила мои вещи, я писал их для тебя… Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, моя жизнь, жена моя!»

Ему с ней было легко и комфортно жить. А вот ей временами приходилось трудно.

Елена Сергеевна постоянно чувствовала свою вину перед сыновьями. Особенно перед старшим, Женей, который часто гостил у них с Михаилом Афанасьевичем, но продолжал переживать «измену» матери.

С младшим было проще, он почти не помнил своей прежней семьи, и отношения с отчимом у него сложились прекрасные. Елена Сергеевна вспоминала: «Михаил Афанасьевич страшно любил Сережу. Редкий родной отец так любит. Он очень много проводил с ним времени. Он воспитывал в нем смелость, находчивость… Входил в комнату со словами: “Нет, Сергей, ты Немезида!” А тот отвечал: “Ну, это мы еще увидим, кто здесь Мизида, а кто не Мизида!” Михаил Афанасьевич хохотал, был очень доволен».

Но вот Женя… Его укоризненный взгляд…

«Когда мы сидели вчетвером за столом – я, Михаил Афанасьевич и мои сыновья, – рассказывала Елена Сергеевна

Мариэтте Чудаковой, – и я была, конечно, самой счастливой женщиной на свете, – каждый из них спрашивал меня на ухо: “Кого ты больше всех любишь?” (все они были страшно ревнивы!), – и я каждому говорила шепотом – “Тебя!”»

Михаил и Елена Булгаковы. Киев. 1934 год

Но в общем они были счастливы. Они всегда были счастливы. Все те недолгие восемь лет, которые им отвела судьба для супружества.

«Он ее веселил. Это продолжалось всю жизнь – Михаил Афанасьевич писал ей уморительные записочки, рисовал

карикатуры, вырезал из газет фотографии, переклеивал их и комбинировал со смешными комментариями, – рассказывал Сергей Шиловский, внук Елены Сергеевны. – Он замечательно рассказывал анекдоты и умел быть душой компании – к ним постоянно приходили гости. Сначала был стол-фуршет, затем Булгакова просили почитать. И все сидели полночи, слушая то, что он сегодня написал…»

Да, случались тяжелые периоды, когда Булгакова не печатали и его пьесы не ставили. Но он не был репрессирован, а это для литератора такого масштаба, к тому же никогда не писавшего на востребованные советской властью темы, можно считать настоящей удачей или чудом. Многие гадали, почему Булгакова не тронули. Высказывали самые разные предположения, вплоть до совершенно безумных… Скорее всего, Михаилу Афанасьевичу просто повезло. Или добраться до него не успели.

В 1939 году Булгаков заболел. Будучи врачом, Михаил Афанасьевич сразу сам поставил себе диагноз – тот же, что был у его отца – злокачественный нефросклероз.

«Имей в виду, я буду очень тяжело умирать, – дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках», – сказал он жене. И она исполнила его просьбу. Хотя пришлось ей неимоверно трудно: сначала Михаил Афанасьевич ослеп, потом начались провалы в памяти и страшные боли, от которых он кричал и терял сознание, а приходя в себя – просил, чтобы она «взяла у Евгения револьвер», имея в виду Шиловского и вспоминая тот самый револьвер, из которого Евгений Александрович когда-то чуть не застрелил его, Булгакова… Мечтая теперь покончить с собой выстрелом из этого револьвера. А Елена Сергеевна несмотря ни на что надеялась на его выздоровление. Надеялась, что они еще побудут вместе.

Ольга Бокшанская посетила сестру и зятя в конце декабря 1939 года и в письме к матери так рисовала обстановку дома: «… Мака-то ничего, держится оживленно, но Люся страшно изменилась: хоть и хорошенькая, в подтянутом виде, но в глазах такой трепет, такая грусть и столько выражается внутреннего напряжения, что на нее страшно смотреть. Бедняжка, конечно, когда приходят навещать Маку, он оживляется, но самые его черные минуты она одна переносит, и все его мрачные предчувствия она выслушивает, и, выслушав, все время находится в напряженнейшем желании бороться за его жизнь. «Я его не отдам, – говорит она, – я его вырву для жизни». Она любит его так сильно, что это не похоже на обычное понятие любви между супругами, прожившими уже не мало годов вместе…»

Когда Михаил Афанасьевич уже не мог писать, Елена

Сергеевна вела дневник за него.

4 марта 1940 года она записала последние слова мужа: «Я хотел служить народу… Я хотел жить в своем углу… Я никому не делал зла…»

9 марта у больного началась агония. «Он дал мне понять, что ему что-то нужно, что он чего-то хочет от меня, – вспоминала Елена Сергеевна. – Я предлагала ему лекарство, питье – лимонный сок, но поняла ясно, что не в этом дело. Тогда я догадалась и спросила: «Твои вещи?» Он кивнул с таким видом, что и «да» и «нет». Я сказала: «Мастер и Маргарита»? Он, страшно обрадованный, сделал мне знак головой, что «да, это». И выдавил из себя два слова: «Чтобы знали, чтобы знали».

Михаил Афанасьевич Булгаков скончался 10 марта в 16 часов 39 минут. «Когда он уже умер, – рассказывала Елена Сергеевна, – глаза его вдруг широко открылись – и свет, свет лился из них. Он смотрел прямо и вверх перед собой – и видел, видел что-то, я уверена (и все, кто был здесь, подтверждали потом это). Это было прекрасно».

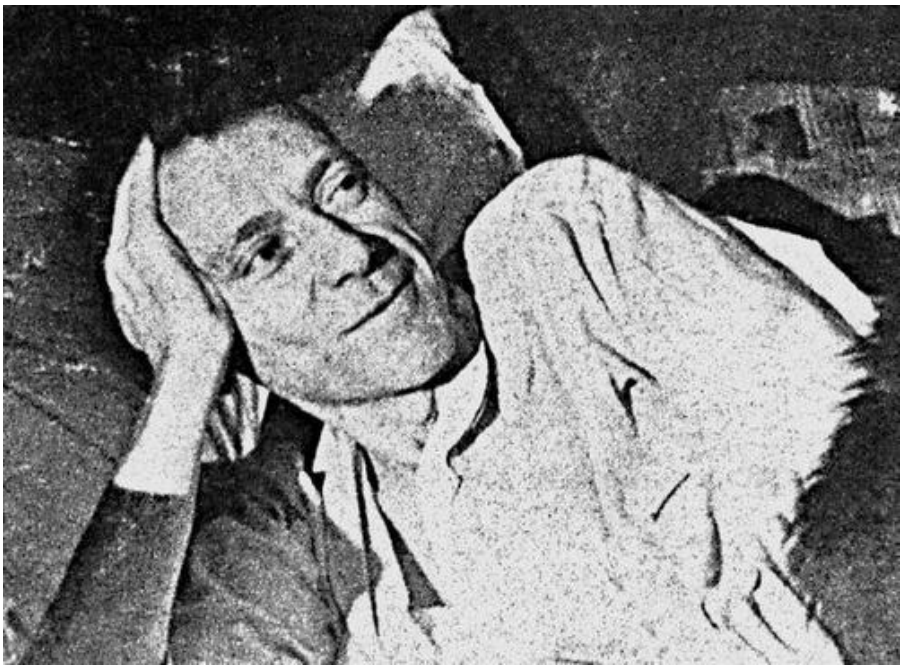
Елена Сергеевна. 1936 год

Спустя 20 лет в очередную годовщину смерти мужа Елена Сергеевна писала его брату Николаю Афанасьевичу Булгакову: «Он умирал так же мужественно, как и жил… не всякий выбрал бы такой путь. Он мог бы, со своим невероятным талантом, жить абсолютно легкой жизнью, заслужить общее признание. Пользоваться всеми благами жизни. Но он был настоящий

художник – правдивый, честный. Писать он мог только о том, что знал, во что верил. Уважение к нему всех знавших его или хотя бы только его творчество – безмерно. Для многих он был совестью. Утрата его для каждого, кто соприкасался с ним, – невозвратима».

Елена Сергеевна добилась, чтобы Михаила Афанасьевича похоронили на престижном Новодевичьем кладбище. На похороны собралась целая толпа.

Пришел даже бывший муж Елены Сергеевны – Шиловский. Он вторым браком был женат на Марьяне Алексеевне Толстой, дочери писателя Алексея Николаевича Толстого, и вполне благополучен. Особых причин приходить на похороны Булгакова не было. Разве что отдать дань уважения покойному и примириться с ним – хотя бы сейчас.



Одна из последних фотографий писателя

…Когда Елена Алексеевна пошла в камнетесную мастерскую выбирать надгробье, ее взгляд привлек простой тяжелый валун. Его перевернули – и оказалось, что с другой стороны на нем высечено имя Николая Васильевича Гоголя: это был камень, который когда-то поставили над его могилой на кладбище Даниловского монастыря! Кладбище было уничтожено, а прах Гоголя перенесен на Новодевичье, только надгробие ему поставили уже другое – пышное, помпезное. А этот скромный камень отправили на переработку… Булгаков боготворил Гоголя,

считал себя его учеником и литературным преемником. Елена Сергеевна выбрала бывшее надгробие Гоголя – в качестве памятника на могиле мужа. Она регулярно приходила на кладбище и всегда сажала ярко-красные бегонии вокруг камня.

«Несмотря на все, несмотря на то что бывали моменты черные, совершенно страшные, не тоски, а ужаса перед неудавшейся литературной жизнью, если вы мне скажете, что у нас, у меня была трагическая жизнь, я вам отвечу: нет! Ни одной секунды. Это была самая светлая жизнь, какую только можно себе выбрать, самая счастливая. Счастливее женщины, какой я тогда была, не было», – говорила Елена Сергеевна.

Она все еще была красивой женщиной, и за ней многие ухаживали, ей предлагали замужество, но Елена Сергеевна сохранила верность Булгакову. Оставшуюся жизнь она посвятила ему, сохранению его архива и публикации его произведений: «Я делаю все, что только в моих силах, для того чтобы не ушла ни одна строчка, написанная им, чтобы не осталась неизвестной его необыкновенная личность. Это – цель, смысл моей жизни. Я обещала ему многое перед смертью, и я верю, что я выполню все».

Елене Сергеевне пришлось пережить старшего сына: Евгений Евгеньевич Шиловский, прошедший войну и неоднократно раненный, скончался в 1957 году, не дожив до 36 лет. Умер на руках у матери. А она продолжала жить – в надежде увидеть когда-нибудь «Мастера и Маргариту» опубликованным. Книгу решились напечатать только в 1966 году. Гранки Елена Сергеевна правила будучи больна, с высокой температурой. Правила по памяти: роман мужа она знала наизусть.

На жизнь она зарабатывала машинописью и переводами. До последних дней с удовольствием принимала у себя гостей, особенно тех, кто хотел узнать что-то о жизни Булгакова. Про Михаила Афанасьевича она могла говорить бесконечно. А еще она верила, что ее связь с мужем не прекратилась после его смерти. Внук Сергей Шиловский вспоминал: «…В то, что у нее есть прямой контакт с покойным Михаилом Афанасьевичем, она верила свято. По вечерам Елена Сергеевна рассказывала ему о том, что сделала за день, какие были новости, чего она ждет от будущего. Спрашивала у него советов – и считала, что получает ответы. Самое удивительное то, что они часто сбывались…»

Елена Сергеевна умерла 18 июля 1970 года. Ее похоронили в могилу к мужу.

…Все жены Булгакова и некоторые его любовницы претендуют на звание его музы. Но в вечность с ним шагнула только Елена Сергеевна. Не потому, что она была последней, но потому, что оказалась самой верной. Не Булгакову, как человеку,

а тому, что было в нем сверхчеловеческим и по-настоящему важным – его гению, его творчеству. Его великому роману.

«Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я…»